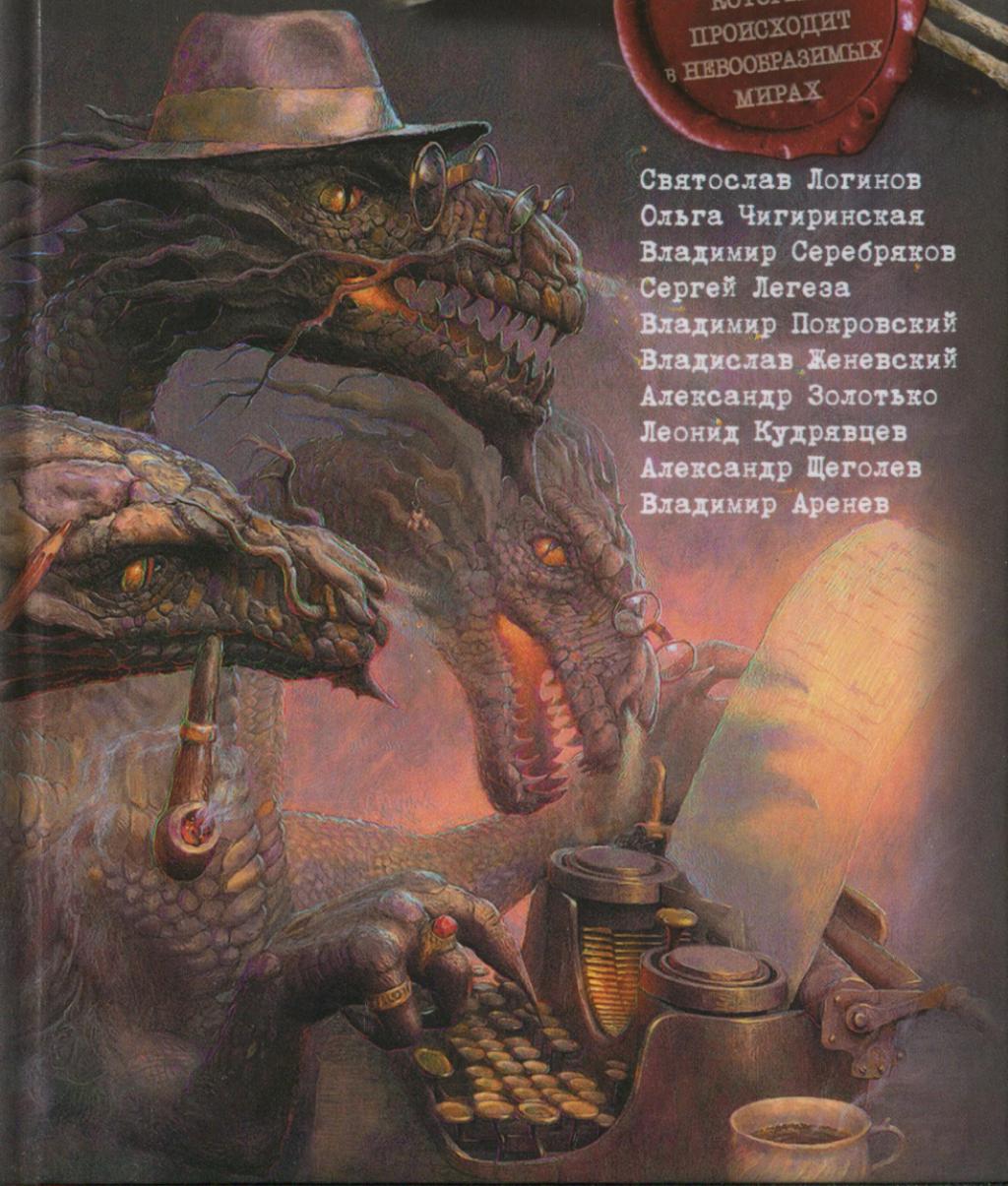

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ 2014

ДЕСЯТЬ
ГОЛОВОЛОМОК,
ДЕЙСТВИЕ
КОТОРЫХ
ПРОИСХОДИТ
В НЕВООБРАЗИМЫХ
МИРАХ

Святослав Логинов
Ольга Чигиринская
Владимир Серебряков
Сергей Легеза
Владимир Покровский
Владислав Женевский
Александр Золотко
Леонид Кудрявцев
Александр Щеголев
Владимир Аренев

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ 2014

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Ф22

Дизайн обложки: Юлия Межова

В оформлении обложки использована иллюстрация Андрея Фереза

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Ф22 Фантастический детектив – 2014: Сборник рассказов – Москва: АСТ, 2014.– 538, [2] с.

ISBN 978-5-17-083628-4

Настоящий детектив отвечает хотя бы на один из трех вопросов: «Кто? Как? Зачем?» И не важно, где и когда происходит действие: в паропанковской Британии, в современной России, которой правят вампиры, или во Франции XIX века. Будь ты хоть галактический полицейский, хоть германский ландскнехт – пока не отыщешь ответы на эти «вечные вопросы», преступника тебе не найти.

Десять увлекательных историй от лучших фантастов нескольких поколений. Десять головоломок, действие которых происходит в невообразимых мирах. Только новые рассказы, написанные специально для этого сборника. Вперёд, читатель! Игра начинается!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

Подписано в печать 28.01.14.

Формат 84 x 108 1/32 Усл. печ. л. 28,56
Тираж 2000. Заказ №335.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 – книги, брошюры

© Авторы, текст, 2014

© Владимир Аренев, Николай Кудрявцев, составление, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

От составителей

Мы – счастливые читатели, нам повезло. Наше детство немыслимо без томов Агаты Кристи и Рэя Брэдбери, сэра Артура Конан Дойла и братьев Стругацких. Мы были инфицированы двумя вирусами: страстью к фантастике и любовью к детективу. И это было здорово!

Сейчас на книжных полках можно найти сборники и антологии на любой вкус. Зомби, вампиры, драконы, оборотни... но все-таки нам – вот лично нам! – часто не хватает в таких книгах некой осмысленности и цельности. И да, конечно, ряда тем, которые нынешние составители почему-то обходят.

Ну что ж, есть простое правило: если тебе не хватает какой-то книги, напиши ее. Мы же решили пойти по более легкому пути и подбили на это дело других.

Этим сборником мы попытались показать читателю, каким он может быть – фантастический детектив. Под одной обложкой удалось собрать авторов разных поколений. Одни отдают предпочтение твердой НФ, другие – историческому фэнтези, третья любят экспериментировать с жанрами... Но есть нечто, объединяющее всех этих писателей: в первую очередь – следование классической детективной формуле. В каждом произведении совершено преступление, которое следует раскрыть, а для этого необходимо ответить на три простых вопроса: «Кто? Как? Зачем?» И фантастическое в каждом из рассказов играет ключевую роль, а не выступает просто фоном.

Десять историй, десять головоломок, которые тебе, читатель, предстоит разгадать. Десять миров, совершенно не похожих друг на друга.

Вперед, читатель! Игра начинается!..

Святослав Логинов родился в 1951 году в г. Ворошилове (Усугрийск Приморский), но с раннего детства и по сей день живет в Ленинграде/Петербурге. Окончил химический факультет ЛГУ, сменил много работ и специальностей. Первая публикация состоялась в 1975 году (рассказ «По грибы» в журнале «Уральский следопыт»), но первая книга – сборник «Быль о сказочном звере» – вышла только пятнадцать лет спустя. Одна из главных черт Логинова-писателя – нежелание повторяться, поэтому он экспериментировал с фэнтези (повесть «Страж Перевала», романы «Многогрукий бог дацайна», «Земные пути»), исторической прозой, выстроенной на единственном фантастическом допущении («Калодезь»), космооперой («Картежник», «Имперские ведьмы»). Роман «Свет в окошке» посвящен загробной жизни, а «Дорогой широкой» – история путешествия из Петербурга в Москву на асфальтовом катке. Особняком стоит дилогия «фэнтези каменного века» «Черная кровь» (в соавторстве с Ником Перумовым) и «Черный смерч». Святослав Логинов – лауреат премий «Великое Кольцо», «Интерпресскон» (трижды), «Странник», «Русская фантастика» и других престижных наград.

Писателю принадлежат десятки повестей, рассказов и эссе, столь же разнообразных, как и его романы. Но, как ни странно, детективов он никогда раньше не писал. «Я никогда ими не увлекался, хотя и прочел за свою жизнь пяток детективных повестей, – признается Логинов. – И уж тем более, не собирался детективы писать. О стимпанке впервые услышал от составителя сборника, который кратенько объяснил, что означает этот термин. Тем интереснее было придумывать законы неведомого жанра. А что получилось в результате, судить не мне, а читателю».

Святослав Логинов

Кто убил Джоану Бекер?

— Поезд отправляется! — Рука в белой перчатке ухватила витой шнур, готовясь ударить в колокол, но негромкий голос предупредил удар:

— Сэр, всего одну минуту! Не знаю, что случилось, но мой хозяин задерживается, а он никак не должен опоздать.

— Это поезд, а не дилижанс! — Начальник станции был непреклонен.— Мы не можем задерживать отправление ни на полминуты.

Тем не менее удар колокола не прозвучал. Начальник станции скосил глаза на привязчивого пассажира. Тот стоял, угодливо изогнув стан, держа в руках шляпную коробку. И все же вид просителяезнодорожному повелителю не понравился. Конечно, в последнее время джентльмены, отслужившие в заморских колониях, частенько привозили туземных слуг, но чтобы чернокожий так просто разгуливал по улицам и давал указания начальнику железнодорожного узла во время исполнения им своих обязанностей?! — это уже слишком!

Рука в белой перчатке рванула витой шнур, но почему-то удара не получилось.

— Пара секунд! — вскричал черномазый, прижимая к груди шляпную коробку.— Я понимаю, джентльмен не должен опаздывать, но в этом проклятом телепорте что-то заело, он выпустил на платформу только меня, а хозяин с носильщиком где-то застряли.

— Проклятье! — вскричал начальник станции, тщетно пытаясь совладать с непослушной рукой.— Если пассажир не хочет опоздать, он должен пользоваться не телепортом, а более современным видом транспорта! Могли бы взять кэб.

— Кэб? Из Америки?.. Помилуйте!

Так он еще и американец!

Начальник станции ухватил правой рукой непокорную левую и, что есть силы, затряс. Колокол, наконец, отозвался, но не гулким, исполненным достоинства звуком, возвещающим торжество расписания, а частыми тревожными ударами, словно в станционное здание проникли бомбисты, или там начался пожар. Паровозный машинист, услыхав тревогу, немедля дал свисток и дернул состав, намереваясь увести поезд от неведомой опасности. Тяжелые, блестящие машинным маслом шатуны дрогнули, проворачивая огромные колеса, но на этот раз немочная болезнь коснулась уже не начальственной дланi, но могучей машины, лишь недавно выпущенной на линию. Колесо повернулось с визгом, словно самая рельса тоже была щедро полита маслом.

Машинист высунулся из кабины, глядя на буксующие колеса, станционный рабочий — стрелочник или сцепщик — с ведром кинулся к пожарному ящику с песком, и в этот момент с громким чмоканьем сработал допотопный телепорт, и на платформе объявился опоздавший пассажир со всем своим багажом.

Чернокожий мог бы не сообщать, что его патрон прибыл из Америки, это и так бросалось в глаза. На любой карикатуре янки изображаются именно такими. Тощий и длинноногий, в нелепом цилиндре, который тщился быть модней модных, но вызывал лишь усмешки, в кургузом сюртучке и полосатых штанах. И, конечно же, физиономию пассажира украшала козлиная бородка, без

которой не бывает дяди Сэма. В руке заокеанский дядюшка сжимал тяжелую трость с набалдашником, которой энергично и опасно размахивал.

Зато к какому племени принадлежит второй слуга заморского дядюшки, не сказал бы и опытный антрополог. Роста он был такого, что приличен только пигмеям и карликам, зато в плечах раздался на удивление, представляя собой подобие квадрата. Рыжая шевелюра и обширнейшая борода того же ирландского цвета указывали на принадлежность носильщика к белой расе, хотя черты лица и самый его цвет были надежно скрыты все той же бородой. Если в руках у хозяина не было ничего, кроме трости, то рыжебородый оказался нагружен сверх всякого разумения. Ни один из носильщиков, промышлявших на платформах, не мог бы ответить, как двумя руками ухватить враз четыре саквояжа. А у коренастого на плече громоздился еще и сундук. Такие сундуки были на памяти у наших прабабушек, но и тогда никто их в путешествие уже не брал, стояли они в домах, как артефакты былых времен. Судя по всему, это чудо столярной мысли покинуло Британию на судне «Мэйфлауэр» и теперь вернулось к родным пенатам, воспользовавшись дряхлым телепортом.

— Посадка закончена! — закричал кондуктор, увидав колоритную троицу, но его, не заметив, отодвинули в сторону, и сундук первым загрузился в вагон. Затем последовали саквояжи и их коренастый носильщик. Последним в вагон запрыгнул чернокожий шляповладелец. На прощание он кокетливо помахал ручкой начальнику станции, и в ту же секунду, не дожидаясь, пока под буксующие колеса будет досыпан песок, поезд тронулся.

— Черт подери! — Начальник станции был в бешенстве.— В конце концов, мы живем в цивилизованном обществе! Давно пора запретить черномазым появляться

в общественных местах! — Помолчал и добавил: — И суфражисткам тоже.— Еще помолчал, пережидая поднятие желчи, и произнес уже с некоторой долей иронии: — Надеюсь, в Эдинбурге есть зоопарк, и все трое благополучно туда попадут.

До Эдинбурга странные путешественники не доехали, высадившись на полдороге в небольшом городке Дарлингтоне, куда поезд домчал на всех парах. Домой всегда едется быстро, а именно в Дарлингтоне отчий дом английских паровозов, поскольку там самый большой в Старом Свете паровозостроительный завод.

Высадились путешественники безо всяких приключений, строго по расписанию, и руку ни у кого не свело, и колокол прозвучал минута в минуту.

Приехавших встречали. Возле станционного здания ожидала коляска, вислоусый конюх дремал на козлах, лошадка меланхолично похрустывала насыпанным в торбу антрацитом.

Американец с полу взгляда выделил нужный экипаж среди десятка других ожидающих на площади. Он вскочил на подножку и, приложив два пальца к полям цилиндра, отрекомендовался:

- Мое имя Сэмюэль Трауб.
- Джон Хок, к вашим услугам.

С козел Джон Хок не встал и, вопреки обещанию, никаких услуг не предоставил. Впрочем, чернокожий с рыжебородым справились и без него.

Великая вещь — традиции, и в этом плане английские обыватели впереди планеты всей. Казалось бы, новейший экипаж на рессорном ходу и с каучуковыми шинами, способный плавно прокатить по самой тря-

ской дороге, не чета древним колымагам, но багажный ящик под задком новой машины в точности повторяет такие же ящики старых карет, у которых даже колеса не могли поворачивать, будучи насаженными на единую ось. В давние времена путешествующие господа возили багаж в сундуках, и, хотя эпоха сундуков давно минула, современный экипаж готов вместить в свое нутро такой же сундук, с каким ездили знатные предки.

Сундук встал на предназначеное тысячелетней традицией место, саквояжи были рассованы куда попало. Американец уселся в экипаж, черномазый слуга, к ужасу и удивлению зевак, без тени смущения развалился рядом с господином, рыжебородый устроился на задке, свесив вниз кривые ноги.

Возница взмахнул кнутом и дернул вожжи, регулирующие положение заслонки в конской топке. Дым, прежде едва курившийся, повалил клубами из лошадиных ушей, в ноздрях заклубился пар, звонкое «И-го-го-о!» пробудило окрестности, мальчишки на площади засвистели и замахали руками, экипаж тронулся.

Лошадка весело бежала по гаревой дорожке. Пламя ровно гудело в утробе, вода кипела в котле, пар работал на все сорок два процента, обещанных циклом Карно, из под лошадиного хвоста тонкой струйкой сыпалась зола. По сторонам проплывали классические пейзажи средней Англии: слева гряда меловых холмов, справа — зеленеющие пустоши, те самые, некогда огороженные, на которых овцы съели людей. Теперь история повторялась: новозеландские овцы съели английских, и пустоши действительно стали пустошами.

— Где торфяные болота? — шепотом спросил чернокожий.
— Их здесь нет, — таюже шепотом ответил Сэмюэль Трауб.— Они на юге, в Девоншире, а мы направляемся на север.
— Жаль.

— Почему?

— Убийца — наш кучер. Тело он вывез на своем экипаже и утопил в болоте. Но раз тут нет болот, то я даже не знаю, где искать тело.

— Найдем... — меланхолически промурлыкал Трауб и уже громко, обращаясь к вознице, спросил: — Хвост зачем?

— Какой хвост?

— У лошади. Мухи ее не кусают, обмахиваться не нужно, так зачем хвост?

— Какая же лошадь без хвоста? — удивился Джон Хок. — Хвост нужен, иначе это не лошадь будет, а недоразумение.

— Фильтр это, — откликнулся с задника рыжебородый. — Если бы не хвост, нас бы уже с ног до головы гарью присыпало.

— Говорят, — подал голос чернокожий, — вам велено под хвостом у кобылы мешок подвязывать, чтобы ничего на дорогу не валялось. Одна торба для зерна, вторая для говна.

— Это в Лондоне, там экипажей много. Если за ними не убирать, так уже до второго этажа все гарью засыпало бы. А тут, когда дорогу ровняют, так специально гарь привозят и подсыпают.

— Мудрено... — вздохнул рыжий.

— Наука, — согласился возница.

За очередным поворотом путешественники увидели парк, огороженный ажурной кованой решеткой, а за деревьями — крышу старинного дома. Экипаж с шиком подкатил к воротам, Джон Хок ударил в чугунную доску. По ту сторону сдвинутых створок появился еще один англичанин — пешая копия Джона Хока, ворота распахнулись, каучуковые шины прошуршили по садовым тропинкам, экипаж остановился у самых ступеней, ведущих в дом. Только теперь Джон Хок оторвал задницу от козел и с некоторой торжественностью произнес:

— Добро пожаловать в Баскет-Холл.

* * *

— Основатель рода, Джеймс Баскет, получил титул за то, что предложил шары для крокета, которые прежде носили в руках, складывать в корзину. С тех пор прошло шестьсот лет, но человечество не изобрело ничего более практичного, нежели корзина сэра Джеймса.

Миссис Баскет еще долго могла бы повествовать о славном прошлом рода, но Сэмюэль Трауб с американской бесцеремонностью прервал излияния вдовы.

— Давайте перейдем к делу. В разделе бесплатных объявлений я нашел информацию, что вы хотели бы превратить Баскет-Холл в туристический центр.

— Это было так давно. Я уже бросила надеяться.

— С бесплатными объявлениями так и бывает. Пока они попадутся на глаза нужному человеку, порой проходит немало времени. Но рано или поздно нужный человек находит нужное объявление. Мы, наша газета, могли бы пойти вам навстречу, организовав рекламную кампанию. С этой целью я сюда и приехал. Я и мои сотрудники соберем всю информацию, и в нашей газете появится серия статей о замке и его окрестностях, после чего следует ожидать наплыва посетителей. Уже десять тысяч туристов в год изменят облик поселка и обеспечат ваше благосостояние.

— О, конечно! — восхищенно прошептала миссис Баскет.

— Но теперь подумаем, что может привлечь такое количество людей? В качестве курорта Баскетвиль не выдержит конкуренции с такими всемирно прославленными центрами, как Ялта или Сухуми. Ваши скалы не живописны, море холодно и неприветливо, пустоши скучны.

— На пустошах водятся лисы, — вставила миссис Баскет.

— Да, конечно, охота на лис, мы не обойдем ее стороной. Исконное развлечение английских лордов... Но это — один месяц в году, да и не всем такое времяпрепровождение по нраву. Это, как говорят рестораторы, дополнительный гарнир. Основное блюдо должно привлекать всех. Это ваш козырь, залог нашего взаимного успеха. Прошу прощения, я только что закончил работать над циклом очерков о мексиканских ресторанах и еще не избавился от терминологии. Кстати, число посетителей в мексиканских ресторанах после публикации моих статей возросло в пять раз. Но именно к основному блюду вы относитесь с полным пренебрежением! Вы совершенно не преподносите посетителям замок и его особенности.

— Разумеется, можно будет проводить экскурсии...

— Оставьте, кого сейчас это интересует? Вся Франция заставлена старинными замками, не говоря уже о Германии. Ваш замок по сравнению с ними кажется обычной усадьбой средней руки, в какой обитать не лордам, а джентри. Но у вас есть то, чего нет ни в одном замке на континенте. Привидение! Настоящее стопроцентное привидение! Кстати, почему я не вижу его здесь?

— Но это же призрак! — воскликнула миссис Баскет.— Призрак не появляется днем, разве что в редчайших случаях.

— Хорошо, пусть ночью. Но в котором часу, где? Мы не можем обмануть клиентов, обещав им настоящее привидение и не показав. В наш век угля и пара все должно быть регламентировано. Как зовут вашего призрака?

— Дама Роз.

— Роз — это имя или кличка?

— У благородных дам не бывает кличек! Дамой Роз ее прозвали потому, что в руках она всегда держит букет роз.

— Какие розы? Красные, белые, чайные...

— Это призрачные розы, их цвет определить невозможно.

— Шикарно! Так и запишем: букет бледных роз. Читателю должно понравиться. Видите ли, современная реклама не должна быть навязчивой, наша целевая аудитория такова, что, если она заподозрит, что ее собираются окучивать, результат будет самый огорчительный.

На миссис Баскет было жалко смотреть.

— Я, наверное, чего-то недопоняла. Вы собираетесь заниматься огородничеством?

— Ни в коем случае! Здесь это было бы нерентабельно. Я собираюсь написать цикл статей для «Манчестер экспресс». Никакой рекламы, но, если людей заинтересовать, от приезжих отбоя не будет. В дело пойдет все: древние предания, пейзажи, местная кухня, новейшая хроника. Наверняка у вас существует легенда, посвященная Даме Роз. Не могли бы вы хотя бы вкратце ознакомить меня с ней?..

— Я не мастерица рассказывать сказки. Может быть, вам было бы лучше прочесть все самому. В доме нет специального библиотекаря, но дворецкий, Джон Бакт, несомненно, отыщет любую книгу или рукопись, которую вы попросите. Джон живет в Баскет-Холле, можно сказать, всю жизнь. Его мать служила здесь горничной, так что он и родился в этих стенах.

— Пожалуй, я так и поступлю. А раз уж речь зашла о горничных, то, может быть, вы расскажете, что за странное происшествие случилось с вашей прислугой?

Миссис Баскет досадливо поморщилась.

— Мне кажется, эта история недостойна обсуждения. Поначалу Джоана показалась мне приличной девушкой, и я взяла ее на работу. Но то, как она покинула Баскет-Холл... порядочные девушки так не поступают.

— Вся округа только и говорит о таинственном исчезновении Джоаны Бекер. Я не был бы репортером, если

бы прошел мимо этих слухов, но хотелось бы услышать подробности из первых уст. Представляете, как можно подать этот материал? История романтической любви, свидание, которое прелестная девушка назначает в галерее призраков, или где там является ваша дама... Роковая страсть, разбитое сердце – из этого получится столь поэтичное рагу, что сентиментальные дамы устроят настоящее паломничество в ваш дом. Но мне нужны отправные точки. В кого могла влюбиться юная Джоана или что иное могло подвигнуть ее на внезапное бегство?

— Если кого-нибудь интересует мое мнение,— поджав губы, произнесла миссис Баскет,— то я не стала бы говорить о несчастной любви. Разврат — это сколько угодно. Ножовщик — вам знакомо это слово? За два дня до исчезновения в замок приходил ножовщик. Обычно Джон сам точит ножи, хотя дворецкому и не полагается это делать, но тут эта вертихвостка похватала все ножи, что нашлись на кухне, и помчалась якобы точить их. Мне тогда пришлось заплатить три шиллинга. О чем уж эта парочка сговаривалась, не могу сказать, но через два дня девица исчезла, не поставив никого в известность и не взяв расчета. Я, конечно, сообщила в полицию, это мой долг, и я его исполнила, но уверена, если проверить бродячих мастеровых, Джоана отыщется очень быстро.

— Великолепно! — восхитился Сэмюэль Трауб.— Я неизменно использую ваш материал в третьем из очерков. Ножовщика все считают цыганом, но на самом деле — он испанский гранд, благородный гидальго, сраженный красотой юной Джоаны...

— Не такая уж она красавица,— вставила миссис Баскет.

— Оставьте, кого интересует скучная проза? Главное — привлечь клиентов, а для этого я готов красавицу выставить жабой, а жабу превратить в красавицу. Не читали подобных сказок? В них явно чувствуется рука газетного

репортера. Итак, прекрасная Джоана приходит на свидание, и тут является призрак, весь в клубах пара... нутам что-нибудь придумаю, чтобы читательницы рыдали в голос. Время есть, третий очерк обещан читателям через неделю.

— Вы успеете к сроку?

— Я был бы плохим репортером, если бы задерживал материалы.

— Я хотела сказать, что, хотя мы и живем в провинции, веяния прогресса нам не чужды. В замке имеется пневматическая почта, которой вы можете пользоваться. Меньше чем за двое суток цилиндр с вашим посланием доберется хоть до Америки, хоть до Китая.

— У пневмопочты есть свои недостатки. Случается, цилиндр истирается в трубе, и вложенная в него корреспонденция погибает. К тому же не во всех странах достаточно ответственно относятся к пересылке почты. Особенно отвратительно обстоят дела в Турции. Давление сжатого воздуха на турецких участках пневмосистемы всегда меньше установленного, в результате чего зарубежная корреспонденция попадает не к адресату, а в Стамбул. А оттуда если что и возвращают, то непременно вскрытым и с большим опозданием. Когда-нибудь положение будет исправлено, но боюсь, ждать этого прекрасного времени еще очень долго.

— Я не знала,— потрясенно прошептала миссис Баскет.

— Конечно, вы живете в Британии, на родине культуры и прогресса, но остальной мир еще очень дик. Поэтому мы в Америке поневоле являемся консерваторами. Я привез с собой беспроволочный телеграф. Вещь старая, но надежная, как прабабушкин утюг.

— Постойте, но ведь ваше послание может перехватить и прочесть кто-то посторонний!

— Пусть перехватывает, прочесть он ничего не сможет. Мой аппарат автоматически шифрует текст, при-

чем код меняется ежедневно, так что расшифровать его совершенно невозможно. Лучшим специалистом по шифрам в Северо-Американских Штатах был Аб Слени. Возможно, вы слышали это имя, он был не только замечательным криптологом, но и самым опасным бандитом в Чикаго. Его изловили и приговорили к электрическому стулу, но обещали помилование, если он в течение месяца сумеет прочесть хотя бы одно из моих сообщений.

— И что же?

— Он не смог прочитать ни строчки и спустя месяц был электрифицирован. Его последние слова были: «Проклятый шифр! Лучше гореть в аду, чем разгадывать его!»

— Какой ужас — смерть от электричества!

— Смерть — вообще неприятная штука, неважно, от петли, как с древних времен принято казнить в Соединенном Королевстве, на электрическом стуле, изобретенном нашим гением Эдисоном, или, как требуют нынешние гуманисты, от действия перегретого пара. Ведь это значит сварить человека заживо! Однако не будем о грустном. Я благодарю вас за содержательную беседу и прошу позволения откланяться. Я хотел еще зайти в библиотеку, а потом опросить своих помощников, которые сейчас рыщут по окрестностям, выискивая, что еще может привлечь туристов в ваш тихий край.

— Последний вопрос, сэр Сэмюэль. Этот ваш готтен-тот, он не опасен? Мне кажется, он каннибал, и было бы опрометчиво позволить ему свободно разгуливать среди мирных жителей.

— Успокойтесь, миссис Баскет. Томми — не африканец, он родом с Гаити и получил неплохое образование. Он вполне цивилизованный дикарь, насколько вообще может быть цивилизован представитель хамической расы.

* * *

Представитель хамической расы в это время находился в городе Дарлингтоне, одном из административных центров графства Дарем. Томми собирался войти в контору архивариуса, но городской архивариус Джеральд Тюбинг собственной персоной стоял в дверях, загораживая вход, и медленно наливался лиловой краской негодования.

— Ты хоть понимаешь, куда явился? — гневно вопрошал хранитель семейных тайн.

— Да, сэр,— отвечал Томми, прижимая к груди уже не шляпную коробку, но самую шляпу, оказавшуюся копией хозяйской.

— Мне доверены документы, касающиеся частной жизни самых уважаемых семейств графства. Никто посторонний не имеет права читать их без письменного решения суда. Тебе понятно?

— Да, сэр.

— И после этого ты требуешь, чтобы я допустил тебя в архив?

— Да, сэр,— подтвердил темнокожий Томми и надел шляпу.— Это очень нужно.

— В таком случае идем,— произнес Тюбинг, отступая в сторону.— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю, сэр,— сказал Томми, входя.

Шляпы он не снял.

* * *

— Не знаю, что за джин такой, а по-нашему это можжевеловая водка. У меня еще в поставце имбирная есть, но мы ее пить не будем, а то передеремся все. Имбирная злость пробуждает.

— Мистер Митч, я предлагаю выпить за королеву!

— За королеву? Что же, дама достойная, можно выпить. За здоровье королевы Виктории — гип-гип ура!

— Ура!!! — сотрясая стены замка, рявкнули три английских глотки.

— Одного не пойму,— рыжебородый потряс головой, простищая уши,— то ли у меня от можжевеловой в глазах троится, то ли еще что, но вот вас трое, а все как по одной мерке сшиты, и всех зовут Джонами. Как вас различать, скажите на милость?

— Джон Стил — садовник!

— Джон Хок — конюх!

— Джон Брукс — истопник!

— А я — просто Кузьмич, мастер на все руки.

— Куз Митч,— хором повторили англичане.

— Вот что, Джончики,— начал Кузьмич, разливая из баклажки остатки можжевеловки,— не могли бы вы мне помочь? Мне хозяин велел по окрестностям побродить, присмотреть, что тут есть такого, чтобы иностранные бездельники клюнули. Вот, скажем, позади ограды прудок заросший, очень романтическое место. Может, там лет сто назад какая-нибудь барышня сдуру утопилась...

— Там народу утопло — не пересчитать,— авторитетно произнес истопник,— но барышень среди них не было, все больше здоровые мужики. Это не пруд, а остатки крепостного рва, а замок в осаде бывал, особенно при Эдуарде Четвертом. Лет пятнадцать тому чистили ров, так и железной трухи довольно достали, и костей. На кладбище их нельзя, утопленников, так их на Гэльской пустоши закопали, там теперь крест на камне выбит.

— От, это славно! За этим меня хозяин и посыпал! Как пиво стану варить, вам первым налью. А в самом доме что есть? Домина-то большой, весь каменный и старый.

Казематы, подвалы небось имеются. Темница какая заваляющая.

— Раньше, может, и было, а сейчас — откуда? В подвалах — мое хозяйство: котельная, бойлерная, угольный бункер. Винный погреб остался, так он уже сколько лет пустует.

— У меня бы не пустовал.

— Так то вы, мистер Митч. А наша хозяйка, во-первых, женщина, и, во-вторых, Баскет она только по мужу. При покойном Джоне Баскете, ее супруге, винный подвал был приятнейшим местом в графстве. Джон Баскет любил и умел жить, это кто угодно подтвердит. В ту пору подземный ход не обваливался. Со всего Баскетвиля смазливые барышни туда наведывались.

— Ух ты! Что за ход-то?

— Да ну, там болтовни больше, чем дела, — недовольно произнес Джон Брукс.

— Не скажи, — Джон Хок был не согласен с тезкой. — Это про большой ход никто не знает, если и был такой, то осыпался сто лет назад. А тот, что из винного подвала ведет в ротонду, — целехонек. Я сам мальчишкой по нему лазал.

— Был мальчишкой, а теперь у тебя усы на грудь свисают, — возразил садовник. — Мальчишкой и я лазал, только с того времени я ума нажил, а ты — нет. В ротонде пол начал проваливаться, так я выход из подземного хода засыпал. Теперь не проваливается.

— А в подвале от этой норы в стене трещина пошла, — заметил Джон Брукс, — пришлось стену укреплять. Я бы и самый вход в вашу нору замуровал, но хозяйка не велела.

— Вы, я вижу, весь замок перестроили, а мне и невдомек, — произнес Джон Конюх.

— А кто кирпич возил?

— Мало ли что я возил! Мне скажут, я и тебя свезу хоть на Гэльскую пустошь, да там и прикопаю...

Разговор набирал обороты, мистер Митч за неимением джина подливал имбирную и кивал в такт рассказам кудлатой головой.

— Итак, джентльмены, обсудим, что удалось узнать каждому из нас за первый день пребывания под радушным кровом Баскет-Холла...

Поздней ночью трое приезжих собрались на совет в комнате своего начальника.

— С вашего позволения, первым начну я,— произнес Куз Митч.— В описание превосходного сада необходимо добавить следующее...

Куз Митч уселся за клавиатуру телеграфного аппарата, отключенного в настоящую минуту от мирового эфира, и комнату наполнил треск и грохот вхолостую работающего механизма.

— Ага, понимаю! — подхватил Сэмюэль Трауб.— Пустите, Кузьмич, дальше я сам...

Телеграфные раскаты усилились, став совершенно невыносимыми.

Через минуту Куз Митч поднял палец и довольно усмехнулся сквозь рыжую бороду.

— Не знаю, кто пытался нас подслушивать, но надолго его не хватило. Слуховая труба перекрыта, теперь можно говорить. Начинай, Томми.

Чернокожий поднялся. На этот раз он был без шляпы, но шляпа на тайном совещании и не требовалась.

— Я наведался в Дарлингтон и изучил все бумаги, ка-сающиеся фамилии Баскетов, какие нашлись у местного нотариуса... или архивариуса; никак не пойму, в чем

между ними разница... Прежде всего, имение Баскетов разорено и не приносит никакого дохода. Помимо собственно усадьбы, которая требует для поддержания немалых денег, Баскетам принадлежит ряд земельных участков, сдающихся в аренду под огороды и для выпаса скота. Однако большинство участков пустует, арендаторов нет. Оно и неудивительно: пароходы, которыми англичане так гордятся, подкосили английское земледелие. Привезти голландские овощи проще, чем вырастить свои. Кроме того, Баскетам принадлежит гостиница в Баскетвиле. Называется «Том и Дженни» и тоже сдается в аренду. Прибыль от гостиницы минимальна, нынешний арендатор мечтает избавиться от нее, так что перекупить право аренды не составит никакого труда. Покойный Джон Баскет был последним представителем рода. Умер бездетным. Наследовала ему супруга, урожденная Джерней. Семейство Джернеев жило неподалеку от Баскет-Холла, но они уже давно продали ферму и уехали. Ближайший наследник — Роберт Джерней, служит консерватором минералогического музея в городе Йорке. Разумеется, он не заинтересован в сохранении Баскет-Холла, имение будет продано с молотка, те вещи, что представляют какую-то ценность, отправятся в антикварный магазин, и в округе появится еще одна развалина минувшей эпохи.

— Что-то ты слишком заботишься о судьбе края, — заметил Сэмюэль Трауб. — Наша задача — найти и обезвредить преступника. Все остальное — лирика, и не более того.

— Ах, масса Сэм! — вскричал чернокожий. — Вы, как всегда, правы, но подумайте, что заведется на этих пустошах, когда отсюда уйдут люди. Вы тогда сами скажете: «Томми, ты специалист по делам сверхъестественным — займись!» А что сможет бедный Томми против обитателей холмов? Так что лучше не допускать, чтобы пустоши окончательно опустели.

— Это все очень поэтично,— согласился американец,— но пусть о поэзии заботятся поэты, наш замечательный стихотворец Вольт Витман. И если ты, Томми закончил доклад...

— Подождите,— перебил Томми.— Был еще один документ: зеленая дерматиновая папка, опечатанная лично Джоном Баскетом и отданная им на хранение в архив.

— Что в папке? — спросил Трауб, хорошо знакомый умением Томми лезть куда не следует.

— Не знаю,— постно ответил Томми.— Восемь дней назад, за день до исчезновения Джоаны Бекер, к архива-риусу приехал наш знакомец Джон Хок и забрал зеленую папку. При этом он предъявил любопытный документ, который я взял себе на память.— Томми вытащил из кармана сюртука сложенную вчетверо бумагу и протянул ее Траубу. Тот развернул лист и прочел вслух: «Предъявителю сего выдать отданную на хранение зеленую папку. Папку не вскрывать, никаких вопросов не задавать. Джон Баскет».

— Забавное распоряжение с того света.— Трауб посмотрел бумагу на просвет.— Дата на письме не проставлена, но думаю, бумага подлинная, написанная пятнадцать лет назад лично Джоном Баскетом. Покойный знал, что документы из зеленой папки могут понадобиться, и заранее отдал соответствующее распоряжение. А теперь тот, у кого хранилась записка, решил пустить ее в ход. Причем заметьте, это случилось до исчезновения Джоаны Бекер.

— Я же говорил, что убийца — кучер,— пробормотал Томми.

— Этот вопрос мы обсудим чуть позже. А пока должен сказать следующее: то, что леди Баскет — типичная парвюю, я понял и сам. Представьте, она не смогла рассказать историю Дамы Роз, историю фамильного привидения!

— Не смогла или не захотела? — прогудел из своего угла Куз Митч.

— Не смогла. Если бы не хотела, она не стала бы говорить, что в библиотеке имеется рукописная хроника рода Баскетов, в которой все подробнейшим образом зафиксировано. Кроме того, рассказывая об основателе рода, почтенная матрона перепутала крокет и крикет, что совершенно недопустимо для благородной леди. Я даже начал подумывать, что хозяйку замка подменили, но ваши изыскания, Томми, рассеяли мои подозрения.

— И что же вы вычитали в хрониках? — полюбопытствовал негр.

— В том-то и дело, что ничего. Книга исчезла, остался лишь промежуток между двумя томами, где она прежде стояла, и след на пыли, по которому можно судить, что рукопись вынули совсем недавно. Вообще, библиотека Баскет-Холла — удивительное место! В ней не больше ста томов, но любому из них не меньше ста лет. В нынешнем столетии ни один Баскет не купил ни единой книги, да и те, что были, читал не слишком охотно. Мисс Бекет, в обязанности которой входила уборка комнат, библиотеку посещала нечасто, так что пыль на полках оказывается летописью столь же подробной, как и та, что была украдена. Вообще, Англия с ее любовью к углю и пару — страна уникальная! Прежде она славилась туманами, теперь — смогом. В Англии все, что не протирается ежедневно, бывает покрыто тончайшим слоем копоти. Так, какие отпечатки пальцев остаются там, где пыль не была вытерта! Славный британский естествоиспытатель Уильям Гершель, сын и внук славных естествоиспытателей, утверждает, что отпечаток пальца неповторим и дает внимательному наблюдателю множество сведений о владельце пальца. Когда-нибудь я напишу небольшой труд о различных типах папиллярных линий, а сейчас я

должен с огорчением констатировать, что мои поиски в библиотеке были замечены, и экономка Бетси Бакт, вызванная мужем, стерла все улики мокрой тряпкой. Не знаю, был ли в том злой умысел или же вполне извинительное желание, чтобы в замке было по возможности чисто. Теперь я могу утверждать одно: хроники похищены в день нашего приезда, причем похищены мужчиной, а вторая книга взята женщиной, и это случилось большей недели назад.

— Что за вторая книга?

— Я разве не сказал? В библиотеке не хватает двух книг. И если семейные хроники занимали почетное место, так что их отсутствие сразу бросалось в глаза, то вторая книжка находилась на самой верхней полке, откуда ее не так просто достать. Вынули ее давно, следы пальца успело как следует припорошить пылью. Итак, в деле появилось три исчезнувших документа: два из библиотеки и один из городского архива. И лишь в одном случае мы знаем, в чьи руки попал документ.

— А не спросить ли нам Даму Роз? — второй раз подал голос Куз Митч. — Уж она-то должна знать, что происходит в доме.

— Ни один суд не признает показаний, данных привидением.

— Но мы-то не суд. Хотя бы будем знать, что ищем.

— Что же, можно попытаться. А пока, Кузьмич, что нашли вы?

— Подземный ход нашел. Ведет из ротонды, есть саду такая беседочка, в винный подвал. Джон-садовник соврал, будто ход осыпался начал, и он его завалил покуда там никого не завалило. У меня правило: доверяй, но проверяй. Полез смотреть, а там ничего не засыпано, широкий ход, дама может пройти, кринолин не замарав.

— Что в погребе?

— Ничего. Стеллажи пустые в два яруса. Я еще толком не смотрел, сегодня я по саду шарился, а в ход полез, потому что он в саду начинается.

— В саду что интересного? Кроме хода, конечно...

— Сад как сад. Ухоженный. Сорная трава выкошена, газоны подстрижены, дорожки посыпаны, гарью этой проклятой. Все как везде. Одно меня удивило: перед парадным входом цветник разбит: на клумбах маргаритки высажены, настурции, еще какой-то цвет, вдоль дорожки кусты сирени, у ограды — живая изгородь из колючего барбариса. И нигде ни одной розы. Но розарий в саду есть, и еще какой! Десятки кустов всех сортов и видов. А задвинута эта красота по ту сторону дома, едва не на выселки.

— Хозяйка розы на дух не переносит, — пояснил все знающий Сэмюэль.

— Для кого тогда цветы срезают? Каждый день и помногу. Все кусты обкорнанные стоят, ни единого цветка не оставлено, одни бутоны. Я бы решил, что на продажу, но в округе некому букеты покупать.

— Я знаю! — перебил Томми. — Убийца — садовник! Тело он закопал в саду, в розарии. Но если во время цветения роз потревожить корни, розы осыпаются. Вот он заранее и срезал их, чтобы лишнего внимания не привлекать.

— Не будем плодить гипотез, — постановил Сэмюэль Трауб. — Завтра продолжим сбор материала. Томми попытается выяснить, куда деваются срезанные розы, может быть, садовник попросту влюблён и охапками таскает хозяйские розы своей зазнобе. Ну а Кузьмич займется замком. Хотелось бы узнать, кто пытался нас подслушивать, и предупредить эту возможность на будущее...

— Кто подслушивал — узнаю. А в слуховую трубу я трещотку поставлю, пусть слушает на здоровье, кто бы там ни был.

— Вот-вот,— согласился Трауб.— Остальное и про-
чее тоже надо проверить. Вряд ли дело ограничится
одним потайным ходом, в замке может быть такое, о
чем и сами хозяева не знают. Опять же Дамой Роз надо
под заняться.

— Дамой и я могу,— ревниво заметил Томми.

Кузьмич упрямо набычился, упер в колени пудовые
кулаки и сказал:

— Ты только испортишь все. С привидениями нежно
надо обращаться, а в тебе нежности ни на понюх табаку.
Напугаешь дамочку, а то и вовсе рассеешь. А дамочка нам
нужна, и сейчас, и потом.

— Разумно,— согласился Сэмюэль Трауб.— Сейчас
расходимся. Мне еще надо закончить статью для га-
зеты, а с утра я должен съездить кой-куда. Если все
будет нормально, завтра ночью встретимся с Дамой
Роз.— Трауб протер ладонями лицо и спросил себя
самого: — А спать — когда?

Томми и Кузьмич покинули комнату шефа, но не
успели сделать и пяти шагов, как из-за угла, не потрево-
жив беззвучной тьмы, появилась женщина в старинной
одежде. Знаток определил бы ее наряд как относящийся
к XV веку, но необразованные детективы могли сказать
лишь: «Такое теперь не носят». В руках дама держала бу-
кет роз, таких же неживых, как и она сама, мерцающих
чуть голубоватым светом.

— Это она! — жарко зашептал Томми. Он готов был
ринуться на добычу, но лапа напарника ухватила его, не
позволив даже дернуться.

— Здравствуйте, сударыня,— прогудел Митч.

Дама благосклонно кивнула и канула в стену.

— Спать иди,— приговаривал Куз Митч, уводя товари-
ща.— Ты ничего не видел, почудилось тебе. Завтра день
трудный, вот и иди себе почивать.

* * *

Завтрак в Баскет-Холле начинался ровно в восемь, так что Сэмюэль Трауб сумел даже перехватить пару часов сна.

В обширной столовой был накрыт стол для двоих. Прислуживал дворецкий — Джон Бакт, но позади Сэмюэля Трауба должен был стоять один из его слуг. Зачем это нужно, сказать не мог никто, но так требовал непреклонный этикет. Как выяснил недавно Трауб, «этикет» — одного происхождения со словом «этикетка», он означает то, что намертво приклеено обычаем. Отклейте требования этикета можно только после долгой обработки парам, а век пара на Британских островах начался слишком недавно.

На этот раз жертвой этикета пал рыжебородый Куз Митч. Он переминался, глядя перед собой, и не знал, куда девать руки.

Миссис Бакт вкатила сервировочный столик с одиночкой серебряной кастрюлькой. Бакт-муж поднял крышку и принялся раскладывать по тарелкам неаппетитную серую массу.

— Что это? — спросил Сэмюэль Трауб.

— Перловка, сэр!

— Шрапнель... — вполголоса прокомментировал мистер Митч.

Трауб подцепил ложечкой небольшой комок, осторожно продегустировал.

— Знаете, — сказал он, — во время путешествия по Аляске мне целый месяц пришлось питаться одним пеммиканом. Ничего хуже в моей жизни не было, но я выдержал.

Миссис Баскет безучастно жевала шрапнель. Вид у леди был такой, словно ей и впрямь приходилось грызть артиллерийский снаряд, наполненный круглыми свинцовыми пулями.

— Как ваши успехи, мистер Трауб? — нарушила молчание леди.— Надеюсь, вы хорошо выспались?

— Превосходно! Правда, полночи мне пришлось присидеть за телеграфом. Треск печатающего устройства не слишком мешал вам спать?

— Что вы, в доме очень толстые стены, я спала и ничего не слышала.

— А я закончил первый очерк и отоспал его в газету. Думаю, через три дня мы получим свежий номер. Там будет вступительная статья, впечатления путешественника, впервые попавшего в ваши края. Сегодняшний день, если вы не возражаете, я хотел бы посвятить знакомству с окрестностями.

— Да, конечно. Я скажу Джону Хоку, чтобы он был в вашем распоряжении.

— Это излишне. Я собираюсь забираться в такие места, где экипаж не пройдет. Только там могут сохраниться по настоящему привлекательные виды и романтические развалины. Выбор экскурсионных маршрутов очень важен. Потом там будут проложены дорожки, а пока... я видел у вас в каретной старенький пароцикл. Если он на ходу, я хотел бы им воспользоваться.

— Это машина сэра Джона, он часто на ней ездил. Можете свободно распоряжаться ею.

Шрапнель была благополучно съедена и запита чаем с молоком. В других странах чай с молоком пьют только кормящие матери, но в Британии все делается на свой салтык, и переучивать британца — бесполезно.

Едва позволил этикет, Трауб вдвоем с Митчем выкарабкались из каретной. Следом Джон Хок вынес бутыль с синеющим денатуратом. Машину смазали, бак под сиденьем заполнили спиртом, в котел налили воды. Бледное пламя заколыхалось, обнимая горелку. Митч, согнувшись, энергично накачивал примус, и вскоре

голубой венчик огня с ровным гудением замерцал под котлом. Вода закипела, пар с тонким свистом принялся вырываться через клапан клаксона.

Трауб вскочил в седло, поглубже нахлобучил цилиндр.

— Не забывайте через каждые пятнадцать миль подкачивать примус и доливать в котел воду! — напутствовал пароциклиста Джон Хок.

Что ответил Трауб, никто уже не рассыпал, машина в клубах пыли и пара вылетела за ворота.

Вскоре пароцикл выехал на столбовую дорогу, которые в Европе называются шоссе, и запылил в сторону Йорка. Чтобы попасть туда, Траубу следовало четырежды долить воду в котел и подкачать спиртовый резервуар.

* * *

Вернулся Трауб как раз к ужину и был весьма доволен, что обедал на стороне и не знает, что подавали на обед в Баскет-Холле. На ужин были паровые тефтели, блюдо вполне пригодное для чахоточных больных, но слабо подходящее для взрослого мужчины. Хорошо хоть, что должность слуги на этот раз исполнял не Куз Митч, а Томми, которому было все равно, что едят господа. Разговор не клеился, при первой же возможности миссис Баскет ушла к себе, а Трауб перебрался в курительную комнату.

Здесь были покойные кресла, на стенах красовались длинные, прошлого века чубуки. И, конечно, всюду тончайший слой пыли, красноречиво сообщающий, что уже неделя, как здесь никого не было, что экономка, миссис Бакт, одна, без горничной, с хозяйством не справляется и, значит, не имеет отношения к исчезновению Джоаны Бекер.

Трауб неторопливо пускал дымные кольца, внося свой вклад в нездоровую атмосферу Британии, Томми сосредоточенно чистил цилиндр рукавом сюртука.

— Зазноба у Джона Стила в деревне есть,— как бы нехотя сообщил Томми.— Оно и неудивительно, парень молодой, по здешним меркам — пригожий. Хозяйские розы бывало, приносил. Но вот уже десять дней, как ни сам не появляется, ни роз не приносит. Девушка страдает.

Трауб кивнул и выпустил густой клуб дыма.

В курительную без стука вошел Куз Митч.

— Через две минуты Дама Роз должна появиться в оружейной гостиной.

Трауб пружинисто встал, щелкнув гильотинкой, обрезал горящий кончик сигары, спрятал недокуренное коробку. Томми взял на изготовку цилиндр.

Оружейная гостиная, одна из пяти вполне бессмысленных парадных комнат, хранящих следы былой роскоши, находилась на первом этаже (иные называют его — бельэтаж), далее прочих гостиных. Два узких окна напоминали о том времени, когда замок был не дворцом, а военной твердыней, и вместо окон в стенах зияли бойницы. Света эти отверстия почти не пропускали, оружейной всегда царил полумрак. На стенах развезена коллекция восточного оружия, явно купленная на базаре, и пара кремневых бластеров времен Регентства. В углу уныло пылились рыцарские доспехи.

Троє сыскарей вошли, тихо прикрыв дубовые двери и остановились, ожидая.

Тень, уже знакомая Томми и Митчу, явилась из-за стального плеча рыцаря. Лицо с навеки застывшим трагическим изломом бровей, тонкие пальцы не замечают шипов на стеблях бледных роз.

— Сударыня,— произнес Сэмюэль Трауб,— мы не станем мучить вас воспоминаниями о делах давно минув-

ших — нас волнует судьба Джоаны Бекер, горничной, исчезнувшей восемь или девять дней назад.

— Нет! — выкрикнула Дама. Голоса ее не было слышно, но чуткое замковое эхо донесло смысл беззвучного крика человеческим ушам.— Нет! Только не это!..

Призрачный букет полетел в лицо Траубу, а владетельница букета бросилась под защиту рыцаря и пропала в стене.

— Славно поговорили... — Трауб нагнулся, пытаясь поднять цветы, но пальцы не ощутили ничего; розы остались на полу.

Куз Митч с кряхтеньем наклонился, сгреб стебли и, подойдя к нише, где обитал рыцарь, кинул их вслед сбравшей красавице.

— Никуда она не денется,— прогудел он,— доставлю в лучшем виде. А пока пойдем-ка ко мне. Хочу кое-что показать. И не бойтесь, теперь говорить можно где угодно, подслушку я накрепко повредил. Я вот что подумал про одного из наших Джонов, который истопник. Вроде бы должность невелика, а на нем все держится. Паровое отопление от подвала до чердака — в ведении Джона Брукса. Где что перестраивать — всюду Джон Брукс, остальные у него на подхвате. А уж подвал целиком в его власти: котельная, бойлерная, угольный бункер — все там. И вот что интересно: Джон Хок у архивариуса был, документы какие-то изъял. Джон Стил розы неведомо куда охапками таскает, а Джон Брукс — чист аки херувим.

— Я знаю! — воскликнул Томми.— Убийца — истопник! Тело он перенес в котельную и сжег в топке.

— Складно врешь. Только сейчас лето, паровое отопление отключено, котельная на профилактике, миссис Бакт свои малахольные обеды готовит на керогазе.

— Да, Томми, на этот раз у тебя вышла промашка,— с усмешкой проговорил Трауб.

Негр огорченно взглянул в лицо хозяину и вдруг вздрогнул.

— Масса Сэм, что с вами?

Он выхватил из кармана серебряное зеркальце и протянул Траубу.

— Ну и синячище!

— Это не синяк, масса Сэм, это некробиотический фильтрат, возникший в результате удара призрачных розами.

— И что теперь будет?

— Может быть что угодно: трофическая язва, кандиникоз, проказа и даже нейродермит! Страшные болезни, которые почти невозможно вылечить.

— Так уж и невозможно... — возразил Куз Митч.— Машинным салом три раза в день смазывать, через месяц любую проказу как рукой снимет.

— Это ж сколько сала за месяц уйдет? — ужаснулся Томми.— Бедные мыши!

— Так это если болезнь запустить.

— Ясное дело, незапущенную болезнь проще вылечить.

— Как?! — возопил Сэмюэль Трауб.

— Водичкой холодненькой помыться. Холодная вода хорошо некробиотическую информацию смывает, если она не застарелая.

Последних слов Сэмюэль Трауб уже не слушал. Он огромными прыжками несся в сторону ванной комнаты.

Когда через полчаса Митч и Томми постучались в коридорную дверь шефа, Трауб, живой, хотя и не вполне здоровый, встретил их. Волосы у него были мокрыми, губы — синими, как у вурдалака. Котельная в замке не работала, горячей воды не было, но, даже будь трубы полны кипящего, сегодня американец пользовался бы исключительно ледяной водой.

Впустив сотрудников, Трауб вернулся в кресло и пошёл укутался теплым пледом. Негр и рыжебородый тоже устроились в креслах. Митч поставил у себя в ногах рогожный мешок, в каких обычно развозят по домам уголь.

— С вашего позволения, сэры, я закончу рассказ. Решил я, значит, пошерстить хозяйство Джона Брукса и нашел кое-что. Думаю, сам Брукс к этому отношения не имеет, просто кто-то захотел сжечь эти вещи в печи, но обнаружил, что котельная не работает, и спрятал все до лучших времен в бункере, присыпав угольком. А я нашел.

Митч сунул лапу в мешок и вытащил на свет толстенький томик в сафьяновом переплете.

— Не это ли вы искали?

Сэмюэль Трауб, отбросив плед, вскочил и завладел книгой.

«Хроники прославленного рода Баскетов с древнейших времен до настоящего времени», — прочел он. — А настоящее время заканчивается 1789 годом. Знаменательная дата, между прочим. А вот и легенда о Даме Роз, и закладка как раз на нужной странице.

... Сэр Эдвард, владетель Баскет-Холла, принимая близко к сердцу судьбу страны, поочередно поддерживал Ланкастеров и Йорков, сохраняя неукоснительную верность розе и меняя лишь ее цвет. Супруга сэра Эдварда, леди Элизабет, подолгу скучавшая в одиночестве, также сохраняла верность розам. Ежедневно садовник, ухаживавший за парком, примыкавшим к замку, приносил леди букеты пышных роз. Садовник был молод и недурен собой, и случилось то, что должно было случиться. После одной из бесчисленных битв, вернувшись домой в неурочный час, сэр Эдвард обнаружил свою супругу в объятиях садовника.

Суд был скорым и беспощадным. Неверную жену замуровали в одном из подземелий замка, заложив вход, так что лишь отверстие в потолке соединяло узницу с внешним миром. С Эдвардом распорядился не давать распутнице ни хлеба, ни воды, чтобы женщина погибла от голода и жажды, но по приказу лорда каждое утро закованной в цепи садовник приносил темнице букет свежих роз и сбрасывал их в убийство.

— Пусть жрет розы и пьет росу! — отвечал сэр Эдвард, когда слуги доносили, что из каменного мешка все еще слышат стоны.

Наконец несчастная затихла, и сэр Эдвард, убедившись что с леди Элизабет покончено, приказал утопить садовника в крепостном рву, что и было исполнено.

Прошло немного времени, и среди слуг начались пересуды, что леди Элизабет видели в залах и переходах замка. Была бледна и прижимала к груди букет свежих роз. На расспросы леди Элизабет не отвечала, да и мало находилось охотников говорить с ней.

Разъяренный сэр Эдвард покинул замок, где не мог найти покоя, и в скором времени погиб в мелкой стычке со взбунтовавшимися диггерами. Многие из последующих владельцев Баскет-Холла пытались отыскать потаенный убийство, чтобы похоронить леди Элизабет по христианскому обряду, избавив от земных мучений, но кажется, легче срыть весь замок, нежели найти легендарную темницу. И ныне, как и триста лет назад, Дама Роз — именно так прозвали призрак леди Элизабет — бродит ночами по фамильному замку, внушая трепет всяко кто случайно встретит ее.

— Забавная история,— сказал Митч.— Томми, ты как сильно трепетал?

— Не очень.

— То-то и оно. Однако я пойду, уменя еще дел невпроворот.

— Погодите, Митч. Вы не сказали, что еще в мешке.

— Ничего интересного.— Митч вытащил и протянул Траубу две одинаковых зеленых папки.— Они пусты. Вот эта папка из архива, тут сохранился обрывок бандерольки, которой она была опечатана, а эта, получается, из библиотеки. Папки я нашел, а что в них было, сказать не могу.

Митч вышел из комнаты. Трауб долго рассматривал папки, потом спросил Томми:

— Что ты обо всем этом думаешь?

— В замке кто-то занимается некромантией. Сразу видно, что это не профессионал, но бед он может наворотить побольше любого профессионала.

— С чего ты так решил?

— Несколько лет назад чистили ров. Зачем? Говорят, от него шли вредные испарения. Но ведь вредные испарения здесь повсюду! Туманы, смог, чистого воздуха в Англии не бывает, так что это отговорка. Причина другая: кто-то искал тело садовника. Поиски, насколько можно судить, успехом не увенчались, костей, закованных в кандалы, не нашли. Но ведь отыскалось множество других останков, и среди них, возможно, были и нужные фрагменты. Профессионал не оставил бы подобный клад без движения, а наш самоучка позволил, чтобы кости были закопаны. Я был сегодня на Гэльской пустоши, место там уникальное, но нет ни малейших признаков колдовства!

— Так может, никакого некроманта нет?

— Как нет? А розы? Вы только что прочитали, какой конец постиг Элизабет Баскет, а сейчас, столетия спустя, кто-то еженочно срезает в парке розы и уносит их... куда?.. и зачем?..

— Я полагаю, мы это выясним уже сегодня. Но я не могу представить Джона Стила в роли некроманта.

— Джон Стил — подручный, который сам не понимает что и зачем он делает. Вообще, в замке нет никого, кто мог бы претендовать на роль некроманта. Обитатели Баскет-Холла просты, как хеллоуинская тыква. Но ведь кто-то убил Джоану Бекер, кто-то похищает книги и документы, кто-то колдует над розами. Не следует плодить лишних сущностей, наверняка это один человек. Если бы мы заставили говорить Даму Роз, преступник уже был бы в наших руках!

Распахнулась дверь, в проеме показался Куз Митч. На запястье у него был намотан конец цепи. Каторжники называют такие оковы мелкозвоном.

— Давай-давай! — поторопил Митч и осторожно потянул за цепь. В комнату, спотыкаясь, вошла Дама Роз. Другой конец цепи был обмотан у нее вокруг талии. — Все и пришли, — приговаривал рыжебородый конвоир, — а та рыпалась, идти не хотела.

— Ничего себе ты с ней нежненько! — воскликнул Томми.

— А как же... Это ее родная цепь, она еще при жизни к ней сидела.

— Предатель! — с чувством произнесла Дама Роз. Я ничего вам не скажу.

— Было бы тут что предавать... — рассудительно проговорил Куз Митч. — Тебя же, голубушка, считай, и нет видимость одна. Ты на меня посмотри, я ведь тоже не жить, а какой молодец — поглядеть приятно. Так что хватит глупить, а то священника позовем.

— Тут священники стадами ходили, да ничего не вели ходили, — произнесла Дама Роз, презрительно, но совершенно не аристократически оттопырив губу.

— Так то небось были малахольные англиканские пастыри. А мы пригласим православного попа, дикого и злого, кадилом и святой водой сорокаградусной крепости.

Если бы привидение могло побледнеть, Дама Роз побледнела бы.

— Не надо... — прошептала она, бессильно опустившись на пол.

— Тогда давай разговаривать. Твоя история нас не слишком волнует, мы ее уже прочли. — Митч продемонстрировал найденную книгу.

— Дура! — прошипела покойная леди. — Идиотка! Даже такой простой вещи не смогла сделать!

— Кого вы имеете в виду? — быстро спросил Трауб. — Миссис Баскет, миссис Бакт или, быть может, мисс Бекер?

— Какая она Баскет? Это ничтожество, пустое место, оскорбляющее род! А ваша мисс Бекер и вовсе не та, за кого себя выдает!

— Кто же она?

Но Дама Роз уже взяла себя в призрачные руки.

— Раз сэр Эдвард решил взять ее в горничные, так и будет. Больше я ничего не скажу. Угодно — терзайте!

— Зря ты так, голубушка. — Митч покивал головой. — Ведь если мы сами до всего дойдем, тебе же хуже будет. Думаешь, если ты умерла, так тебе ничего больше не сделают? Сделают, и еще как... народец до таких вещей ушлый. — Митч подошел к привидению, обмотал обрывок цепи Dame вокруг шеи. — Не хочешь сейчас говорить, иди к себе, отдыхай покамест. Понадобишься — позову.

Дама медленно поднялась с пола. Все в ней — платье, прическа, розы, которыми она так безжалостно швырялась, — оставалось свежим и непомятым, но чувства пребывали в смятении, и это можно было заметить невооруженным глазом.

Изящным движением Дама Роз закинула на спину конец цепи и, прежде чем исчезнуть, произнесла:

— Джон Бакт, дворецкий, тоже не тот, кем кажется. Именно дворецкий выдал меня мужу, он, и только он, всем виноват!

Некоторое время в комнате царило молчание. Затем Сэмюэль Трауб задумчиво произнес:

— Дворецкого мы и впрямь упустили из виду. Жаль, что свидетельница говорит так туманно и неохотно.

— Она по-другому не умеет,— вступил за привиден Куз Митч.— Говорит смутно и путает день сегодняшний с событиями XV века. Будь иначе, черта с два я ее отпусти бы. По этой же причине и суды не принимают во внимание показаний призраков.

— В таком случае,— распорядился Трауб, вытаскив из жилетного кармана фальшивый американский бюджет,— предлагаю всем отдыхать, а за час до рассвета снова встречаемся здесь. Попробуем выяснить, кто режет рожи и куда их носит.

— Странный вы народ, люди,— проворчал мистер Митч — Все бы вам спать, нет чтобы делом заняться.

* * *

Сорок тысяч литераторов изломали восемьдесят тысяч перьев, живописуя лондонские туманы. И хоть один воспел туманы графства Дарем! Со стороны Скейна сплошным фронтом движется непроницаемая белая стена, а навстречу конными разъездами мчатся промытые дымы Йорка и Дарлингтона. Сшиблись, закружились, серое на белом, белое на рыжем, весь мир вскипел и пал обессиленно густым маслянистым пластом, сквозь который не то чтобы видеть — пройти невозможно. Всякий звук убит, запах подавлен, только остывшее железо, раскисшая земля, перегоревшее машинное масло и смог, смог...

Беззвучно шлепают мокрую почву огруневые капли, неслышно клацает секатор, срезая ветки, полные цветов, листьев и шипов. Одна, две... восемь самых лучших роз. Англичанам невдомек, что восемь цветков дарят лишь мертвым. Что с них взять, с диких островитян...

Разоритель розария на ощупь пробирается к ротонде, затапливает масляный фонарь, никчемный среди масляной субстанции тумана.

Мучительный скрежет каменной плиты, запирающей подземный ход, фигура с фонарем и розами скрывается в подземелье. Вход остается открытым, чтобы легче было вернуться. Очень неосмотрительно; две темных фигуры скользнули следом за вошедшим, скрадывая его, словно собаки – боровую дичь.

Человек с розами и фонарем проникает в винный подвал. Смазанные петли дверей не скрипят, и так же безучастно пропускает дверь и преследователей.

В винном подвале, как и было обещано, нет ничего, кроме пустых стеллажей. Зато и запоров никаких, все нараспашку, гуляй, хоть в котельную, хоть куда.

Темная фигура направляется к черной лестнице. Лестница винтовая, закручена против часовой стрелки. Не иначе первый владелец замка был левшой, и твердыня строилась так, чтобы сеньору сподручней было оборонять проходы. Зато и нежить в таких домах заводится чаще, нежели там, где лестницы закручены вправо.

Как ни таись, но по чугунным ступеням тяжелые сапоги стучат гулко, и за этим шумом не слышно легких шагов соглядатаев. Казалось бы, остановись, приники к отверстиям в узорном чугуне, и увидишь, как пролетом ниже по твоим следам ступают сыщики, но идущему не до того, он спешит доставить восемь роз к неведомой цели.

Бельэтаж — парадные гостиные, курительная комната, столовая и накрепко запертая буфетная, где хранится фамильное серебро — единственная ценность, сохранившаяся с былых времен. Чугунная винтовая лестница угла готической гостиной кажется нефункциональной деталью интерьера. И не каждый может догадаться, что именно по этой лесенке пропавшая горничная носила из прачечной, что в подвале, в бельевую, что на втором этаже, сияющие белизной и крахмалом простыни, а в времена, когда в замке не было современного парового отопления, предшественник Джона Брукса таскал дрова печей и каминов сухие буковые поленья.

Дама Роз обычно бродит по первому этажу, но материальная тень с розами минует парадное запустение поднимается на второй этаж, где спальни и гостевые комнаты. Троица Джонов из четырех спят во флигеле, здесь живет миссис Баскет, и в угловой комнате — спарожеская чета Бактов. Здесь же находится и комната-тушка, где прежде обреталась Джоана Бекер — поглощенная к хозяйскому приглядку, подальше от молодых неженатых мужчин.

Кому несет цветы неизвестный, удвоивший осторожность на жилом этаже?

Не задержавшись, злоумышленник поднимается дальше. Теперь уже ясно, что это злоумышленник, что делает честному человеку с цветами в предутренний час на чердаке? Чердак — помещение технологическое, такое же как подвал. Вся нарядная жизнь, словно ломтик бекона сэндвиче, зажата между двумя технологическими помещениями: подвалом и чердаком.

Неизвестный, подсвечивая себе фонарем, пробирается среди вентиляционных и дыхательных труб, останавливается возле одной, особенно широкой, но в этот момент две пары крепких рук хватают его за локти.

— Позвольте спросить, мистер Стил, что делаете вы здесь в столь неурочный час?

— Я... — забормотал садовник, делая слабые попытки вырваться.— Я тут гуляю.

— Странное место для прогулок.

— А ты молчи, черномазый. Я свободный человек и могу гулять где захочу и когда захочу.

— Но не по чердаку чужого дома, куда вы пробрались тайным образом. Будьте уверены, кражу со взломом вам уже инкриминируют. Кому вы несете цветы?

— Никому. Они мне и вовсе не нужны. Вот...

Джон Стил рванулся и, освободив на мгновение руку, швырнул букет в ближайшую трубу.

— Очень ловко,— похвалил Томми.— Куда ведет эта труба?

— Представления не имею.

— Отлично. А если мы туда швырнем не розы, а кирпич?

— Не надо!

— То есть какое-то представление о том, что там внизу, у вас есть?

— Нет. Просто, швырнув кирпич в вентиляционную трубу, вы перебудите весь дом.

— Ладно, Томми, не пужай парня,— примирительно произнес Куз Митч.— Кирпичами швыряться — не дело. Мы с утрецка в Дарлингтон сгоняем, привезем мальчишку-трубоочиста, спустим его на веревке и все узнаем.

— Не надо! — взмолился садовник.

— Тогда пошли к мистеру Траубу, объяснять, почему это «не надо».

Комната Сэмюэля Трауба встретила их клубами сигарного дыма и треском телеграфного аппарата. Зашифрованная статья для «Манчестер экспресс» улетала в эфир, смущая скучающего лондонского телеграфиста величиной телеграммы и полной ее невразумительностью.

Джона поставили перед темными очами детектива. Томми кратко изложил обстоятельства дела, не забыв упомянуть, что день назад Джон Стил во всеуслышание объявил, что лично завалил ход из беседки в подвал. Услыхав, что за ним следили от самого цветника, Стил окончательно сник и начал не то чтобы признаваться, но оправдываться.

- Предыдущие дни туда же бросали букеты?
- Туда.
- Куда ведет эта труба?
- Не знаю! Клянусь, не знаю!
- Зачем тогда бросал?
- Это она велела! Сказала, что если я все буду исполнять как следует, то меня восстановят в правах, а потом она выйдет за меня замуж.
- Кто — она?
- Хозяйка.
- Миссис Баскет?
- Да какая она хозяйка? Дура напыщенная — и больше ничего.
- Тогда — кто?
- Дама Роз.

Джон Стил уже давно был отпущен скрывать следы своего преступления, а трое детективов никак не могли решить, что из услышанного вранье, что правда, а где садовник добросовестно заблуждается.

Из рассказа цветоносца выходило, что на том конце трубы находится древний убliет, в котором встретила смерть Элизабет Баскет. Джон Стил уверял, что, бросая в трубу цветы, он помогает Даме Роз ожить, за что ему обещана награда.

Томми, бывший изрядным специалистом по вопросам воскресений, клялся и божился, что ожить Дама Роз не сумеет никогда и ни при каких условиях.

— Но верить в собственное оживление она может?

— Она может, я — нет.

Так и не прияя ни к какому выводу, разошлись, кто досыпать, кто дорабатывать.

Утром, когда сквозь туман начал просачиваться мутный свет, в доме случился сдержаный переполох, который, несмотря на все предосторожности, был замечен бессонным Кузьмичом. Он слышал, как Джон Хок, ворча, отпирал конюшню и раскочегаривал лошадку, в которой всю ночь тлел огонь. Джон Стил, которому сегодня вовсе не пришлось спать, отворил ворота и остался подрезать кусты барбариса. Можно было бы спросить его, куда ни свет ни заря отправился кучер, но Митч рассудил, что садовнику и без того было задано слишком много вопросов, а о цели поездки можно будет поспрашать возницу, уж он-то знает лучше.

Так оно и вышло. Оказалось, что Джон Хок ездил в Баскетвиль за доктором. Ночью стало худо дворецкому. Болезнь, согласно заключению ученого эскулапа, была прилипчивой, так что мистер Бакт и ухаживающая за ним супруга были заключены в карантин. Под угрозой оказался завтрак, который обычно готовила миссис Бакт, а подавал ее муж. По счастью, выяснилось, что завтраком успел озабочиться Куз Митч, а обедом займется кухарка, за которой должны послать в Баскетвиль. Как рыжебородый карлик управлялся с сервировочным столиком и серебряной посудой, останется его тайной, тем не менее вихлючий столик въехал в столовую, с сотейника была снята крышка, и ароматный пар растекся по столовой, словно туман по долине Скерна.

— Что это? — удивленно воскликнула миссис Баскет.
— Перловка, мэм,— отвечал Куз Митч.
— Как вкусно! Почему у Бетси так не получалось?
— Разве можно сварить настоящую кашу в пароварке, какой пользуется миссис Бакт?

— А как же вы?

— Я нашел в подвале древний прадедовский котел. Предки, доложу вам, все делали на совесть. Конечно, часть тепловыделяющих элементов требует замены, но в целом реактор работоспособен, жар держит. А кашу, особенно перловку, надо распаривать не полчасика в пароварке, а с вечера, иначе получится не перловка, а шрапнель. Зато в старом урановом кotle кашка на медленных нейтронах — мечта!

Вид мистера Митча, вещающего с половником в руках, был несколько смешноват, но каша, благоуханная, разваренная и рассыпчатая одновременно, говорила сама за себя.

— Америка,— произнес Сэмюэль Трауб,— слишком большая и пока еще слабо освоенная территория. Поэтому зачастую нам приходится пользоваться не самыми современными вещами и инструментами, а тем, что есть под рукой. Как видите, иной раз нехудо получается. Главное — результат, таково наше кредо!

По лицам доктора и миссис Баскет нетрудно было заметить, что англичане не согласны с таким утверждением, но никто не стал возражать. Все кушали кашу.

— Доктор Листер,— задал вопрос Трауб,— если это не врачебная тайна, то не скажете ли вы, чем заболел мистер Бакт?

— Трихофития,— ответил врач, с сожалением отодвигая пустую тарелку.— Болезнь не опасная, но весьма разная и причиняющая много неудобств.

— Я, конечно, могу послать телеграмму в Соединенные Штаты, чтобы сотрудники редакции посмотрели

в словаре, что означает это слово, но, может быть, вы снизойдете к моей неграмотности и объясните, как эту болезнь называют в народе?

— В быту трихофитию обычно называют стригущим лишаем. Лечение наружное — йодоформ и терпентин. Показана также дегтярная мазь. У мистера Бакта поражена кожа щеки, причем пятно имеет такую форму, будто на щеке отпечаталась роза. Я собираюсь написать об этом случае статью в один из медицинских журналов.

— Действительно, интересный случай,— заметил Трауб.— Я знал человека, который пользовал подобных больных мышиным салом. Самое интересное, что лечение помогало.

— Дикари порой изобретают весьма причудливые формы лечения,— согласился доктор Листер.

Куз Митч крякнул неразборчиво, но промолчал.

После завтрака доктор Листер поднялся в комнату миссис Баскет, которая была его постоянной пациенткой. Рассказ леди о ее бесчисленных хворях должен был занять не менее часа, который надлежало сполна использовать.

— Митч,— позвал Трауб помощника, который занялся было грязной посудой,— я знаю, ты вчера был в Баскетвиле. Там есть трубочист?

— Нету. Ножовщик есть, который с точильным станком обходит окрестные фермы. Но он человек семейный и к легким интрижкам не склонный. А зачем вам трубочист? Эта труба ведет куда угодно, но не в ублиет.

— Это я и сам понял. Ублиет построен пятьсот лет назад, так что вентиляционная труба у него должна быть из камня, а не из жести. Но раз туда кидают розы, то там

может быть и что-то еще. Например, проход к настоящему убийству. Узнать это можно, либо забравшись туда либо найдя еще какие-то документы. Мне покоя не дают бумаги из зеленых папок. Женские пальчики в библиотеке явно принадлежат Джоане Бекер, а она исчезла навсегда медленно после того, как прочитала то, что хранилось в папке.

— Я думаю,— сказал Куз Митч,— бумаги из обеих папок давно сожжены. Кто-то забрал их из комнаты Джоаны из архива, а потом сжег.

— Как? Котельная не работает, действующего камина в замке нет.

— На свечке.

— Милый мой Митч, не забывай, что мы имеем дело с англичанами. Они подобны гусеницам, что умеют ползать лишь по собственным следам. Англичанин знает, что бумаги надо жечь в камине, а где нет камина — в печи или топке котла. Но никогда англичанину не придет в голову жечь документы на свечке. Он для этого слишком прямолинеен и упрям. Свечка нужна англичанину, чтобы красоваться на именинном пироге, других ее применений он не знает. И раз в замке нет действующей печи, значит, документы целы.

— В замке есть еще одна топка.

— Какая? Урановый котел, насколько я понимаю, до вчерашнего дня был холодным. К тому же не все настолько отважны, чтобы лезть в зону ядерной реакции.

— Нормальная действующая топка есть в конюшне.

— Значит, все-таки Джон Хок.

— А вот это мы сейчас проверим.

Детективы развернулись и спорым шагом направились к конюшне.

Там царил полумрак, тихо гудел огонь в лошадиной брюхе, пахло кузницей.

— Перекаливает... — прошептал Митч.

— Что?

— Нельзя лошадь все время в разогретом состоянии держать. Портит животину. Но нам это сейчас на руку, значит, системой розжига редко пользуется, если вообще умеет. Эх, жаль, листок бумаги не захватили...

Трауб вырвал из журналистского блокнота листок и протянул Митчу. Тот вставил лист лошади в пасть, на ощупь нажал что-то под верхней губой. Лошадь зажевала, листок вполз внутрь.

— Так, загрузка растопки стандартная. А разбирать тебя как?

Митч щелкнул лошадь по носу. Та взмыкнула и резко взмахнула хвостом.

— Тише ты, шалая! Дай разобраться, как у тебя что устроено. Ушки связаны с дымоходом, в ноздрях — свисток. А глазки?.. — Куз Митч нажал лошади на слепые кнопки глаз. Лошадиный лоб откинулся, словно крышка шкатулки. Митч запустил руку в глубь лошадиной головы и вытащил пачку бумаги.

— Вот, пожалуйста, растопка совершенно не истрачена. Кто так за лошадью ухаживает? Думает, если она железная, так все стерпит?

— Записи там есть? — поспешил воскликнуть Трауб.

Митч неторопливо вытащил листок из середины стопки и принялся читать:

— «Дорогой Джонни! Это мое последнее письмо к тебе. Ты спрашивал, что случилось, но я не могла ответить. Не могу сказать этого и сейчас. Ты должен поверить на слово: мне стало известно нечто такое, что не позволяет мне встречаться с тобой и отвечать на твои чувства. И все же остаюсь любящая тебя Джоана Бекер. Надеюсь, это письмо ты сожжешь, так же как и все предыдущие».

— Какая драма! — вскричал Сэмюэль Трауб.— Читательницы «Манчестер экспресс» промочат слезами все пятьдесят страниц воскресного номера. А сейчас дай-ка мне вон те пожелтевшие листки. Думается, на них мы найдем причину таинственного преступления.

Трауб быстро просмотрел пачку листков. Лицо его приняло озадаченное выражение.

— Я предполагал нечто подобное, но не в таком же масштабе!

— Что там? — терпеливо спросил мистер Митч.

— Бумаги покойного Джона Баскета, некоторые его важные распоряжения. Вот, пожалуйста: «Я, лорд Джон Баскет, будучи в здравом уме и твердой памяти, заявляю и подтверждаю, что младенец Джон, рожденный девицей Анной Стил, действительно является моим сыном и пользуется всеми правамиbastarda, включая право на имя, которое он получает в случае отсутствия прямых законных наследников, и право на долю наследства...

— Так вот о каких правах говорил наш садовник!

— Похоже на то. Но это еще не все. Вот другая бумага: «Я, лорд Джон Баскет, будучи в здравом уме и твердой памяти, заявляю и подтверждаю, что младенец Джоана, рожденная девицей Джессикой Бекер, действительно является моей дочерью...» — ну и так далее.

— Но это значит, что у садовника была веская причина для убийства!

— И не только у него. Миссис Баскет вряд ли обрадовалась внезапному появлению родственничков, да еще такого свойства. Но и это еще не все. Читаем следующую бумагу: «Я, лорд Джон Баскет...»

— Достаточно,— произнес Куз Митч.— Я правильно понял, что все четыре Джона, а также Джоана Бекер являются незаконнорожденными детьми старого лорда

— Совершенно верно. Как видим, подземный ход во времена любвеобильного лорда не простигал впустую.

— Теперь понятно, что имела в виду бедная Джоана, когда писала прощальное письмо своему не состоявшемуся возлюбленному. Представляю, каково было узнать, что закрутила роман с единокровным братом. Но заметьте, мистер Трауб, она его убивать не собиралась, хотя он тоже мог претендовать на долю наследства. Мне даже жаль бедную девушку. Но главное, мы так и не выяснили, кто же ее убил. Основания для убийства есть у всех, но убить мог только один. И куда он дел тело? Уж кто-то, а Томми учゅял бы свежий труп за полмили, а бедняга тычется, словно собака, потерявшая след, и плодит дурные гипотезы. Значит, Джоану выманили из дома и убили где-то в другом месте, а в замке трупа нет и не было.

— Что? — Трауб хлопнул себя по лбу.— Говоришь, трупа нет и не было? Болван! Как я не подумал? Идем скорее, может быть, еще не поздно...

Баскет-Холл — небольшой замок, но, когда бежишь от конюшни к парадному входу, огибая остатки рва и флигель для прислути, маршрут оказывается достаточно длинным. В холле Трауб и Митч едва не сбили Томми, который направлялся куда-то, держа на отлете драгоценную свою шляпу.

— Томми, бегом к хозяйке! Там должен быть доктор Листер. Пусть он немедленно спустится в винный подвал. Требуется его помощь!

Хорошо вышколенный сотрудник отличается тем, что вопросы он задает потом. А что касается вопросов доктора и миссис Баскет, то у Томми есть шляпа. Она даст ответы на любые вопросы.

— Ты говорил,— задыхаясь, произнес Трауб,— что Джон Брукс занимался в подвале кирпичной кладкой. Это где?

— Рядом с подземным ходом. Но там нет ничего, только трещина в старой стене. Новая кладка — что-то вроде контрфорса.

— Ты проверял?

— Нет, — сокрушенно признался Куз Митч.

— Инструменты тут где хранятся? Кувалда, зубило, ломик?

— У Брукса в подсобке все должно быть.

Висячий замок с двери кладовки Митч сбил одним молотком. Выбрали инструмент и неизменный масляный фонарь, без которого в подвале мог ориентироваться один только Куз Митч.

Забравшись на стеллаж и примостившись у самого потолка, Митч легко взмахнул кувалдой, какую иной спортсмену и двумя руками не поднять. Вниз посыпалась кирпичная крошка, а затем и целые кирпичи.

— Дрянной у них раствор, — пыхтел коротышка. — Надо бы глины две части, да песочку просеянного — три, да извести негашеной одну часть, да на тухлых яйцах замешать, как следует быть, вот тогда раствор получится — на века, никаким зубилом не расковырять. А это — труха.

Грохот молота разносился по всем подвалам, слышался и на этажах. Первыми на шум прибежали два Джона — истопник и возница.

— Эй, что вы тут творите? — закричал Джон Брукс. — Хотите дом обрушить? Немедленно прекратить!

— Сэр, — произнес Сэмюэль Трауб, загородив тощую фигуру проход. — Хотите ли вы сказать, будто вам известно, что скрывает кладка? Если не ошибаюсь, именно вы сложили эту стену.

— Там нет ничего, кроме треснувшего фундамента, вы сейчас ломаете стену, которая поддерживает ослабевший участок.

— Меньше всего эта стенка похожа на контрфорс, — возразил Трауб, оттаскивая в сторону обрушенные

кирпичи.— По-моему, это просто перегородка, поставленная, чтобы никто не заглянул и не увидел, что находится позади нее. Но, к вашему сведению, именно это я и собираюсь сделать: заглянуть и узнать, что там творится.

— Да что с ним разговаривать! — взревел вислоусый Джон Хок.— Гнать его взашей! Взял моду — в чужом доме распоряжаться!

Сжав кулаки, Хок принял стойку и двинулся на Трауба. Американец расправился, и через секунду дюжий вознича растянулся у стенки на груде битого кирпича.

— Сэр, вы ударили открытой ладонью! Это подлый удар, запрещенный правилами!

— И что? — спросил Трауб.— Когда мне захочется побоксировать с вами, мы выйдем во двор и займемся этим благородным спортом. Там все будет по правилам. А пока прошу не мешать. Кстати, уже видно, что никакой трещины в фундаменте нет, а есть пролом в стене, заложенный тем же новеньkim кирпичом.

— Сэр,— траурным голосом произнес Джонистопник.— Вам, вероятно, неизвестна мрачная легенда, связанная с Баскет-Холлом. Когда-то в этом замке был ужаснейший во вселенной убliuet. Здесь нашла свою кончину бывшая владелица Баскет-Холла, и с тех пор бледный призрак ее бродит по замку. Когда часть стены обрушилась, я заглянул туда краем глаза. Я ничего толком не разглядел, но даже того, что я успел заметить, хватило, чтобы ужаснуть меня навеки. Заклинаю, не оскверняйте могилу несчастной грешницы.

— Мне известна ваша легенда,— возразил Трауб,— я видел Даму Роз, разговаривал с ней, и, полагаю, мы достаточно знакомы, чтобы я мог нанести ответный визит. Мистер Митч, продолжайте работу, только осторожней, чтобы кирпичи не обвалились внутрь.

Митч спрыгнул со стеллажа и взялся за вторую пареборку.

В это мгновение полутьму подвала прорезал яркий луч газового фонаря, и резкий голос в унисон с ним рассеял глухие подвальные звуки:

— Что здесь происходит?

В дверях винного подвала стояла миссис Баскет, позади которой теснились Томми и доктор Листер с фонарем.

— Мистер Трауб,— отчеканила леди Баскет.— Вы злые, употребили моим гостеприимством и ведете себя недопустимо. Я вынуждена отказать вам от дома. Немедленно прекратите самоуправство и покиньте Баскет-Холл!

— Мэм,— произнес Томми над самым ухом возмущенной леди,— здесь совсем недавно произошло страшное преступление, и мы не можем покинуть Баскет-Холл пока не раскроем его.

— Этого еще не хватало! Поганый ниггер, черномазая обезьяна смеет оскорблять белую женщину!

— Мэм,— голос Томми излучал потоки скорби,— пройдет не так много времени, и вашим потомкам будет очень стыдно за эти слова.

— Мистер Трауб! Избавьте меня от поучений вашей готтентота и покиньте Баскет-Холл!

— Миссис Баскет! — в тон леди ответствовал американец.— Не забывайте, что мы связаны деловыми отношениями. Если вы согласны выплатить неустойку за разрыв контракта, я покину Баскет-Холл и вернусь только полицией. Если же контракт продолжает действовать, надеюсь, вы понимаете, что зверское, к тому же нераскрытое преступление вряд ли привлечет сюда толпы одыхающих.— Трауб выдержал паузу и добавил: — Мистер Митч, продолжайте работу.

Митч, который и не думал работу прекращать, распремился и сказал:

— А вы бы отошли, сейчас кирпич повалится.

Дурно сложенная стенка рухнула, открыв зияющий пролом. Лучи двух фонарей высветили охапки завядших роз и жалкую фигурку, скорчившуюся в углу каменного мешка.

Туда проник свет и воздух, оттуда пахнуло тяжелой вонью, настоящей на гниющих розах. Кто раз вдохнет полной грудью этот коктейль, уже никогда не сможет наслаждаться ароматом царицы цветов.

Томми, не смутившись ни скорбным зрелищем, ни смрадом, от которого могло вывернуть наизнанку кого угодно, первым кинулся в пролом и вынес на руках бесчувственную девушку.

— Жива! — крикнул он и, прыгая через две ступеньки, побежал наверх. Следом заторопился доктор Листер.

— Если я правильно понимаю, — громко произнес Сэмюэль Трауб, мы нашли в этом карцере мисс Джоану Бекер. Она сильно изменилась, но узнать можно. То есть перед нами тщательно спланированное и с невероятной жестокостью осуществленное покушение на убийство. Особо прошу обратить внимание на розы, свежие и увядшие, на грязную накидку, что лежит на полу, и на небольшую склянку в углу. Это важные улики, прошу всех запомнить эти подробности. Теперь я предлагаю всем подняться в гостиную для дачи свидетельских показаний. Предупреждаю, что попытка скрыться или уничтожить улики будет рассматриваться как признание своей вины. Если кто-то считает, что я, как гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, не имею права вести дознание, тот может давать показания непосредственно коронеру ее величества.

Возражать никто не стал, все послушно поплелись наверх.

* * *

Допросную Сэмюэль Трауб обустроил в курительной комнате. Обитатели Баскет-Холла собрались в большей гостиной. Друг с другом никто не разговаривал, понимали, что всякое сказанное вслух слово может обернуться статьей обвинения.

Первым в курительную был вызван Джон Хок, чей физиономию украшал настоящий фингал, ничуть не поминающий некробиотический инфильтрат.

— Сэр,— начал он с ходу, не дожидаясь вопросов,— ведь я не знал, что там, честное слово, не знал.

— И именно поэтому полезли в драку.

— Да какая драка? Мелкое недоразумение между двумя джентльменами.

— Предположим... А поездка к архивариусу за зеленой папкой?

— А что такого? Ездил, привез, папку отдал...

— Кому?

— Миссис Баскет, кому же еще?

— И не посмотрели, что внутри?

— Нет, конечно, зачем? И вообще, папка была опечатана.

— Поглядеть со стороны,— медленно произнес Трабуб,— получается, что вы честный малый. Не велел хозяйка в бумаги заглядывать — не заглянул, просила девушка ее письма сжечь — сжег. Вот только как объяснить последнюю записку, где вы просите Джоана Бекер прийти вечером не в ротонду, где вы обычно встречались, а в винный подвал, где подземный ход только начинается? Пригласил девушку, а сам не прошел. Или пришел?

— Нет, конечно... То есть какое письмо? Откуда взяли? Не было никакого письма!

— А вот это. И приписочка: «Прошу, сожги это послание».

— Откуда это у вас? Я ее сам сжег. Джоана пробегала по делам и сказала, что придет. А записку сунула мне обратно, сказав: «Сожги сам, тебе проще». Я сжег! Так откуда она у вас?

— Дело в том, что рукописи не горят. Правда, хорошо сказано? Жаль, что таланта у меня хватает лишь на фельетон в воскресном номере газеты. Но ничего, хорошие фразы тоже не исчезают бесследно, и когда-нибудь настоящий писатель скажет эти слова там, где они должны прозвучать. В любом случае, вот эта записка, и я не представляю, как вы будете объяснять присяжным, зачем ее писали. Боюсь, что, если доктор Листер не сможет помочь Джоане Бекер, вас ожидает виселица.

— Я не виноват! Это она заставила меня написать эту записку!

— Кто — она? — спросил Трауб, хотя уже знал ответ.

— Дама Роз.

— Присяжные не поверят, — Трауб усмехнулся.

— Но ведь вы мне верите?

— Я всего лишь частный детектив, а все улики против вас. Но если Джоана Бекер останется жива, я постараюсь вам помочь. Я просто не дам хода бумагам, которые вы так удачно не сумели сжечь. Вы останетесь кучером в Баскет-Холле, будете возить со станции туристов, а их здесь скоро появится много. Вы будете сохранять вид мрачный и загадочный, чтобы каждый видел, что с вами связана страшная фамильная тайна. И еще... При Дарлингтонском паровозостроительном заводе имеются курсы машинистов конно-паровой тяги. Вы немедленно запишитесь туда и будете учиться прилежно, потому что то, как вы обращаетесь с лошадью, это преступление, которое нельзя прощать. Вам ясно?

— Слушаюсь, сэр!

— Тогда ступайте, а сюда позовите Джона Стила.

Садовник, так недавно взятый с поличным, вошел в курительную гостиную с видом изначально виновным.

— Вот и палач, безжалостный мучитель несчастной девушки! — приветствовал его Сэмюэль Трауб.

Вновь состоялся разговор, очень похожий на предыдущий. Джон клялся и божился, доказывая свою невиновность, апеллировал к призрачной Даме Роз, а Трауб предлагал рассказать все эти сказки здравомыслящим английским присяжным. Наконец, когда среди розовых кустов отчетливо замаячил призрак виселицы, детектив смилиостивился над садовником.

— Если Джоана Бекер выживет после пережитых потрясений, я постараюсь вам помочь. О вашей будущей роли в этой истории никто не узнает. Вы останетесь садовником и будете работать здесь же, в Глостер-Холле. Но вам придется значительно расширить розарий — в три, а возможно, в четыре раза. Здесь будет много туристов, и каждый захочет получить свою розу. Мы отпечатаем проспекты, где будет описана история Дамы Роз. Там найдется место и для вас. Вечером вы будете проносить по подземному ходу бумаги и сбрасывать их в вентиляционную трубу, якобы для древнего привидения, а экскурсанты, укрывшиеся за портьерами, будут следить за вами, ужасаться и вихтаться. Не исключено, что многие уверуют, будто вы тот самый садовник, что жил здесь пятьсот лет назад. Будьте готовы к этому.

— Может быть, мне проще получить расчет и заняться огородничеством?

— Нет. Те цветы, что гниют сейчас в карцере, должны быть отработаны. К тому же, если дело пойдет на лад, ваше жалованье может быть увеличено. Так что ступайте и позовите сюда Джона Брукса.

Истопник молча вошел, уселся в предложенное кресло и мрачно уставился взглядом в колени.

— Против вас очень тяжелые обвинения и серьезные улики, — начал Трауб. — Именно вы замуровали живой Джоану Бекер, а потом противились попыткам освободить ее.

Джон Брукс медленно кивнул и не сказал ничего.

— Может быть, вы все-таки объясните свои действия? Ведь, когда дело дойдет до суда, вам будет грозить смертная казнь.

— Какой толк говорить, если все равно никто не поверит?

— Для того чтобы поверить или не поверить, нужно услышать, что вы скажете.

— Хорошо, я расскажу, и можете смеяться сколько угодно. Вся эта история началась две недели назад. Ночью меня разбудил голос, женский, но гулкий, словно из под земли. Женщина называлась Дамой Роз, и она просила моей помощи.

— Прежде вы Даму Роз видали, разговаривали с ней?

— Нет. Я сижу в подвале, а она, если и появляется, то в парадных залах. Но я и тогда ее не видел, только голос.

— И что же она просила?

— Она сказала, что ей нужно еще одно помещение. Вы только представьте, пятьсот лет бедной женщине некуда приткнуться, кроме той норы, где она когда-то скончалась. А так появится место, где ничто не напоминает о смерти. Разумеется, я согласился.

— Как вы думаете, почему она обратилась именно к вам?

— Прежде всего, потому, что я могу это сделать. Никого не интересует, как я перестройка подвалы. Леди получает тепло, воду и газ для светильников, а откуда все берется, ее не интересует. Кроме того, Дама Роз сказала... это долгая история... видите ли, я — незаконнорожденный, моя матушка прижила меня неизвестно с кем. Так вот, она говорила, что мой отец — старый лорд Баскет.

Обычные сказки для безотцовщины. Вы посмотрите на мои ладони, разве у лордов бывают такие мозоли? А та Дама Роз сказала, что я и впрямь сын Джона Баскета — значит, ее дальний потомок. Смешно...

— Самое удивительное, что это правда. Взгляните на этот документ написан рукой Джона Баскета.

Брукс внимательно прочел бумагу и вернул ее сыщикам.

— Любопытно. Но это ничего не меняет.

— Что было дальше?

— Я подготовил келью в шахте бывшего технического лифта. Там лифт был, чтобы вино из подвала, минуя лестницу, поднимать сразу в пиршественный зал. Вентиляционную трубу обновил, все честь честью. Кирпич завез цемент для раствора. А потом Дама Роз снова пришла, сказала, что она приготовилась, и мне нужно замуровать вход.

— Дама Роз пришла сама или опять только голос?

— Голос. Я встал и пошел к келье. Там лежала девушка.

— И вы не узнали, что это Джоана Бекер?

— Нет. Ее лицо и почти все тело было закрыто белой материей, вроде кисеи.

— И вы не заметили, что девушка жива и дышит?

— Я смотрел только на свои руки и работу. Я кое-что приготовил раствор, быстро заложил отверстие, где прежде были дверцы лифта, и начал складывать перегородку.

— А потом?

— Потом пошел и напился.

— А когда услышали, что пропала Джоана Бекер, никто не заподозрили?

— Чего там заподозривать? Сказали, что она сбежала с каким-то ножевщиком. Я и поверил. Я не знаю, зачем Даме Роз понадобилось устраивать со мной такое, но все делал как мужчина и честный человек. Я понимаю, что мне никто не поверит, и в конце концов меня пове-

сят, но и на казнь я пойду с высоко поднятой головой, как полагается мужчине.

— Знаете, Джон, я вам верю. Вы здесь единственный, кто не пытается лгать и выгораживать себя. Я постараюсь не доводить дело до суда, а вам предлагаю оставаться в прежней должности. У вас будет много работы: надо реанимировать старый реактор, а в кухне в дополнение к керогазу и нелепой пароварке поставить настоящую дровяную плиту. Вскоре в замке будет много гостей, и вместо миссис Бакт придется нанимать отдельного повара. Возможно, и вам понадобится помощник; приищите среди хуторян толкового парня. А пока можете идти к себе. Только в этой... келье ничего не трогайте.

Ошарашенный Джон Брукс поклонился и, пробормотав что-то нечленораздельное, удалился.

— Томми,— сказал Трауб,— пригласи сюда Джона Бакта.

— Джон Бакт болен, сэр.

— Ничего. Скажи, что мы нашли Джоану Бекер и хотим задать ей несколько вопросов. Думаю, он будет здесь, прежде чем ты успеешь надеть свою шляпу.

Так и случилось. Через три минуты Джон Бакт, дворецкий, старший из четверки Джонов, желтый и пахнущий йодоформом, уже входил в курительную комнату.

— Говорят, вы поймали сбежавшую девицу? — начал он от самого порога.— Или ее выгнал любовник, и она сама притащилась обратно? Решать, конечно, будет миссис Баскет, но я против того, чтобы вернуть на службу развратницу.

— Как ваше здоровье, мистер Бакт? — поинтересовался Трауб.— Со стригущим лишаем не шутят. Чрезвычайно удачно, что в вашей аптечке оказался йодоформ.

— Пустяки, не стоит внимания,— отмахнулся дворецкий.

— Почему же? Именно пустякам и следует придавать самое большое значение. Вот пример: в захолустную

аптеку заходит покупатель, один из уважаемых в округе граждан, и покупает редкое, в общем-то, лекарство. Всё вы не хирург, обеззараживать открытые раны вам надо. Я еще не спрашивал доктора Листера, но не удивлюсь, если окажется, что упаковку с йодоформом прошлось вскрывать ему.

— Какое вам дело до моей аптечки?

— Видите ли, если на следующий день этот уважаемый господин снова появляется в аптеке и на этот раз покупает хлороформ, то из этого факта можно сделать дальнейшие выводы.

— Какой еще хлороформ? Не знаю никакого хлороформа!

— Верю. Именно поэтому вы перепутали и поначали купили совершенно ненужный вам йодоформ. Но, как видите, пригодился и он. Здорово Дама Роз хлестнула вас по физиономии?

Джон Бакт тяжело опустился в кресло.

— Нам известно даже это,— безжалостно продолжал Трауб.— Впрочем, присяжных будут интересовать только факты, а не ваши отношения с привидением. А факты говорят против вас. Вы подкараулили Джоану Бекер в винном подвале, вы набросились на нее, душили несчастную девушку, вы усыпили ее при помощи хлороформа, уложили в камеру, в которой Джоана Бекер была найдена, укрыли тюлевой гардиной. Кстати, гардина была взята из бельевой, это могли сделать только вы или ваша супруга?

— Вы бредите! Какая камера, какой хлороформ?

— Повторяетесь,— сухо сказал Трауб.— Хлороформ тот самый, что вы покупали в аптеке. Факт покупки подтверждают не только показания аптекаря, но и фискальный чек в кассе. А склянка из-под хлороформа найдена в убранстве, и доказать, что это та самая склянка, которую купили вы, будет несложно.

— Чушь! Там нет никакой склянки, я сам ее выбросил...

— Значит, выбросили... очень интересно. Тем не менее она там есть, да еще и положена на самом виду. Для строгих английских судей этого достаточно, чтобы повесить вас в назидание всем любителям убивать девушек...

Сэмюэлю Траубу пришлось еще долго практиковаться в прокурорской риторике, прежде чем дворецкий про никся видением намыленной петли и принял не отрицать все подряд, а оправдываться и взывать к тени Дамы Роз, которая велела ему делать все это, обещая титул и богатое наследство.

— Привидения в Соединенном Королевстве неподсудны коллегии присяжных, к тому же уголовно наказуемые деяния совершили вы, а не Дама Роз. Лично я с большим удовольствием посмотрел бы, какую кадриль вы спляшете под перекладиной, но, к сожалению, вы потащите за собой невинных людей. Поэтому мне придется покрыть ваше преступление, но только потому, что Джоана Бекер осталась жива. Доктор Листер только что сообщил, что ее жизни ничто не угрожает. Но, чтобы вы не вздумали повторить вашу аферу, извольте подписать эту бумагу. Здесь вы сознаетесь во всем совершенном. На этих условиях вы остаетесь дворецким в Баскет-Холле, а ваша супруга будет служить экономкой.

Никто не входил в курительную и не сообщал Сэмюэлю Траубу о состоянии здоровья горничной, но именно эта несุразность окончательно сокрушила Джона Бакта. Он подписал все, что от него требовали, и удалился, униженно кланяясь.

— Пока все идет как должно, — заметил Трауб. — Томми, сбегай, узнай, Джоана действительно пришла в чувство?

— Я это и так чую. Девушка отошла от смертной черты, умница доктор ни о чем ее не расспрашивает. Миссис Бакт варит бульон, а пока больной дали немного сыво-

ротки. Наружно доктор применяет влажные салфеты. Последнее, как мне кажется, излишне, все-таки на розе было достаточно росы.

— Вот чего я не понимаю, если у тебя такое обоняние, почему ты сразу не учゅял, где томится Джоана Бекер?

— Ах, масса Сэм! — воскликнул Томми. — Обоняние здесь ни при чем. Просто, пока вы занимались с дворником, я сбегал к доктору и все узнал. И никто ни здесь, ни там не обратил на меня внимания.

— Ну ты жук! В таком случае сбегай и приведи сюда миссис Баскет.

— Может быть, будет лучше, если сходит Кузьмина. Леди Баскет очень не нравится цвет моей кожи.

— Пусть привыкает. ХХ век на носу, а она рабскую сегрегацию практикует. Давай ее сюда, займемся воспитанием.

Миссис Баскет вошла в курительную, куда дамы обычно не заходят, и остановилась у порога. Видно было, на сколько усилий стоит ей сохранять спокойствие.

Сэмюэль Трауб молча ждал.

— Сэр, — ломко произнесла миссис Баскет. — Я должна просить у вас прощения. Вы предупредили страшное преступление, которое едва не произошло в моем доме. Но кто мог подумать, что люди, рядом с которыми я жила столько лет, окажутся способны на столь бесчеловечные поступки. Надеюсь, закон жестоко покарает преступников. Я, со своей стороны, сменю весь штат прислуго. Баскет-Холле должны служить только безупречно чесные люди.

Трауб смотрел с прищуром, затем спросил:

— Скажите, мадам, зачем вы врете? Могли бы уже сказать, что ложь я определяю с полуслова.

Английскую леди назвать «мадам»! Большего оскудения не бывает. Миссис Баскет задохнулась от него.

вания, а Трауб, не давая ей собраться с мыслями, начал обвинительную речь:

— Четверо мужчин, живущие в замке и замешанные в деле Джоаны Бекер, утверждают, каждый независимо от другого, что исполняли волю Дамы Роз. Но английское судопроизводство не знает ни одного precedента, когда привидение стояло бы во главе преступного сговора. К тому же ни один из слуг не видел Дамы Роз, слышали только ее голос. А голос легко подделать, для этого не нужен ни граммофон, ни иные изобретения ушлого разума. Предки решили проблему просто, придумав крепостную волынку. Система труб, проложенных в стенах, позволяет прослушивать любое помещение замка. Мы обнаружили ее в самый первый день нашего пребывания здесь, так что вы напрасно пытались прослушать наши разговоры. С помощью этой же волынки можно и говорить, выдавая себя за Даму Роз или вообще за кого угодно. Замечательно, что все трубы сходятся в вашей спальне, так что никто, кроме вас, не мог бы...

— Я не понимаю,— подала голос леди Баскет.

— Хорошо, поведу рассказ с самого начала. Недели две назад Джоана Бекер, прибирайясь в библиотеке, обратила внимание на зеленую папку с документами. Документы оказались столь интересны, что девушка даже не закончила уборку, пыль на верхней полке осталась не вытерта. Не знаю точно, каким образом папка попала в ваши руки. Возможно, Джоана по наивности сама пришла к вам с находкой, но, скорей всего, вы наткнулись на папку, когда по своей привычке обыскивали комнату горничной.

— Ложь! — каркнула миссис Баскет.

— Я думаю,— с бесконечным терпением проговорил Трауб,— а не вызвать ли нам Даму Роз? Уж она-то знает, где ложь, а где правда. Суд ее показания во внимание не примет, но ведь мы еще не в суде. Ну как, проведем очную ставку?

— Нет,— хрипло произнесла леди.

— Тогда я, с вашего позволения, продолжу. Разумеется, вам не понравилось то, что вы нашли. Вы даже пытались сжечь бумаги вашего мужа, но вам это не удалось. В обе папки, целые и невредимые, со всеми документами, которым хоть сейчас можно дать ход. Пятеро родственников, каждый из которых имеет право претендовать, пусть маленькую, но ощутимую долю наследства. Претендовать, между прочим, при вашей жизни. Конечно, обе зеленых папки оказались у вас, но, где две папки, там может оказаться и третья. И вы решили избавиться от соперников. Убить Джоану Бекер руками Джона Бакса и Джона Брукса, а потом «раскрыть» ужасное преступление, отправив этих двоих на виселицу, а Джона Стилла — его цветами — на каторгу. Вы даже рисковали зайти на место преступления, чтобы подложить в убийство склянку под хлороформа, выкинутую дворецким. Красивый план, ничего не скажешь. А знаете, в чем был ваш просчет? Вы сообщили в полицию об исчезновении мисс Бекер уже следующее утро, даже не расспросив никого из слуг. Когда я увидел копию вашего заявления, я сразу заподозрил неладное. Хотя и подумать не мог, что преступление окажется столь причудливым. Чтобы додуматься до такого, нужно родиться в Старом Свете.

— Дьявол! — прошипела миссис Баскет.— Дьявол! Кто вас только занесло к нам из ваших штатов?

— Положим, дьявол это вы. Я никого не пытался убить, только спасал. А занесло очень просто; всему виной технический прогресс. Полицейский участок в Баскетви отправил отчет вместе с вашим заявлением в столицу графства, город Дарем. А ваша хваленая пневмопочта реадресовала его в город Дарем, штат Нью-Гэмпшир, и он попал на глаза скучающему журналисту, то есть мне. Вообще, меня поражает страсть англичан давать свои

городам те же названия, что и города в Америке. Столица моего штата — город Манчестер. Так вот, приехав в Англию, я узнал, что у вас тоже есть Манчестер. Зачем вы его так назвали, ведь ясно, что путаницы не оберешься? Однако вернемся к нашим бизонам. Когда я прочел ваше заявление, то сразу понял, что здесь скрыта сенсация. Первым делом я проверил, какая еще информация существует о Баскет-Холле, и наткнулся на ваше объявление полугодичной давности. Найти его было нетрудно: у нас существует картотека, куда заносится вся доступная информация. Записи делаются на перфорированных карточках, которые хранятся в специальных ящиках. Чтобы найти нужную запись, не приходится перебирать тысячи карточек. Берем три спицы, вставляем каждую в свое отверстие. Например: текущий год, Англия, замки и усадьбы. Затем поднимаем спицы вместе с висящими на них карточками. Но те карточки, у которых во всех трех позициях оказались вырезы, падают вниз. То есть из десяти тысяч карточек мы разом отбираем дюжину, повествующую о том, что случилось в текущем году в замках и усадьбах Англии. Все происходит быстро и элегантно, наверняка человечество никогда не придумает более удобного и быстрого способа обработки информации. Так я и нашел ваше обращение, и вот я здесь!

— Негодяй! — с чувством произнесла миссис Баскет.

— Прежде всего, я деловой человек. Поэтому предлагаю прекратить ругань и заняться вашей судьбой и судьбой нашего совместного предприятия. Два очерка я уже сдал, скоро следует ожидать наплыва посетителей, а тут черт знает что творится.

Миссис Баскет махнула рукой, показывая полное безразличие к делам денежным.

— Преступление, да еще такое вычурное, это хорошо, на него клюнут. А судебный процесс нам ни к чему.

Уaborигенов не должно быть судебных процессов.— Я предлагаю следующее.— Трауб протянул миссис Баскет бумагу, отпечатанную при помощи телеграфной аппаратуры.— Ознакомьтесь.

Миссис Баскет вяло взяла предложенное, начала читать, потом резко отбросила разлетевшиеся листки:

— Так вот чего вы хотите? Чтобы Баскет-Холл был вашим! Не выйдет! Леди Баскет я родилась, леди Баскет и умру!

— Опомнитесь, сударыня! Когда вы родились, ваша фамилия была не Баскет, а Джерней. Советую внимательней перечитать договор. Для вас это единственная возможность не только избежать петли, но и сохранить нынешнее положение. У вас хорошее воображение, так представьте: леди Баскет с прокущенным языком и сломанной шеей висит под перекладиной. А так вы останетесь жить в замке, и никто не будет знать, что не принадлежит вам. Я беру вас на работу на должностную леди Баскет, владелицы замка. Или вам так дороги память Роберта Джернея, которого вы не видели уже сорок лет? Так я встретился с ним, когда ездил в Йорк. Роберт Джерней оказался здравомыслящим человеком и за большую сумму отказался в мою пользу от вашего семейного наследства. Выбирайте, леди, выбирайте. Бумага всего лишь гарантирует, что больше вы не находитесь никаких самоубийственных гадостей. А то мало, вдруг выплынут еще какие-нибудь любовные похождения покойного лорда.

— Не удивлюсь,— проскрипела миссис Баскет.— всегда был страшным бабником.

— Но теперь плоды его многочисленных любовей смогут претендовать на наследство.

— Ненавижу!..— выдохнула миссис Баскет.

— Придется перетерпеть. Ведь вы и прежде догадались, кто эти люди, но терпели. Так что подписывайте.

идите отдыхать. Как-нибудь на досуге мы съездим к нотариусу и оформим все более корректно. А пока сойдет и так.

Трауб взял вставочку со стальным пером, обмакнул в чернильницу-непроливайку и протянул миссис Баскет. Разбрызгивая кляксы, леди расписалась на каждом листе и, беззвучно прошептав: «Будьте вы прокляты!» — вышла из комнаты.

— Кажется, все получилось, — весело сказал Трауб. — Правда, в фирме будет работать многовато потенциальных убийц, но зато мы знаем, кто из них на что способен. И еще, Томми, завтра надо будет сбегать к поверенному миссис Баскет, сказать, чтобы он снял с продажи гостиницу и пустоши, для которых нет арендаторов.

— Масса Сэм, — произнес Томми, потупив глаза. — Я уже был у поверенного, так что новых продаж ожидать не следует.

— Новых? — спросил Трауб. — Значит, что-то уже продано?

— Не совсем продано — взято в аренду на девяносто девять лет с правом продления аренды по окончании срока.

— Что именно продано?

— Гэльская пустошь и гостиница «Том и Джени».

— И кому же могла понадобиться пустошь? — испытывающее глядя на негра, спросил Трауб. — Насколько мне известно, там находится единственный в округе охотничий домик.

— Домик в плачевном состоянии, это жилье не для белых людей. Все равно придется строить новый. Но зато на пустоши такие захоронения! Утопленники, самоубийцы, бесвестные трупы — всех закапывали там. Ну кому, кроме старого Томми, может понадобиться такое сокровище?

— А гостиницу, если я хоть что-то понимаю, купил некто Куз Митч?

— Сэр, я должен где-то жить, причем постоянно в одном и том же доме. Разъезжать по белу свету — не по мне.

Я, с тех пор как меня с моего прежнего домика сбраскаюсь сам не свой. А гостиничка мне понравилась уютная. Прежде хозяев в ней не было, одни арендаторы, а дух арендаторский быстро выветривается. Опять усадьба рядом, понадобится что, зовите — пособлю.

— Мог бы и здесь оставаться, приглядывал бы за Джоими и их мачехой.

— Нельзя. Если я хоть на неделю под этой крышей останусь, розовой дамочке вовсе житья не будет. А в стинице хорошо, там не камин дурацкий, а дровяная печь с духовкой. С русской печью не сравнится, но пиропечь можно, со свининой и луком, с тресковой печенью, молоками... не чета английским пудингам. Я этих англичан и прочих туристов научу калачи есть.

— Пускай будет по-твоему, — согласился Трауб. — Е «перловка, сэр» должна быть эксклюзивным блюдом Баскет-Холла.

— О чём разговор? — добродушно прогудел Куз Митчелл.

— И, наконец, если уж речь зашла о Даме Роз, может быть, позовете ее сюда? Я понимаю, на улице день, в окна мы занавесим и закроем ставнями. Ничего с ней один раз не случится.

Дама Роз вошла неслышно и остановилась в той же позе, что и миссис Баскет десять минут назад.

— Слышали, о чём здесь говорилось? — спросил Трауб, не дождавшись ответа, продолжил: — А теперь раз скажите, зачем вам понадобилось все это? Вы лучше не знаете, что дура хозяйка была лишь игрушкой в ваших руках, равно как и все остальные. Без вашей подсказки Джоана Бекер никогда бы не полезла читать бумаги из злосчастной зеленой папки, миссис Баскет не обнаружила бы в бумагах покойного мужа требование выдать вторую папку предъявителю. А уж найти и запустить крепостную волынку ей и вовсе не по разуму. Еще заметы,

нынешняя владелица замка мечтала уничтожить всехbastardов своего супруга, но не сообразила, что на суде Джон Хок наверняка будет оправдан, ведь он не делал ничего предосудительного. Не отправлять же человека на каторгу за то, что он назначил девушке свидание и не пришел. То есть, с точки зрения мадам, план оказывается никуда не годным, а вот для вас очень важно, чтобы хоть один Баскет остался цел и мог вступить во владение замком. Не знаю, почему вы выбрали вислоусого увальня Хока, пусть это останется вашей тайной, должна же в деле быть хоть одна нераскрытая страница. А зачем вы уготовили Джоане Бекер столь причудливую смерть, вы нам расскажете. Просто для того, чтобы в будущем ничего подобного не повторилось.

Дама Роз презрительно усмехнулась, но ответила голосом едва слышным и уж никак не способным пробудить от честного сна умавшегося за день истопника или садовника.

— Мне нужна горничная. Пятьсот лет я обхожусь без прислуги.

— Ну не дура ли? — громко вопросил Куз Митч.— С чего ты взяла, что Джоана, случись ей стать призраком, будет тебе прислуживать? Среди привидений такого не водится. И вообще, в одной берлоге два медведя не живут. Сама посуди, я в доме третий день хозяйничаю, и как, сладко тебе от моего соседства? Я-то что, завтра уйду, а Джоана осталась бы на века.

— Я не знала,— прошептала Дама.

— Теперь будешь знать! — припечатал Сэмюэль Трабуб.— И вообще, хватит самодеятельности. С этой минуты вводится дисциплина и распорядок дня, вернее, ночи. Четыре раза в неделю, в понедельник, среду, пятницу и субботу между часом и двумя ночи вы будете проходить через парадные залы и гостиные Баскет-Холла, чтобы

экскурсанты, заплатившие за право поглядеть на наследующее английское привидение, могли это привидение увидеть.

— Сэр, вы забываетесь! — отчеканила Дама Роз громко, как только могла. — Я не нанималась к вам в прислугу, как нынешняя мадам. В своем замке я хожу где вздумаете и гуляю сама по себе.

— А вы не забывайте, что замок теперь принадлежит мне, и я запросто могу отказать вам от квартиры. На ваше место с радостью пойдет любой из бездомных духов, что бродят по Гэльской пустоши.

— Ха! Посмотрю, как вы сумеете это сделать! Сэр Эдвард не допустит такого поношения родового гнезда.

— Сэр Эдвард умер давным-давно и допустит что угодно. А чтобы выселить из дома вас, достаточно вскрыть ваш убliет и похоронить ваши останки по-человечески.

— Еще никто не мог найти моей гробницы!

— Они неправильно искали. Если без толку бродили по замку, выступивая стены, то не найдешь ничего и никогда. А надо всего лишь немного подумать. Отверстие, через которое вам бросали розы, выходило не на чердак, а в комнаты первого или второго этажа. Колонн в замке нет, значит, единственный способ спрятать дыхательную трубу — внутри капитальной стены; они для этого достаточно толстые. Внешние стены укрепленного замка никто портить не будет, значит, отверстие проходит внутри той стены, что делит замок на две части. Внутри этой стены проходит труба от камина, что в пиршественном зале. Думается, ваша труба находится рядом, так проще строить. Прежде ее устье было открыто, а после вашей смерти заложено каминной полкой. Я смотрел, там имелись каменные плиты из местного известняка — спрятаны слева от камина. Выбор невелик: под какой из них отверстие?

— Под правой,—убито прошептала Дама.

— Да не расстраивайтесь вы,— успокаивающе произнес Трауб.— Лучше радуйтесь, что избежали больших не приятностей. Мы с вами еще сработаемся. Когда миссис Баскет покинет этот мир, мы восстановим в правах кого нибудь из бастардов, и ваше мнение при этом будет учтено. А пока идите к себе под правую плиту и отдыхайте.

Дама Роз не ушла, а словно истаяла в воздухе. Сэмюэль Трауб отер пот со лба и сказал, обращаясь к своим товарищам:

— Ничего не скажешь, мы неплохо поработали. Заложили основу серьезного бизнеса и распутали сложное дело. Если бы у меня был литературный талант, я бы написал о Даме Роз детективный роман.

— Вот еще... — возразил Томми.— В детективной истории сыщик должен гнаться за преступником и палить из пистолета. А мы так ни разу и не выстрелили. Для чего я покупал револьвер?

— Не огорчайся, Томми. Вот разгребем самые неотложные дела и отправимся в твои владения на Гэльскую пустошь. Будем бегать там до упаду и палить из револьвера, сколько захотим.

Ольга Чигиринская родилась 7 октября 1976 года, аккурат в День Конституции страны, которой больше нет. Писатель, телесценарист, время от времени – христианский апологет. (В частности, в соавторстве с православным С. Худиевым и протестантом М. Логачевым написала книгу «Христианство: трудные вопросы».) Автор четырех изданных романов (из них один в соавторстве с К. Кинн и А. Оуэн). Переводчица с японского языка. Живет в Днепропетровске.

О своем новом рассказе «Контроллер» Ольга рассказывает следующее: «Он написан в мире цикла “В час, когда луна взойдет”. Сейчас стыдно признаваться, что пишешь “про вампиров”, но мы начали тогда, когда еще не вышли “Сумерки”. И у нас правильные вампиры: властолюбивые эгоистичные кровососущие твари. Цикл “В час, когда луна взойдет” создавался совместно с К. Кинн и А. Оуэн, но этот рассказ, по условиям сборника, написан соло».

Добавим от себя: «Контроллер» – рассказ самостоятельный и сюжетно завершенный, так что читать его можно даже тем, кто не знаком с исходным циклом.

Ольга Чигиринская

Контроллер

По прикидкам Цумэ, долго куковать под подъездом не пришлось бы: утро, люди идут на работу, кто-нибудь да откроет.

Так и сталося, як гадалося,— дверь запищала, открылась, вылетел какой-то хмурый субъект в надвинутой до самого рта бейсболке и, чуть не переходя на бег, помчался в сторону автобусной остановки.

— Опаздываем, молодой человек, опаздываем,— промурлыкала Вика себе под нос. Цумэ сжал губы. Да, со стороны этот субъект выглядел как опаздывающий на работу... куртка молодежного фасона, но уже лет пять как не в моде, бейсболка рекламная, топтуны разбитые... какой-нибудь старший помощник младшего оператора в торговой сети или «энкайщик» нижнего звена.

Он не опаздывал куда-то. Он бежал от кого-то. В ужасе, в панике.

Цумэ одной рукой придержал дверь, другой — Вику.

— Я пойду первым, хорошо?

Вика немного удивилась, но не возразила.

Дощечка у почтовых ящиков. Квартира 78, третий этаж, не будем тревожить лифт.

— Какой мерзкий запах,— сказала Вика.

Запах он почуял еще на первом этаже. Просто с выводами спешить не стал.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что в его квартире и должно так вонять. Что он мерзкий, жирный, никогда не моющийся хикки.

— Тихо.— Цумэ натянул рукав на кулак, осторожно толкнул дверь. Та послушно стронулась внутрь квартиры. Запахло сильней и гуще. Как плохо, подумал он. Как плохо, когда худшие ожидания оправдываются.

— Лучше тебе в квартиру не заходить,— сказал он.— С человеком, которого так рвало, явно случилось что-то нехорошее.

— Тогда мне лучше зайти.— Вика решительно шагнула через порог.— Я все-таки медик.

Медик тут бесполезен, а сказать «а я все-таки данпил¹ и эмпат» — обвалить все прикрытие.

— Ладно, только надень вот это.— Он достал из сумки капсулу с бахилами.— И ничего не трогай руками.

— Ух ты. Может, у тебя и перчатки есть?

Цумэ вздохнул и достал упаковку хозяйственных перчаток. И вторые бахилы — для себя.

В гостиной Вика закрыла рот рукой. Тому, что лежало на диване, медику уже не был нужен. То есть нет — был. Тот медик, чьи пациенты уже ни на что не жалуются,— никак не Вика.

— Присядь там, в прихожей,— предложил Цумэ.

— И не таких видали.— Вика поборола слабость, шагнула вперед. Покойник не располагал к выслушиванию пульса или проверке апноэ, но зрачковый рефлекс отважная Вика проверила. Что ж, раз у нас под рукой медик — отчего бы не извлечь из ситуации все возможные выгоды?

— Как ты думаешь, сколько времени он уже мертв?

¹ Данпил — искаленное «дампир». По легенде — дитя вампира и смертной женщины. На самом деле старшие полностью стерильны, а данпилами называют тех, кто после инициации потерял симбионта Сантаны и перестал нуждаться в поддержке жизнедеятельности за счет потребления живой крови. Случаи спонтанной утраты симбионта настолько редки, что большинство считает их выдумкой. Искажение «дампир-данпил» произошло вследствие популяризации в начале XXI века романов Хидэюки Кикути «Охотник на вампиров Ди»: при переводе с японского конечный слог «ру» были принят за японизацию звука [л], которого в японском нет.

— Я же не судмедэксперт.

— А на глазок?

Вика попробовала отогнуть сведенный палец мертвца.

— Самое меньшее пять-шесть часов. Точнее не берусь.

Это... это он?

— С высокой вероятностью — да. Ну что, программа выполнена? Ты посмотрела ему в глаза?

Вику чуть передернуло.

— Ты предупреждал, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет. А почему ты решил, что это он?

— Сенсорный замок. Если это не он — то почему предполагаемый «он» не запер дверь? Причина смерти, по-твоему, — отравление?

— Синее лицо, полквартиры заблевано — застрелился, не иначе.— Вика нервно хохотнула.— Жора, нам пора уходить. Я имею в виду — вызывать полицию и уходить во двор. Здесь нам делать нечего. Что тытворишь?

— Подключаю тарабайку¹.— Цумэ сел за терминал.— Смотри, машина включена. А я любопытный опоссум. Ба, он оставил предсмертную записку прямо в своем блоге. «Я устал ковыряться в вашем говне, уроды. Я ухожу. Мучайтесь дальше. И от Квашни есть польза». Что-то не нравится мне эта аутоэпитафия...

— О боже.— Вика зачем-то метнулась из комнаты в кухню. И уже из кухни: — Ой, мама!

— Что такое?

— Жора, иди сюда!

Когда зовут таким тоном — надо идти.

Итак, кухня. Чайник на столе. Однокая чашка с недопитым отваром... лиловых цветов, которые Вика, фармацевт со специализацией травника, наверняка узнала. Узнала и села на табурет, чтоб не грохнуться в обморок. Широко расставила ноги, свесила голову вниз, часто дыша.

¹ Модем, передающий от терабайта в секунду и выше.

— Все нормально, королева.— Цумэ присел, поддерживая за плечи.— Я держу. Чего наглотался наш глупый сталкер?

— Ак... аконит.— Вика выпрямилась, потирая грудь.— О-о, как все плохо.

— Ну что тут сделаешь.— Цумэ распечатал платок. Вика не плакала, но мало ли... — Мы ведь и раньше знали, что он дурак, правда?

— Ты не понимаешь.— Вика замотала головой, пепельные кудри упали на глаза.— Это я его убила.

* * *

Итак, картина текущих событий на субботу 15 августа 2123 года, 11:08 утра.

Раз — труп гражданина Новосельникова по адресу Тверь, Обозный переулок, дом 53. Несомненно, труп, и несомненно, именно этого гражданина, он же собственник вышеозначенной квартиры, что подтверждается: а) дактилоскопированием и б) найденными документами. Труп находится на диване, в положении «лежа», диван, труп и окрестности сильно испачканы физиологическими жидкостями покойного гражданина, как то: рвотой и мочой. Судя по запаху, покойный, так сказать, открыл с обоих концов, но в штаны я ему не полезу, это работа судмедэксперта, прости, Валера.

Два — граждане Карастоянов и Квашнина, обнаружившие труп и вызвавшие полицию. Жители Санкт-Петербурга. Она — сотрудник компании «Лакшми — натуральная косметика», фармацевт. Он — сотрудник охранно-сыскного агентства «Лунный свет», секретарь. Угу, видали мы таких секретарей с пластикой профессиональных рукопашников. Пришли к гражданину Новосельникову обсудить отвратительное поведение оного в Сети по отношению к гражданке Квашниной и под угрозой судебного преследования по-

требовать безобразия прекратить. Безобразия гражданина задокументированы, документы предъявлены и приобщены к делу. Карастоянов этот скользкий тип, надо бы его покрутить. С Квашниной, на первый взгляд, все ясно, она в стрессе, и у нее на то есть серьезная причина, поскольку...

Поскольку три – на кухне в чайнике и чашке обнаружен отвар аконита, а госпожа Квашнина два года назад написала в своем блоге, какое это вредное, опасное и ядовитое растение, можно отравиться одним запахом, если ты полевая мышь... А покойный, по словам Валеры, бухнул себе в чай этого аконита столько, что хватило бы на сотню юных бойцов из буденновских войск и еще осталось бы на эскадрон гусар летучих.

И предсмертная запись в блоге, с явным указанием на Квашнину, которую в процессе своей противоправной деятельности, именуемой сталкингом и травлей, покойничек звал Квашней...

Марта встряхнула головой, канцелярит посыпался из ушей. Почему нельзя писать отчеты человеческим языком? «В бирюзовом плаще с кровавым подбоем ляющей походкой милонгеры¹ пасмурным летним утром пятнадцатого числа месяца августа вошла в подъезд по Обозному переулку детектив первого разряда Тверского управления Министерства внутренних дел ЕРФ² лейтенант Марта Равлик». Грох! Трах! Бах! Покатился с кресла федеральный прокурор высокий господин³ Кондрашов, только ноги его над столом торчат!

¹ Танцор, завсегдатай милонги – места, где танцуют танго и собственно милонгу, более быструю и менее драматичную.

² Европейская Русская Федерация.

³ «Высокие господа», «старшие», «варки» – разговорные обозначения лиц с измененной физиологией. «Высокие господа» – характерно для официального общения, но только в кругу людей. Может носить иронический оттенок. «Старшие» – полуофициальное обозначение, принятое и среди самих ЛИФ. Пошло, видимо, от досантановских ЛИФ, которые действительно были старше любого человека. «Варки» – жаргонное, почти бранное. Слово «вампир» считается книжным и старомодным.

Нет. Не покатится с кресла Кондрашка — лишь подожмет бледные губенки свои да скажет дистиллированным голосом: «Перепишите, Марта».

— А что это там за шаги такие на лестнице? — Тьфа вскочила на булгаковскую лошадь, теперь не соскочишь.

— Труповозка подъехала, — доложил Валера.

— Твои выводы после первичного осмотра?

— Умер где-то в десять вечера. Одиннадцать само позднее. Точней скажу, когда вскрою.

...Вещественные доказательства: проба из чайника с отваром, чашка, из которой пил покойник, чайник, заварка и те разрозненные цветки, что в заварку не попали. Жесткий диск с терминала. Вся кухня обсыпана порошком. Комната в ее незаблеванной части — тоже. Решающий вопрос: убийство или самоубийство?

— ...Убийство. — Гражданин Каастоянов сидел, закинув ногу за ногу, и нагло демонстрировал скульптурные икры, обтянутые высокими носками-хосами. — Готов поспорить на свое целомудрие.

Марта смерила его взглядом. Нужна сверхдоза уверенности в себе, чтобы спорить на нечто заведомо отсутствующее.

— Откуда такая уверенность?

— Мерзавец травит женщину. Годами. Ненавидит дыны изо рта. Регистрирует восемьдесят девять виртуалов, чтобы сказать ей гадость. Взламывает переписку. И кончает с собой тем способом, который подсказала она. Это хоть как-то срастается?

— Моя практика показывает, что срастаются иногда самые дикие вещи. А ваша?

Каастоянов медленно убрал левую ногу с правой, скунду или две сидел, чуть откинувшись назад и расставив колени, потом закинул правую на левую.

Мужикам надо законом запретить носить килты. Вот почему невозможно удержаться и не посмотреть? Все равно ведь ничего не видно.

Твою мать.

— Вы сами не верите, что это самоубийство. В глубине души — не верите. Он тролль сто двадцатого уровня. Такие не кончают с собой.

— Он сорокалетний хикки с геморроем и без малейших признаков половой жизни. Такие кончают с собой — только вперед. Что вы делали в его квартире?

— Вы только что говорили с Викой. Вы прекрасно знаете, что я делал в его квартире: страховал ее на случай... на всякий случай.

— Какой «всякий»?

— Всякий. Когда впечатлительного импульсивного человека несколько лет травит мудак, может произойти всякий случай.

— А обязательно было ехать?

Карастоянов вздохнул. Театрально так вздохнул. Артист.

— Мы ее отговаривали. Но, поскольку наша часть работы уже сделана, документы переданы и чек выписан, метод воздействия на тролля стал полной прерогативой клиентки.

— Она заплатила еще немного, и вы согласились поехать как охранник?

Еще один театральный вздох.

— Нет. Я поехал как приятель. Воспользовавшись выходным. По правде говоря, мне страшно хотелось затащить Вику в постель. А это несовместимо с профессиональной этикой: спать с человеком, на которого работаешь. Так что в настоящий момент я не сотрудник агентства «Лунный свет», а лицо частное.

— И как?

Карастоянов склонил голову набок.

— Поскольку следующий вопрос явно будет «что вы делали вчера между девятью и одиннадцатью», мой ответ: именно это.

— Вы нежное алиби друг друга?

— Да.

— А за каким лешим вам понадобилось заходить в квартиру?

— Вика предположила, что пострадавший может быть еще жив.

— И вы все время таскаете с собой бахилы и перчатки?

— А это противозаконно? Мы ничего не трогали на месте преступления. Вика только проверила зрачковый рефлекс, и все.

И глаза честные-честные.

— Тот парень, который утром выбегал из дома, опишите его.

— Рост примерно сто семьдесят — сто семьдесят пять, Блондин, длинный нос, подбородок скошен, глаз не разглядел. Уши маленькие, с удлиненными мочками, не проколоты. Пользуется хендс-фри гарнитурой «Стриж». Черные джинсы, льняная куртка темно-синего цвета, красно-синяя клетчатая рубашка под ней, оранжевая бейсболка с рекламой акции «Пиво Жиг». Топтуны модели «Ирбис лайт», позапрошлого года.

— Однако, — с уважением протянула Марта. Такого детального описания она не получала от свидетелей давненько. Лет шесть назад по делу проходил высокий господин, вот он отчитался еще подробней и даже завиток раковины уха набросал — еще бы, память-то эйдемическая.

— А в рабочей карточке агентства вы значитесь как секретарь.

Караствоянов развел ладонями.

— Арчи Гудвин, секретарь Ниро Вульфа. — Немного подумал и добавил: — И я думаю, на дверной ручке или

на самой двери вы найдете его пальцы. Он не просто спешил – бежал в панике.

– Можно получить то, что вы собрали на Новосельникова?

К килту прилагался спорран, и из глубин споррана Каастоянов извлек лепесток памяти.

– Дело закрыто, плохой парень мертв, а клиент не против – дарю.

Марта забрала лепесток и протянула бланк.

– Подпишите.

Каастоянов внимательно прочел и подписал обязательство не покидать Тверь в течение суток.

Марта спорила больше для проформы – что Новосельников убит, она не сомневалась ни секунды. Несмотря на то, что она сказала Каастоянову, несмотря на предсмертную запись в блоге – это было убийство. Люди, проводящие всю свою сознательную жизнь в городе, не пойдут за отравой в чисто поле. Они в аптеку пойдут. «Соломон, дай мне опиум, у меня понос». Это раз, два: где комм? Такие, как Новосельников, не расстаются с электронными девайсами. Дома бригада его не нашла. И три: сенсорный замок. Да, был шанс, что покойный нарочно оставил дверь открытой. Имитаторы частенько так делают, чтобы нашли и откачали. Но имитатор, поняв, что не едут откачивать, не валялся бы в квартире на диване. Выполз бы к соседям, на лестницу, на улицу. Вызывал скорую. Что возвращает нас к вопросу: где комм?

К часу пополудни она получила экспертное заключение: Новосельников напился отвара двух видов аконита, aka бореца: северного и джунгарского, который римляне поэтично называли «матерью всех ядов». Сеть усердливо поведала, что этот второй вид бореца растет преимущественно в Казахстане, но мало ли куда какие семена заносит ветер. К тому же борец ради красивых цветов

многие выращивают на клумбах, и, хотя сортовые виды считаются неядовитыми, опасность заключается в том, что фиг ты на глаз отлишишь сортовой от несортового. Поработал на клумбочке без перчаточек — глядишь, поплохело.

Марта любопытства ради отыскала и прочитала блоге Виктории Квашниной (юзер aketi) давнюю статью о растительных ядах. Постинг начинался словами: «Почему в детективах преступники идут на дикий ухищрения ради добычи мышьяка или цианистого калия, когда достаточно выехать за город?» Это начало показалось Марте крайне неудачным. Идея спрятать постинг под замок — здравой. Это сужало круг поиска до... двухсот девятыи человек... Марта прокляла Вики общительность.

Она задала поиск по слову «аконит» и обнаружила, что население должно быть весьма широко информировано о свойствах этого растения, семена же можно купить любом сетевом магазине цветов. Правда, все магазины уверяли, что у них продается только культурный аконит «с низким содержанием алкалоидов». Но тут же предупреждали, что с растением нужно работать исключительно в перчатках, не трогать глаза и не касаться губ.

Просто даже удивительно, что Новосельников — первый на памяти Марты человек, отравленный аконитом. По идеи, их должны быть сотни. Тысячи.

Марта посмотрела на часы. Посмотрела в окно. День ясный, погожий, самое время для маленького следственного эксперимента.

Тут как раз приехал со своей дачи Макс, беспощадно вырванный из сельской идиллии выходного дня. Марта развернула изображение цветов бореца во весь экран и показала ему.

— Макс, вы такую травку на даче выращиваете?

— Мы — нет.— Напарник пригляделся.— Сосед выращивает, настойку от ревматизма делает. А что?

— Ничего. Вот адрес матери жертвы, пойдешь с ней говорить.

— Свинья ты,— горько сказал Макс.

— Я начальство. И по такому случаю пойду гулять. А ты поедешь к матери жертвы.

— Это с чего ты вдруг начальство?

— С того, что я следователь первого разряда, а ты второго. А еще я старше.

— Настоящая женщина возрастом не давит.

— Настоящий мужчина от дела не отлынивает.

Убойный отдел городского полицейского управления Твери состоял из трех человек: Марты, ее напарника Макса Сирина и ее начальника Усоева Рустама Ибрагимовича, осуществляющего общее руководство. Поскольку ни Марта, ни Макс не любили докладывать о промежуточных результатах, они, не сговариваясь, решили Ибрагимыча до понедельника оставить в счастливом неведении о том, что некто Новосельников по кличке Гарпаг испортил ему статистику тяжких преступлений.

Когда-то, в доповоротные, почти сказочные времена в Твери совершали от сотни до трехсот умышленных убийств в год. То есть даже в лучшие годы примерно каждые два дня кого-то убивали. Уму непостижимо, как Тверь вообще не вымерла еще до П полночи¹.

За этот год Новосельников был шестнадцатым убитым. Чем уже безнадежно портил отчетность: в прошлом году трупов образовалось пятнадцать по городу и тридцать два по области, не считая двадцати шести

¹ П полночь — условное название периода между началом Третьей мировой (2011 год) и ратификацией Соединенными Штатами договора о создании ССН (2034), время войн, экологических катастроф и экономических бедствий.

потребленных высокими господами, но это статистика отдельная, и для ее уменьшения, к сожалению, можно сделать только одно: раскрывать убийства и находить убийц. Двойная польза: и высокие господа сыты, и занопослушные граждане целы.

— Ты куда?

— В гостиницу. Проверить алиби Каастоянова Квашниной. И еще кое-куда.

«Кое-куда» — это для начала в Бобачевскую рощу, потом в Первомайскую. В компании травника Квашнина и ее верного приятеля Каастоянова.

— Ну вот, например.— Виктория показала на несколько белесо-лиловых венчиков среди зарослей папоротника.— *Aconitum lycoctonum*, он же «волчий корень».

Марта сделала несколько снимков с привязкой к координатам, затем отважно натянула перчатки и вытянула растение с корнями. Стряхнув землю, запечатала в пакетик для вещдоков. Села на корточки, надписывая бирку.

— Скажите, а этот джунгарский борец, который матает всех ядов, он здесь растет?

— По идею, не должен.— Квашнина пожала плечами.— Но это по идеи. На самом деле, например, просто в каком-нибудь пакетике семян вместе с культурным аконитом мог оказаться джунгарский.

Каастоянов приобнял ее, она повела плечом, и он убрал руку.

Каким-то верхним чутьем Марта поняла, что они скоро расстанутся. Квашнина не перестанет винить себя в том, что из-за нее, как она думает, погиб человек, а Каастоянов одним своим видом будет ей об этом напоминать. Не сложится пара.

В Бобачевской роще аконит удалось найти меньше часа, в Первомайской же его можно было вязать охапками, правда, это оказался опять не тот вид, а *Aconitum*

парéllus, сиречь борец клобучковый. Два стебелька отправились в другой пакетик. После чего они прогулялись по Маршала Конева, как бы невзначай заглядывая во дворы, и дважды Вика показывала клумбы, где рос тот же самый клобучковый борец и какой-то дельфиниум, «кстати, тоже ядовитый». На этом Марта решила следственный эксперимент свернуть. Орудие преступления можно было найти под любым забором, если не заморачиваться специально джунгарским аконитом: сетевые источники твердят, что ядовиты все виды, и что скотина дохнет даже от низкоядовитых декоративных, если в сене оказывается $\frac{1}{12}$ доля и больше. Так-то.

Отпустив не очень счастливых любовников в гостиницу (сотрудники показали, что Каастоянов и Квашнина и в самом деле не покидали номер после девяти вечера), Марта вернулась в управу.

Пришло время знакомиться с подарком Каастоянова. И отчего-то Марте заранее казалось, что подарок этот ей не понравится.

— Я понимаю, задержали. Я понимаю, кто-то макнул Гарпага. Но зачем ты прислал нам эту кучу говна? — Кости патетическим жестом показал на рабочий терминал.

Говном номинальный начальник, конечно, не терминал назвал — техника в агентстве была что надо. Говном назвал он то, что Цумэ переправил из Твери по тарабайке.

— Ну на хрена нам вот это вот все? Дело кончено. Бобик сдох во всех смыслах, прости меня господи. Можешь объяснить, что ты выковырял из этого?

— Подтверждение того, что он работает на СБ¹.

— Мы и так знали, что он работает на СБ, — вставил Эней. — Мы и так знали, что он «полтинник».

¹ Служба безопасности ЕРФ.

— А вот теперь мы знаем, что он не просто «полтник», а контроллер второго уровня.

— И что нам это дает? Тот же пошлый умайдан, толпа труба повыше и дым погуще. Тысячи их. Почему ты думаешь, что этого убили за его связи с СБ?

Цумэ потер подбородок.

— Это что-то вроде интуиции. Вся эта движуха обиженных мужчинок — она была не просто так.

— Таких движух каждый день начинается по десять час. Обиженных в стране хоть дороги мости, и мужчинок, и женщинок. Чем эти особенные?

— Не знаю.

— В общем, так, волонтер, — подытожил Эней, — если тебе охота заниматься этим расследованием — пожалуй. Но за свой кошт и в свободное от работы время. Договорились?

— И я в этом больше рыться не буду, — добавил Антон. — Хватило с меня.

— Не будешь, — согласился Цумэ. Он понимал Антона. Он всех понимал.

Дело вышло не так чтоб тяжелое — выматывающее. С одной стороны, благодать — ни тебе беготни по городу, ни многочасовой слежки, ни риска по роже схлопотать или пулю словить — сиди в Сети и радуйся за те же деньги. Они и радовались — первые два дня. Потом оказалось, что часами отслеживать излияния сумасшедшего ничего не лучше; Антон даже вспомнил день, проведенный на мусорном заводе, когда они копались в отбросах, и один документ.

Новосельников был опытным сталкером — пользовался анонимайзерами, прокси и прочими способами шифроваться в три слоя. Но на каждую хитрую заднюю найдется болт с левой резьбой, и каждый опытный сталкер когда-то был неопытным. Новосельникова подве-

мания величия и любовь к истории — он выбирал в юзернеймы имена персидских сатрапов. Провели частотный анализ его сообщений, составили лингвопрофиль, нашли записи с тех времен, когда он еще не умел маскироваться, вычислили провайдера — тверское отделение «Рослинка», — а уж туда запустить молчаливого троянца было делом техники. Через неполную неделю агентство собрало материал для судебного преследования. А у Цумэ сформировалось отчетливое ощущение «что-то здесь не так». И он упал на хвост Вике, чтобы поехать в Тверь.

Где наткнулся на свежий труп.

Будь он нормальным частным сыщиком, ощущения не возникло бы. Для нормального сыскаря все было бы «так»: глупый сталкер наступил на слишком много хвостов, оскорбил слишком многих людей (бедная Марта Равлик!), и кто-то выследил его и укоротил ему жизнь. Нормальный сыскарь не задавался бы вопросом, что стоит за идиотской акцией ВПМ.

…Началось все примерно год назад — в социальных сетях появилась группа «Вернем права мужчинам». СБ любит социальные сети — люди так много рассказывают и показывают сами о себе, что диву даешься. Агентство «Лунный свет» тоже любит социальные сети — и по той же причине. Социальные сети любят и подполье — удобно обмениваться кодовыми сообщениями. Листья прячут в лесу, коды — на виду. Движение ВПМ попало в поле зрения «Луны» — и скоро выпало. Показалось одной из тех мутных инициатив, которых в Сети и правда на пятаков пучок.

Суть идеологии ВПМ сводилась к тому, что женщины слишком много прав забрали себе и не выполняют своего долга перед обществом. В частности, мало рожают. Чем подвергают угрозе все общество, сокращая кормовую базу высоких господ. Причем, родив одного ребенка,

женщина автоматически получает родительский иммунитет¹ на тринадцать лет (если не отдала дитя), а отец — только если проживает с ребенком вместе и участвует в его воспитании. Несправедливо.

На вопрос: «А почему бы не жениться и не жить с ребенком, получив родительский иммунитет», — активисты движения отвечали, что женщины совершенно обнаглели и стали безумно переборчивыми, а государство и в этом потакает: если раньше женщине хочешь не хочешь надо было сходить с мужчиной ради пропитания, теперь она может зарегистрироваться как ВРС² и получать зарплату за воспитание. Несправедливо.

На вопрос, почему бы не взять приемного ребенка и тоже получать зарплату за ВРС, активисты движения отвечали, что для этого нужно пройти адские проверки у психологов и пронаблюдать у социальных работников, а женщине достаточно просто раздвинуть ноги, и, если она не алкоголичка, не наркоманка и не социальный опасный элемент, она после прохождения теста на беременность без всяких проверок получит ребенка, статус труженика ВРС и родительский иммунитет. Несправедливо.

Оппоненты в ответ на это обычно пожимали плечами и говорили, что так природа распорядилась, что у женщин есть матка, а у мужчин нет, и слова «справедливость» природа не знает. Тогда активисты ВПМ говорили, что во всей природе главный мужчина, самец. И только людей почему-то самки забрали власть, хотя они слабее

¹ Иммунитет — неприкосновенность гражданина для поддержания жизнедеятельности ЛИФ. Иммунитетом обладают: несовершеннолетние, родные и приемные родители, сотрудники органов охраны правопорядка и СБ, врачи, военнослужащие, чиновники, деятели культуры, чья общественная польза подтверждена в установленном порядке. Статус иммунитета подтверждает ношение значка с микрочипом, в просторечии — пайцы.

² Воспроизведение рабочей силы.

и спокон веков их дело было сидеть в пещере и варить мамонтов, добытых самцами, а теперь они возомнили о себе. Несправедливо.

Так вы что, ребята,— спрашивал оторопевший народ,— за то, чтобы женщины были босые, беременные и на кухне?

Радикальные активисты ВПМ на это отвечали жизнерадостно «да!», а менее радикально настроенные начинали мяться и говорить, что нет, не босая, но хорошо бы в туфлях на высоких каблуках и без задников, и не беременная, но всегда готовая к э-э-э... самому процессу забеременения, и можно не на кухне, а в гостиной или спальне — мы, в конце концов, либералы, и у нас свободная страна.

Тут народ крутил пальцем у виска: ребята, если вы думаете, что с вами на этих условиях свяжется хоть одна нормальная женщина, вы живете в полном разрыве с реальностью.

А вот посмотрим! — жизнерадостно отвечали ВПМшники.

И у них были определенные основания для оптимизма: на их блоги и паблики подписывались сотнями — в основном благодаря харизме и остроумию лидера проекта, известного как Сераф. Другие были как-то унылой, агрессивней и тупей. Новосельников, носивший кличку Гарпаг, выделялся среди них знанием истории на хорошем любительском уровне. Большинство представляло собой унылых троллей. Уровня двадцатого, не больше.

Но движение «Вернем мужчинам права» поддержало неожиданно много женщин. Их социальный и возрастной состав никто специально не исследовал, но у Цумэ сложилось впечатление, что в основном это одинокие ВРС — уж больно часто в их сообщениях попадались слова «муж — каменная стена».

Казалось бы, тут проблема и решается: пусть господа и дамы, жаждущие «традиционных отношений», переже-

нятся и составят счастье друг друга. Ха, не тут-то было. Оказалось, соратницы по борьбе, частично соответствуя высокому идеалу женственности, в массе своей настолько хороши собой, чтобы удостоиться внимания ВПМ. Они наперебой писали, что «бабья красота не долго цветет», и что они в свои сорок — пятьдесят еще вполне способны осчастливить девушку двадцати — двадцати пяти лет.

То, что соратницы после этого не плонули соратникам на лысины и не ушли, Цумэ мог объяснить только запущенными детскими травмами и комплексом неполноценности.

Само собой, нашлись и противницы. Собственно, в этом и состоял пролог дела «Виктория Квашнина против Гарпага»: Виктория ввязалась в полушуточную кампанию по разоблачению Серафа и ВПМ, а Гарпаг воспринял это как настоящую войну.

Непонятно, почему именно Викторию и ее подругу Розу Штрауб он выбрал для серьезной обстоятельной травли. Мысль параноика непредсказуема, как движения шмеля, бьющегося в окно: понятно, что он раз за разом будет тыкаться все в то же стеклянное поле, но совершенно неясно, в какой точке он ткнется в следующий раз. Покойника уже не спросишь, почему именно эти две женщины стали для него воплощением мирового зла.

Параноики тоже любят блоги и социальные сети. Оттуда можно выкопать много вкусной информации, переварить и отрыгнуть в виде вонючей смеси. Гарпаг нашел блоги родителей Вики (паразитка и подкаблучник!). Нашел два юношеских блога Вики, взломал, выволок на всеобщее обозрение фотографии, детские стихи (длинноносая уродина! Бездарная писака!), упоминания о первой любви — сэр Хамфри из сериала «Битва Роз» (дура, ждала прЫнца на белом коне!). Упоминания о

первом сексе — робкий эксперимент с одноклассницей (ковырялка!). Актуальный блог Вики взломать не сумел (к его защите она подошла серьезней, чем в детстве), но нагадил там от души. Примерно то же сделал с блогом Розы — правда, в юности Роза откровенных блогов не вела, так что самозваному сатрапу пришлось ограничиться погадкой.

Погадка в Сети тянула на небольшой штраф, ради которого не стоило затеваться с судебным преследованием, а вот взлом блогов тянул на три месяца исправительных работ. Вика терпела около года, а потом решила привлечь сталкера к ответу.

Одновременно на фронте борьбы за освобождение угнетенных мужчин случился грандиозный скандал: все тот же Гарпаг внезапно обнаружил, что лидер движения Сераф, огнекрылый ангел мужской эмансипации, зарабатывает на хлеб снимаясь в порно для женщин.

Гневу Гарпага не было пределов. Он даже на время приостановил травлю Виктории и Розы — так обиделся, что дело предано на корню его лидером, унижающимся за деньги до страпона на камеру.

Гарпаг выпотрошил Серафа (Владигора Антоновича Сорокина) так же подло и беспощадно, как Вику. Выволок из всех уголов все тайное и не очень тайное, увязал с явным и «разоблачил». Вершиной «разоблачения» стал клип, нарезанный из порнофильмов, где снялся Сорокин, и выступлений Сорокина на первом (и последнем) съезде ВПМ под Смоленском. После чего движение сдохло само собой. Как-то все скисло и сникло, сошло на хиханьки — вот оно, оказывается, в чем корень обид-то, в страпоне.

Часть ВПМщиков, однако, выдержала искушение поражением пастыря. Ну и что, что он на камеру стонет под телками, говорили они,— идеи-то правильные, идеи-

то верные в основе! Само собой, эти люди Гарпага резко невзлюбили и поносили его везде, где видели. Не исключено, что кто-то из них и напоил его чайком с аконитом. «Окончилась моя карьера — и это по вине Вольтера».

Нормальный сыскарь на том бы дело закрыл и забыл.

Но Цумэ-то нормальным сыскарем не был ни разу. Детективное агентство «Лунный свет» служило бабой на чайник для подпольной организации «Свободная луна», а секретарь этого агентства Георгий Каастоянов в своей подпольной ипостаси носил псевдо Бибоп и руководил небольшой ячейкой боевой организации. И в этом качестве его очень интересовало, что варится на другом конце стола.

Гарпаг намекал, что работает аналитиком в некоем «серъезной конторе», имея в виду СБ, конечно. На деле он был платным комментатором, каких нанимают подведомственные СБ «социологические службы» для мониторинга настроений в Сети и систематических провокаций. Платят таким персонажам сдельно, пятьдесят центов за уникальный комментарий и десять за тиражирование комментариев. Отсюда и народное прозвище: полтинник, или, на модном китайском сленге, умаодан.

Гарпаг был умнее большинства коллег и умаоданил не из-под «персидских» экаунтов, а из-под сереньких, неприметных. Под своими экаунтами он писал «аналитику». «От слова анус», — вырвалось как-то у Антона, на плечи которого легло основное бремя отслеживания и сбора излияний Гарпага. У Гарпага имелись два необходимых аналитику качества: хорошая память и трудолюбие. К сожалению, третье необходимое качество — беспристрастность — отсутствовало. Накопленные факты Гарпаг складывал в причудливую параноидальную мозаику о всемирном заговоре гомосексуалов, евреев, женщин и высоких господ. При этом он сам работал на СБ, то есть,

в конечном счете, на тех же высоких господ,— но, как и многие люди его толка, считал, по всей видимости, что это он их использует в возвышенных целях, а не они его.

В аналитики его, конечно, никто бы не взял, но по содержанию его рабочего компа видно стало, что он поднялся до контроллера второго уровня. Это значило, что под ним работает ячейка из пяти контроллеров первого уровня, каждый из которых, в свою очередь, контролирует пять умаоданов. А над ним сидит, соответственно, контроллер третьего уровня, пасущий пятерых таких, как он. Как правило, такой человек — уже штатный сотрудник СБ, работающий под прикрытием в одной из «социологических служб». И обладающий — что немаловажно — пайцзой.

Вот переписка Гарпага со своим контроллером и подтвердила Цумэ, что не зря он сделал стойку.

Гарпаг вскрыл коллегу-жулика на своем уровне и сигналил о том начальству. Начальство спускало на тормозах. Гарпаг обижался. Гарпагу хотелось выше. Хотелось пайцзу. Есть от чего войти в конфронтацию.

Переписка была официальной, подлежала отчетности, и в ней Новосельников не распускался. Лишь в одном из недавних писем Цумэ увидел то, что походило на угрозу: «Я все понял. Пожалуйста, ответьте мне со своего третьего адреса. Не надо меня игнорировать. Если меня игнорировать, я могу все рассказать народу. Как вам это понравится?»

Шантаж?

Переписка Гарпага с подчиненными также подлежала отчетности и тоже сохранялась на жестком диске. Цумэ просмотрел профайлы подчиненных Гарпагу полтинников и остановился на бледном молодом человеке со светлыми волосами, маленькими ушами и склоненным подбородком.

Искимов Дмитрий Федорович, город Тверь, Слизкова, 9.

Что особенно интересно — дом буквально выходит окнами на Бобачевскую рощу. Ту самую, где произрастает «волчий корень».

— И куда ж это вы так торопились тем утром, молодой человек?

— Вы не понимаете, — с трагической нотой в голосе прорычал бледный блондин. Скошенный подбородок при этом слегка дрожал. — Он предал нас. Он всех нас предал.

— Понимаю, — сочувственно покивала Марта. — Да еще и уволил вас. За такое можно и по шее дать.

— Я не хотел давать ему по шее. Я хотел просто поговорить. Чтобы он перестал.

— Перестал что именно?

— Писать всякое гов... всякую дрянь про Серафу.

— И принял вас обратно на работу?

— Нет. После того, что он сделал, я бы под ним работать не стал, ни за что. Работы я себе, что ли, не найду? Пусть бы от Серафа отстал.

— А если бы не отстал?

— Я бы не стал. — Искимов сглотнул. — Я... просто не могу убить человека. Не могу, и все. Когда я увидел его мертвым, я... я так испугался! Я оттуда подорвал, как ошпаренный!

Марта верила каждому слову. Хотя бы потому, что на ее столе лежали два пакетика с экземплярами бореца, а Искимов на них даже не покосился. Он не знал, от чего умер Гарпаг. Но Марта все-таки взяла пакетик и много-значительно повертела в пальцах перед его носом.

— Как вы думаете, что это?

— Э-э... Какой-то наркотик? Вы у Гарпага нашли?

— Это, согласно данным экспертизы, аконит. Ядовитое растение. Да, мы нашли аконит у Гарпага. В чайнике.

Не этот, другой. Этот мы нашли в Бобачевской роще. Где-то в полукилометре от вашего дома. А еще в Бобачевской роще найдено вот это.— Марта достала из стола запечатанные в «дышащую» пленку планшет и комм Гарпага.

Драматическая пауза. Марта за одиннадцать лет службы отточила искусство драматической паузы до той звенищей остроты, которую в моби показывают, озвучивая тонким пением извлечение клинка из ножен.

— Поэтому главный вопрос на сегодня, Дмитрий: что вы делали вечером прошлой пятницы, между девятью часами и полуночью?

У Исхимова в горле булькнуло.

— Я... д-дома был.

— Один?

Исхимов побледнел и грохнулся со стула да прямо в обморок.

Беда с этими героическими сетевыми борцами, вздохнула Марта, задирая его ноги на стул. Как клаву топчут — так все громовержцы и воители, вот-вот печень врага вырвут и пожрут, не отходя от терминала. А как дойдет до дела — бряк пятками кверху.

...На Исхимова они с Максом вышли практически одновременно: Марта, получив детальное описание внешности беглеца, запросила информацию от патрульных снитчей и очень скоро на видеозаписи с остановки 14-го маршрута обнаружила парня в оранжевой бейсболке, садящегося в автобус. Дальше оставалось запросить снитчи по маршруту следования автобуса — и через четыре часа она нашла кадр, фиксирующий юношу на улице Сантаны. Здесь он уже перестал бояться быть узнанным и снял бейсболку, вследствие чего Марта получила прекрасный снимок анфас. После этого раздобыть данные красавца — дело техники, терпения, ну и везения, конечно. Марте повезло: лицевой распознаватель вывалил

ей не больше полусотни изображений блондинов со склоненными подбородками, и в первом же десятке она обнаружила искомого Исхимова. Тут подвалил и Макс, нашедший на жестком диске Гарпага его деловую переписку, а среди адресатов — тверича. Дзынь-дзынь, сказал «однорукий бандит».

Тук-тук, сказала дверь.

— Заходи, Макс.

А это вовсе и не Макс. А это вовсе и незнакомый мужик с золотой, фу-ты нуты, пайцзой на лацкане пиджака.

— Добрый день. Я не Макс. Кречетов, Аркадий Борисович.— В ладони словно сама собой оказалась карточка удостоверения сотрудника СБ: все так, Кречетов Аркадий Борисович, старший лейтенант.— Прислан возглавить расследование по делу о смерти сотрудника.

Тут он словно бы только сейчас заметил распостершегося на полу Исхимова и с любопытством оглядел его.

— Форсированные методы допроса?

— Нет, просто гражданин Исхимов оказался лабильной нервной организации. Гражданин Исхимов, ну что ж вы на полу-то лежите, вы ведь уже пришли в себя, поднимайтесь.

Исхимов завозился.

— Я тут в уголке посижу.— Кречетов скромно сложил ручки и пристроился на угловом стуле.— А вы продолжайте допрос, как будто меня и нет.

Марта налила Исхимову воды из кулера и, пока он пил, как бы отвлеченно вертела в руках гарпаговскую планшетку. И планшетку, и комм кто-то отформатировал, перед тем как бросить в Бобачевской роще. Отпечатки пальцев на обоих предметах принадлежали исключительно Гарпагу.

— Продолжим нашу беседу, Дмитрий. Итак, в тот вечер вы были дома совсем один?

Искимов вытер рот обшлагом и пискнул:
 — Я... без адвоката... отвечать не буду!

...Алиби у Искимова все-таки было, хоть и поганенькое: он провел этот вечер за терминалом, оживленно обсуждая с товарищами по распавшейся ВПМ, как они покарают Гарпага. Среди способов наказания фигурировали разные методы убийства, телесного урона и сексуального унижения — неудивительно, что Искимов мялся да кряхтел и лишь под влиянием адвоката рассказал все. Аконит не упоминался.

Марта добросовестно прочла длинный лог ночной пятничной беседы (Искимов предусмотрительно стер его со своего жесткого диска, но в кэше поисковика все роскошно сохранилось). Чувствовала она себя так, словно нырнула в канализацию за какой-то мелкой и важной уликой, но, бесплодно продышав вонью несколько часов, так ничего и не нашла. Слабым утешением служило то, что эсбэшник нырял с ней вместе.

— По пиву? — предложил он, когда Искимов, подписав протокол, покинул управу.

Марта пожала плечами. Ей не нравился этот способ коммуникации. Понятно, что Кречетов хочет освоиться, поговорить о деле в нейформальной обстановке. Но у Марты на сегодня запланирована милонга, а танго и пиво есть вещи несовместные. Приглашать же Кречетова на милонгу — никакого смысла: сесть в задних рядах и умирать от зависти к танцующим приятного мало, а самой кого-то пригласить на две-три танды, так с Кречетова станется принять чье-то приглашение и оттоптать партнерше ноги, пойдут потом претензии — что, мол, забревно приволокла...

— По пиву, — уныло согласилась она.

— ...А почему вы все-таки настолько уверены, что это не самоубийство? — поинтересовался эсбэшник, после того как первую пол-литру ополовинили.

— Потому что человек, выблевывая свои кишki после отравления аконитом, не будет вылизывать одну из чашек до состояния полной стерильности, — разъяснил Макс через бастурму.

— Неубедительно, — возразил Кречетов. — Он мог вымыть ее раньше. Во всяком случае, на чайнике только отпечатки Новосельникова.

— Чайник можно накрыть полотенцем и держать сквозь него, — возразила Марта. — Чашку так не подержишь.

— Хорошо. Круг подозреваемых, как я понимаю, шире Черного моря. И мы пока разобрались только с одним, да и то лишь потому, что он тверской. Сколько народу со всех концов страны нам понадобится прошерстить?

— Всего восемьдесят четыре человека, — блеснул зубами Макс. — И не все они в разных концах страны. Есть и сибиряки, есть и буржуи.

— Перестань, — заметила Марта. — Тот, кто трындит в этих ваших сетях, как он будет кишki выпускать — трындежом и ограничится. Нам нужен кто-то с более серьезными причинами.

— Причины Квашниной вы считаете несерьезными? — Эсбэшник шевельнул бровями. Брови у него были редкие, отдельные волоски огибали глаз и сходили на «нет» на скуле. От этого он походил на сову.

— У Квашниной железобетонное алиби. Ее восторги слышали все, кто проходил по коридору. И с Квашниной Гарпаг никогда не стал бы пить чай. Забудем о Квашниной. То есть не забудем — убийца явно читал ее блог. Но из списка подозреваемых ее можно смело вычеркнуть. Убийца — близкий знакомый Гарпага. Ему открыли

дверь. С ним сели пить чай. Позволили даже заварить «свою особую траву».

— Я бы поговорил с господином Сорокиным.— Макс прищурился, рассматривая пиво на просвет.— Мне показалось или оно мутнее, чем вчера?

— Ты бы поговорил с консьержем в доме Исхимова,— оборвала розовые мечты Марта.— А с господином Сорокиным поговорила бы я.

— А какую роль вы отводите мне? — поинтересовался Кречетов.

— А вам карты в руки там, где нам их дадут только с санкции прокурора. Вы поговорите с контроллером Гарпага и его коллегами. Это же ваш сотрудник, в конце концов.

Кречетов слегка поморщился.

— По-моему, это лишнее. Зачем контроллеру убивать подчиненного?

— Ни за чем,— согласилась Марта.— Но контроллер его рекомендовал, контроллер с ним работал... И контроллер по каким-то причинам игнорировал его жалобы в последнее время.

— Н-ну хорошо,— без всякого энтузиазма отозвался Кречетов.— Но вам-то зачем в Питер тащиться? Этот парень, Сорокин, организовал движение за возвращение женщин на кухню. И вы с ним поедете беседовать? Это разумно?

— Очень разумно. Вы видели ролики, нарезанные Гарпагом? Этот парень снимается в женском порно. Девочки в черном его раздевают, хлещут плетьми и дерут в зад искусственным членом. И ему, судя по стояку, это нравится. Для него женщина — это власть. А он — подчиненный. А из каких соображений он замутил этот антибабий бунт, надеюсь выяснить на месте.

— А меня вот что сквишает.— Макс с сожалением посмотрел в опустевшую кружку.— Гарпаг, в смысле Новосельни-

ков, был большой активист этого движа. Рубился от души. Но когда наружу вылезло это, насчет прона,— даже не пытался подмять движуху под себя. Скрыть это дело. Наоборот, пошел рвать своего вчерашнего кумира. С чего бы?

— С того, что он тщеславный козел? — предположила Марта.

Эта гипотеза отдавала чрезмерной простотой, но Марта придерживалась мнения, что простые решения в 8 случаев из 10 верны. Жизнь — не модный дизайнер, она крайне редко стремится порадовать нас чем-то оригинальным.

Владигор Сорокин попросил называть себя Владом. Лицо его тысячу кораблей в поход бы не отправило, но эскадру-другую — возможно. Впрочем, одинокий парус Марты к ним не присоединился бы — ей не нравились мужчины с раздвоенными подбородками. Одно дело — небольшая ямка, другое — целая ложбина, от которой подбородок похож на попу. Хотя, наверное, для порнозвезды это даже хорошо. Товар лицом.

— ...Я предпочитаю прояснить этот вопрос сразу: я не гей. Да, я люблю анальную стимуляцию и страпон, люблю субмиссию — но меня не возбуждает, когда это делают парни. Меня парни вообще не возбуждают, я ядерный гетеросексуал.

Марта некоторое время думала, что сказать. Например, не спросить ли, как это сочетается с декларацией «Место женщины между кулаком и плитой»? Он от любовниц свои взгляды скрывает или выбирает мазохисток?

Наконец произнесла:

— Неожиданное начало знакомства со следователем. А почему вы начали с этого?

— Потому что на меня несколько раз нападали. Вы полицейский детектив, так? Вы расследуете убийство Гарпага, так? Значит, вы все равно об этом узнаете, верно? Вы же проверяете все версии? Так вот, из-за Гарпага мне

угрожали. И даже побить пытались. Поэтому да, у меня были причины желать ему смерти. Но, честное слово, я убивал его только здесь, в мыслях. Дальше дело не шло.

Марта разглядывала «мысленного убийцу», пытаясь уловить в голосе нотки фальши. Не удавалось. Актер все-таки. Вряд ли по-настоящему хороший, иначе не снимался бы в порно. Но актер.

— Тем не менее я должна вас спросить, где вы были в ночь его смерти.

Драматическая пауза не удалась: собеседник засмеялся, не успела Марта договорить.

— Нет, честное слово, вы же не думали всерьез меня купить на это, так? Когда он умер?

— Пятница, четырнадцатое.

— Жаль, что не тринадцатое. Я репетировал в Белом.

— Простите, в белом чем?

— А, да, вы же из Твери... В Белом театре, Кузнецкий переулок, пять-два. Вы ведь пойдете туда проверять мое алиби, так? Меня там видело с полсотни человек. Генеральный прогон, осветители, костюмеры, декораторы, пожарные, весь честной народ. Начали в одиннадцать утра, разошлись за полночь.

Марта почти физически ощущила, как в голове что-то треснуло. Видимо, шаблон.

— И... что вы ставите?

— В тот вечер мы прогоняли «Входит свободный человек» Стоппарда. Вторым составом. Я играю, — Сорокин вздохнул, — Брауна, посетителя бара.

Марта понятия не имела, кто такой Стоппард, и что он там написал насчет свободного человека, но вздох Сорокина и слова «посетитель бара» указывали, очевидно, не на ключевого персонажа. Но тем не менее — Белый театр, одна из ведущих площадок Питера... Там, наверное, даже роль «кушать подано» так просто не получишь.

Сорокин внимательно всмотрелся в нее и снова засмеялся.

— Извините, у вас такое озадаченное лицо сейчас. Да, я снимаюсь в порно. Мне это нравится. Все актеры в какой-то степени эксгибиционисты, я просто немного больше, чем другие. И это приносит деньги. Но я все-таки актер. Окончивший Лебедевку, а не отходивший два месяца на курсы кривляния для моделей. Накачанный торс и восьмидюймовый член — это не весь я. Здесь и здесь,— он постучал по лбу и положил руку себе на грудь,— кое-что есть. И я даже ни с кем не переспал, чтобы получить место в Белом. Там знают о моих подработках, но у нас дурной тон придиরаться к тому, кто как халтурит. Когда мне стукнет сорок, я дойду до Гамлета и дяди Вани, брошу сниматься в проне. А может, не брошу. Если не надоест. И Гарпага я не убивал. Я не такой дурак, чтобы пускать под откос жизнь из-за мелочного завистливого ничтожества. Еще вопросы?

Есть способ облизнуть пересохшие губы так, что это не выглядит ни просто по-дуряцки, ни по-дуряцки развратно: нужно втянуть их, как бы в гримасе задумчивости, и облизать по очереди.

— Только один. Влад, почему вы связались с Гарпагом? Зачем вам вообще понадобилась эта кампания за права мужчин? Вы успешный, красивый молодой человек, занятый любимым делом, и тут...

Владигор Сорокин одарил Марту еще одним внимательным взглядом из-под густой вуали ресниц.

— Марта, а вы знаете, что каких-то лет двести назад я мог бы спросить у вас: ну зачем вам право голоса, вы же успешная привлекательная женщина. А лет сто назад — зачем вам равные зарплаты, разве это не лучше, когда муж зарабатывает больше? Равенство есть равенство. Справедливость есть справедливость. Мужчины моих

лет вдвое чаще становятся объектами потребления, чем женщины,— потому что у большинства женщин в этом возрасте есть ребенок и иммунитет. Даже если женщина преступница — ей ничего не будет, пока она беременна.

Марта много чего могла бы на это сказать. Как «убийный» детектив, она оформляла трупы, оставленные высокими господами. Дело открывалось, эксперт выносил заключение, Марта беседовала с высоким господином об обстоятельствах потребления, дело ложилось на стол областному прокурору высокому господину Кондрашову Т. Г. (сам Кондрашка ездил подкрепляться в окружную тюрьму), он передавал в суд, суд закрывал за отсутствием состава преступления. Колесики вертелись. Один раз их слегка заело: залетный высокий господин потребил беременную женщину. На маленьком сроке, жертва могла еще и не догадываться, что беременна, либо просто откладывала постановку на учет до... ну, люди бывают и просто расхлебаями. Но обычно высокие господа это видят. Данный же высокий господин утверждал, что нет, не заметил, и что вообще у него плохо с чтением ауры. Суд Цитадели вынес ему порицание. Супругу убитой предложили выразить свое недовольство на поединке с убийцей, он отказался. Марта его очень хорошо понимала: хотя в таких поединках закон разрешал людям использовать огнестрел, она сама не рискнула бы никогда и любого другого отговаривала. Даже если всадить высокому господину пулю в сердце, его вполне хватит на то, чтобы дойти до тебя и оторвать башку. А потом он подзакусит тобой на правах победителя, восстановится и дальше пойдет.

Марта возбуждала от десяти до пятнадцати дел о потреблении в год. Примерно столько же — коллеги из областной управы. В Тверской области жили и действовали четверо высоких господ: смотрящий, завсанконтролем, федеральный прокурор и главный инженер АЭС. По

большей части они выбирали квоту в вышневолоцкой тюрьме, но там квота не бесконечная, и еще москвичи ее выбирают. Мортуарий и Лотерея тоже не могут дать каждый год по 8 добровольцев на жало. Так что от 10 до 16 человек в год по городу — это как штык. Плюс еще залетные, москвичи и питерцы. Концентрация высоких господ в обеих столицах будь здоров.

Она прекрасно знала из статистики, что мужчин в возрасте от 30 до 40 лет и в самом деле потребляют чаще. Но знала и другое: в категории от 60 и старше лидерство перехватывают женщины-пенсионерки. Именно они — самая многочисленная клиентура мортуариев. И если бы не отвращение к мысли пойти кому-то на корм, то...

Но Марта не стала приводить статистику, не стала говорить о том, что болело до сих пор, потому что попобородый вождь этого не стоил.

И еще — потому что почувствовала что-то... какую-то фальшь. И чтобы прощупать почву, задала другой вопрос:

— И как вы собирались эту несправедливость исправить? Загнать женщин на кухни? Перестать оплачивать ВРС?

— А хотя бы, — задорно улыбнулся Сорокин. — Ведь до Поворота ВРС никто не оплачивал. Женщин содержали мужчины. Охотно содержали. Это было почетной обязанностью.

Марта рассказала бы ему, как охотно ее прадед сливял от жены с троими детьми, но это не имело значения. Значение имело другое.

Она улыбнулась.

— Лет в сорок вы начнете играть Гамлета и дядю Ваню. Но сейчас еще рано. Вы не дорабатываете роль. Прокололись в деталях. Выражаясь языком протокола — попытались дать заведомо ложные показания. Первый раз прощается. Второй раз запрещается. Кто такой настоящий Сераф?

Сорокин вздохнул и поднял руки кверху: сдаюсь.

— Не знаю. Правда не знаю. Он меня нанял через Сеть, анонимно. Предложил хорошие деньги. Авансом дал пять тысяч. Ерунда требовалась: выступить на съезде этих чудиков как их лидер. То есть не совсем ерунда — каждая роль требует серьезной проработки, правильно? Мне пришлось читать, заучивать, что там этот Сераф написал. Запоминать, кто есть кто в этом их... паноптикуме. Я согласился — деньги ведь на дороге не валяются, так? Это даже забавно оказалось: представляете, этот лес под Смоленском, сосны, домики эти деревянные, пиво, шашлыки — и мужики, которые... ну я не знаю, будто плохих старых фильмов насмотрелись. «Мы мужики! — Ааааа! — Мы соль земли! — Ааааа! — Мы передовой отряд эволюции! — Уооо!!!» — Сорокин прыснул и расхохотался.— Боже, я все это говорил вслух! Умереть не встать. Там главная актерская задача была — не заржать в голос.

— И как вы справились? — полюбопытствовала Марта.

— Ну, у меня богатый опыт. Порно. Стонать с серьезной мордой на камеру — думаете, легко?

— Понятно. И вы не почуяли никакого подвоха?

— Почуял. Но за три дня пятнадцать тысяч — такие предложения каждый день делают?

— Вам виднее. Это вас сейчас «чудики» поливают грязью.

— Меня предупредили, что этим может кончиться. Но я же в порно снимаюсь, нет? Поверьте, желающих гадость мне сказать всегда хватает. Я думал, что буду готов. То есть я себе не представлял, насколько этот Гарпаг сдернутый. То есть был сдернутый.

...И ведь он серьезно думает, что лучше Гарпага. Он говорил мерзости не потому, что верил в них искренне, а потому, что получил за это деньги. Ничего личного, просто добрый бизнес.

Марта вдруг осознала, что относится к Гарпагу где-то на полградуса лучше, чем до этого разговора.

— Он был на той встрече под Смоленском? Вы с ним лично виделись?

— Нет. То есть не знаю. Ни разу не видел его в лицо.

Марта вызвала на планшетку снимок Гарпага — посмертный, из морга, где труп уже привели в пристойный вид. Мертвый Гарпаг был благообразен. Черная бородка обрамляла круглое лицо, нос заострился, губы застыли в скорбном изгибе.

— Точно не видели?

Влад рассмотрел снимок, покачал головой.

— Нет. Если он там и был, я его не запомнил. Какой-то он... серый.

— А этого? — Марта показала снимок Искимова.

— А этого запомнил, да. Он такой был, знаете... навязчивый. Липучий, понимаете? Кажется, влюбился в меня. Как зовут — не скажу, не помню.

Марта свернула планшетку и убрала в сумку. Акции господина Искимова как подозреваемого номер один резко подскочили. Влюбленные каких только глупостей не творят...

— Я проверю ваше алиби. Вас вызовут для дачи свидетельских показаний в ваше районное управление.

— А это были... не показания? — удивился Влад.

— Благодарите кого хотите, что не они. А то я вела бы запись, и пришлось бы мне поднять дело о попытке дать ложные сведения. Поэтому, когда вас вызовут в управу... — На этот раз драматическая пауза сработала как надо.

— Понял, понял. Но как вы меня выкупили? Просто обидно: на неделе уже второй человек вычисляет — где я палюсь?

— Информация за информацию. Кто этот второй человек?

Влад стиснул подбородок. Марте захотелось арестовать его за развратные действия в общественном месте.

— Я не помню, как его зовут, кажется, Егор. Сказал, знает меня по Смоленску, но я его не помню. Напились мы с ним до положения риз. То есть не буквально. Я не гей. На меня один из этих придурков напал, побить думал. Здоровенный такой кабан, а сломался от первого же хука, не ожидал отпора, понимаете? Вот этот Егор нас и растащил, потом мы выпили, и он меня вычислил. А как — не сказал.

— Что еще вы скажете об этом Егоре?

Влад пожал плечами.

— Высокий, худой, ноги красивые... Носит килт.

Марта кивнула. Можно было сразу догадаться.

— Влад, когда вы играете роль, из вашей речи исчезают слова-паразиты. Сераф выражается гладко. Вы — нет. Все просто.

Детективное агентство «Лунный свет» занимало первый этаж в доме на углу Декабристов и Пряжки. На дверях лого: волк, прыгающий на фоне полной луны. Романтики.

Марта тронула дверь — открыто. Она вошла.

Молодой (ну очень молодой) человек оторвался от турника, подвешенного к дверной коробке, и сделал шаг навстречу Марте.

— Агентство «Лунный свет», Андрей Новицкий. К вашим услугам.

— Мне нужен господин Каастоянов.

Она могла бы связаться по комму, но решила сделать сюрприз.

Молодой человек посмотрел на часы.

— Он уже полчаса как должен быть здесь. Я сообщу ему...

— Нет-нет. Я подожду. Тем более что у меня и к вам есть несколько вопросов.

Марта показала значок и удостоверение. Андрей Новицкий быстро, но внимательно изучил и то и другое.

— Ага. Дело Гарпага. Присаживайтесь. Я приготовлю кофе.

Кофе этот парень готовил такой, что ложка стояла торчком.

— Почему вы решили продолжать расследование? — как бы невзначай поинтересовалась Марта.

— Мы? — Парень не потрудился даже мимикой выразить удивление.

— Каастоянов встречался и говорил с одним из основных фигурантов дела.

— Каастоянов встречается и говорит с половиной Питера. Он страшно общительный.

— В покер играете?

— Под настроение.

— Андрей, у меня сейчас нет настроения играть. Я только что узнала, что ваш коллега вмешивался в ход моего расследования. Я имею полное право его арестовать...

— Задержать, — поправили от дверей. — На трое суток, не больше. И я даже не буду сопротивляться.

Каастоянов сегодня был для разнообразия в брюках. А за его спиной возвышался... Да, определенно сегодня над Питером пролился дождь из шикарных мужиков. Двухметровый плечистый Настоящий Русский Медведь (ТМ). В дополнение к юному Сумрачному Рыцарю и хитроглазому Уленшпигелю. Это если не считать утешнююю порнозвезду. Марта почувствовала себя в осаде, а это всегда будило в ней агрессию.

— Или вы любите, когда мужчины сопротивляются?

— Я люблю, когда они не валяют дурака, — сказала Марта. — Почему вы вмешиваетесь в мое расследование?

— Я не вмешиваюсь в ваше, — несколько вальяжно возразил Каастоянов. — Я веду свое. Это не одно и то же.

Двухметровый Русский Медведь (ТМ) вышел из тени прихожей, и Марта заметила под тенью его бороды лиловый синяк.

— Инсценировать нападение — это такой метод вызвать доверие?

— Не все могут просто взять и ослепить собеседника значком. Костя Неверов,— представил медведя Каастоянов.— Марта Равлик, детектив полиции из Твери.

— Итак, что за расследование вы ведете?

Каастоянов нырнул в холодильник, отставив тощий зад.

— Цацики будете?

— Что буду?

— Цацики.— Каастоянов вынырнул с баночкой бело-зеленой пасты.— Давайте я вам на тост намажу.

— Нет, спасибо.

— Ну и зря.— Каастоянов толстым слоем намазал свой тост. Насколько разглядела Марта, это было что-то вроде творога с мелко порубленной зеленью.

— Меня интересует, кому и зачем понадобилось это шествие гномов,— сказал Каастоянов, наливая себе кофе.— Я любопытный опоссум. Вам уже посадили на голову эсбэшника?

— Убит сотрудник СБ. Конечно, расследованием его смерти будет заниматься офицер СБ.

— И он сказал вам, чтобы у Гарпага с его контроллером?

Марта на миг стиснула губы.

— Он не сказал даже, кто контроллер Гарпага. Сказал только, что проверил алиби и нашел его несокрушимым. В отличие от вашего, кстати. Служащие гостиницы «Саванна» слышали только голос Квашниной, а этот номер она могла исполнять и соло.

— А я в это время травил Гарпага? И оставлял предсмертную записку с упоминанием Вики?

— Да. В перчатках и бахилах.

— Кречетов понимает, что на суде это развалится?

— О, вы уже и фамилию выяснили.

— Я любопытный опоссум. Хотите знать, что будет дальше?

— Вы проскоп?

— Я, как и вы, детектив. Дальше Кречетов развалит дело.

Марта молча процедила кофе сквозь зубы и отставила чашку с гущей. Каастоянов попал в самую точку. Кречетов планомерно разваливал дело. Если в понедельник голова убийцы не будет на столе Кондрашова на серебряном (именно серебряном! чтобы его перекосило!) блюде, Кондрашов закроет дело как самоубийство. А сегодня четверг.

Тroe мужчин пристально смотрели на нее. Она переводила взгляд с одного на другого и третьего, и комната все больше казалась ей похожей на приемную какого-то рыцарско-орденского монастыря.

— Почему вы ведете расследование?

Каастоянов покосился на юношу, тот слегка кивнул. Он здесь главный, удивилась Марта. Притом что на пять — десять лет младше обоих товарищей.

— Потому что нам противна эта ситуация,— объяснил Каастоянов.— От начала и до конца. Это эксперимент над живыми людьми. В воздухе распылили вирус, посмотрели, кто заразится, как скоро эпидемия распространится среди морских свинок,— а потом зачистили виварий, используя Гарпага как огнемет.

— После чего зачистили Гарпага?

— Не-ет. Если бы Гарпага зачистило СБ, вы бы уже закрыли дело за отсутствием состава преступления. Он же пайцы не имел. Один визит московского гастролера в полнолуние — и кто такой Гарпаг? Нет никакого Гарпага. Ну или другой какой-нибудь... несчастный случай. Нет,

это преступление возможности. В какой-то момент обстоятельства сложились так, что появился шанс свести счеты. И человек оседлал этот шанс. Он планировал, но второпях. Планшет и комм нашли?

— Да. Когда переворачивали Бобачевскую рощу в поисках джунгарского аконита. Отформатированные намертво.

— Где именно?

— Возле дороги. Разверните карту, я покажу... Примерно здесь.

— Далеко не ходил, — пробубнил русский медведь Неверов.

— На что спорим, что москвич? — Карастоянов обвел друзей взглядом. Желающих спорить не нашлось. Карапастоянов снова переключился на Марту.

— Кстати, джунгарский аконит в роще отыскался?

— Нет. Выкосили все, что нашли, и перебрали по стебельку. Только северный, клобучковый и всякие сортовые, которые высаживают на клумбах.

— А почему он выбрал аконит, как думаете?

— Сильный яд, который без проблем можно найти, побродив часок по лесу? И бонусом — то, что об аконите писала Квашнина?

Карапастоянов улыбнулся.

— А если было наоборот? Убийца — старый читатель Квашиной. Где-то наткнулся на аконит. Вспомнил о постинге. Воспользовался возможностью.

— Что это нам дает?

— Про аконит вспомнил бы в первую очередь постоянный читатель Квашиной.

— Спасибо, капитан Очевидность, — не удержалась Марта. — У нее двести с гаком постоянных читателей. Мы и сами догадались, что в точке пересечения получим небольшой список наиболее вероятных кандидатов.

Проблема в том, что точек пересечения нет: Квашнина закрыла блог для постоянных читателей Гарпага.

— Сейчас все будет. Вы можете задержаться на часик? Я вызову Мерлина.

— Мерлина так Мерлина.— Марта пожала плечами.— У меня командировка на двое суток.

Юный Новицкий тут же кликнул кому-то на комм, а Карастоянов опять нырнул в холодильник.

— Пожалуй, я все-таки намажу вам цацики.

Цацики оказалось (-лась? -лся?) кремом из творога, чеснока и зелени, а Мерлин — еще одним юношем, совсем уж мальчиком, сразу напомнившим про Данку: вот в этом дожде из мужиков и для нее нашлась маленькая капелька, если бы Данка приехала сюда. Четвертый типаж: солнечный мальчик. Темно-русый, слегка курносый, немножко лопоухонький.

— Здравствуйте.— Он протянул ладонь. Хорошенькую такую лопату, стремительно растущие кости выпирают под кожей, вены просвечивают, хоть кровеносную систему изучай.— Я Мерлин. А вы Марта Иосифовна?

Марта как-то сразу ощущила себя старой.

— Давайте без «ичей», мне еще не пятьдесят,— насупилась она.

— Это наш внештатный эксперт. Привлекаем по мере необходимости,— пояснил Неверов.

— Чаю налейте, привлекатели.— Парнишка без церемоний подхватил последний бутерброд с цацики, откусил сразу половину и упал за терминал.

— Смотрите,— сказал он, покончив с бутербродом и принимаясь за чай.— У нас есть круг поисков: читатели Вики. Вы, как я понимаю, рассудили так, что эти двести девять человек — и есть все читатели. Неверно. Вика человек импульсивный, одних вносит, других вычеркивает. Нужно смотреть, кто ее комментировал два года назад,

когда она писала про аконит. И с кем она поссорилась настолько, чтобы человек захотел ее подставить. Это первые две точки триангуляции. А последняя — вот: Гарпаг участвовал, сознательно или вслепую, в социальном эксперименте. Значит, нам нужен практикующий социолог. Среди тех, кто два года назад комментировал Вику. И тут у нас находится... Тада-ам! Юзер Anistat aka Татьяна Анисьева, сорок два года, Институт социологии Федеральной академии наук, Москва, научный сотрудник кафедры социологии управления и социальных технологий.

— Твою мать,— только и смогла сказать Марта.

— Нет, это еще не «твою мать»,— весело отозвался Мерлин.— «Твою мать» — это тема ее магистерской работы: «Использование социальных сетей в оперативных и конспиративных целях». Хотел я получить эту работу по системе университетского обмена — не-а. Засекречено. А у докторской засекречена даже тема.

— Мне очень хочется поговорить с госпожой Анисьевой.— Марта побарабанила пальцами по ручке кресла.

— Ну что, опоссум.— Неверов наложил лапу на плечо Каастоянова.— Подкинешь даму до Москвы?

Дама посмотрела на часы. Вызвала на комм расписание поездов.

— Нет,— сказал Каастоянов.— Нет и нет. Никаких поездов. К вашим услугам комфортабельный семиместный «Казак», скоростная трасса и ваш покорный слуга.

Марта с подозрением обвела их глазами.

— Вы можете все-таки объяснить, зачем вам это нужно? Только, пожалуйста, не ссылаясь на рыцарство.

Все четверо переглянулись. Каастоянов пожал плечами:

— Я вас хочу.

— В каком смысле? — опешила Марта.

— В буквальном. Я заигрываю и добиваюсь вас.

— А если я вас не хочу?

— То я останусь в вашей памяти как человек, который бескорыстно помог делу торжества закона.

— Ты можешь хоть что-то не испортить, балаболка? — Неверов ткнул товарища кулаком в плечо и повернулся к Марте. — Нам нужны хорошие отношения с органами. Добрые и взаимовыгодные. Ведь однажды помощь и нам может пригодиться.

— И неплохо бы окончательно вычеркнуть Жору из списка подозреваемых, — добавил Новицкий.

Вот это уже походило на правду. Взаимный обмен информацией и услугами между частными сыскарями, охранными конторами и полицией происходил постоянно. Правда, в основном это все строилось на базе старых знакомств — мамины сослуживцы, после отставки ушедшие в охрану и сыск, тоже время от времени обращались к Марте. Или она к ним. У этих парней таких контактов не было, не могло быть — никто из них не служил в полиции. Оставалась дружба и услуги.

— Ну что? — Карагостоянов хрустнул пальцами. — Поехали?

— ...ривет, ...ам, — раздалось из наушника где-то на границе Новгородской и Тверской областей.

— Привет, Данка. Связь плохая, ты меня нормально слышишь?

— А? ...Овори... мче, ...нь пло... ...язь!

— Я еду в Москву!

— ...о?

— Переходи в режим чата! — Марта отключила связь и набрала на планшетке: «Я еду в Москву».

Через секунду абонент «Ужас, летящий на крыльях ночи» ответил: «Забес. А я в Харьков на соревнования. Хотела предупредить, что на выходных меня не будет».

«Но сейчас ты есть? — спросила Марта. — Может, встретимся?»

«Когда?»

«Сразу после школы».

«У меня тренировка».

«Ну, пропусти один раз».

«Перед соревнованиями?»

Марта зарычала вслух. Что за комиссия, Создатель!

«Я заберу тебя с тренировки. Скажи, когда и откуда?»

«Меня папа забирает».

«Отдохнет разик! Могу я сводить дочь в кафе?»

«Оки, я ему кликну. Целую».

Марта не стала полагаться на Данкину пунктуальность и кликнула Алексею сама. Алексей немного удивился, что Марта приезжает раньше своего «родительского» выходного, но, поскольку выходной приходился на соревнования, а совесть у Алексея была, он легко согласился с предложением Марты.

Каастоянов все время переговоров деликатно молчал. Только когда рядом с Новозавидовским остановились заправиться, перекусить и смениться, поинтересовался:

— Дела семейные?

Марта кивнула.

— Дочь пропускает мой родительский выходной. Так что, если бы вы согласились...

— Нет проблем,— заверил Каастоянов.— Сколько лет девочке?

— Пятнадцать.— Марта показала снимок на планшете. Профессиональный снимок с первенства России по стрельбе из лука.

— Амазонка,— улыбнулся Каастоянов.— На вас похожа.

Марта улыбнулась в ответ.

— Я мать-ехидна,— призналась она.— Замужем за работой. Алеша не выдержал. Да и кто бы выдержал — партнер является домой ближе к полуночи, сортир-холодильник-койка, утром здрасьте-здрасьте, и так пять лет.

— Вы решили, что девочке лучше жить с отцом? Он ВРС?

— Нет, он оператор трехмерной съемки, профи... Правда говоря, как родители мы оба те еще... родители. Но у меня есть служебный иммунитет. Отнимать у него родительский — я же не изверг.

— Но иммунитет истек еще два года назад...

— У него еще двое. Близнецы.

— Измышления Серафа боятся о вас тщетно, как водны о скалу.

— Чихать я хотела на их измышления,— Марта сказала это, потому что у нее и в самом деле свербело в носу, и она мощно чихнула в салфетку. Каастоянов засмеялся. Потом опять стал серьезным.

— Скажите, а вас это не насторожило? То, что меньше чем за год Сераф набрал более пяти тысяч пассивных сторонников и почти тысячу активных?

Марта углубилась в кофе, чтобы взять паузу на ответ.

Когда она читала эти бесконечные трэды и статьи, смотрела мерзостные видео и самодельные демы, не оставляло ощущение, что она проваливается в какой-то другой мир, где работает какая-то совершенно другая логика. «Самцы горилл больше самок, поэтому мужчины должны доминировать над женщинами». «У мужчин больше разброс статистических показателей интеллекта, поэтому они умнее». «Мужчин делает агрессивными тестостерон, поэтому их нельзя строго наказывать за проявления насилия». На это нельзя было даже ничего возразить, потому что ну какой смысл возражать человеку, который серьезно хочет брать пример с гориллы? Вон Вика Квашнина и Роза Штрауб попробовали возразить — в результате получили водопады деръма.

— Я знала, что психи есть,— сказала она наконец.— Но не знала, что так много.

— А вы не думали, почему их так много?

— у меня в среднем каждую неделю труп.— Марта пожала плечами.— Даже если он не криминальный, мы должны сначала все проверить и вынести заключение, что он не криминальный. Мне не до философий.

Ей вдруг пришла в голову мысль:

— Слушайте, ну а вам-то как кажется? Вы же мужчина. Нормальный. Неужели вас угнетают?

Длинные пальцы Каастоянова отбили дробь на бумажном стакане.

— Смотрите, Марта, какая петрушка. Была Полночь. Она выкосила почти две трети мужского и треть женского населения планеты и положила конец мифу о мужском превосходстве. Оказалось, вы все можете сами, не хуже нас. Потом началась Реконструкция. Родилось поколение мальчиков, которые для своих матерей были ценностью... экзистенциальной. Маленькие принцы. Они выросли — и обнаружили, что их трон рухнул. Арагорн вернулся — а Гондор уже республика. Тут надо быть... Арагорном, чтобы спокойно занять место в мире и смириться с тем, что оно не первое. А отцы наши в большинстве своем Арагорнами не были. Боромирами, в лучшем случае. Порядочные люди с лучшими намерениями, которым показали Кольцо. И они проголосовали за владыку Саурана.

— А вы?

— А я очень не люблю владык. И в душе твердый республиканец. Но вернемся к нашим отцам. Они сказали свое слово, нам ничего не осталось, кроме как расти в мире, где все мы, по большому счету, мясной скот. А у мясного скота самки живут дольше, по понятным причинам. Тут одно из двух: или ты смиряешься с мыслью, что твое будущее — бойня, и фрустрацию выливаешь на коров, или... не смиряешься с ней.

— Зарабатывая пайцу?

— Нет.— Каастоянов поморщился.— Цитируя классика, прислуживаться тошно. Но я постараюсь высокому господину, желающему мной поужинать, объяснить, что я невкусный.

— Такие вещи говорят, как правило, молодые и глупые люди. Неужели и у вас есть иллюзии насчет того, кто кому поужинает?

— У меня нет иллюзий. У меня карточка с печатью и подписью высокого господина, что я продержался против него одиннадцать секунд, а значит, официально имею право предлагать услуги по защите от высоких господ. У всех нас троих такие карточки есть.

— То есть вы не крупный рогатый скот. Вы такие все из себя одинокие волки.

— Почему одинокие. Стайные. Маленькая стая канис люпус. Ключевое слово — канис.

Марта посмотрела за стеклянную стену дорожного кафе, за завесу дождя.

Каждый выбирает тот способ не чувствовать себя ничтожеством, какой ему более по душе. Эти ребята нашли более достойный способ, чем те, кто пошел за Серафом. Но тех, кто по своим физическим данным способен противостоять высокому господину,— единицы из сотен. Обычно они идут в части спецназначения вроде «Сатурна». У Марты даже в мыслях не возник вопрос, почему туда не пошли ребята из «Лунного света».

— А у вас дети есть? — спросила она.

— Нет... Я стерilen. Производственная травма.

— Принимаете сочувствие? Или... поздравления?

— Когда как. Иногда я бешено завидую родителям. Вам. Только что. Но по размышлении все-таки останавливаюсь на том, что с моей стороны выпускать детей в мир было бы... неразумно. А значит, незачем сожалеть об отсутствии возможности.

— А с чьей стороны это разумно?

— Не знаю, — слукавил Каастоянов. По глазам было видно, что он считает — ни с чьей.

Потом Марта вела машину, а он спал, откинув сиденье. По худому угловатому лицу проносились тени — как в «волшебном фонаре».

— У вас есть десять минут, — сказала госпожа Татьяна Анисьева. — Время пошло.

Она торопилась. Ей предстояло стать высокой госпожой Татьяной Анисьевой, и она спешила завершить все дела земные. Продать квартиру, распределить наследство, поместить сбережения в фонд Цитадели. Не до следователя.

Ладненько. Вы с нами холодны и официальны — будем и мы с вами таковы. Марта достала комм, включила режим диктофона. Маленькая зеленоглазая женщина в безупречном костюме смотрела, не моргая, куда-то ей в переносицу. Марте было страшно неловко от этого взгляда, но она не отводила глаз.

Каастоянов молча нависал сзади. Марта вдруг вспомнила, что его фамилия с болгарского переводится, кажется, как «черная смерть».

— Двадцать первое августа, пятница, одиннадцать часов девятнадцать минут. Я, детектив первого разряда Марта Иосифовна Равлик, опрашиваю свидетельницу Анисьеву Татьяну Кирилловну. Татьяна Кирилловна, я предупреждаю вас о том, что за дачу заведомо ложных показаний вас могут привлечь к уголовной ответственности по статье 312 Уголовного кодекса Федерации. Вы поняли сказанное и готовы давать показания?

Анисьева моргнула бледными ресницами.

— Да и да.

— Хотите ли вы обратиться к адвокату?

— Некогда. Продолжайте.

— Где вы были в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое августа?

— В Сергиевом Посаде,— без колебаний ответила Ани́сьева.— На конференции по вопросам использования информационных технологий в полевых исследованиях. Гостиничный комплекс «Царский дворик». Незабываемый уик-энд.

— Вы покидали гостиницу тем вечером?

— Нет.

— Кто может подтвердить это?

— Примерно восемьдесят человек, не считая персонала комплекса. Списки участников и программу вы можете посмотреть в Сети.

— Международная конференция?

— Нет, только Федерация.

— Чтоб не искать свидетелей по всей стране, скажите, был ли там кто-то еще из Института?

— Горелов Семен, младший научный сотрудник моего отдела.

Как удобно. Младший научный сотрудник — свидетель алиби шефа.

— Где я могу его найти?

— Двести восемнадцатый кабинет.

— Вы являетесь штатным сотрудником Службы безопасности?

— Не собираюсь отвечать на этот вопрос.

— Знаете ли вы Новосельникова Виталия Денисовича?

— Нет.

— А человека по кличке Гарпаг?

— Он допрыгался до полицейского преследования? — В голосе Ани́сьевой появилось наконец хоть какое-то выражение помимо вялой скуки.

— Он допрыгался до могилы. Что вы можете сказать о Гарпаге?

— Омерзительное ничтожество с тяжким случаем паранойи. Не клинической, но на грани. Возможно, его следовало поместить под надзор. Возможно, это бы спасло ему жизнь. Но жалость на его счет мне испытывать трудно.

— Откуда и как давно вы знаете Гарпага?

— Он появился лет семь назад на портале «Гуманистрия» с претензией на то, что он историк, социолог и аналитик. Постепенно утомил администрацию всех разделов своим невежеством, хамством и теориями заговора, и его отовсюду забанили. Он появлялся под все новыми аватарами, но по содержанию сообщений его вычисляли и банили снова. Он перебрался на другие ресурсы, и какое-то время спустя я его встретила в «Глобо-блогах». То же самое: невежество, хамство, теория заговоров. Через него приходилось переступать, как через коровью лепешку на деревенской дороге. Разумеется, узнать его лично я не стремилась.

— Вы застали кампанию «Вернем права мужчинам»?

— Да. Забавное явление.

— Как специалисту вам не кажется, что это чай-то эксперимент?

— Как специалисту мне кажется, что такой эксперимент имел бы нулевую научную ценность.

— Вам знакома юзер Акэти?

— Вика Квашнина? Только через Сеть.

— Что вы можете сказать о травле, которую учинил Гарпаг Квашниной?

— Ничего. Два скандалиста нашли друг друга.

— Мне показалось, вы были... в добрых отношениях с Викой.

— Были. Когда-то.

— Что случилось?

— Это наше личное дело.

— Татьяна, Гарпаг был убит, и я расследую убийство. Думаю, тут никакое «личное» не уместно.

— Ах, вот к чему вопросы о том, где я была. Хорошо. Я не люблю клеветников, а Квашнина — из этой породы.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Она — женская версия Гарпага. Тоже беспочвенные претензии на эрудицию и талант.

— А два года назад вы хвалили ее материалы.

— Когда она пишет о том, в чем понимает, ее приятно и интересно читать — но в этой нелепой кампании против нелепых мачо она написала столько глупостей, что терпеть это стало невозможно. Я попыталась урезонить ее, объяснить, что она теряет лицо. Она в ответ обвинила меня в том, что я консультирую Гарпага. На этом все добрые отношения кончились. Мы закрыли друг от друга блоги.

— А вы не консультировали Гарпага?

— Ха. Ха. Ха, — раздельно произнесла госпожа Анисьева. — Вы в свободное от работы время консультируете скандальных параноиков? Нет? Вот и я тоже. Ваши десять минут истекли. Всего доброго.

— Я офицер полиции. Десять минут истекут, когда я так решу, — отчеканила Марта. — Вам известно, что Гарпаг был сотрудником СБ, информатором и контроллером?

— Десять минут истекли. Через час я должна быть в Цитадели, и я туда попаду. А если не попаду, неприятности будут у вас. Большие неприятности.

Анисьева встала из-за выключенного уже терминала, направилась к двери.

— Я обязана запереть кабинет. Будете вы внутри или снаружи, меня не волнует.

Марта, чувствуя, как ярость теснится в животе, медленно вышла из кабинета.

А Каастоянов самым нелепым образом споткнулся о собственные ботинки, растянулся на пороге, разбил

нос, заляпал кровью пол, вытирая салфеткой и извинялся — словом, оконфузился по полной программе.

— Что это на вас нашло? — прошипела Марта, заглядывая в двери туалета, где Каастоянов умывался.

Тут и обнаружилось, что у него не нос разбит, а порезана рука. Отмыв лицо и зажав рану салфеткой, Каастоянов бодро поскакал по лестнице вниз.

— За каким чертом вы устроили эту комедию? — Марта бесилась теперь от того, что еле спасала за ним. Он ответил только в машине, залепив руку пластырем:

— Я воткнул «жучка» в кабель ее терминала.

— Вы с ума сошли! Это противозаконно!

— Арестуйте меня.

— Да что проку! Всеми сведениями, которые мы так добудем, можно подтереться: суд их не примет.

— Но мы можем с их помощью выйти на что-то, что суд примет.

— Мечтайте. Скорей этого «жучка» обнаружат и выйдут на нас.

— Спокойно, вы ничего не знаете. Я споткнулся и разбил нос. А Татьяна Кирилловна лжет, она контроллер Гарпага.

— Кто вам это сказал.

— Мимика. Микродвижения рта, глаз, всякое такое.

— Ушёй.

— Нет, уши у нее неподвижные. У вас есть где ночевать в Москве?

— Спасибо, есть.

— У э́кса?

— Неважно.

— Давайте после встречи с Даниэлой вместе снимем номер. В Сергиевом Посаде. В «Царском дворике». Ну, чтоб два раза не ездить.

Госпожа Анисьева в совершенстве владела искусством «исландской правдивости». Она не лгала там, где могла не лгать. Только три раза с ее узких уст сорвалось прямое вранье: когда она сказала, что не покидала гостиницу, когда сказала, что не знает Гарпага под его настоящим именем и что она не консультировала Гарпага.

— Жора, я твои прозрения к делу не подошью, понимаешь? — За ужином они выпили на брудершафт и с удовольствием отбросили официальщину. — И то, что ты сопрещь из терминала Анисьевой — тоже. Горелов показал, что она не покидала гостиницы. Чтобы выколотить из Кондрашова санкцию на допрос Горелова и Анисьевой с детектором лжи, мне нужно что-то железное. Абсолютное.

Цумэ откинулся на кровати, потер лицо. Кровать огромная, до полнолуния далеко, и он без труда уснет, тем более что они с Мартой и вправду очень устали...

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы со всем разберемся. Благо завтра суббота. Это будет незабываемый уик-энд. Кстати, Горелов врал напропалую.

— Да неужели? Как ты догадался? Брови дергались?

— Губы двигались. Когда сказал, что они жили в соседних номерах, не соврал. Про ужин с маскарадом — не соврал. Что Анисьева в десять утра читала доклад — не соврал. А вот что видел ее на ужине весь вечер — сбреял как сивый мерин.

— Что ж ты его не прижал, изобразив рыцаря-спасителя?

— Не тот сценарий. Спасителем не может быть тот, кто прижимает. Прижимает один, спасает другой. И это не нужно. Я чувствую, здесь мы что-то найдем.

Он слышал, как Марта шагает по комнате. Ее напрягали то, что они остановились пусты и в экономе, но в «Царском дворике». Оперативная необходимость очевидна, но оправдать перед бухгалтерией Тверской управы даже эконом «Царского дворика» было трудно.

— Что мы здесь найдем? На конференции присутствовали восемьдесят семь человек. Прошла неделя. Думаешь, персонал кого-то помнит?

— Кто-нибудь что-нибудь да помнит. Открытие было в пять. Ужин с маскарадом начался в шесть и кончился за полночь. Она без проблем могла показаться там, съесть выпить что-нибудь, поехать в Тверь, отравить Гарпага, вернуться и еще успеть попасться на глаза допоздна загулявшим коллегам. А наутро появиться свежей, аки лилия, в конференц-зале и прочитать доклад.

— И где-то между делом побегать по лесам в поисках аконита.

— Нет. Аконит она нашла здесь. Нашла случайно. Я же говорю — это было преступление возможности. Она увидала цветы — и внезапно поняла, что у нее все получится.

— Да на кой черт ей травить Гарпага? Через неделю ее инициируют, уже подписан приказ!

— Вот именно. Она в очень уязвимой позиции для шантажа. А Гарпагу хотелось пайцзу.

— И чем бы он мог ее шантажировать? Тем, что она его консультировала в спорах с Квашиной? Жора, это даже не смешно.

— Марта, тебя подводит память, потому что ты устала, перевозбудилась, расстроилась из-за встречи с дочкой — кстати, напрасно, девочка тебя любит. Мы с тобой знаем, что кто-то оплатил Сорокину исполнение роли Серафа. Немаленькие деньги. Мы знаем также, что Гарпаг докладывал Анисьевой о фальшивом коллеге — а та не реагировала. Нецелевой расход средств — хорошее основание для шантажа.

— И как ты докажешь, что Анисьева и есть этот фальшивый контроллер?

— Не знаю. Но если мы ничего не найдем здесь, я приму позу буквы «Г», а ты с разбегу дашь мне ногой под зад. Идет?

Будильник она настроила на полвосьмого, но звонок поднял раньше.

— Что случилось? — простонала Марта.

— Помнишь, я говорил, мы здесь что-то найдем?

Марта зарычала горлом. Убийственно жизнерадостный Георгий продолжал:

— Здесь есть живой уголок! Домашние животные — куры, цесарки, утки, фазаны и все такое. В основном для здешней кухни. И несколько пони — катать детишек.

— И что? — простонала Марта.

— Козы нет!

— Чего нет?

— Козы! Вольер есть, табличка есть — а козы нет!

— Карастоянов.— Марта села на постели.— Я тебя убью. Я тебя сама отравлю.

— Нет, не отравишь. Тут уже нечем. Одевайся, иди в живой уголок, тебе будет страшно интересно.

Матерясь под нос, Марта натянула джинсы и топ, набросила свитер — утра уже холодные. Доски крыльца скрипнули под ногами, роса почти мгновенно пропитала отвороты джинсов, стоило свернуть с мощеной дорожки на тропинку к живому уголку.

Карастоянов курил, опираясь на колоритную изгородь из жердей, огораживающую вольеры. На изгороди сидела серьезная девочка лет семи и болтала ногами в шлепанцах.

— Это Марта,— представил детектива Карастоянов.— А это Нато, внучка Ираклия Вахтанговича, который присматривает за здешней живностью. Нато, расскажи Марте еще раз, что случилось с Мадиной и ее козленком.

— Эта тупая скотина,— сказала девочка с выражением,— выскочила из вольера, пошла на во-о-он ту клумбу и нажралась там «волчьего корня».

— А что случилось дальше? — Карастоянов явно не приветствовал такого лаконизма.

— А дальше она сдохла, что еще могло случиться? Почему все нужно повторять по три раза? А Тетри попил ее молока, мучился-мучился и тоже умер. И все!

В этом «все!» было столько окончательности и трагизма, что Марта сама чуть не прослезилась.

— Нато, а ты можешь показать, где у вас растет «волчий корень»?

— Теперь уже нигде.— Девочка разверла руками.— Деда, что ли, тупой, оставлять его после такого? Мы его выпололи, везде. Везде-везде-везде!

У Марты опустились руки. На языке криминалистики это называлось «уничтожением вещественных доказательств».

— И когда это было?

— В ту пятницу. Тут была эта, как ее, преференция. Гостей много приехало. А Мадина кричала и блевала. Деда ее зарезал, чтоб не мучилась. А эта дурища его ругает: как будто это он виноват, что Мадина такая прыгучая. А это она везде разверла волчий корень. Деда говорил этой дурище: не надо сажать! Он ядовитый! А она ему — «культурные сорта, культурные сорта»! — Девочка так уморительно поджала губки и закатила глазки, что Марта не удержалась и фыркнула. Нато соскочила с забора.

— А раз вы смеетесь,— грозно сказала она,— то вы от меня вообще ничего не услышите, вот.

— Стой, Нато, погоди.— Карастоянов удержал ее за плечики.— Марта больше не будет, правда. Она понимает, какое у тебя горе...

— Это у вас горе.— Нато дернула плечом и высвободилась.— А у меня трагедия.

И побежала по дорожке, шлепая растоптанными «вьетнамками».

Карастоянов вздохнул.

— Как ты так можешь,— с пафосом произнес он.— Жестокая.

— Ну вот такие мы, очерствевшие полицейские.— Марта подавила смех.— Не можем пролить ни слезинки над судьбой бедного козленка. «Культурные сорта, культурные сорта!»

— Пошли завтракать.

«Дурища», то есть администратор отеля, пробовала отговориться занятостью, но при виде значка скрепя сердце выкроила свободное время.

— Да,— со вздохом признала она.— Прошлой осенью мы купили семена борца.

Так и сказала — борца, может, это правильно?

— Это красивые многолетние цветы, и они создавали... нужную атмосферу, понимаете? Розы, пионы — все это не вписывается в общую эстетику нашего ландшафтного дизайна. Они слишком шикарны, а нам нужна тихая прелест Севера. Мы закупили семена сортового борца — «Айворин», «Пинк сенсейшн», «Биколор»...

— А джунгарского не покупали?

— Упаси Бог, зачем? Не самый красивый, но самый ядовитый. Да его просто не продают! А почему вы спрашиваете? Кто-то из гостей жаловался?

— Нет-нет. Эту гостью вы помните?

На лице администратора сформировалось выражение «Вроде да... а вроде и нет...».

— Хорошо. Скажите, кто из персонала обслуживал ужин-концерт-маскарад по случаю открытия конференции?...

Закончив беседу с администратором, Марта мысленно отчеркнула:

— поговорить с Ираклием Вахтанговичем;

— просмотреть записи камер наблюдения со стоянки за прошлую пятницу;

— поговорить с официантами, обслуживавшими ужин;

— и с горничными, работавшими в «Княжьем тереме», где останавливалась Анисьева.

Пункт два пришлось сразу вычеркнуть: записи камер хранились трое суток.

Пункты три и четыре — отложить немного на потом: официанты не работали здесь постоянно, их нанимали через агентство, а горничная должна была заступить в вечернюю смену. Так что после завтрака Марта и Георгий направили свои стопы в «живой уголок».

Ираклий Вахтангович занимался делом прозаическим, но нужным — выгребал навоз из-под пони — с таким азартом и, можно сказать, вкусом, так напевая себе под нос, что Марте было жаль его прерывать. Но пришлось.

Выслушав еще раз версию гибели козы Мадины и козленка Тетро, чуть менее эмоциональную и чуть более подробную, Марта поинтересовалась — а не занесло ли случайно ветром на клумбу семена диких разновидностей аконита? По слухам, ядовитых?

Ираклий Вахтангович решительно возразил, что такого никак не могло быть: за клумбами он присматривает хорошо и дикого аконита не пропустил бы никак.

Карастоянов все время разговора был индифферентен и играл со своим коммом, но сразу после клятвенных уверений Ираклия Вахтанговича в полном отсутствии дикого аконита на территории Марте на комм пришло сообщение: «Жми. У него совесть нечиста».

Интересно, а что этот душелюб и сердцевед *во мне* вычитывает?

— Ираклий Вахтангович, — вкрадчиво сказала Марта. — А болит ли у вас спина?

Глаза дедушки Нато метнулись в сторону. Есть.

— Наверное, болит, — сказала она. — Человек вы немолодой. Работы много. Навоз, тачка, клумбы... Наклоняться часто приходится. Чем лечитесь?

— Что вы ко мне пристали? — как-то беспомощно проговорил садовник.— Болит — не болит. Лечусь — не лечусь. Я еще сто лет проживу!

— Ираклий Вахтангович, мне никакого дела нет до смерти вашей козы,— решительно сказала Марта.— Я расследую смерть человека. И если вы сами все мне расскажете и покажете — я, так и быть, поверю, что дикий аконит на клумбе вырос случайно. Ветром занесло. Но если мне придется тащиться в Тверь за ордером на обыск в вашей подсобке... я вернусь очень, очень злая. Понимаете? Может, после этого вы и не пойдете как соучастник. Скорее всего. Но сохраните ли вы рабочее место? Я не поручусь.

Постановление на обыск Марта могла выписать тут же, на коленке, но повальная юридическая неграмотность населения часто делала свое дело. Сработало и сейчас.

Ираклий Вахтангович покряхтел, пожевал губами, потом эмоционально воткнул вилы в землю и сделал решительный жест рукой: пошли, мол.

В его домике царил идеальный порядок, все инструменты на своих местах. В углу — выгороженная ширмой детская кровать. Возле столярного верстака — раскладушка. Над раскладушкой — аптечный шкаф.

Ираклий Вахтангович открыл его, достал бутылку с мутноватой жидкостью и болтающимися в ней корешками.

— Вот,— обреченным голосом сказал он.— Немного настойки сделал. Для себя сделал, спину лечить, ноги растирать. Ревматизм у меня. Да, выросло на клумбе немножко царь-травы. Семечко-другое случайно примешалось. Не стал сразу выпальывать. Ревматизм. Корешки выкопал, настойку сделал. Арестовать меня за это надо, да? Уволить меня надо?

«Стукнуть тебя надо покрепче, старого дурака»,— подумала Марта, разглядывая бутылку.

— Я у вас изымаю эту настойку.— Она достала из сумки пакет для вещдоков и бланк формы изъятия.— Сейчас все заполним, и распишется.

— Это корешки.— Каастоянов наклонился к бутылке.— А где вершки? Цветы, стебли?

— Сжег, все сжег,— старик махнул рукой.— Мне вели ли, я все сжег.

— Когда сожгли? В пятницу, когда отравилась Мадина?

— Да, в пятницу.

— Вы с кем-то встречались, говорили в тот день?

— С кем я мог говорить? Гости приехали, почти сто человек. Все бегают, на столы накрывают, а тут коза умирает, на весь двор кричит... Зачем мне с кем-то говорить? Подходили, спрашивали, что такое. Что я могу сказать? Коза «волчьего корня» наелась — вот что такое.

— То есть вы сначала прервали мучения бедного животного,— уточнил Каастоянов.— А потом занялись про- полкой клумб.

— Конечно. Не могу же я оставить бедную тварь умирать.

— Во сколько вы начали полоть и во сколько закончили? — Марта незаметно пнула Каастоянова ногой в пятку, чтоб не возникал.

— Дайте вспомнить. Ужин начали в шесть. Значит, до шести я уже все убрал.

— А где сжигали?

— Там, на заднем дворе.

— Скажите, эта женщина подходила к вам? Спрашивала?

Ираклий Вахтангович уставился на снимок Анисьевой.

— Много подходило. Зачем коза лежит? Зачем кричит? Почему козе плохо? Какое их дело? Они этой козы родственники?

Марта скрипнула зубами.

— Пожалуйста, посмотрите на эту женщину повнимательней и вспомните, о чем вы с ней говорили.

— Да ни о чем не говорили. Другие говорили, она стояла, смотрела. Хорошая женщина. Не приставала.

Марта испустила горестный вздох.

Ей вдруг захотелось переспать с Каастояновым. Не в смысле как сегодня ночью, целомудренно отдохнуть на своей половине кровати. А завалить его и воспользоваться служебным положением по полной программе. Под девизом «Пусть на этой неделе случится хоть что-то хорошее».

Потому что начиная с понедельника ничего хорошего явно не случится.

— Уточните, пожалуйста, — уныло-вежливым голосом сказал Кондрашка. — Вы хотите, чтобы я пошел на конфронтацию с московским Управлением из-за того, что старый садовник в Сергиевом Посаде выращивал тайком на клумбе джунгарский аконит и нечаянно отправил козу?

— Да ты издеваешься! — всплеснул руками Ибрагимыч, взявший на себя роль греческого хора.

— Нечаянно именно джунгарским и северным аконитом оказался отравлен Новосельников, — стараясь не кипятиться, проговорила Марта. — Нечаянно именно Анисьева является одновременно свидетелем того, как старик выпалывал клумбу, и контроллером Новосельникова. Нечаянно именно у нее в подчинении находится вымышленный контроллер, и под его началом — не менее шестидесяти вымышленных аккаунтов, каждый из которых «зарабатывает» по десятке в день.

— Кхм, — сказал Кречетов.

— Аркадий Борисович, — самым елейным тоном пропела Марта. — Ну не надо делать вид, что контроллер Гарпага — не она. На вас никакой вины нет, я ее сама рассекретила. Подручными средствами.

— А это совершенно неважно,— покачал головой Аркадий Борисович.— Важно, что имеющихся улик не хватает для того, чтобы выписать ордер на обыск сотрудника СБ. Все эти выкладки вашего «независимого эксперта»,— он потряс распечаткой контент-анализа, который сделал Мерлин,— не стоят выеденного яйца. Равно как и бутылка с корешками. У вас есть еще что-нибудь?

...У нее было. Украденная через «жучка» переписка Анисьевой с Сорокиным, и что еще важнее — та часть переписки с Гарпагом, которую она вела от лица несуществующего контроллера. «Коллеги», которого Гарпаг вычислил по однообразным комментариям бот-генератора. Вычислил с присущей ему въедливостью клеща, несколько раз пытался «разоблачить» публично, а когда никто не обратил внимания — написал своему куратору напрямую: я вскрыл жулика, ворующего деньги Конторы! Дайте-дайте-дайте мне пайцзу, я хочу жить!

Но гражданка Анисьева тоже хотела жить. По возможности — вечно.

Спохватясь Гарпаг со своей активностью на месяц позже — она бы просто навестила его ночью. Но сейчас ее положение было шатким. Она начала тянуть время, обещая Гарпагу пайцзу и отчаянно ища выход. А он угрожал разоблачением.

И выход нашелся. Сам подвернулся под руку, как по заказу.

Марта знала это чувство — словно удача смотрит прямо на тебя и посыпает воздушный поцелуй.

Сейчас она, правда, испытывала совсем другое — то, что называют «близок локоть, а не укусишь». Она знала об Анисьевой все — как, зачем, когда. Но что проку? Это знание было добыто незаконным путем и совершенно бесполезно.

Немного больше времени — и она сумела бы организовать качественную провокацию.

— Если я нажму на Горелова, он сломается и покажет, что алиби Анисьевой — ложное.

— А потом откажется от своих показаний как от взятых под давлением? — Кондрашка бросил постановление Марты в шредер. Шредер сожрал и не подавился. — Я думаю, вы увлеклись, Марта Иосифовна. Вы хороший следователь, но хватили через край. Это явное самоубийство. Вопиющее явное.

Марта скрипнула зубами и направилась к выходу. Ибрагимыч и Кречетов двинулись за ней.

— Марта Иосифовна, задержитесь, — догнал пронизывающий, как сквозняк, голос Кондрашова.

Марта задержалась.

— Я хочу вам рассказать одну старинную историю, — сказал Кондрашов. — Две тысячи лет назад жил в Китае правитель Цао Цао. У него было четверо сыновей: старший — хитрый и подлый, второй — поэт и гуляка, третий — глупец и пьяница и четвертый — умный, талантливый мальчик. Цао Цао объявил, что наследником станет четвертый сын — и вскоре мальчика отравили. Цао Цао, конечно же, заподозрил старших сыновей, но никаких прямых улик против них не было. Чтобы выяснить, кто убийца, он приказал им трое суток бодрствовать над телом брата. Он рассудил так: невиновных рано или поздно сморит сон, а тот, чья совесть нечиста, приложит все усилия, чтобы не спать и доказать свою братскую преданность. Вы ведь подумывали о провокации в этом духе, Марта Иосифовна?

Марта промолчала.

— Цао Цао наблюдал за сыновьями и увидел, что двое младших заснули, а старший, Цао Пэй, сидел, проливая лицемерные слезы над телом мальчика. Первым его порывом было — убить мерзавца на месте. Он очень любил своего младшего, и он сдержал свой порыв. Лучше не

убивать Цао Пэя в горячке чувств, а позвать стражу и палачей и убить его мучительно, медленно, выместить всю свою боль. Но пока Цао Цао шел за палачами, ему пришла в голову еще одна мысль. Да, подумал он, мой старший сын — мерзавец и отправитель. Но ему хватило ума провернуть все так, чтобы его не заподозрили, создать себе ложное алиби. Его братья — один поэт, другой пьяница, как на них оставить царство? А я уже немолод, сумею ли я зачать еще одного сына? Мерзавец и подлец отправил брата, чтобы проложить дорогу к трону. Уж, наверное, после этого он постарается не выпустить трон из рук. И Цао Цао пощадил старшего сына. А потом сделал своим наследником.

Марта молчала.

— Возможно, даже скорее всего, Анисьева действительно убила этого паршивца. Но подумайте сами, Марта Иосифовна, — чего вы добьетесь, если в подвал Цитадели она попадет в качестве жертвы, а не высокой госпожи. Вы парализуете создание целого отдела Службы Безопасности — важного, нужного отдела. Ради чего?

— Странно, что вы задаете такой вопрос. Ради соблюдения законности. Вы же отдаете себе отчет в том, что она будет убивать. Отныне и впредь — с санкций закона. Вы понимаете, кого хотите выпустить на улицы?

— Марта Иосифовна, я очень остро чувствую и понимаю ваш гнев. Но поверьте мне, наше сообщество регулирует проявления неадекватности лучше, чем полиция. Потому что мы лучше вас, людей, знаем, что представляем собой. Те из нас, кто пошел на инициацию хоть с какими-то иллюзиями, попросту не пережили ее. Все мы — Цао Пэи. Все переступили через труп. И переступим еще не раз. То, что Анисьева сумела убить, не оставить после себя ни одной твердой улики и сохранить полное хладнокровие, не впадая в синдром Раскольникова,

говорит в ее пользу. Нам не нужны те, кто после первой крови пойдет вразнос или вовсе не переживет инициации. Нам нужны такие, как она.

— Думаете, годы практики пойдут ей на пользу в деле разворовывания бюджета? — сделала последнюю попытку Марта.

— Никакого разворовывания. Деньги потрачены на эксперимент. Целевым назначением.

— Эксперимент, по ее же словам, не имеющий научной ценности?

— Практическая ценность тоже имеет значение. Марта Иосифовна, я сказал вам слишком много. Потому что вы умная женщина и, я знаю, не понесете это дальше порога.

— Я уже забыла все, что вы мне сказали.

— Сомневаюсь. Вы все еще в гневе. Что ж, если до утра он не пройдет, вы всегда можете вызвать госпожу Анисьеву на поединок. Закон позволяет вам в этом случае воспользоваться табельным оружием. До свидания, Марта. Спокойной ночи.

Покинув прокуратуру, Марта достала комм.

— Георгий, ты не уехал?

— Куда я поеду на ночь глядя. Я тут по магазинам прогуляться решил, ты чего на ужин хочешь?

— Водки. И закуски, все равно какой. И... Каастоянов, то, что ты говорил в Питере,— не шутка? Потому что, если я сегодня кого-нибудь не трахну, я кого-нибудь убью.

— Мой долг законопослушного гражданина,— по голосу было слышно, что этот засранец улыбается во всю пасть,— всячески пресекать попытки убийства и изнасилования.

Правильно Каастоянов подчеркивал стройные ноги килтом и хосами. Торс у него подгулял: кожа, кости и троны из крученых жил там, где в норме у людей мускулы.

— Тебе сидеть не больно? — не удержалась она.— У тебя во впадину между большой и малой ягодичными мышцами кулак спокойно войдет.

— Где, здесь? — Каастоянов переложил сигарету в левую руку и показал правой.— Это средняя, а не малая. Все путают.

— Да без разницы.

— Не-е.— Он помахал сигаретой.— Анатомия наука точная.

Марта завернулась в покрывало и встала рядом с ним. Закурила. Так-то она не курила, но за компанию — почему нет.

— Скажи, у меня есть шанс получить заветную карточку? Или я уже слишком старая, чтобы учиться?

Каким-то образом она оказалась на кровати, лицом вверх, без капли воздуха в легких. Каастоянов стоял у окна, чуть расставив ноги. Сигарета уже куда-то делась. Марта бессмысленно, как регистратор, отмечала все это: мягкий удар о кровать, нарастающая боль в грудине, мучительная нехватка воздуха, голый мужчина у окна — потом что-то щелкнуло в голове: он толкнул меня в грудь, и я поняла это только после того, как приземлилась на кровати.

Он сел рядом.

— Очень больно?

— Нет.— Марта закашлялась.— Свинья. Спасибо.

Ответ она получила. Исчерпывающий.

— Дело не в этом.— Каастоянов сел по-турецки.— Карточка — ерунда. Убить неопытного высокого господина может почти каждый. Ну, в смысле, каждый здоровый взрослый человек. Высокий господин — он, как любой хищник, уязвим, когда жрет. Правда, шансы остаться в живых при этом не очень велики. Так что ты свою затею брось.

— Слушай, ты,— сказала Марта, продышавшись.— Моя мама была детективом первого класса. Рассказывала, ка-

кая жопа здесь творилась в начале Реконструкции. Как человека могли ради вязаной шапки зарезать, пока высокие господа не взяли дело в свои руки. Когда она узнала, что у нее рак,— пошла и записалась добровольцем. Чтобы я доучилась, не тратила деньги на ее лечение. Ее сожрали. И я это приняла. Потому что иначе в моем городе убивали бы по полтораста человек в год. И каждый раз, оформляя труп с дыркой на шее как некриминальный, я себе говорю: иначе это было бы полтораста человек в год. Но тут другое. Тут мне рассказали историю про китайского императора, который отравителя себя в наследники выбрал...

— Цао Цао? — Георгий усмехнулся.— На его сыне-отравителе закончился род, а вскоре пресеклась династия. Ничего хорошего из таких идей не выходит. Ничего. Но, как я уже сказал, дело не в этом. Дело в том, что ты для такой работы не годишься. А я с ней уже справлялся.

— Я офицер полиции, Каастоянов. Я останусь в рамках закона. Это важно.

— Закон — это святое. А особенно свята статья о само- и инообороне.

Их организации, подумала Марта, тоже не нужна высокая госпожа, которая поставит дело их отлова на научную основу.

И мне что-то не хочется, чтобы из-за невдолбенного интеллекта Анисьевой, усиленного вампирскими способностями, этот зубоскал оказался в охотничье лабиринте Цитадели. И он, и суровый юноша Новицкий, и русский медведь Неверов, и лопоухий Мерлин. Как мама говорила — слишком жирно будет.

— Когда? — спросила она.

— Ее выпустят на первую свободную охоту через месяц после инициации. Мне понадобится твоя помощь...

Сентябрь опадал моросью и мокрыми листьями. Отчетливые контуры. Новые цвета. Новые запахи и звуки. Малейшие оттенки веса, микродвижения, дуновения. До сих пор трудно справляться с потоком информации от органов чувств. Словно широкие стрельчатые окна прорезаны в черепе.

И в груди, чуть выше солнечного сплетения.

Голод.

Прекрасное чувство.

Голод и ночь, которая уже никогда не будет темной. Ночь для работы и ночь для охоты. В глубинах Сети, в потемках чужого разума, в закоулках людского муравейника.

Мать Тьма.

И в ней – белый факел, чуждый луч за поворотом на Пушкинскую, движущийся в сторону Страстного.

Самоубийца? Не нужно верить такой удаче, говоришь ты себе. Это носитель пайцы, решивший безопасно прогуляться в лунную ночь. Пусть и облачную, и с моросью – но лунную ночь, законопослушным гражданам с царским ярлыком ведь можно получить и такое нехитрое удовольствие? Смысла нет за ним идти, но сами ноги несут, а несут они тебя очень быстро. И вот на дистанции десять метров ты вынимаешь чекер и целишься им в сутулую спину парня, в блестящую от ночной росы синюю ткань – и чекер показывает зеленый свет. У него нет пайцы. У этого идиота нет пайцы!

Ты идешь за ним и нарочно громко цокаешь каблуками, потому что в его пламени нет страха, он шагает как хозяин этой ночной улицы, как еще один хищник. Он обворачивается и спрашивает:

– А почему женщины?

Ты останавливаешься. Его лицо осталось где-то в памяти, в той части, которая сейчас словно затянута легкой кисеей.

— Вы напарник полицейской из Твери?

— Нет, я лицо частное. Любовник Виктории Квашниной, которую вы пытались подставить.

Оскомина. Виктория Квашнина, беспорядочное — а значит, непорядочное — существо, потакающее себе в отвратительной привычке говорить что угодно о ком угодно, оправдываясь эмоциями. В сторону. Он не лжет, он недоговаривает.

Бретер?

Ее предупреждали, она знала: такие бывают, вероятность нарваться ненулевая. Подходят, предлагают себя в жертву. Закон, а что еще важнее — кодекс клановой чести запрещает высоким господам отклонять такие предложения. Закон разрешает жертвам — даже добровольным жертвам — защищаться. Кланы с самого начала были не против: слабым не место наверху пищевой цепочки. Бретеры пользуются этим законом, чтобы безнаказанно убивать высоких господ. Высокие господа пользуются этим законом, чтобы устраниять друг друга руками бретеров. Сами бретеры долго не живут.

Словно в подтверждение он показывает большим пальцем за спину. Камера наблюдения зафиксирует, что поединок был честным.

Что ж, значит — осторожность.

Значит — бить первой.

И ты бьешь так, как учили бить умников, вообразивших себя охотниками.

Не так уж много времени было учиться — но удар верно находит цель, выбитый из руки нож, блеснув в луче фонаря, уходит куда-то в кусты. Под вторым ударом хрустит ребро. Его ребро.

Бретеров нужно опасаться. Ты уязвима, когда потребляешь, учили ее, а значит, в момент потребления жертва должна быть качественно обездвижена.

Бей в мочало. Он вызвался сам.

До чего же беспомощно человеческое тело — даже сильное мужское тело. Ты, как в замедленной съемке, видишь расходящуюся по тканям лица волну от сотрясения. Костяшки пальцев рассаживают скелет почти до кости. Нелепый взмах руками. Падение — такое же неуклюжее, как тогда, в ее кабинете. Легкое содрогание земли под ногами.

Ближе. Каблуком в живот. Заслонился рукой — каблуком по предплечью, потом в живот. Лицом вниз. Да, из этой позиции тебя тяжелее потребить, но и от тебя ждать сюрпризов не приходится. Заломить руку. И вот в моем распоряжении артерии и вены вашего предплечья, господин неудачник. А вот мой нож. Простой макетный нож — я решила, что это будет мой стиль, мой штрих: обычный канцелярский нож...

— Но все-таки, почему женщины? Что они вам сделали?

— Вас именно это интересует в последнюю минуту?

— А все остальное я знаю. Вплоть до того, что вы траванули Гарпага из страха не перед СБ, а перед научным сообществом. Эксперимент на людях без их согласия — СБ вас может носить на руках сколько хочет, а вот для науки вы труп. А у вас амбиции.

Глубокий порез. У его крови странный неприятный привкус. И очень неохотно она течет.

— Ну же, Татьяна Кирилловна. Законы жанра требуют злодейского ликования. Вы так здорово всех развели — а я слишком туп, чтобы это оценить. Почему женщины?

Легкое головокружение.

— А евреи или иммигранты уже не торт?

Вот только не хватало с бретером обсуждать диссертацию.

— Уймитесь. Не люблю, когда еда разговаривает.

Кровь отчего-то пошла совсем туго. У него так быстро схлопываются вены?

Мир вдруг переворачивается, бьет по спине бетонной плитой, плита и бретер выбивают из груди воздух.

Еще несколько перекатов. Бордюр под спиной. Что-то хрустит. Бретер поднимается, ты — нет.

Масса мужского тела в среднем на двадцать процентов больше. Но у нас не в среднем — у нас крупный, за метр девяносто, мужчина и маленькая, вдвое легче, женщина. Когда он навалился сверху, а под спиной оказался бордюр, позвоночник не выдержал.

А потом уже не остается пространства в сознании — все заполняет боль.

Там, в солнечном сплетении. В средоточии голода.

Уничтожение.

Глухой звук плоти под лезвием.

Это моя плоть.

Ужас.

Пепел где-то в горле. Хруст. Это мои кости. Удар. Окончательная невозможность дышать.

Странный ракурс, под которым видно тело.

Как можно видеть собственные лопатки?

Угасание.

Лицо врага.

Жалость. Это его жалость.

Не нужна. Для плевка требуется вдох. Нечем. Тело отсечено от головы. От органа мысли, который сделал всего одну ошибку и теперь будет расплачиваться за нее три или четыре минуты, осознавать, как враг идет прочь, на ходу набирая комм-индекс.

— Привет. Все в порядке, да. Я убил его, Торбьерн. Два ребра и немного синяков. Как тебе ролевая игра «сестра милосердия и раненый боец»?

Он лежал и боялся расплескать покой. Слишком хорошо все сложилось. И женщина рядом — не очередная

приятельница на ночь, а друг. Это опасно. Отсюда шаг до любви. Беги. Не переходи кордон.

Но так страшно расплескать покой.

Голова женщины в ладонях. Маленькой худой легкой женщины. Близко. Опасно близко.

— Вот скажи, а без выпендрежа никак было нельзя? Без поломанных ребер и прочего? Какая тебе разница, женщины или евреи?

— Понимаешь, когда мы прочитали ее диссертацию... Насколько я понял из объяснений Антона, ее интересовала реакция референтной группы на угрозу угнетения. Ну, типа: если завтра по Сети объявят, что будут вешать каждого десятого — какой процент сразу возьмется за ружье, какой тут же побежит мылить веревки, что будет между полюсами... Мерлин сказал, что женщины сразу дали большую выборку, а мне показалась в этом какая-то... принципиальная позиция. Подставлять группу, к которой принадлежишь сам.

— Да ты идеалист. По-моему, ее просто перло, что она поимела и мужиков, и теток. И совсем не обязательно было давать себя избивать для ответа на этот вопрос.

— Ну, у меня были... и другие задачи.

— Какие? Меня до инфаркта довести?

— Я работал на камеру. Камера зафиксировала, что она плохо обездвижила меня. Зарвалась.

— А на самом деле?

Он снял повязку с руки.

Марта потрясенно умолкла, даже дышать забыла.

— Внутренние повреждения остались, я чувствую, что мышца еще не до конца срослась.

— Ты...

— Нет, конечно. Она не смогла бы меня пить — сразу почумяла своего.

— Но ты...

— Я был, да. Нелегально и почти нечаянно. Все сложилось плохо. А потом меня исцелили — тоже почти нечаянно, повторить номер на бис не получается.

— Как?

— Действие Божьей благодати как объяснение тебе устроит?

— Нет.

— Так и знал. Других не будет.

Марта прекрасна. Она даже сама не знает, насколько прекрасна, с ее тициановскими обводами. С ее полной противоположностью тому, что осталось на мокром асфальте сквера на Страстном.

— Вас много таких?

— Мало. К сожалению. .

— Твои друзья?

— Вот они просто тренировались. Ну, Костя — священник, это тоже работает.

— Зачем ты все это мне рассказываешь?

— Тебе неделю назад пришло письмо от Эгиля. И ты на него ответила, Фригг.

Она промолчала.

— Ты наверняка задавалась вопросом: читаю ли я тебя. Да, конечно. С самого начала. И мне с самого начала нравится эта книга. Ты знаешь, в диссертации Анисьевой вам тоже нашлось место. Группа G. Те, кто очень медленно за прягает, но недовольство высказывает сразу, решительно и обычно в летальной форме. Два процента от общего числа.

— Ты больше не приедешь?

— Нет. Ты же ответила на письмо. Значит, с тобой мы больше видеться не можем.

— Безопасный секс.

— Я знал, что ты поймешь.

Тепло. В ней столько тепла, что всякая смерть кажется совершенно невозможной. Амазонка, мать амазонки.

— Он написал правду? Что мне не придется переступить через закон?

— Клянусь, что ты, если сама не захочешь, не переступишь его и на полпальца. Это оценят. Уже оценили. Хирургов и так до хрена — нужны терапевты. Нужны те, кто просто делает свое дело.

— Ты его тоже делаешь здорово. Ты отличный оперативник.

— Да. В тени, где не можешь действовать ты.

— Могу.

— Но не должна. Кто-то должен оставаться человеком света.

...И когда она смеется, она такая живая.

— Ты что? Ты собрался трахаться со сломанными ребрами? Или они тоже зажили?

— Не, кости срастаются дольше всего. Где-то до утра. Но самое-то главное я уберег. Ох, у нее и каблуки! Хорошо хоть не шпильки. И вообще, я сейчас воспользуюсь победой феминизма, лениво завалюсь на спину, закрою глаза и буду думать об Англии.

— Нельзя просто так завалиться на спину, закрыть глаза и думать об Англии, Каастоянов. Не со мной.

Владимир Серебряков родился под совершенно другой фамилией в городе Рига, где и проживает в настоящее время. Закончил медицинский институт, но ни дня не проработал по специальности. Заведовал редакцией фантастики издательства «Полярис». Переводил на русский язык произведения Филиппа Фармера, Урсулы Ле Гuin, Брюса Стерлинга, Питера Гамильтона, Майкла Стювера, Генри Бима Пайпера, Питера Уоттса. Автор двух сольных романов и четырех, написанных совместно с другим рижским фантастом Андреем Улановым. Дважды лауреат премии имени Тита Ливия за лучшее произведение в жанре альтернативной истории – за 2005 год (в номинации «роман») и 2008 год (в номинации «рассказ/повесть»).

Подобные описанному в этом рассказе Станиславу углеродные планеты пока остаются гипотетическими – технические возможности нынешних орбитальных телескопов не всегда позволяют проанализировать состав атмосферы экзопланет, – но кандидаты на их место (такие, как 55 Рака e) уже есть.

Владимир Серебряков

С другой стороны

— ...Я одним ударом раскроил его от плеча до пояса, так что смазка брызнула, но робзбойники не устрашились, и...

Разряд.

Темнота. Тишина.

Скафандр перезагружался постепенно, посистемно. Изображение на визоре пропало на секунды, вернулось в оптическом диапазоне. На мгновение Данилу открылась заново жуткая красота окружающего мира.

Тысячи оттенков черного, бурого, металлического серого. В глиняном небе плыли асфальтовые тучи, рассыпаясь непрерывными каскадами молний, озарявших пейзаж ярче невидимого солнца. Ветви из черненого хрома раскачивались на магнитном ветру. Лиловые радуги играли на кляксах разлитой смазки, и желтели наросты ферроцена у высыхающих бензиновых луж.

По мере того как подгружались маскирующие алгоритмы, мир, терял причудливое величие. В чужой монастырь не лезут со своим взглядом — местные жители воспринимали мир, по большей части, эхолокацией в непрестанном громе разрядов, и трудно было преобразовать их не-зрение в формы, ясные для землянина. Ограничивающаяся оптикой не позволяли условности контакта: то, что аборигенам казалось очевидным, в зрительном диапазоне могло не существовать вовсе.

Последним заработал, отойдя после электромагнитного удара, переводчик.

— ...И я гнал их в одиночку до самой Медной горы, хвала Всепрограммисту! Ха, славная была драка!

Барон от избытка чувств стукнул кибаргамака по крупу передней левой ногой. Скаакун благородной булатной масти даже антенной не повел: выучка у него была под стать могучим электрыцарским дестройе, но в отличие от тех баронский трактор мог не только нести на себе закованного в изолирующую броню воина, но и мчаться, если нужно, с невиданной быстротой — качество крайне полезное для его хозяина, сделавшего себе карьеру капитана ландскнехтов как громкими победами, так и свое-временными отступлениями.

— Да ты никак не слушал меня, бледнотик!

— Прошу прощения у благородного,— заученной фразой ответил Данил.— Меня оглушило молнией.

— Вот нелепое создание! — скрежетнул рехнриттер, размахивая свободной рукой и презрительно подергивая задними конечностями.— Если бы не объявленная тобой награда, никогда бы не взялся я... хм... совершить героический подвиг, избавив мироздание от злокозненного графа Дракула. Хотя, конечно, взялся бы, ибо достойно рыцаря изничтожать эксротаторов, имя и титул свои позорящих, низкопуляторов, сажекопов... — Барон понемногу распалялся; еще немного — и ему удалось бы убедить себя, что идея разбить дружину пресловутого графа, самого Дракула зарезать, а владения его вместе с титулом — присвоить, пришла ему в железную башку совершенно самостоятельно, из высших соображений феодальной морали, а не была туда вклюочена при помощи крупной суммы денег. Конечно, большая часть аванса утекла по карманам срочно нанятых солдат: собственной банды ландскнехтов

барону Ферроплексу для выполнения поставленной задачи определенно недоставало.

Рядом снова ударила молния, избавив Данила от необходимости выслушивать поток вычурных ругательств.

— ...По указке существа интернально склизкого, хлюпоумного и дисферричного! — закончил барон.— Сыпал ли ты меня, бледнотик?

— Сыпал.— Данил чуть было не кивнул молча, но спохватился. Мимику обитателям Станислава заменяла в основном жестикуляция обоими парами ног, дополненная непроизвольным радиописком.

— Это хорошо,— заключил барон.— Постыдно было бы мне повторяться ради создания, от всякого разряда в обморок падающего, будто из банки лейденской без меры хлебнув!

Землянин промолчал. Его не оставляло чувство, будто он чего-то не понимает в происходящем.

Отчасти виноваты были переводчики. Семантическую базу для них составляла та самая экспедиция от Неоафинского университета, которую Данил прибыл спасать. Квестор пытался за время прыжка на Станислав ознакомиться вначале с отчетами экспедиции, потом — с основными работами «новой гуманитарной школы», необходимыми для того, чтобы понимать отчеты экспедиции, и пришел к выводу, что приверженцев новой гуманитарной школы вообще нельзя выпускать за ограду университета. Объем данных о том, что в глазах ганзейского купца и составляло основную ценность планеты Станислав — биохимии, биологии и в особенности технологий, разработанных обитателями уникального мира,— был ничтожен, зато о литературе и фольклореaborигенов Данил узнал гораздо больше, чем ему хотелось бы, и все равно не мог отбросить смутного ощущения неправильности. Переводы, которые предлагала ему семантическая база, были вы-

разительны, многозначны, даже поэтичны местами, но квестор уже не первый день подозревал, что к сути происходящего они имеют отношение крайне отдаленное.

Лес подступил к самому проселку. Чешуйчатые стволы медленно колыхались, соединяя хрупкую корку земли с заслоняющими небо гроздями ртутно блестящих шаров. Робослик меланхолически перебирал восемью ногами, пытаясь не отстать от длиннолапых скакунов. Свора алмазных псов, похожих на перекати-поле, трусила по обочине. Неярко переговаривались в оптическом диапазоне ландскнехты, искрил под копытами карборундовый песок, и с неба сыпался черный сажеснег.

Что-то протяжно засветилось в чаще. Ехавший одесную знаменосца с бунчуком из латунной проволоки наемник напрягся, перехватив поудобнее копье-разрядник, но то, что глядело на проезжающую банду тысячей ушей, не решилось связываться с солдатами.

— Граница близко,— проворчал сержант, и, словно в ответ над дальней грядой, скрывшейся покуда за лесом, встало призрачное зарево. Где-то в глубине, под тонким слоем кипящей магмы и континентальными плитами спрессованного графита, лопались и заживали даже не трещинки — слабины в тысячекилометровой карборундовой мантии. Внутреннее строение планеты порождало сильнейшее, но катастрофически изменчивое магнитное поле. Домены плыли и сталкивались, перезамыкались силовые линии, и там, где проходили стыки между ячейками относительной стабильности, пролегали Границы — поля хаоса, населенные невиданными киберями, способными выжить там, где вскипал электрический разумaborигенов.

Владения маркграфа Дракула пролегали вдоль Границы, прикрывая от ее выползков многонаселенные и высококультурные земли Электриции, колыбели кибер-

нийской цивилизации, достигшей в своем блистательном развитии таких высот, как феодализм, междуусобица, рыцарский роман и охота на ведьм с последующим преданием оных электрическому разряду за неимением костра: в угарном газе огонь не горел. Печи у местных кузнецов были индукционные.

— Мне говорили, что о графе ходит много недобрых слухов,— заметил Данил как бы невзначай, надеясь выудить из барона что-нибудь новое о существе, похитившем шестерых земных исследователей.

— Пустые бредни чернофрезцев,— отмахнулся барон.— Если верить всяким рассказням, в замке-на-холме восседает не благородный маркграф, а сущий роборотень!

Он нелепо вывернул заднюю ногу, чтобы почесать бок под изолирующей броней, отчего грушевидное его тулово опасно накренилось в седле. Железные чешуи за скрипели. Металлическая корка, рассеченная пугающе асимметричными трещинами, покрывала аборигенов не полностью: на сгибах, в мягких, уязвимых местах, изпод нее проглядывало сплетение черных жил, похожее на облитую смазкой резину.

Данил лишний раз помянул редакторов семантической базы недобрым словом. Никакими роботами аборигены не были. Их породил тот же эволюционный процесс, что землян, а также жителей Мглы, Имира, Товии, Абсента, Гробницы, Малахита и еще нескольких десятков планет, где возникала разумная жизнь,— правда, работать этому процессу пришлось с иным материалом. Планета сформировалась из пылевого облака с повышенным содержанием углерода — это обычное дело для систем более молодых, нежели Солнечная. Вместо оксидов из раскаленного газа выпадали, слипаясь комьями, карбиды, кометы приносили на поверхность планеты метан и сухой лед. Двухфазная биохимия живой ткани, возникшей из хлопьев сажи на

границе капель метанола и бензина, перерабатывала ле-
тучие карбонилы, так легко возникавшие в атмосфере из
угарного газа, нарашивая из переходных металлов каркасы
и оболочки, опоры и оборки. Железо на Станиславе служи-
ло биологическим сырьем. Нервы у местных жителей были
без преувеличения стальные.

— Конечно, злодействами сей муж кибернийский за-
пятнан без меры, однако ж тех грехов, что приписывает
ему молва, на нем нет и быть не может, поелику не бы-
вает такого и быть не может между границ, чтобы дво-
рянин высокого рода осквернил себя программерзкими
занятиями,— пояснил барон. Злодейства графские выра-
жались в демонстративном пренебрежении королевски-
ми указами, королевскими прево и в особенности — коро-
левскими мытарями. Барон, как верный подданный его
величества Фульгурана Молниеметного, пообещал с этой
порочной практикой покончить, чем вызвал сдержанное
одобрение своей авантюры со стороны инженераль-ин-
тенданта.— Магии же черной, роборотничества и элек-
трупыства на свете вовсе нет.

— А как же вчерашнее... — начал Данил.

— Суеверия,— отрезал Ферроплекс.— Крестьянские
суеверия.

Повисла пауза, беременная статическим зарядом.

— Далеко ли до ристалища? — спросил квестор, чтобы
сменить тему.

— За лесом,— снисходительно бросил барон, подкру-
чивая антенны, точно усы. Были они у него раскидистые,
как рога: четыре пучка тонкой проволоки на том месте,
где у человека находятся виски, по сторонам зрительных
эхокамер.— Волей Всепрограммиста, если ничто не по-
мешает, через час-другой выедем. А там останется только
ждаться супостата, дабы выйти против него, согласно
обычаю, в честной схватке электрыцарской.

Честная схватка подразумевала, что противники выставят на поле нанятых солдат, и те будут молотить друг друга разрядниками, покуда не выявится победитель: нечто среднее между шахматами и футболом, с поправкой на летальные исходы. Иногда наниматели выходили на поединок, сражение прерывалось, и обе стороны с интересом наблюдали, как их высокородия тешат дурь. В этом случае до смертоубийства не доходило. Отщепенцев, готовых отказаться от заведенного порядка ради какой-то там победы, терпели разве что в пограничье... где банда сейчас и находилась. Данил надеялся только, что у барона припрятан какой-нибудь козырь в рукаве на такой случай, потому что у землянина из оружия при себе был только тяжелый кошель с монетами.

Данил глянул на небо. Призрачный диск солнца скатывался все ниже по гноино-желтому небу, цепляясь за облака. К тому времени, когда сражение начнется, короткий день уже подойдет к концу. Туземцам с их сонарным зрением это не помешает, а вот землянин надеялся за снять происходящее, чтобы аналитики потом поработали с нативным материалом. Этнографы приходят и уходят, а Ганза остается. В конечном итоге контакт с цивилизацией местные жители установят не как материал для диссертаций, а в качестве торговых партнеров.

Время тянулось неторопливо, как цокали по графитным плиткам стальные копытца скакунов. Данил подремывал на ходу, не давая себе уйти в сон глубоко, но напрочь отрешившись от экспрессивных монологов барона. Тянулись вдоль обочин плети колючей проволоки, усыпанные фрактальными цветами.

Наконец лес расступился. Дорога круто забирала влево, вдоль опушки. Впереди раскинулся широкий болотистый луг, за которым вновь начиналась чаща на склонах замкового холма. На вершине щетинился башнями и

громоотводами замок: кажется — рукой подать, а реши добраться — и потратишь не один час — той же узкой лесной дорогой, мимо нищих деревень, мимо сухих полей. Далеко здесь горизонт, высоко облака, и редко льется с неба спиртовой дождь, смывая пыль с листвьев и лиц.

— Поживей, ржавчики! — заорал барон, выводя Данила из спячки.— Строиться! Покажем эксротатору, что такое настоящие солдаты! Его отребья еще не видать — точно по хлевам хоронятся, трусы! Стройся, кому говорят, химозг!

И вот так у них все, подумал квестор. Начиная с клеточного уровня: точней, дендритного, потому что местным аналогом клетки служила ветвистая углеродная мономолекула на стыке фаз. Все двойственno, все до странности зыбко для существ, облеченных в живую сталь. Вот и нервная система у аборигенов двойная: высшими процессами управляет бег электрических токов по проводам между полупроводниковыми кристаллами, но одновременно с ним тело подчиняется сугубо химическим процессам во втором, медлительном мозгу.

Драгунских скакунов согнали в табунок на ближнем краю поля, под охраной алмазных псов. Многоногие гончие потякивали огоньками, стрекали стальными щупальцами, стоило безмозглым тракторам шагнуть в сторону. Пехотинцы натягивали тяжелые резиновые доспехи, проверяли заряд в батареях копий. Сержанты вполголоса, лоб в лоб и антenna в antennу, вразумляли в чем-то самых бестолковых подчиненных. Кавалеристы держались поодаль, заняв тактически важный взгорок, чтобы в нужный момент ударить по вражескому строю искристым клином разрядников.

— Позвольте поинтересоваться, ваша светлость,— спросил квестор, когда суета немного унялась, а барон занял подобающее командиру место в тылах, рядом с обозом,

откуда при помощи складной прожекторной вышки собирался руководить сражением.— Когда нам ждать... э... узурпатора Дракула?

— Узурпатора? — переспросил Ферроплекс, чей электразум, очевидно, занят был обсчетом предстоящего боя, препоручив общение с инопланетником туповатому химозгу.

— Разумеется. Узурпатора, занявшего принадлежащий вашей светлости по праву графский престол,— разъяснил квестор, подавив смешок.

— А-а! Да. Конечно. Ждать... — Барон, втянув антенны, глянул в расположованное молниями небо.— Скоро. Уже скоро. Я опасался, что придется послать гонца в замок, чтобы передать вызов, но нас, кажется, и так заметили — вон, на башне донжона звонит ответный колокол.

Данил про себя подивился избирательной зоркости аборигенов. Даже усиленным шумоподавителями сонаром скафандра было совершенно невозможно выделить из непрестанного грохота колебания атмосферы, потревоженной далеким набатом. С другой стороны, зрение служило туземцам сугубо вторичным органом чувств; о существовании солнца за облаками они едва догадывались, мир в их представлении накрывала Сфера громов.

Сейчас облака утихли. В розовом зареве над Границей уже зарождалась разность потенциалов для очередного грозового припадка, но пока сетка молний в вышине расползлась на отдельные нити.

И с потемневших небес на выстроившиеся как по линейке ряды ландскнехтов обрушился дракон.

Силуэт чудовища рвался в глазах, рассыпаясь осколками: тут вскинутое для удара крыло, там сверкающие когти,— но то в сонарном диапазоне, а в оптике покрытый гасящей звук войлоочно-комковатой шерстью дракон проявлялся целиком, вот только увидеть его во всем

ужасе не удавалось. Слишком он был огромен. Тут хромированная лапа сметает солдат одного за другим, но не успеет соскользнуть взгляд, как на ее месте уже крутятся, отблескивая в лучах цвета хаки, алмазные ротовые фрезы. Чья-то рука вместе с копьем разлетается железными опилками под слепящий вой умирающего и пронзительное ржание скакунов.

Робосник встал на дыбы, сбросив седока. Данил шмякнулся в смоляную лужу, вlipнув в полужидкий асфальт спиной. Ядовитое небо раскинулось над ним на миг и тут же скрылось за непроглядными перепонками драконьих крыл. Огромная лапа впечаталась в землю рядом, раздавив тушу раненого скакуна,— во все стороны брызнули спирт и бензин, забрызгав сенсоры шлема. Мелькнуло, пролетев, копье-разрядник, полыхнули синие и золотые искры — тут же лязгнула броня — и снова откуда-то фонтаны черно-желтой двухфазной крови.

— Назад! — сверкнуло лазерными бликами.— Все назад!

Дракон поднялся на дыбы. Из многофрезной пасти исторгся механический вой, озаривший эхом поле бойни. Передние лапы молотили направо и налево, разрывая на запчасти скакунов и всадников.

— Прочь, ржавцы!

Лейтенант банды, презрев приказ, задал скакуну стрекал. Дестройе набирал ход неторопливо, как разгоняется комета, соскальзывая в потенциальную яму далекой звезды, и так же неумолимо. Электрыцарский лэнс вонзился в уязвимое место под крылом, в узел черных жил, не прикрытых проволочной шерстью. Вонзился — и вырвался у ландскнехта из рук, когда дракон поднялся, чтобы прихлопнуть когтистой лапой и всадника, и скакуна. Древко копья развалилось в труху, когда крутящиеся жвалы сомкнулись на нем. Разрядник откатился в сторону, выпав из разжавшейся руки. Кроме руки, от лейтенанта не осталось ничего.

— Отступаем!

Зычный голос барона озарил поле синеватыми отблесками ужаса.

— Проклятый роборотень! Отступаем! Прочь! Прочь!
Но отступать было уже некому. Чудовище додавливало последних пехотинцев, как тараканов, всадники полегли первыми вместе со своими тракторами. Возможно, барону и удалось уйти — быстрые ноги кибаргамака спасали его прежде не раз,— но, влепленный в асфальт, точно муха, Данил этого не видел.

Тварь замерла на миг, не обращая внимания на беспомощного бледнотика, поводя наблой башки из стороны в сторону. С застывших фрез стекал керосин, капая на низко растущие антенны. А на грудной пластине, приваренной поверх природной брони, проступали, облитые кровью, знаки местной письменности — то ли девиз, то ли тавро.

Черные лапы бросили вверх призрачную мозаику тела, крылья оперлись о плотный воздух, и дракон взлетел. Из сдвоенной глотки вырвался пронзительный свист, озаривший ристалище эхом, мелькнул в черном небе двойной отблеск хвоста, и чудовище скрылось среди низких полупрозрачных туч.

Данил приподнялся, с трудом выдернув плечи из липкой смолы. Вокруг стояла оглушенная тишина. Поле было истоптано, тут и там валялись брошенные копья, тюки, туши скакунов, тела солдат. Один из ландскнехтов был еще жив, но, прежде чем землянин успел хотя бы спросить себя — чем помочь существу, в биологии которого не разбираешься,— антенны туземца поникли, и с последней вспышкой сигнальных огней солдат испустил дух. Робослика нигде видно не было — должно быть, глупое создание удрало в лес, на корм железным волкам.

И тут квестор понял три вещи. Во-первых, он остался совершенно один в двухстах километрах от базы,

на планете, где радио не пробивалось сквозь кипящую ионосферу, лидарные лучи гасли в облаках сажи, и единственным способом связаться с «Бао Чжэном» на орбите было – задействовать эвакуационный маяк. Во-вторых, наружный термометр показывал плюс пятьдесят восемь, и, когда батареи скафандра разрядятся, Данил начнет медленно вариться в своей скорлупе. Еще никому не удалось утрамбовать действующий термоядерный реактор в габариты рюкзака. В-третьих, его отделяло добрых двадцать километров от замка, где, помимо графа Дракула и его ручного дракона, находились четверо из шести похищенных ученых. И, должно быть, трупы остальных.

У него не было оружия, у него не было связи, у него не было времени и не было никакого представления о том, что делать дальше.

Квестор пожал плечами под издевательски белым скафандром и, подняв брошенный лейтенантский разрядник, зашагал по дороге, вымощенной черным кирпичом, в сторону далекого замка.

Солнце зашло, и наступила темнота.

Днем раньше Данил только начинал подозревать, что дело обстоит сложней, нежели ему представлялось.

— Упрямиться вздумал, быдло?! — взревел барон, на-висая над деревенским старостой, точно осадная башня.

— Да как можно, ваша прившая светлость! — проныл тот, еле держась на ногах. У запуганного старосты подгибались разом все четыре колена.— Толька-а... нельзя ли...

Данил слушал вполуха, озираясь по сторонам. Зре-лище ему открывалось не слишком впечатляющее, зато весьма поучительное — если вы питаете слабость к азбучным истинам. Образами деревушки на краю владений графа Дракула можно было иллюстрировать старую максиму: «Нищета везде одинакова».

Крестьяне отличались от жителей Грабенграда, где располагалась университетская база и где Данилу удалось нанять банду ландскнехтов, даже внешне. Низенькие, широкие, они больше походили на груши о четырех ножках, нежели горожане, более близкие к землянам пропорциями. Железная броня на боках нарастила кривой и тонкой, местами в ней зияли дыры, а у одного перекошенного ее покрывала ржавчина, невероятная в нейтральной атмосфере планеты. Плохое питание, тяжелый труд, болезни — все как в земном Средневековье, подумал про себя квестор. Ну и сверхэксплуатация, как же без нее.

Навесы здесь крыли пластиинами графита, шестиугольными, как соты. Поверх старой черепицы нарастала то ли трава, то ли плесень, такая же черная. Вместо стен — гасящие звук циновки, плетенные из углеволокна. На одной крыше Данил увидел местный аналог козы: похожее на гусеницу существо царапало графит слабыми жвальцами и протяжно мигало боковой линией.

Вначале квестор подумал, что барон именно эту козу и пытается у крестьян реквизировать — то ли на прокорм ландскнехтам, то ли в других, простому бледнотику не-понятных целях. Потом он понял, что речь идет о быдле иного племени. Манера станиславской аристократии одним словом называть крестьян и их скотину хорошо вписывалась в феодальный шаблон, но похоже было, что барон собирается взять с деревни подать кровью, или машинным маслом, как тут принято говорить, в обход номинального владетеля здешних земель, графа Дракула. Староста оказывался между двух огней: отказать значило лишиться головы, а согласиться — лишиться работника сразу, а головы — потом, когда об измене проведает граф.

Поэтому староста тянул время, электразумом уже понимая, что сдастся, но медлительным химозгом еще сопротивляясь очевидности.

— Так, ваша пришлая светлость!.. Помилосердствуйте!

Ферроплекс метко ткнул крестьянина тракторным стрекалом в бок, между тонких кружев проходившегося жестяного корпуса.

— А ну, живо, скот, кому сказано!

Лейтенант многозначительно пристукнул разрядником по булыжной кромке бассейна, где под толстой коркой желтой пены досыхали последние капли дождевого спирта.

— Слушаюсь, ваша пришлая светлость! — Староста едва не царапал днищем землю, раскорячив колени на манер паука.

— Да смотри, скот, не ржавчика какого-нибудь! — рявкнул барон.— Молодца химозгом послабже. Есть у вас такой, чтобы графу... — автопереводчик замялся,— ...не давал клятвы?

— Да как же не быть? — Староста шарахнулся, едва не повалив стоящее у столба ведро ферроценовой крошки.— Бесперечь кого-нибудь приложит, так что память вон, я уж стараюсь как могу, своего ума вкладываю, да много не вложишь. А наша светлость-то, он такой... про него знаете что говорят? Правду говорят. Электроборотню-то невместно до нас, простых, спускаться... Сироти-инушки мы!.. — завыл он внезапно, чуть не ослепив квестора.

— А ну, пошел прочь, скот! — Барон замахнулся на старосту, и тот, подволакивая заднюю правую ногу, посеменил прочь.— Электроборотней он, видишь ли, испугался.

Ферроплекс помигал сердито на лобным фонариком.

— Однако, если злокозненный Дракул, — на этом месте Данил вздрогнул. В баронской речи имя графа лишь недавно обзавелось непременным экспрессивом,— оставил без внимания столь важное тактически место, как сия деревня, то дела его, верно, совсем плохи, и до самого замка встречи с наймитами его подлыми ожидать не

следует. Или же, напротив, уверен в силах своих экспротатор и низкопулятор сверх меры и надеется устоять пред силами нашими вблизи гнезда своего родового, в каковом случае опять же близкого сражения не предвидится. Так или иначе у нас есть время от знамения недоброго избавиться, по вине зольдата излишне ретивого приключившегося.

Излишне ретивый солдат ухитрился во время перестроения на марше заплестишь в собственных ногах — химозг попутал, не иначе — и повредить левый двойной шарнир. Туземная нумерология придавала особое значение простым числам, а в отряде ландскнехтов с потерей бойца осталось 256 туземцев — 28 — число не просто составное, но четное, если так можно было выразиться, многократно, и притом четное число раз, что сулило какие-то совсем уже немыслимые беды. Данил робко намекнул на разбиение по Гольбаху, за что был осмеян как невежественный бледнотик, не имеющий понятия об основах математики. Поэтому отряд предстояло любыми средствами пополнить, и кому-то из крестьян предстояло отведать прелестей электрической рекрутчины.

Рекрута провожали половиной села. На взгляд землянина, процессия напоминала похоронную, только виновник передвигался своим ходом. Крупный абориген — почти человеческого роста, несмотря на подгибающиеся колени; при местном тяготении он весил, должно быть, пару центнеров — перебирал ногами вяло. С одной стороны его поддерживала старушка-мать (*низкорослая пожилая особь условно-женского пола, поправил себя Данил*), с другой суетился староста.

Площадку рядом с бассейном заняли ландскнехты, растолкав крестьян, скотину и своих товарищей. Земляне бы расставили свидетелей симметрично; станиславцы опирались на простые числа — солдаты встали по углам

квадрата: один, двое, трое и пятеро,— похожие друг на друга, точно близнецы. Барон Ферроплекс мог быть напыщенным, самовлюбленным скрягой, но дисциплина в его отряде царила железная. Данил успел уже убедиться, что ландскнехты могут двигаться точно пальцы одной руки — когда захотят, потому что вне службы более не управляемой толпы стоило еще поискать. В этом они походили на своего нанимателя, устроившего в честь заключения контракта грандиозную попойку в самом большом трактире Грабенграда, с хоровым пением и битьем лейденских банок.

Сам барон стоял посредине площадки, сняв ради такого случая резиновый шлем. Жестяное забрало на его морде слегка приподнялось, обнажив четыре ротовых фрезы.

Рекрута толкнули вперед в четыре руки и добавили тупыми концами разрядников в спину, так что здоровяк повалился перед Ферроплексом на колени. Деревенские жители глядели на него во все уши, покачиваясь, точно водоросли.

— Не ржавец,— промерзал барон себе под нос,— не фартунг... телом крепок, химозгом slab — для солдата в самый раз... А ну признавайся, смерд,— обернулся он к старосте,— где изъян? В жизни не поверю, чтобы вы, отродье низкопуляторское, благородного электрыцаря надуть не попытались.

— Не извольте беспокоиться, ваша прившая светлость, никакого изъяна,— залебезил староста и тут же, покосившись на сдвоенные наконечники копий, добавил: — Только вот... эта... пастух он у нас.

— И что? — не понял барон.

— Так это... хотя не положено... а без того со скотиной не управиться... — прошептал староста, вжимаясь в землю.

— Низкопулятор, что ли? — понимающе клацнул забралом барон.— Дурь из него в строю быстро выбают. Это Дракулу вашему, господину вскорости бывшему, вольно было быдло свое распустить, а у мене вот где будете все!

Для убедительности он показал сжатый кулак. Ветвистые черные пальцы оплетали друг друга, словно щупальца морской звезды. Данилу пришло в голову, что внешнее устройство местных жителей повторяет внутреннее: так же ветвились и безоболочные аналоги клеток в здешней биологии, и углеродные молекулы-цепочки, на которых строился метаболизм обитателей планеты.

— Ладно уж, прощу на этот раз, быдло Дракулье,— прорвичал Ферроплекс, хотя ясно было, что ему просто недосуг вколачивать нормы морали в пока еще чужую собственность, а крестьяне в Электриции полагались собственностью дворянства. Неоафинские этнографы не сошлись во мнениях, считать ли это состояние крепостничеством или рабством. Во всяком случае, имен здешнему зависимому сословию не полагалось. Крестьян называли по владельцу, но квестор не сразу осознал, что правило это распространялось не только на них. Ландскнехты, даже не из рядовых, тоже не имели личного имени. Землянин не удивился бы, если б им давали номера, как роботам.

— Ваша светлость как никогда снисходительна,— прорбормотал Данил, зная, что барон не уловит иронии.

— На колени! — повелел Ферроплекс, хотя рекрут так и стоял на коленях, не двигаясь.— Сим приемлю тебя, скот, под свою длань, дабы твоя воля конгруэнтна стала моей.

Он нагнулся, ткнувшись бывшему пастуху антеннами в антенны. Шорхнуло, заискрило. Тело рекрута содрогнулось, ощутимо вытягиваясь под давлением напряженных мышц. Черные тяжи заходили под железной чешуйей. Толпа забормотала, но слов было не разобрать.

И вот тогда квестор сделал то, что собирался сделать уже несколько дней. Он отключил транслятор.

— Моновалентный режим перевода. Повторить перевод последней фразы, — скомандовал Данил в безопасной глухоте шлема.

— (Неизвестно), — сообщил транслятор. — (Неизвестно) (неизвестно) я / мое / мне (неизвестно) (наложение смыслов) (неизвестно).

— Вернуться к поливалентному режиму, — растерянно потребовал квестор.

Ни единый набор световых сигналов, которые выдавал барон, не соответствовал по своему семантическому спектру тем переводам, какие мог предложить транслятор. Программа просто устанавливала соответствия между русскими словами и смысловыми единицами электрической речи, причем делала это, похоже, случайным образом. Или потому, что первый из неоафинских лингвистов оказался заворожен поверхностным сходством увиденного с прочитанным в учебниках истории. Достаточно было неправильно перевести всего одно-два ключевых понятия, чтобы остальные последовали, как лавина за первыми снежинками, сметая остатки грубой реальности сокрушительной волной рационализации.

Что на самом деле произошло перед тем, как к банде Ферроплекса присоединился новый солдат? Теперь Данилу оставалось гадать. Невежество было приятней: спокойней.

Новоиспеченный солдат с трудом поднимался на ноги. Остальные ландскнехты обступили его, колотили по жестяным наплечникам кулаками и ярко ухали лицевыми огнями: то ли приветствовали товарища, то ли веселились за его счет — без транслятора трудно было сказать, а переводчику квестор больше не доверял.

Барон отошел, держась поодаль от подчиненных. Крестьяне разбредались понемногу; только староста крабом обходил площадь посолонь, поглядывая на бывшего пастуха. Быть может, их связывало что-то? Устройство семьи в Электриции оставалось для Данила полной загадкой; статья руководителя станиславской экспедиции, доктора Симин Йекта, не прояснила ничего в этом вопросе, осмысленные словосочетания вроде «самоподобные графы фамильных связей» и «непрямое соответствие генеалогических деревьев и графа вассальных связей» вязли в новогуманитарной трескотне.

Данил двинулся прочь, пользуясь тем, что большинство крестьян глазело скорей на барона и его ландскнехтов, чем на привязавшегося к тем бледнотика,—aborигены низкого происхождения или состояния вообще не отличались любопытством по отношению к инопланетям — еще одна загадка, вместе с прочими вызвавшая к жизни гипотезу о том, что сословия туземного общества на самом деле принадлежат к двум разумным видам. Опроверглась эта гипотеза с легкостью: в подчиненные сплошь и рядом уходило потомство титулованных электрицарей, не обделенных ни любопытством, ни ростом, ни электрической активностью полупроводникового надмозга.

Замаскированный под вертисекомое дрон-разведчик сорвался с плеча квестора, трепеща пропеллерами. Радиус действия у аппарата был ничтожный, но для нынешней цели его вполне хватало.

Скрывшись из виду, староста быстрым шагом направился к самому высокому зданию деревни — пузырной башне, увенчанной сигнальным колоколом. Руки его торопливо накалывали письмена на тонкой пластиковой ленте, в то время как ротовые фрезы бережно сматывали ленту в моток. Данил добросовестно заснял, как крестьянин склады-

вает донесение в мешочек на шее орнитобота — черного, как ночь, похожего на толстую стрекозу с непропорционально маленькими крыльями. Похоже было, что он, как и этнографы, недооценил местную чернь. С инициативой и соображением у старосты все было в порядке, только выказывать их при бароне крестьянин разумно опасался. А вот отправить голубиной почтой донесение маркграфу в замок — смелости хватило. Похоже было, что барона впереди ждет неласковый прием.

Быть может, Ферроплекса следовало предупредить... или нет. Барон дал понять, что твердо уверен в победе,— его банда превосходила числом защитников замка, а боевой опыт еще увеличивал преимущество. Вероятно, и то, что граф заранее узнает о приближении врага, учтено в баронских планах. Не следует лезть под руку специалисту.

И все же червь сомнения голодал нервы Данила. Насколько можно полагаться на слова Ферроплекса, если транслятор ошибается в переводе, если понятия и образы туземной речи соотносятся с земными иначе, чем предположил неизвестный лингвист,— да соотносятся ли вообще?

За тугой, как натянутая резина, пеленой облаков разгорался бессильный рассвет. Небо оставалось смурным, его по-прежнему раскалывали в крошку ежесекундные разряды молний, но со стороны Границы поднималось, трепеща и обманывая взгляд, лилово-розовое сияние: надвигалась магнитная буря. По шагомеру выходило, что Данил отшагал по дороге из черного кирпича уже добрых пятнадцать километров, а расстояние до невидимого сквозь лес замка словно бы и не уменьшалось. Индикатор продолжал издевательски подмигивать желтым. В конце концов квестор не выдержал и решил устроить передышку.

Дорога круто забирала вверх. Данил тяжело опустился на обочину и позволил себе вытянуть ноги. Тащить на себе тридцать процентов собственного веса сверх привычного, не считая самого скафандра, — небольшое удовольствие, но расходовать резерв батарей на работу мышечного каркаса было бы опрометчиво. С другой стороны, если квестор заявится в замок выжатым, точно лимон, толку тоже будет немного. Можно накачаться стимуляторами, но в этом случае Данил опасался за свое здравомыслие — единственное оружие, которым он умел и любил пользоваться.

Пузырные деревья покачивались на магнитном ветру. Воздух оставался недвижим. В плотной атмосфере Станислава даже самый слабый ветер имел силу урагана, но в стиснутой давлением газовой оболочке, на двадцать процентов состоявшей из углекислоты, практически отсутствовали температурные градиенты, которые могли бы поднять этот ветер. Планета вращалась быстро, а облачный слой еще сильней сглаживал разницу дневных иочных температур. Даже то, что температура на поверхности была опасно близка к точке кипения метанола, не помогало возникновению штормов. Кроме того, силу ветра научились использовать местные растения, и обширные леса могли высасывать кинетическую энергию воздушных масс, останавливая их движение. В верхних слоях атмосферы буря кипела непрерывно, но до поверхности ее отголоски едва долетали.

Если бы можно было забраться на дерево... нет, гибкая плеть ствола не выдержит, и наполненный азотом пузырь на вершине попросту притянется к земле. И поднять на импровизированном воздушном шаре антенну тоже не получится, потому что ее не вытащить из скафандра.

Чтобы хмуро глянуть на утес, на который карабкалась дорога, Данилу пришлось обернуться всем телом. Глыба

карборунда размером с грузовой звездолет выламывалась из пологого склона, тяготение еще не размяло ее в абразивную пыль. Подняться на вершину — и оттуда уже, наверное, можно будет дотянуться радиолучом до заброшенного в замок ретранслятора. Связаться с кем-то из выживших и узнать, наконец, что же происходит в логове злокозненного графа.

Я бухгалтер, сказал себе Данил. Ну хорошо — бухгалтер-коммандо с особыми полномочиями. Что я делаю на планете, где даже ганзейского двора нет?

Правильный ответ — прогибаюсь перед начальством. Потому что кто-то в головной kontоре решил, что на ближайшие восемь узлов катапультной сети Данил Ярцев — единственный, кто может сойти за ксенолога, кроме команды настоящих ксенологов, которых ему придется выручать. Потому что у него есть опыт успешного разрешения конфликтов с низтехническими обществами. Два раза, из них последний — пять лет тому назад, на планете, ничуть не напоминавшей Станислав.

Ну и, конечно, при слове «похищение» автоматически запускается ассоциативный ряд, который приводит к полицейским и сыщикам. В должности квестора Данилу приходилось расследовать довольно запутанные случаи, но всегда в его распоряжении находилась некая сила, будь то СБ рюминской компании, безопасники Ганзейского союза или локальная полиция. Удобно быть Холмсом, когда в любой момент можешь отправить посыльного к Лестрейду. Сейчас остатки единственной силы, которую смог переманить на свою сторону Данил, усеивали бранное поле мертвыми шестернями.

Возможно, он сумеет разобраться в происшедшем. Но кто поможет ему призвать к ответу виновных — в чем бы те ни были виноваты?

На борту «Бао Чжена», еще на грабенградской базе, дело казалось простым: местный феодал взял в плен излишне доверчивых земных ученых. Простым выглядело и решение. Феодала следовало принудительно устыдить, заложников — вызволить. Теперь, когда выполнение обеих задач казалось невозможным, Данил волей-неволей задавал себе вопрос: насколько правильно был задан вопрос, если на него получалось дать такие простые и неверные ответы?

Никто не пойдет на преступление не имея на то причины. В этом квестора убеждал опыт многолетней службы. Причин, если вдуматься, может быть только две: выгода либо безумие, причем в человеческом обществе первая в конечном итоге сводится ко второй. В отношении станиславцев Данил не был так уверен — в древние времена дефицитной экономики люди тоже убивали друг друга ради материальных ценностей — но у него не было никакой причины полагать, будто граф Дракул безумен по меркам аборигенов. Эксцентричен, но не более того.

Какую выгоду он собирался получить от похищения?

Заложников берут ради выкупа. В чем граф надеялся получить выкуп? В местной валюте — кристаллах редких и драгоценных силикатов, которые станционный принтер печатал горстями?

Выкупа обычно требуют. А от графа не поступало никаких писем, ни весточки, ни звука. Данил не ожидал свитков фольги, подписанных кровью, но и менее мелодраматическое послание заставило бы оставшийся на базе техперсонал — троих перепуганных инженеров — перевести на цветное стекло пару центнеров песка. Кроме того, графу обещано было состояние за то, что этнографам позволено будет работать в его владениях, и лишь небольшая часть этого состояния была выплачена вперед.

Значит — не деньги. Тогда что?

Недостаточно данных.

Данил чувствовал, что ему катастрофически не хватает материала для размышлений. Чтобы разоблачить преступника, надо понять его мотивацию, а как ее поймешь, если не знаешь даже, что заставляет искрить мозги аборигенов?

Пропускаем этот пункт. Маркграф не просто держит землян в плена — он их убивает. Судя по обрывочным данным телеметрии, уже убил двоих, но не сразу, а по одному: первого — в первый же день после начала инцидента, второго — еще трое суток спустя. Сообщил ли ему кто-нибудь, что без подзарядки скафандры через неделю и так превращаются в гробы, — неизвестно. С собой ученые прихватили, вместе с горой оборудования, и переносной генератор, но уцелел ли тот, работает ли до сих пор — неясно. Если нет, то времени у Данила еще меньше, чем он думал.

Какой в этом смысл? Заложников убивают, только если не хотят оставлять свидетелей. Но Дракул не мог скрыть своего преступления, как бы ни старался. Не говоря о том, что этнографы против собственной воли успели вселить в туземцев здоровое почтение к противуестественной волшбе бледнотиков, включающей заклятия « дальняя связь » и « орбитальная съемка ». Заглянуть внутрь замка спутники наблюдения не могли, конечно, но совместить с местностью местонахождение маяка труда не составляло.

Значит, он убивает людей именно ради того, чтобы убить.

Какая ему от этого польза?

Данил готов был рассмотреть самые странные версии — вплоть до того, что злокозненный Дракул переводит тела убитых на алхимические реагенты. Но выбрать из равно абсурдных предположений правильное он не мог за неимением информации.

Надо добраться до замка. И как можно скорее. Пока вопрос о мотивах и вине преступника не стал академическим. В лесу что-то замерцало синими огоньками, постепенно переходя в зеленый. Огни разгорались все ярче. Данил поспешил подняться на ноги, вызывая на виртуальной панели управления скафандром ползунок теплообменника, выкручивая его на максимум.

Шаблонное оружие в условиях Станислава или не работало, или было бесполезно: наружные покровы аборигенов срабатывали не хуже бронежилета, а плоть, основанная на графеновых пленках, с трудом поддавалась физическому воздействию. Лазерные лучи в плотной, насыщенной пылью атмосфере рассеивались и вязли, более экзотические орудия убийства тоже срабатывали плохо. Копье-разрядник давно вышло из строя, и Данил пользовался им вместо дорожного посоха. Но у квестора было оружие посильнее.

Данил шагнул в густой кустарник, и фрактальное плетение ветвей расплылось перед ним каплями черной грязи. Невидимое в темноте, расплывчатое в эхоспектре существо, что выло изумрудными огнями в чаще, отступило, не показываясь. Только острые шипы втянулись в темноту.

Плотная атмосфера планеты сглаживала колебания температуры. Холодильный блок высасывал тепло изнутри многослойной скорлупы скафандра, выплескивая его наружу, — и все живое вокруг умирало от нестерпимого жара.

Данил чувствовал, что начинает мерзнуть. Привычка к искусственной среде, будь то борт межзвездного корабля, кондиционированные просторы орбиталий или купола факторий, делала его почти таким же чувствительным к холоду и жаре, как обитатели углеродной планеты. Но для него холод был временным неудобством, а горячий ветерок из сопл холодильника для жителей Станислава — аналогом огнемета.

Непролазная чаща не оказывала никакого сопротивления — Данил брел будто бы сквозь паутину. Вот только батареи садились непозволительно быстро.

Если работа бухгалтерским командо чему-то научила квестора, так это умению просчитывать риски. Тропа огибала утес, всползая по склонам,— прямая дорога к замку шла по осыпям, сквозь черные тернии под зеркальными пузырями крон. Вколоть стимулятор, глотнуть питательной смеси и шагать, не глядя, как стекает черная масса по белым рукавам, как песком из часов высыпается заряд батарей.

На полпути Данил услышал голос:

— Сволочь.

Голос звучал безжизненно, слабо и хрипло. Четверка на индикаторе связи с ретранслятором по-прежнему желтела, но, видно, каким-то чудом до замерзающего посреди тропической жары квестора долетали отдельные реплики из чужой беседы. Выжившие заложники в замке разговаривали, но Данил отчего-то мог слышать только одного из них: то ли сигнал проходил лучше, то ли шугтила магнитная буря, полоскавшая белье Авроры в грязной луже неба, то ли...

— Сволочь... — повторил голос.— И пусть — непрофессионально...

— Вы меня слышите? — заорал Данил, запуская передачу.— Слышите?

Индикатор оставался желтым.

— Чтоб он сдох уже... — Тяжелое дыхание. Скрип. Что может скрипеть внутри шлема? — Вы же следующие. За кого... возьмется?

Пауза.

— Даже не думай.

Пауза.

— Не поможет... вольтаж... — Слова выпадали: кажется, не в заблудившихся радиоволнах.— Еле держусь.

Тяжелое дыхание.

— Скоро уже. Шестьдесят восемь. Жареный этнограф. Имени... капитана Кука. Не выдержу. Открыть...

Тишина.

Стиснув зубы, Данил карабкался все выше, по заплетенному живой колючей проволокой склону. Голос больше не проявлялся, и временами квестору казалось, что тот ему просто померещился. Наведенные магнитной бурей галлюцинации.

Связь появилась, когда Данил на коленях переполз плотный валик придорожного мха и растянулся на укатанном телегами карборундовом щебне. Но к этому времени зазеленевший индикатор уже показывал не четверку, а тройку. Живых заложников в замке стало на одного меньше.

Стимуляторов в аптечке оставалось на два приема.

Последний километр стал для Данила сущей пыткой. Дорога петляла между скал, то круто забирая вверх, то вдруг начиная кружить на одном месте, словно ее прокладывали пьяные муравьи. Наверное, в том была какая-то фортификационная надобность, но выросший на доступном воздушном транспорте Данил склонялся к мысли, что виной была злая воля хозяина. Замковые башни маячили впереди, то выглядывая из-за скал, то скрываясь из виду.

Данил еще раз пробежался по телеметрическим данным, передаваемым со скафандров через ретранслятор. Первый сигнал отсутствовал вовсе, хотя аварийный передатчик вроде бы должен был работать годами на автономном питании. Второй и третий показывали одно и то же: температура и давление внутри скафандра равнялись внешним. Это значило, что скорлупа вскрыта, а ее носитель мертв. Четвертый выдавал нечто странное:

ретранслятор подтверждал, что датчики работают, но сигнал от них получить не удавалось. Нормально работали только пятый и шестой.

Вздохнув, Данил отправил запрос на голосовую связь сразу обоим.

— Кто здесь? — панически дрожащий голос раздался в шлеме спустя секунды.— Кто?

Второй вызов Данил сбросил.

— Данил Ярцев, квестор Ганзейского союза,— представился он.

— Слава Богу! — выдохнула Вереш.— Слава Богу, хоть кто-то... Вытащите нас отсюда! Вызовите катер!

— Вы знаете, что замок охраняет крупный летающий хищник? — с подозрением поинтересовался Данил.

— Дракон.— Жизнь вытекла из голоса Чиллы Вереш, как вода.— Мы назвали его драконом. Да, катер — не выход... Сколько у вас солдат?

— Нисколько.— Данил машинально пожал плечами.— Спасибо дракону.

— Это... усложняет.— Вереш замолкла. Несколько шагов спустя она сообщила: — Нам осталось от восемнадцати до двадцати часов. Если раньше это чудовище не возьмется за свое.

— Генератор?

— Отключился, и мы не можем до него добраться: нас с Терри заперли в соседних камерах.

Данил поднял голову. Маячок горел в высоте, сквозь камень, виртуальным огоньком. Стена замка ощутимо кренилась наружу, угрожая прихлопнуть ползущего под ней путника. Подняться по ней... в неуклюжем и тяжелом скафандре... чистое самоубийство.

— Почему я не могу связаться с доктором Йекта?

— Фарадейка.— Голос Чиллы Вереш отвердел.— По какой-то причине... это чудовище очень ее бережет

от контактов с нами. Даже когда... когда Чии...— Она захлебнулась.— Господи...

Значит, маркграф умеет экранировать микроволновые передатчики. Интересно, кто его научил?

— Мне нужно еще не меньше часа, чтобы добраться до замка,— проговорил Данил твердым голосом, какой хорошо приводит в себя шокированных.— Расскажите мне подробно, что происходило с того момента, как вас взяли в плен. Нет, лучше — с того дня, как вы прибыли в замок.

Поначалу все складывалось удачно. Этнографы обосновались в пустующем крыле замка — несмотря на размеры, здание не было обжито целиком, с тех пор как маркграф основал форпост на самом краю Границы, расчистив ядом джунгли в разломе Кельвина и перекрыв чудовищам прямой путь в свои владения. Большая часть замкового гарнизона переселилась туда. Оставшиеся относились к пришельцам, по примеру графа, доброжелательно, охотно принимали участие в исследованиях, а сам Дракул подолгу беседовал с доктором Йекта о высоких материях. Маркграф оказался большим любителем натурфилософии.

Десять дней назад все изменилось. Вереш осознала, что дело неладно, только когда двое стражников втолкнули ее в тронный зал, и Чилла увидела свою начальницу в клетке из тонкой медной сетки. То, что незадолго до этого связь с доктором Йекта прервалась, Вереш не смутило — та имела обыкновение отключаться от ретранслятора во время разговоров с графом, чтобы не отвлекаться.

Остальных этнографов пришлось собирать по замку довольно долго. Вереш успела связаться с Инуе Тихиро, и тот отправил сигнал бедствия на грабенградскую базу. К несчастью, для этого он использовал единственный аварийный маяк, который был при нем, и вдобавок выдал свое местонахождение в старой башне: запуск маяка в

стратосферу мог не заметить только слепой и глухой. Но в течение двух часов все шестеро ученых были собраны в зале.

Дальше начался кошмар.

В каком-то смысле Фарида Париа повезло. Он умер, когда меч Дракула распорол его скафандр. От одного глотка местного воздуха человек впадал в кому, за считанные минуты переходящую в смерть.

— У Симин был нервный срыв,— рассказывала Вешеш.— Что-то кричала, обвиняла графа... как мы все. На нее он как-то реагировал, но совершенно не обращал внимания на нас. Потом... потом он взялся понемногу срезать скафандр с тела. Неаккуратно. Крови было... все было в крови. Она не теряет цвета в здешнем воздухе. Так и остается темно-красной и засыхает очень медленно. А местные будто ее не видят.

Она захлебнулась.

— Все в крови,— повторила она.

Потом ученых, кроме доктора Йекта в ее золотой клетке — медь встречалась в горных породах планеты нечасто и ценилась аборигенами высоко — развели по одиночным камерам. За предшествовавшие дни граф и его подручные немало узнали о потребностях своих гостей — достаточно, чтобы по одному водить к генератору на подзарядку батарей и выдавать кассеты с пайками, хотя не пускали в кессон: герметизированную комнату, где поддерживалась пригодная для дыхания землян атмосфера и можно было снять постылую скорлупу.

Чиллу позвали на вскрытие. На глазах у нее и доктора Йекта, которую на время экзекуций выпускали из клетки, Дракул медленно, неуклюже разрезал на части тело Фарида Париа и, не переставая, расспрашивал землянок об устройстве человеческого организма. Казалось, его действительно занимает эта тема. Но ровно с тем же энтузи-

азом, будто не делая различий между тем и другим, он пытался разобраться в устройстве скафандра, который сорвал с мертвого бледнотика. Данил про себя решил, что тогда и сломался аварийный передатчик.

Еще несколько дней прошло спокойно. А потом землян снова собрали в тронном зале, и маркграф начал ставить опыты на Самуэле Чане.

— Как он кричал... — шептала Вереш, и Данилу делялось неловко.

Дракула интересовали пределы, в которых можно повреждать человеческое тело или вмещающую его скорлупу. Чане продержался почти четыре часа, прежде чем неудачно наложенная шина соскользнула, впустив ядовитый воздух внутрь скафандра, но, учитывая, что шина была наложена на бедро перед ампутацией ноги выше колена, у несчастного и так не было шансов выжить. Сознание он потерял задолго до того.

Тихиро пытался вырваться. Он даже включил на овердрайв холодильник, разогнав стражу и заставив отступить от нестерпимого жара самого Дракула, но это не помогло. Дракон обрушился на них сверху.

— Я не знаю, как он управляет своим чудовищем, — поясняла Вереш. — Мы никогда не видели, чтобы Дракул давал ему команды: ни в оптике, ни звуком, ни по радио. Переглянутся, ткнутся носами, и все. Выглядело как телепатия.

Непокорство привело только к тому, что Инуе Тихиро стал следующей жертвой, хотя времени между убийствами в этот раз прошло гораздо больше. В этот раз граф прицельными разрядами выводил из строя системы скафандра одну за другой, пока не добрался до распределительного узла. Когда отключилась холодильная установка, и разряды, пробив изоляцию, начали рвать на части тело ученого, Тихиро открыл забрало шлема сам.

— Держитесь,— приказал Данил. Пока длился рассказ, квестор миновал последний опасный участок дороги. До замковых ворот оставалось недалеко, но путь пролегал под бойницами надвратных башен. Данил не сомневался, что его приближение будет замечено — посреди граничных пустошей одинокий бледнотик был неуместен, как костер в вакууме.— Я на подходе.

— Даже не думайте! — вскрикнула Вереш.— Вас же убьют вместе с нами!

— Возможно,— отозвался квестор.

Сейчас у него оставалось только две возможности: продолжать расследование, забыв о риске,— или вызвать эвакуацию, вернуться в Грабенград и начать все сначала, вооружившись как минимум зенитной пушкой (известны ли в Электриции способы борьбы с электродраконами?). Второй вариант казался более надежным, вот только за упущенное время Дракул вполне мог пустить на опыты еще одного заложника. И вот тогда на совести Данила Ярцева окажется смерть человека.

— Почему вы сказали, что вам осталось не больше двадцати часов, если вас допускали к генератору? — спросил квестор, вспомнив реплику Чиллы в самом начале разговора.

— Генератор отключился,— ответила та.— Нам разрешают заменять батареи, но не работать с техникой. Боятся нашего волшебства.

Значит, вариант тактического отступления отпадал.

Интуиция нашептывала Данилу, что ответ где-то рядом. Что большая часть деталей головоломки уже собрана, осталось нащупать связи между ними — и остальные детали сами встанут на нужное место. Но усталость копилась за стеной из стимуляторов, и ее угрожающая близость путала мысли, не давая сосредоточиться. Оставалось только идти вперед, шаг за шагом, под прицелом

бойниц. Здешние арбалеты были метко и сильно; пуля не пробила бы скафандра, но легко могла переломить бедро или голень, когда отключался мышечный каркас.

— О чём говорила доктор Йекта с маркграфом? — спросил квестор наугад.

— Хотите знать, что его спровоцировало? — Глупо было думать, что Вереш не поймет вопроса. — Мы не знаем. Мы с Терри гадаем об этом уже декаду и ни к чему не пришли. Конечно, с Симин мы общаемся только... только когда...

— Я понял, — торопливо оборвал ее Данил.

Расспросить главного свидетеля сквозь клетку Фарадея будет непросто.

Пискнул зуммер. Связь с шестым скафандром восстановилась.

— Чилла, — торопливо проговорил квестор, — вы упоминали, что доктора Йекта выпускали из клетки, только когда граф собирал вас вместе, чтобы ставить опыты.

— Да. — В голосе ученой слышалась обреченность. — Я вижу. Не знаю только, кого из нас.

— Доктор Йекта? Симин? — Данил переключился на интерком руководителя группы. — Вы меня слышите?

— Кто здесь? — Хрипловатый низкий голос прозвучал надрывно — так бывает, когда прежнюю властность обстоятельства выдергивают из него, словно стержень.

— Ганзейский квестор Данил Ярцев, — представился Данил снова. — Молчите. Я знаю, что маркграф собирается продолжить опыты. Попробуйте его задержать. Я скоро буду.

— Я... не могу, — выдохнула Йекта. — Я не могу на него повлиять. Я умоляла, и объясняла, и...

— Что ему нужно? — перебил ее квестор. — Он ставит опыты — зачем?

— Из научного любопытства. — Йекта сдавленно хохотнула. Слышно было, что она сдерживает слезы. — Это...

действительно опыты. Он поразительный интеллектуал. Естествоиспытатель. Ар-Рази и Роджер Бэкон в одном флаконе. И при этом я никак не могу объяснить ему, что убивать моих людей дурно!

Теперь понятно, зачем Дракул совершил свое преступление. Но Данил никак не мог сообразить — почему маркграф решил, что состава преступления в его действиях нет. А именно это и происходило, судя по словам обоих этнографов — с Терри Кирии квестор не успел связаться.

— Уstad Йекта,— настойчиво проговорил квестор,— это очень важно. Постарайтесь вспомнить — о чем вы говорили с Дракулом, прежде чем он убил доктора Париа?

— Вы думаете, я не задавала себе этот вопрос? — Йекта повысила голос.— О дворянстве. Мы говорили о политике, об устройстве общества — у него очень своеобразные взгляды на этот вопрос, надо будет непременно сравнить с Жераром и Дюмезилем. Он спрашивал, кто из нас принадлежит к дворянскому сословию.

— И вы ответили?.. — подтолкнул ее Данил.

— Что у нас нет сословий, но если его интересует, кто из нас руководитель экспедиции, то это, конечно, я.

— После чего он посадил в клетку вас и принялся убивать остальных,— проговорил квестор, останавливаясь перед воротами.

Электрические дворяне могли быть совершенно безжалостны к черни. Это объясняло, почему Дракул считал себя вправе ставить опыты на бледнотиках,— его менее просвещенные сородичи тыкали крестьян разрядниками, чтобы посмотреть, как те дергаются. Но Данилу по-прежнему казалось, что в мотивации убийцы чего-то недостает.

Ворота оказались приоткрыты и в этом положении вросли в землю — должно быть, их запирали только с при-

ближением врага, а этого давно не случалось. Не было и стражи у ворот. Это не показалось квестору странным: добраться до замка можно было только по дороге, и, если враг ускользнет от драконьего зоркого слуха, его приметят часовые на башнях и вышлют навстречу солдат. А какую угрозу может представлять одинокий бледнотик?

План замка Данил выдернул из памяти ретранслятора. Оставалась вероятность встретить кого-то из слуг или стражников, но те все равно отволокли бы пленника в тронный зал.

— Квестор? — послышалось в наушниках. — Вы меня слышите, квестор?

— Доктор Вереш?

— Они пришли за нами. Кажется... они пришли за мной.

Данил торопливо шагал по длинному коридору. Сквозь окна-бойницы внутрь лился неяркий гром. Вдоль внутренней стены расставлены были доспехи на подставках... нет, понял квестор с дрожью, не резиновые солдатские плащи, а природные панцири аборигенов, выпотрошенные и отчищенные. Забрала провожали гостя мертвыми взглядами. У одного чучела отвалилась ротовая фреза и висела на черном шнурке.

У дверей тронного зала взгляд квестора упал на последнюю фигуру в мрачном ряду, и Данил едва удержал взглас. Вместо железного панциря на распорках висел грубо срезанный скафандр, точно такой же, какой защищал самого квестора. Аварийный маяк еще работал.

Двери распахнулись.

Тронный зал был огромен. Впечатление это усиливалось умело расставленными звукопоглощающими панелями: в эхоспектре казалось, будто стены проваливаются в бесконечность. Выделялись только колонны, пунктиром отмечавшие дорогу к постаменту, на котором

громоздился трон. Заземленная клетка висела на глаголе рядом. Сквозь плотную сетку с трудом можно было разобрать контуры скорчившегося на полу тела. Рядом с клеткой двое стражников в черной резине удерживали фигуру в скафандре. Еще одна фигура распята была на косом кресте рядом с троном. Позади креста виднелись динамо-машина и архаичный трансформатор из собачьих кишок.

А еще у зала не было крыши. Несущие балки расчерчивали вышину, но неба не виднелось поверх черной паутины, потому что его заслоняли широко распростертые крылья.

Дракон потянулся, опуская голову к самому полу. Узкое рыло щерилось алмазными резцами.

— Здравствуй, пришлец неведомый, к роду бледнотиков склизких принадлежащий! — возгласил маркграф.

Такого здоровенного аборигена Данилу еще не приходилось видеть. Дракул возвышался над землянином почти на полголовы и был гораздо шире телом. Как ему хватало сил двигаться при тяготении на треть выше земного, квестор боялся думать. За спиной графа висел двухручный пробойник, изукрашенный затейливой резьбой, инкрустированный звонкими кристаллами кварца, и такие же кристаллы украшали начищенную до зеркального эха кирасу. Данил не был уверен, считать ли это татуировкой или пирсингом. Антенны торчали по сторонам уродливой рогоглазой головы, ощетинившись тончайшими металлическими волосками.

Квестор скрипнул зубами. Если предположение его верно, сейчас главным было не выказывать слабости. Пусть даже ампула со стимулятором показывает дно скафандр давит на плечи, а холодильник грозит отключиться в любую секунду.

Данил взмахнул рукой, отстряня надвинувшуюся драконью башку.

— Здравствуй, Дракул,— проговорил он.

— Для слуги ты дерзок,— отозвался маркграф.

Он обернулся к дракону. На миг два чудовища глянули друг другу в глаза. Потом дракон поднялся, взметнув голову к потолочным балкам, но продолжал оттуда взирать на пришельца, готовый в любой миг смахнуть наглеца коротким ударом когтей.

— Мое имя Данил,— бросил квестор высокомерно.— И я не слуга.

Дракул помолчал.

— Допустим,— признал он.— Я мало знаю о бледнотиках. Нареченная Йектой говорила, что все вы — не более чем слуги далеких хозяев.

— Я равен правами любому рыцарю Электриции.— Данил расправил плечи.— И мне не нравится то, что я вижу здесь.

Маркграф расхохотался.

— И ты осмелишься сказать это в лицо роборотню? — осведомился он.— Взявшему вассальную клятву у дракона? Я знал, что у вашего племени больше смелости, чем здравого смысла.

— Правосудие не знает страха,— напыщенно отозвался Данил. Он импровизировал, пытаясь выставить себя электрыцарем: самодовольным и самовлюбленным, бесконечно убежденным в собственной власти над окружающими по праву рождения.— Кровь невинных вопиет об отмщении.

Лучше было, подумал он, упомянуть машинное масло.

— Хочешь ли сказать, бледнотик, что благородный электрыцарь может быть не властен над чернью?

Если я скажу, что может, подумал Данил, меня тут же и хлопнут за подрыв основ феодального строя. Тут даже нет принципа «вассал моего вассала — не мой вассал», здесь есть дворяне — и все остальные, есть те, кто имеет

право,— и те, у кого права нет, причем невозможно понять, как проходит граница между двумя сословиями.

Фрезы в драконьей пасти неспешно закрутились, брызгая маслянистой слюной. Маркграф выдернул из-за спины клевец тем же стремительным и страшным движением, каким дракон расправлял крылья.

— Но тогда, во имя Всепрограммиста, чего ты хочешь от меня, бледнотик?!

Какого программиста могут поминать — откуда могут иметь понятие о программировании — существа, не имеющие вычислительных машин?

Последний кусочек головоломки встал на место.

— Видимо, возникло недопонимание, маркграф, — проговорил Данил, приседая в местной версии поклона.— К вам у меня нет претензий. Я пришел арестовать доктора Симин Йекта,— он повернулся к медной клетке, откуда ученая с надеждой смотрела на него слепым забралом шлема,— по обвинению в преступной халатности, поглекшей за собой человеческие жертвы.

— И это все?

Николай Рюмин отхлебнул пива — как всегда, из кружки размером с вакуум-шлем. Квестору показалось, что до него доносится горьковатый запах хмеля, хотя этого не могло быть. Ганзейский купец полулежал в кресле на борту своей яхты, а та стояла на приколе у ступицы орбиталища Восторг, в половине световой секунды от медленно гасящего скорость «Бао Чжэна». Обычно квестор обождал бы с докладом начальству до личной встречи, но в этот раз Рюмин настоял на телеприсутствии.

Данил пожал плечами.

— Остальное не так интересно. Конечно, я надавил на маркграфа, насколько осмелился, учитывая ненадежность транслятора,— слишком наседать было опасно. Впрочем,

он и так готов был рассыпаться на шестеренки от стыда. По крайней мере мне удалось уговорить его выделить часть земель на ганзейское подворье. С точки зрения логистики место похуже, чем Грабенград или Киберополь, но, когда мы возьмемся за воздушный транспорт, этот недостаток станет преимуществом. За Границей расположен густонаселенный домен, с которым у Электриции постоянных контактов нет. Даже странно, — задумчиво добавил он, — что, имея перед глазами пример баллонных деревьев, туземцы не придумали дирижабля.

Дальше все было просто. Я подбросил маячок, вызвал катер с базы, и мы улетели. Доктор Йекта была очень обижена, что ей пришлось до самого отлета носить никаб из проволочной сетки — это местные кандалы. Правда, когда я ей объяснил, что обвинение предъявлено вполне серьезно, ей стало не до обид. Не знаю, как она будет выкручиваться в арбитражном суде, но по законам Неоафин ей грозит ostrакизм, а по ганзейским — правка психики. Самовлюбленная глупость — тяжкое преступление.

— Хм.— Рюмин нахмурился.— Так что все-таки произошло на самом деле? Мои мозги уже не так проворны, как в молодости.

«Кто бы говорил», — усмехнулся Данил про себя. Свою карьеру в Ганзе он начинал практикантом на торговой эскадре Рюмина. С возрастом ум купца становился, кажется, только острее.

— Двухфазность, — ответил квестор одним словом и пояснил, увидев, как взлетели брови собеседника: — Мыслительные процессы местных жителей идут на двух уровнях: об этом мы знали с самого начала. Химозг отвечает за то, что мы бы назвали вегетативной нервной системой, и за долговременную память — но мышление, склад личности, индивидуальность задается электразумом. И эта часть крайне уязвима для ЭМП. Поэтому эволюция

выработала у животных планеты устройства для обмена приобретенными рефлексами. Для нас это неочевидно, потому что мышление человека привязано к субстрату, нашу психику нельзя свести к электрическим импульсам в мозгу и записать в виде программы — она опирается на то, что станиславцы называют химозгом. А их разум от субстрата зависим мало.

Он перевел дух.

— То, что переводчик счел вассальной клятвой, на самом деле — прививка личности. С точки зрения аборигенов, полноправное разумное существо — это сам электрыцарь, а его так называемые вассалы — просто продолжения его, вынесенные в отдельное тело, столь же заменимое, как рыцарский конь или доспех. Поэтому барон смог за секунды обратить крестьянина в одного из своих солдат, а маркграф — подчинить себе дракона, подсадить дракону отпечаток собственной личности. Когда Дракул понял, что Симин Йекта невольно обманула его, что каждый из нас — пресловутый остров в океане, и он убивал не слепки личности доктора, а отдельных разумных существ... мне показалось, что сейчас придется проводить ему срочную психотерапию.

Если бы экспедицией руководили планетологи, рано или поздно выяснилось бы, что большинство туземцев на самом деле — полуразумные инструменты. Следовало догадаться раньше, но меня и то сбил с толку неправильный перевод. А этнографов он попросту заворожил. Это дрянная наука — почему обвинение в халатности и было принято обоими судами,— но людям свойственно цепляться за знакомое и видеть его черты в неизвестном.

Рюмин вздохнул тяжело, как морж, и снова припал к кружке. Когда он вынырнул, усы его белели пеной.

— Хорошо, что я не квестор, — проворчал он.— И хорошо, что эта дура не работает на меня.

— Вам хорошо,— буркнул Данил.— А мне предстоит объяснять родственникам троих погибших, почему их убил гуманитарный подход к теории перевода.

— С другой стороны,— заметил Рюмин,— тебе не придется объяснять, почему люди погибли по твоей вине.

Квестор вздохнул.

— Каждый раз, как сталкиваюсь с такими вот историями — когда люди гибнут из-за глупого совпадения, из-за непонимания или дурацкого стечения обстоятельств,— мне кажется, что в их истории должна быть мораль. Понимаю, что нелепость, но ничего не могу с собой поделать. Двойственное у меня к таким вещам отношение.

— Мораль твоей истории проста — никогда нельзя до конца доверяться переводу,— отозвался Рюмин.— С другой стороны...

— С другой стороны... — эхом отозвался Данил.

Оба переглянулись и разом тихонько хмыкнули.

Сергей Легеза – украинский писатель, переводчик. Родился в 1972 году, живет в г. Днепропетровске. Закончил исторический факультет Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, защитил диссертацию, кандидат исторических наук. Более десяти лет работает доцентом кафедры социологии того же университета.

Дебютировал в 2004 году рассказом «Простецы и хитрецы». Этот рассказ стал началом своеобразного историко-фэнтезийного цикла под рабочим названием «Жизнееды», к которому принадлежит и написанный для нашего сборника рассказ «Семя правды, меч справедливости».

На сегодняшний день Сергей Легеза – автор десятка публикаций в сборниках и журналах России и Украины. Один из сопересказчиков романа Грэя Ф. Грина «Кетопалис: Киты и броненосцы». Охотно пишет «мягкую», гуманистарную фантастику, историческое фэнтези, работает в жанре магического реализма. Кроме того, перу Сергея принадлежат переводы рассказов и романов польских авторов, в частности – Я. Дукая, Я. Новака, А. Бжезинской, Я. Пекары.

Вселенная цикла «Жизнееды», к которому принадлежит и рассказ «Семя правды, меч справедливости», частично соответствует Европе, приближающейся к переломному моменту своей истории – Реформации. Именно в этот период, после ряда социальных и экономических потрясений, все изменилось, а магия превратилась в суеверие.

Сергей Легеза

Семя правды, меч справедливости

Первым на Кровососа наткнулся Гюнтер Протт по прозвищу Сивая Гривка да поднял такой крик, что переполошил честных мещан от Петушиного дома аж до Луговых ворот. Да и то сказать: любой бы завопил, выйди он из корчмы до ветру и наступи на мертвца на задах кружала. А уж когда принесли факелы да фонари, из головы Гюнтера мигом выветрился хмель, а выпитое и съеденное — изверглось из чрева.

Потому как вид лейтенанта «богородичных деток» был ужасен.

Лежал он со спущенными портками, словно намереваясь устроиться облегчиться, не дойдя до выгребной ямы. Но раздернутая на груди рубаха почти не скрывала кровавую дыру на месте сердца. Такая бывает, ежели проткнуть людскую плоть осиновым колом, как заметил со знанием дела кто-то из прибежавших на крики Протта «башмаков».

Вот и вышло, что Унгер Гроссер по прозвищу Кровосос принял смерть, для всех кровососов предназначенную.

Поскольку же Гроссер славился сурвостью в отправление гансовой справедливости — а отмерял он ее в Альтене вот уж месяца с полтора, — по городу, словно пожар, поползли слухи, один другого жутче. Что был Кровосос кровососом воистину и что ночами летал на нетопырьих крылах над городом, проникал сквозь трубу в дома и пил

кровушку из честного народа – а теперь понес за прегрешения смерть лютую и справедливую. И наоборот, что, мол, знающиеся с нечистой силой мироеды да богачи порешили сжить со свету доброго пастыря, блюдущего стадо свое посохом железным, да и натравили на радетеля за бедняцкое счастье вызванного из адских глубин демона. А совсем уж злые языки шептали, что под спущенными штанами у предводителя «богородичных деток» стручок-то оказался обрезанным, словно у жида какого.

Последний слух так возбудил мещан Альтены, что, когда бы не выбили они своих пейсатых еще за год до того, как «башмаки» поднялись, – несдобровать бы юдейскому семени.

Меж тем соратники Гроссера не нашли, как ни старались, ни свидетелей, ни орудия убийства. Весь вечер своей смерти Унгер Гроссер, как выходило по рассказам, сидел в корчме «У грудастой Трутгебы» (повсеместно в Альтене называемой «Титьками»). Пил, жрал в три горла, как было у него заведено, лапал девок. Ни с кем не заедался, никого не пытался наставить ни в вере, ни в житейских хитростях. Никто даже не приметил, как и когда он из корчмы вышел.

С орудием убийства оказалось и того страннее: не понять было, к чему убийце забирать кол, проткнувший Кровососа. Хотели умертвить в назидание – оставили б деревяху в груди мертвеца. А если правы те, кто связывал смерть Гроссера с поверьями насчет вампиров да вурдалаков, то отчего и голова покойного осталась на плечах, и чеснока ему никто не засовывал в рот, а соли – в рану?

Хуже было, что смерть лейтенанта «богородичных деток» подрывала смелость прочих из «башмачного» войска – как командиров, так и простых ратников. Да и вся обиженная Кровососом и его людьми бургесская сволочь начала поднимать голову, поговаривая, что не за

так погиб «башмак» и что ужо отольются голытьбе пролитые зажиточными мещанами слезки.

Так-то и вышло, что в канун дня святого Марцелина въехал в стены Альтены отряд «башмачного» войска, а в нем — посланный из самого Ульма капитан Ортуин Ольц да молодой Дитрих по прозвищу Найденыш. Этот последний привечен был Блаженным Гидеоном, вот уже более года выжигавшим ведьмачество по землям, где вместо баронов да магistrатов установилась власть честного люда; привечен же был Найденыш оттого, что якобы за милю чуял любое колдовство и искажение божьего замысла. А Ортуин Ольц прославился на поле под Шварцмильном: именно его отряд захватил тогда знамя остерского графа, а самого графа — нашинковал в мелкую капусту.

И теперь въезжали они в Альтену, дабы воздать по справедливости убийцам.

Тогда-то Утер Махоня их и увидал впервые.

* * *

Утер Махоня был школяром, недоучившимся жаком.

По правде сказать, и жаком-то называть его не слишком пристало: успел он дорасти лишь до звания «желторотого», а потом мутная волна «башмачного» бунта подхватила его и повлекла за собою. Выучился, с грехом пополам, читать-писать, усвоил основы Доната да вкусил студенческих вольностей — вот и все его школлярство.

Еще вынес он из университета в Ульме свое прозвище: Махоней его, высокого и костистого, нескладного, будто едва оперившийся вороненок, студиозусное братство назвало по злому, насмешливому своему обыкновению. Утер с прозвищем если и не смирился, то сжился, а порой даже подписывался в документах Минускулюсом, на ученьи лад.

Подхваченный бурлением, охватившим германские земли, Утер, тем не менее, благополучно избег ратных полей: тех, где «башмаки» взяли верх, и других, ставших для них полями траурными. Оказалось, что и у освобожденного народа есть нужда в писарях да счетоводах, и тем-то Утер и зарабатывал нынче себе на хлеб. Нраву он был спокойного, а юношеская нескладность грозила с возрастом обратиться мужской красотой, и, как говорил тот самый Гюнтер Протт, что в недобрый час нашел тело Кровососа, от девок Махоне тогда отбою не станет.

Пока же служил он в канцелярии «башмачного» войска, взяток не брал, но лишний грошик нет-нет да и прилипал к его пальцам: на пиво да пряную свинину всяко хватало, а большего Утер и не желал в ту пору.

И так уж случилось, что именно Утера Махоню, купно с несколькими другими «башмаками», отрядили к Луговым воротам встречать прибывающих Франкфуртским трактом умельцев дознавательского ремесла.

Как известно, Альтена успела взбунтоваться еще до того, как «башмачные» капитаны повели своих желдаков против церковной да баронской сволоты,— и войсками пфальцграфа тогда же была усмирена. Однако нынче, поболее года, власть в Альтене держали новые хозяева. У Луговых же ворот раз за разом — и когда Альтена встала против юдейского племени, и когда испытала на себе тяжесть пфальцграфской руки, и когда руку ту с выи своей сбрасывала — разыгрывались схватки между теми, кто городом владел, и теми, кто власти той жаждал. Оттого подкопченным стенам и проплешинам пепелищ в Альтене никто не удивлялся: уж пришло такое время, что пики сделались важнее пил да киянок. Погорельцы же, кто не сложил головы, переселились в дома побогаче. А таких-то в Альтене — городке небольшом, в мирные годы хорошо если с тремя-четырьмя тысячами жителей — стало

вдруг вдосталь. Любой бунт раздувают ветрами, что веют в спины гулящим людям, а уж в таких-то недостатка в те годы в германских княжествах не было. Вот и выходило с альтенцами: кто сгинул в кроваво-дымной круговерти, кто отправился на эшафот, а кое-кому пришлось родной дом покинуть — и не своею волею.

И так уж получилось, что у Луговых ворот копилась наибольшая в Альтене рвань — среди наибольших же развалин да пепелищ.

* * *

Утро кануна святого Марцелина выдалось блеклым: облачка затягивали небеса с ночи, потому и рассвет-то скорее вползал, чем вставал. Обещался пойти дождик, но к зорьке так и не пропустил, а облака черные сменились облаками серыми. Громыхало где-то к северу: как видно, гроза решила обойти Альтену стороной.

Но — только гроза небесная, поскольку, едва в воротах показались всадники и сопровождавший их пеший отряд, стало ясно, что гроза земная только что обрушилась на ни о чем не подозревающий город. Всадников было четверо, а пешего войска — с десяток человек, да три запряженные лошадками повозки. Войско же было не просто вооруженными «гансами», а наемными кнехтами: все как один мрачные да со смертоносным железом в руках.

Впереди ехал хмурый зольднер, разряженный в желтое и красное: берет на голове, рыжая с проседью борода, меч с одной стороны, кошкодер — с другой, сапоги свиной кожи. Да выражение лица столь хмурое, что и молоко бы скисло, глянь зольднер на него пристальней. За ним — двое: рубленый-колотый вояка в видавшем виды черненом полупанцире, на котором не один чекан да палаш оставили след в военных сшибках, и с лицом,

след на котором оставили годы и схватки; рядом с во-
якой — пыльный человечек с льняными волосенками
на голове: чернильная душа, пергаментный хвост. По-
зади них, за зольднерами, подле первой телеги, ехал
четвертый всадник, молодой парень. Чернявый, блед-
ный, в справной, зеленым крашенной, но уже изрядно
выбеленной рубахе, в старом кафтане и в наброшенном
по случаю зябкого утра дорожном плаще. Показался он
Махоне истинным «башмаком». Разве что взгляд, каким
окидывал он стены погоревших руин подле Луговых
ворот, был слишком уж цепким.

Гостей встречал Альберих Грумбах, капитан одного из
«гансовых» отрядов, стоявших в Альтене, а с ним — горсть
народца из тех, кто распоряжался нынче жизнью и смер-
тью добрых мещан.

Альберих Грумбах, одетый богато, но словно с чужо-
го плеча, глядел на близящийся отряд вскинув голову,
и острые бородка его торчала, словно направленное на
противника копьецо. Руки же держал он сцепленными
за спиной.

Здесь, в Альтене, стояло два отряда башмачного войска,
и Альберих — на пару с погившим Кровососом — предводи-
тельствовал «богородичными детками», как те себя звали.
А поскольку покойного он знал лучше прочих, неудиви-
тельно, что именно ему выпало встречать тех, кому надле-
жало со смертью Унгера Гроссера разбираться.

И вот капитан Грумбах, выставив бородку, ступил на-
встречу всадникам, поднимая руку. Разряженный в жел-
тое и красное зольднер натянул поводья своей лошадки
и посмотрел на господина Альбериха, уперев руку в бок.

— Богоматерь за нас! — произнес капитан «богородич-
ных деток».

Зольднер посмотрел на него довольно хмуро, но от-
ветствовал густым басом по-положенному:

— И Иоанн Евангелист с нею.— И добавил, оскалившись, старый пароль поднявшихся против баронов «гансов», известный еще со времен давнишних: — А что, и в вашем городе все нет спасенья от попов и дворян?

Вот тогда-то ухмыльнулся и Альберих Грумбах, прижав руку к сердцу и широко отведя ее в сторону:

— Нет уж, братья, попов и дворян мы здесь повывели.

— Видать, не всех,— отозвался молчавший доселе воюка в порубленном черненом полупанцире,— коль возникла нужда прибыть к вам с расследованием.

Потом огляделся по сторонам, примечая, как показалось Утеру, все: и старые пепелища, и грязную одежонку собравшейся под Луговыми воротами босоты, и напряжение на лицах встречающих их «башмаков».

— Я,— сказал,— Ортуин Ольц, направленный к вам разобраться со случившейся в Альтене смертью. А это,— махнул в сторону паренька в линялой зелено-рубахе да старом кафтане,— Дитрих по прозвищу Найденыш, а прозывается он так оттого, что приился к людям Блаженного Гидеона, утратив свое прежнее имя и не найдя пока что имени нового. И он здесь проверить, не злокозненное ли колдовство причина смерти вашего товарища. Хотя я,— добавил, склонясь в седле,— полагаю, что причиной были людская ненависть и злоба.

Рекомый же Дитрих не сказал ничего и лишь оглядывался с выражением таким сосредоточенным, какое бывает у охотничьей собаки, когда та встанет на след.

* * *

Гюнтер Протт даже не трясся — дребезжал. Пощелкивали зубы, ходили ходуном колени, пальцы сводило крупной дрожью.

— Значит, понимаешь,— проговорил с удовлетворением Ортуин Ольц, а блеклый и серый, словно мукой обсыпанный, Хуго Долленкопфиус скрипнул пером, поставив на допросном листе замысловатую закорюку.

Снизу, из общего зала «Титек», над которым расположились четверо прибывших (кнехты же встали постоем в казармах), из кружала, где все шумела гольтьба, доносились стук деревянных кружек и веселые напевы. Кажется, выводили «Молочницу из Пферна», но Утер голову бы на то не закладывал. Здесь же, наверху, творились дела куда менее веселые.

Вернее сказать, не «творились», но «готовились твориться».

Прибыв в Альтену и встав постоем в месте, где и произошло смертоубийство, двое посланников «башмачной» армии да двое приданых им помощников — горлорез и чернильная душонка — перво-наперво потребовали к себе главного свидетеля, бедолагу Гюнтера Протта.

И тут их ждала проблема.

После того как Протт наткнулся на труп Кровососа, всю неделю он пил по-черному, переходя из кабака в кабак. Сперва его поили честные обыватели Альтены за рассказ о том, как Гюнтер чуть не вступил в мертвое тело грозы здешних богатеев. Рассказывать Протт был не мастак, однако тужился, мычал, отжаркивал и выщеживал, как умел, повесть о мытарствах своих и о том, что случилось на задачах «Титек». Потом оказалось, что честным обывателям рассказ тот выслушивать не так интересно, как обмениваться собственными версиями произошедшего, но Гюнтера поили — за компанию, давая залить ужас от увиденного пивцом местных кабатчиков. Потом поить его перестали, а вот не пить он уже не мог. Говорил, что, лишь нахлебавшись до одури, может изгнать с глаз долой образ кровавой дыры в груди Унгера Гроссера да оскаленных зубов его, испачканных выплюнутой вместе с жизнью кровью.

Так и вышло, что разыскать его труда не составило — непросто оказалось привести Протта в чувство.

Но, должно сказать, прибывшие с этим управились скоро и сурово: рыжебородый кнхт с лицом разбойника обвязал Сивую Гривку веревкой и столкнул в колодец. Протт заорал с перепугу благим матом, да потом еще и ледяная водица окатила его... В общем, на поверхность его вытащили аки новокрещеную христианскую душу: греха не знающим, хоть синим да трясущимся.

Махоня же стал всему свидетелем оттого, что Альберих Грумбах назначил его в помощь прибывшим (как велел говорить всем) и соглядатаем (как сказал Утеру наедине, глядя мрачно и исподлобья). Грумбах имел вес в решенье альтенских дел еще со времен, как ходил в страже барона фон Вассерберга, а теперь-то уж и вовсе сделался он шишкой. Отказаться Махоня не сумел бы — да и, сказать по правде, не захотел бы: что об Ольце, что о Дитрихе Найденыше рассказывали в Альтене много чего, и любопытство у бывшего бурша распалилось от тех рассказов преизрядно. Например, о молодом посланнике Блаженного Гидеона говорили: мол, сжег он с десяток ведьм по городкам и местечкам пфальцграфства. А кого-то из обвиненных и оправдал, но уж в это-то Махоня нисколько не верил, как человек благоразумный и пригубивший жизни.

И вот теперь сидел он под стеночкой и глядел, как Гюнтер Протт трясеться, словно в пропаснице.

Сперва Утер сунулся к Долленкопфиусу — дескать, учен письму, мог бы помочь вести бумажную работу, да щелкопер только глянул на него рыбьим глазом — и Махоню словно ошпарило. Будто смерть сама в него посмотрела.

В общем, Протта Утер понимал хорошо. Не понимал он Ортуина Ольца — чего тот добивался от трясущегося

пьянички. А Ольц кружил вокруг оного, нависал, всматривался пристально в синюшное лицо несчастного, вся вина которого лишь в том и состояла, что в недолжный момент угораздило его оказаться в ненужном месте. И все долбил вопросами: не угрожал ли кто Унгеру Гроссеру? не уходил ли кто из кабака? кого видел Протт, выйдя во двор? кто подошел к нему первым, после того как он принялся звать на помощь?.. И снова — по кругу. Протт же толком не мог сказать ничего, сколько бы ни трялся.

Наконец не выдержал Дитрих Найденыш. Все это время сидел он под окном, переводя хмурый взгляд с Ольца на Протта да с ярыжки-писаря на Махоню. Наконец решил на что-то, встал, взъерошил двумя руками волосы.

— Пойду-ка я, — сказал, — осмотрюсь, что тут за народец да что за место.

И вдруг кивнул Утеру:

— А ты — со мной ступай, расскажешь, что здесь да почем.

Рыжий княхт было вскочил, но Найденыш нетерпеливо махнул ладонью:

— Вот уж, Херцер, чего никак не нужно, так это чтоб здешний люд обгадил портки, еще и не начав со мною разговора.

И Ортуин Ольц медленно кивнул, соглашаясь с пареньком: дескать, и то верно, от такого-то висельника за спиной разговор ни с кем не срастется.

Утер же, проклиная злую судьбину да Альбериха Грумбаха, поплелся вслед «башмачному» ведьмобою.

* * *

Задний двор «Титек» не отличался ни размерами, ни чистотой. Зато был окружен завидным частоколом. Утеру подумалось, что такому и вместо крепостной стены

встать не зазорно. Частокол был не нов – почерневший, прокопченный, битый дождями и морозами, однако стоял крепко и простоять обещался еще немалое время. Но, словно в старом солдате, ощущалась в нем если не усталость, то чувство, что век свой он не живет, а доживает. А вот ворота привешены к частоколу были новые, из толстых досок, внахлест стянутых железными полосами. В ворота эти доставляли Фрицу Йоге, владельцу «У грудастой Трутгебы», снедь, дрова да прочие необходимые в кабатчиковом ремесле вещи.

Справа от задней двери «Титек» стоял дровяной сарай, слева и чуть поодаль – выкопана была выгребная яма с деревянным настилом над нею да загородкой, где мог бы присесть по нужде добропорядочный бюргер. Крыши, впрочем, над загородкой не было.

Дитрих Найденыш, выйдя на задний двор, повел себя странно: опустился за порогом на корточки и медленно, гусиным шагом, поглядывая по сторонам, добрался до середины двора. Остановился почти в том месте, где лежал в оную ночь мертвый Гроссер. Провел раз-другой ладонью по жухлой вытоптанной травке. Потом поднялся и быстрым шагом прошел к воротам, ступая так, словно отмерял расстояние. Остановился. Сделал пару шагов в сторону: в одну, потом в другую. Снова присел и снова поднялся на ноги. Лицо его было бледным, под глазами собирались тени. Обошел посолонь дровяной сарай, заглядывая в щели в стенах. Полушил кору с неободранных досок, размял в пальцах, понюхал. Опять прошел туда, где лежал не так давно Кровосос, и сидел там столько, сколько понадобилось бы Утеру, чтобы пару раз прощать «Дева Мария, радуйся».

Потом поднял голову, глядя куда-то за спину Махони, и вдруг улыбнулся: открыто, широко, совсем по-мальчишески.

Утер и сам повернул голову — и чуть не вскрикнул от неожиданности: в двух шагах от него стояла девчонка-сирота, которую, как он знал, опекала служанка в «Титяках», Толстая Гертруда.

Было девчонке на вид лет пять-шесть, навряд ли больше, и, одетая в рванину, даже по нынешним временам выглядела она бледненькой, чуть ли не восковой. Жилки на ее висках были отчетливы, словно нарисованы. Копна нестриженых взлохмаченных волос и ярко-синие, словно высокое летнее небо, глаза. В руках сжимала она деревянную, искусно вырезанную куклу с длинным носом, и одежка куклы выглядела почище одежки самой девчонки.

Девчонка стояла неподвижно, прижав куклу к груди, и глядела, как показалось Утеру, не на него, и даже не на Дитриха Найденыша, а на место, подле которого Дитрих присел. На то место, где некогда лежал залитый кровью Кровосос Гроссер.

Дитрих же улыбнулся еще шире, поднялся — неторопливо, словно боясь вспугнуть дикого зверька, сунул руку в кошель и вынул отрезок ярко-желтой, почти золотой, ленты.

— Подарок,— сказал негромко, подступая мелким шагом к девчонке.— Для тебя и твоей куклы. Сделаешь ей кушак, и она станет еще нарядней.

Девчонка несмело перевела взгляд на руку Дитриха — и уже не смогла его отвести. Лента в пальцах Найденыша вилась и трепетала, словно змей, и, словно змей Еву,— соблазняла.

Дитрих подходить совсем близко не стал: стоял, протягивая ленту, и девчонка не выдержала, сделала шаг другой, цапнула желто-золотую полоску замурзанной ладошкой. Глянула искоса на Утера: не отберет ли? На бледных ее щечках вдруг проступил румянец, едва заметный на грязной коже.

— И как же зовут твою куклу? — спросил, присев на карточки, Дитрих. Говорил он мягко и негромко: будь Утер ребенком — ответил бы, не раздумывая.— ...И как зовут тебя саму? — добавил Найденыш, глядя на девчонку внимательно и испытующе.

— Ее зовут Кроха Грета,— раздался вдруг густой бас, и из-под тени навеса к ним шагнула бабища — поперек себя шире да с такими ручищами, что попадись ей хоть шварценвальдский волк: порвет на мелкую ветошь.— Ее зовут Кроха Грета, и ей нечего разговаривать с незнакомцами.

Дитрих вскочил и склонился в поклоне лишь самую малость дурашливом.

— Фрау,— произнес он,— видимо, вы та самая Толстая Гертруда, которую в заведенье господина Йоге забулдыги — страшатся, а жены их — славят, и все за то, что не дает потратить последний грошик на кружку пива?

Гертруда хмыкнула, словно далекая гроза громыхнула, но чуток подобрела с лица.

— А ты, как я погляжу, малой не промах,— пробасила, прижав к себе девчонку.— Милая,— сказала ей,— ступайка внутрь, поиграй там у очага.

Девчонка послушно пошла к задним дверям трактира и лишь у самого порога оглянулась, произнесла почти неслышно:

— Его Гансом зовут,— и качнула своей куклою. Желтая ленточка была уже повязана у той вокруг пояса, словно богатый кушак.

Потом стукнула дверь: девочка зашла в корчму.

И только когда дверь за ней затворилась, Толстая Гертруда спросила, глядя теперь на Дитриха испытующе:

— А ты, стало быть, тот самый ведьмобой, о котором трезвонят по всей Альтене?

— Похоже на то,— спокойно ответствовал Найденыш. Толстая Гертруда покачала головою:

— Вот уж не думаю, что Кровососа убила ведьма или какое колдовство. Много чести для такого засранца.

— Что ты, тетка, нам здесь... — вскинулся Махоня: за время, пока терся он с «башмаками», успел привыкнуть, что, ежели их оскорбляют, дело может закончиться скверно.

Найденыш, однако, махнул ему рукою, утихомиравая.

— Многие бы не согласились с твоими словами, госпожа.

— Многие — это кто? Те пьянчуги, что за обрезанный пфенниг кости отца родного из гроба достанут? Так они и раньше-то были — гниль, а не людишки, а уж теперь... Ежели хочешь знать, скажу тебе так: жил Кровосос Гроссер словно бешеный пес — и помер по-собачьи.

— Но не всякую собаку протыкают колом в сердце, верно? — мягко спросил Дитрих, и Толстая Гертруда чуток смешалась.

Найденыш снова встал посреди двора.

— Его ведь нашли здесь, верно? — спросил он, тыча пальцем в жухлую траву.

Толстая Гертруда молча смотрела на него.

Найденыш же чуть заметно пожал плечами:

— Смертью смердит,— пояснил.— Сами-то вы, госпожа Гертруда, тело видали?

Та склонила голову набок:

— А как же мне было не видать, если забулдыга-то этот, Протт, такой шум поднял, что и мертвую мамашу свою из могилы бы вызвал: поглядеть, чего стряслось. И — все верно, тут он и лежал, в том самом месте, где стоишь.

— И часто ли к вам Кровосос захаживал?

Толстая Гертруда снизала плечами:

— Не так чтоб очень. Он с дружками-то своими все больше у Герхарда Сидельца, ну в «Трех дубах», пить предпочитал: говаривал, сволота, будто там пиво водою не разводят. А я так скажу: если и не разводят, то потому только, что успевают туда помочиться — недаром же

раньше «Три дуба» жиды держали, от них-то Сиделец подлым своим штучкам и обучился.

— И с кем же там покойный сиживал? — спросил Дитрих, но уж тут-то Махоня сумел бы ответить и сам, и не удивился нисколечко, услыхав имена Альбериха Грумбаха да Йоханна Клейста. С Альберихом Грумбахом дело было ясное, а Клейст зарабатывал на хлеб помощником палача в Альтене. И помощником, как вспоминалось Утеру, Клейст был истовым, работавшим не за страх и даже не за совесть, но по велению души и сердца.

— А что же он в тот вечер у вас-то сидел? — спросил Дитрих, и Махоня почувствовал, как напрягся — едва-едва — его голос.

— Да встречался он с кем-то.— Толстая Гертруда почесала, вспоминая, щеку.— Да вот же, с Гольдбахеном, пожалуй, дольше всего он в тот вечер языком чесал. Это бывший наш господин советник, вторым человеком в городе был, пока «башмак» на вольности городские не наступил. Арнольд Гольдбахен — хотя, сказать по правде, нынче-то ему хорошо, если «Купфербахеном» удалось бы называться, а то и меди он в кармане не сыщет. Раньше-то жил он в своем доме, в три этажа, подле рыночной площади, а нынче ютится в руинах у Луговых ворот.

— И что ж тогда он делал в кружале господина Йоге, со своими медными грошиками? Вылизывал тарелки?

Но уж на это Толстая Гертруда отвечать не стала: не то не зная, что ответить, не то не зная — как. Потопталась минуту-другую, высыпкалась, откашлялась, развернулась необъятной своею кормою и, словно дракон от святого Георгия в пещере, скрылась во тьме корчмы.

— Полагаю,— сказал задумчиво Дитрих,— самое время нам отвлечь доблестного Ортуина Ольца от его разговоров с бедолагой Проттом.

— Знавал я одного астролога — еще как служил у епископа во Фрауэнбурге, — Херцер ухватился за ножку каптуна, махнул кинжалом, после чего воткнул кинжал в стол, а ножку — себе в пасть и на некоторое время замолчал, прожевывая мясцо с урчанием и причмокиванием. Бросил обглоданную кость под стол, на радость крутившимся под ногами псам трактирщика. Вытер пальцы о рыжую бороду. Глотнул из кружки так, что пена полезла изо рта, делая его похожим на бесноватого. — Так вот, знавал я одного астролога, и тот высчитал по звездам, что нынешний век — последний. А впереди — только мор, глад, паденье нравов и вострубленье ангелов. Где ж тут держаться клятв простому человеку?

Хуго Долленкопфиус поднял над миской с хлебом белесые волосенки бровей да растрепанной челки, пошевелил неопределенно измазанными в чернила пальцами, но так и не сказал ничего, уткнулся снова в юшку. Мерно зачерпал ложкою.

Молодой же Дитрих дернул плечом:

— Не знаю, — сказал, пощипывая кусок хлеба над стоящим перед ним на деревянной дощечке уполовиненным куском колбасы с хреном, — не знаю, как там с астрологами, но верю я, что Господь, в милости своей, всегда предоставляет нам шанс выправить то, что наворотили мы в своей жизни, что вывернули наизнанку и за что нам пред Господом и людьми стыдно и страшно. Всем дан второй шанс, иначе жить в мире было бы совершенно невыносимо.

— И каков же твой второй шанс? — Херцер потянулся к каптуну, отодрал от него кусок грудины, зачавкал белым мясом.

— Исследовать зло. Находить зло. Карать зло, — ответствовал Найденыш, да так истово, что вниз от затылка Утера поползли мурашки размером с ноготь на мизинце.

Выслушав Дитриха, поскольку даже с прозревевшего и испуганного до усрачки Протта толку не было, все четверо решили сперва подкрепиться — а с собой позвали и Махоню, который, по старой буршевой привычке, от дармовщинки не отказался. Теперь же, сидя за столом и слушая их разговоры, он все подумывал, не лучше ли было оказаться сытым и не дергаться от каждого слова, словно откормленному на убой кабанчику от скрежета железом по оселку в осенних заморозках.

Один лишь Ортуин Ольц не поддерживал разговора: сидел, нахмурясь, запивал свинину с капустой прошлогодним темным, бочку которого Фриц Йоге распечатал ради опасных своих гостей. И хоть могло подуматься, будто утратил он к происходящему вокруг всяческий интерес, едва только кабатчик оказался на расстоянии Ольцевой десницы, старый солдат цапнул его за фартук и силой усадил на лавку в торце стола.

Кабатчик сидел, помаргивая желтоватыми ресницами и обильно потея: как видно, все не мог взять в толк, сразу его прирежут или заставят помучиться.

— А скажи-ка, добрый человек,— начал Ольц, и голос его звучал хрипло и скрипуче, словно давно не точенный палаш под оселком,— скажи-ка нам, по какой такой причине покойного Унгера Гроссера прозвали в вашем городе Кровососом? Неужто за рвение, проявленное им на службе добруму люду?

И придинул Йоге кружку с пивом.

Тот, смекнув, что не грозит ему смерть ни мгновенная и лютая, ни даже отложенная, пиво принял, степенно отпил пару глотков, утерся рукавом и только после этого обвел честную компанию внимательным взглядом: словно просчитывал, сколько можно б выручить с них, удастся продать их оптом или по отдельности.

— Добрый люд, ваши достоинства, тут совершенно ни при чем. Гроссер, конечно, был истов в своем новом служении, и много кто точил на него зуб, и мало кто плакал после его смерти, но прозвище свое он заслужил куда раньше, чем «башма...»... чем добрые люди установили в стенах Альтены свои порядки и законы, противные баронскому беззаконию. Можно сказать, что за прозвище свое благодарить покойный должен как раз тех баронов-беззаконников.

— Это как же так? — снова поднял взгляд над миской Долленкопфиус, и корчмаря скрутило под тем взглядом. Писарчук умел нагнать оторопи, даже никому и ничем не угрожаючи — такова уж была природа пера и писаного слова, это-то Махоня, сам уже некоторое время принадлежащий к писарчуковой братии, вполне уяснил.

Но и корчмарь был малым не промах: пересилил робость, залил ее парой-тройкой глотков из Ольцевой кружки и подался вперед заговорщицки, сложив перед собою руки.

— Вам-то, ваши достоинства, наверняка известно, что еще до времен, как альтенский люд встал на своих жидов — а случилось оно еще раньше, чем добрый люд поднялся на князей,— так вот, во времена те Унгер Гроссер был истовым слугою здешнего барона. Вы-то и о нем наверняка слыхали: фон Вассерберг. Нынче он с пфальцграфской армией стоит против новых вождей. Из замка под Шпилевой скалой, что полтора года назад отряды Синего Урцеля пустили с дымом, как раз пока господин барон резал Красавчика Эбинга под стенами Фрауэнбурга. Так вот в ту пору — лет пять — семь тому — Гроссер был одним из верных баронских псов, уж простите, что говорю такое о покойнике. Вот за истовство свое — и как бы не сказать здесь: «неистовство» — и прозвали его Кровососом.

То, что командир «богородичных деток» службу свою начинал под рукою барона, Утера нисколько не удивило:

в последние годы наемные отряды то и дело меняли хозяев, переходя то к «башмакам», то снова к «башмаковым» ненавистникам, а уж отдельными-то людышками Фортуна крутила, как умела. Но вот о том, что Гроссер был не просто псом, а псом истовым, Утеру слыхать не доводилось.

Ортуин же Ольц, прожевав кус свинины да закинув в рот горсть капусты, спросил кабатчика:

— Стало быть, горожане не праздновали покойного еще до того, как Альтена вышла из-под баронской власти?

Кабатчик вдруг смущился, уткнувшись взглядом в стол да в сложенные на досках ладони.

— Да было б за что праздновать,— пробормотал.— С городскими вольностями-то он еще чуток смирялся, хотя, представься случай, поколачивал и вольных бурггеров, и цеховых мастеров. А вот с баронскими людьми...

Тут Фриц Йоге замялся и окончательно смолк, сжимая и разжимая красные распаренные пальцы.

Никто за столом не стал его подгонять: только Долленкопфиус бросил загребать ложкой и глядел теперь куда-то в сторону распотрошенного каплуна, которого рвал быстрыми движениями рыжебородый Херцер. Потом положил левую руку на стол, выгнул пальцы: звонко щелкнула кость, и Фриц Йоге вздрогнул, будто это ему выворачивали суставы, зажав их в палаческие тиски.

— Мне кажется, мастер Йоге,— мягко произнес Ди-трих Найденыш, и от той мягкости кабатчик, казалось, скорчился еще сильнее,— мне кажется, вы хотели рассказать нам какую-то историю о покойном.

— Ну...— Фриц Йоге все разглядывал свои пальцы; потом поймал за подол одну из трех своих служанок:— Ани, деточка, по кружке пива мне и добрым господам... Как-то вдруг в горле пересохло,— пожаловался он в пространство.

Молчал, пока Ани не поставила перед ним деревянную полупинтовую кружку. Сдул пену, хлебнул раз-третий.

— Лет шесть назад,— сказал, наконец, отерев губы,— случился у нас немалый переполох. Средь баронских — ну, фон Вассерберга — людей был один такой, Курт Флосс, резчик по камню и дереву. Никем не учен, но талант человек от Господа получил. Что узор из веток и цветов заплести из камня, что часовенку резьбой украсить — ко всему рука легка. Одно только: родился он в семье несвободного, и господин барон властен был над жизнью его и смертью. А Флосс этот жениться успел, жена сыночка на свет привела, мастерство его все расцветало, и решил он сделаться вольным человеком. Ну и сбежал в город. Где таился, чем кормился — никому и никогда не говорил, но свой год и один день в Альтене прожил, свидетели то подтвердили, и сделался Флосс вольным человеком. По камню резал, плату умеренно брал: на ратуше нашей Спаситель Торжествующий его работы. Жена на сносях вторым ребятенком была. Живи — радуйся. Вот только бегства фон Вассерберг ему не спустил. Сперва требовал, чтобы магистрат выдал Флосса, да только кто ж вольного горожанина выдаст? Потом откупного просил, но и здесь ни рожна не получил. Вроде бы успокоился, смирился. Но однажды пропал Флосс. И сам, и жена его, и дитенок. Сынку-то его тогда десятый годок шел. Искали их, говорят, да только никто ничего более о Курте Флоссе не слыхивал: ни у нас, ни в других городах.

Кабатчик замолчал и присосался к кружке, словно рассказ сей иссущил его до костей.

Остальные смотрели молча, и только Найденыш спросил о том, что беспокоило остальных:

— И при чем же здесь покойный Унгер Гроссер?

— В том-то и дело,— подался вперед господин Йоге, заговорщики снизив голос.— В том-то и дело, добрые господа. Когда фон Вассерберг пытался заполучить Флосса, то Альтеной четверо его людей гуляли.

— И Гроссер был одним из них,— даже пристукнул кружкой Ольц.

Кабатчик кивнул, потупясь.

— Но кто же тогда остальные трое? — спросил вдруг, не поднимая глаз над тарелкой со своим хлебом, Хуго Долленкопфиус.

Махоня снова вздрогнул и выругался про себя, кляня чернильную душонку последними словами. Одно утешало: Йоге, стоило писарчуку открыть рот, тоже чувствовал себя словно пескарь на сковороде.

— А остальные трое, добрые господа, это Вольфганг Херцмиль, что нынче при войске господина барона, да двое из тех, что снова прибились к Альтене — но под новой властью уже...

— И зовут их Йоханн Клейст и Альберих Грумбах, — произнес задумчиво Дитрих — словно вывод из силлогизма сделал.

Рыжий, белый и черный глянули на него удивленно, корчмарь и вовсе распахнул рот и выкатил глаза, а Махоня чуть не рассмеялся от того, как сошлась вдруг история.

* * *

Так уж вышло, что к капитану Грумбаху Дитрих Найденыш пошел в одиночку. Ольц, купно с рыжебородым Херцером — чтобы маячил сзади и нагонял страх на честных обывателей Альтены, — остался в кабаке: допросить, кто что видел в злополучную ночь. Долленкопфиус, чернильная душонка, взялся порыться в уцелевших архивах магистрата, поискать, что найдется об исчезновении Курта Флосса и его семьи, — и прошелестел, глядя куда-то за Утера: хотел помочь? Помогай же.

А в «Три дуба» отправился Дитрих.

Махоня, шагая за писарем в сторону магистрата, некоторое время видел еще впереди выцветший кафтан Найденыша да выбеленный дождями и солнцем плащ его. Потом Долленкопфиус свернул, и ведьмобой пропал с глаз.

Магистрату Альтене не зазорно было бы во Франкfurте стоять: с острой крышей, башенками, резьбой и статуями. Двери высотой в три человечьих роста. Правда, теперь магистрат был полуразрушен: когда «башмаки» вышибали из города баронских людей, отряд рейтаров обложили как раз здесь, за дубовыми дверьми. Пока же пытались их выдавить да прирезать, здание пожгли и завалили северную стену. Крыша там просела, и никто ее с тех пор не подновлял.

Новая власть облюбовала Сойкову башню с ее подвалами и пыточными, магистрат же обжили вороны да голуби. Еще было здесь пяток «башмаков» с алебардами да древний дедуган-архивариус, на свой страх и риск присматривающий за уцелевшими в погроме да пожаре бумагами. К нему-то и направился Долленкопфиус.

Выслушав их, старикашка скорбно поджал губы и произнес:

— Уж лучше бы вы, добрые господа, вместо того чтобы раз за разом подступаться к тутошним бумагам, придали мне помощника-другого и запретили простецам шастать по ратуше: какая бы власть ни установилась, а в жилах ее струится не только кровь войны, но и чернила писцовой работы.

Потом взял фонарь со свечой и повел их каменной волглой лестницей вверх, в южную часть домины.

— И кто же,— не удержался от вопроса Махоня, возбужденный словами старикашки о чернилах как крови державности,— кто же еще обращался к вам,уважаемый, за помощью?

— Сперва бывший господин советник Гольдбахен. А совсем недавно — кто-то из нового войска, уж не знаю,

как они там себя называют. Хмурый такой, в справной одежке, но словно бы с чужого плеча. А мы, добрые господа, пришли,— и посветил свечою вперед себя.

Там, в тесной, заставленной глубокими стеллажами комнатке, с единственным столом посередине, в восьмиугольнике стен, были сложены оставшиеся после разорения магистрата бумаги. И было их, как на все беды Альтены, на удивление много.

— Вот,— проскрипел старикан, водрузив фонарь на стол.— Вот,— повторил он, широко разведя руки.

Под потолком по окружности шли узкие, забранные промасленной и провощенной бумагой окна-бойницы. Солнечные лучи в них не врывались — протискивались, оттого фонарь оказался небесполезен.

— Ну что ж,— шевельнул пальцами, словно разминая их, Долленкопфиус,— полагаю, что судебные дела и приговоры не уцелели?

Старикан развел руками в непрятворном огорчении.

— Вот ведь удивительное дело,— проговорил писарь, ни к кому конкретно не обращаясь.— В мирное время плоть всегда слабее бумаги, зато в бунташне годы все наизнанку выворачивается. Что ж, поищем тогда в других записях. Нам нужны списки цехов, фискальные списки, копии приходских книг, то, что осталось от судебных бумаг,— пусть не приговоры, но хотя бы исковые листы — и еще, пожалуй, сведения о денежных дарениях в городскую казну и здешние церкви.

Старик-архивариус поглядел на белесого штафирку с измазанными чернилами кончиками пальцев с явным уважением.

А потом они трое нырнули в бурую бумажную пыль и заплесневелые пергаменты.

Рылись в бумагах, что кроты в огороде: подслеповато щурясь в слабом свете на выцветшие чернила, вороша пожел-

тевшие да побуревшие страницы. Долленкопфиус хмыкал, гукал, мычал под нос радостно, когда находилась особенно важная, как казалось ему, бумага, или фыркал раздраженно, когда поиски заводили в глухой угол — или когда эпистола, до которой он желал бы добраться, отсутствовала.

А Утер, даром что с полгода уже работал с бумагами в «башмачной» управе, только диву давался, сколько следов оставляет простой человек в бумажном море. Всей жизни-то человека — от крестин до могилы, а там следок оставит, здесь — запись, тут — маргиналию на полях или закорюку в разлинованных графах. То грошик даст магистрату, то грошик от магистрата получит. И так вот, буквовка к буквовке, и выпишется человек на серых листах поганой бумаги да на грубом дешевом пергаменте.

От Курта Флосса, правда, следов осталось негусто. А что остались — подтверждали рассказ кабатчика. Была отметка о внесении Куртом Флоссом денежной выплаты за вступление в цех каменотесов. Был список заздравного слова церкви Святого Ульриха, где упоминалась «чудесная резьба бокового нефа, изображающая Последний Суд и Воскрешение». Было, наконец, упоминание — на отдельном обгоревшем листе — о посланном в леса под городом отряде альтенской милиции, с пометкой на полях: «расспросить мальчика пока невозможно».

Наконец Долленкопфиус если не умаялся, то проголосился: дух уступил плоти, как в часы нестроения в державе уступала плоти и бумага.

Долленкопфиус отправился обедать в «Титьки», Утер же решил заглянуть в «Три дуба»: во-первых, дотуда было куда ближе, чем до кабака Фрица Йоге, во-вторых же, ему хотелось разузнать у тамошних знакомцев, как прошла беседа Дитриха Найденыша с Альберихом Грумбахом.

Но едва он подошел к Трехгрошовому переулку, где стояла корчма, как Господь, в справедливости Своей, по-

казал, сколь пагубно бывает досужее любопытство. Стоило Утеру ступить в холодную и вонючую тень поперечной улицы, как слева, от подворотни, послышалось неясное: «Ага! На ловца и зверь...» — и сильная рука сграбастала его за шиворот, впечатав лицом в стену.

Утер даже не успел толком испугаться — да и что было бояться? «Башмаки», едва войдя в город, завели внутри стен порядки столь жесткие, что грабители если и не повывелись, то уж точно — попртихли, предпочитая малый верняк пеньковой «веселой вдове». Махоня даже не потянулся и к висящему у пояса ножу — да и не обучился он толком ножом тем владеть, несмотря на весь свой бургский опыт.

А еще — ему показался знакомым свистящий шепот напавшего на него человека. И буквально через миг Утер понял, что в стену его впечатал не кто иной, как капитан «богородичных деток».

— Господин Грумбах... — начал Утер, полагая, что тот зол, поскольку Махоня до сих пор не подал «башмачному» капитану ни весточки о том, что сумел разузнать. — Господин Альберих, я...

Однако Грумбаху, похоже, не было дела до того, что может сказать ему Утер Махоня: не слушать он желал, но говорить:

— Скажи этому молодому, — шипел Махоне в ухо, — суке этой рваной, что если он, падаль гнойная, станет нос совать куда не следует, то останется не только без носа, но и без хера своего. И хер этот я ему не просто отрежу — я ему щипцами его вырву и жрать заставлю. Я ему устрою семь и семижды семь казней египетских, турецких, валаших, ирландских и Сатана сам знает каких, да не посмотрю, что прислан он Блаженным Гидеоном. Пусть пеняет на себя, дрыном Иосифовым да дыркой Богоматери клянусь. Сделаю петушка каплуном да сдам бродячим

комедиантам, чтобы девок он на подмостках играл — и чтобы за девку после представлений служил вся кому, кто захочет грошик заплатить за молодую его жопку. Понял? — возил Утера щекой по стене.— Понял, сука?

Ударил напоследок по почкам — раз, другой, добавил ногой, сплюнул густой слюною да удалился во тьму — а может, это Махоня потерял сознание.

* * *

— Что ж,— сказал Дитрих, когда Махоня рассказал ему обо всем, что случилось подле «Трех дубов»,— что ж, похоже, мы на верном пути, ежели доброго человека и честного бюргера Альбериха Грумбаха корчит от вопросов, словно Сатану от святой проповеди. Самое время посетить еще одного доброго человека — Йоханна Клейста.

Махоня только вздохнул. Если уж капитан «башмачного» войска повел себя как разбойник из подворотни, то страшно и думать, что сотворит помощник палача. Насадит небось Найденыша на крюк, а Утеру отрежет выступающее да просверлит отсутствующее.

К тому же к Клейсту Найденыш отправился без сотоварищей — только Махоню и взяв с собою.

Йоханн Клейст обитал у восточной стены, в глухом тупичке, вдали от ворот и от пришлых людей. Дома сюда выходили задами, народец забредал лишь по пьяному делу, а деревья росли чахлыми и полумертвymi. Теперь же опускались сумерки, и халупа словно тонула в густеющей под крепостной стеной мгле.

При виде Клейстова гнездышка в глазах у Найденыша мелькнуло нечто — словно далекая зарница, но сразу исчезло. Взгляд его сделался тверд, а поступь — размашиста. В два шага оказался он у двери — добротной, кстати сказать, двери, двойной толстой доски, привешенной не

на кожаных, а на кованых завесах, с веревочной петлей вместо ручки,— и толкнул, не чинясь и не постучав даже.

— Хозяин! Встречай гостей! — проговорил с порога довольно громко: так, что даже спи Йоханн Клейст — тотчас проснулся бы.

Но хозяин не спал: сидел у махонького оконца и, при свете фонаря, починял одежду. Был он ширококостным, но словно изможденным постами да душевным непокойем. Волосы его были острижены в кружок, а окрасом напоминали лежалую солому — и не понять, природный это их цвет либо же просто голова Клейста давно не мыта. В уголках рта его прорезалась скорбная складка, а пальцы были короткими и поросшими светлым волосом.

На вошедших он глядел исподлобья, однако не сказал ни слова — только отложил починяемую одежду да сжал в кулаке короткое шило. А над головой его, в клетке, прыгала иволга — словно шмат солнца за прутьями.

И Утер голову бы дал на отсечение, что Йоханну Клейсту страшно: то, как сидел он, горбясь, как поводил глазами на каждый шорох, как сжимал шило... И напугал его всяко не визит двух молокососов, каковыми, если уж резать правду-матку, они оба и были.

— Кто вы? — каркнул хрипло.

— Меня зовут Дитрихом, а прислан я Блаженным Гидеоном расследовать смерть Унгера Гроссера. А это — мой помощник, приставленный городским советом.

— Вот как,— проговорил Клейст. Шила из кулака он так и не выпустил.

Сесть их тоже не пригласил.

— И чего же вы от меня хотите, расследователи смерти Унгера Гроссера?

— Поговорить о Курте Флоссе и его семействе,— ответил Найденыш, и Утер готов был поклясться, что помощник палача вздохнул с облегчением.

Йоханн Клейст поднялся с табурета, развернулся к ним спиной да зашерудел кочергою в очаге. Снял с угольев котелок, потыкал деревянною ложкой в булькающее внутри варево. Отошел к стене: стукнуло железо, заскрежетал камень о камень. Хозяин же водрузил на стол двухпинтовый, кисло пахнущий кувшин и три долбленых кружки — небольших, хорошо если на пяток добрых глотков.

Потом махнул гостям, чтобы те подсаживались.

Утер огляделся, приставил к столу лавку, сел под стenu. Дитрих опустился рядом.

Клейст неторопливо разлил отдающее брагой дешевое пивцо, поднял свою кружку.

Пиво и на вкус было не лучше запаха, однако Утеру доводилось во время буршевой жизни пивать и не такое, оттого он опрокинул жидкость в себя, даже не поморщившись. Дитрих же цедил из кружки неторопливо, оставаясь совершенно равнодушен с лица.

— Значит,— проговорил Клейст, снова наполнив кружки,— значит, пришли вы сюда говорить о Курте Флоссе и его семействе. И отчего же желаете говорить об этом со мною?

Дитрих улыбнулся:

— Оттого, что во время оно ты был на службе у барона Вассерберга, который против Флосса злоумышлял. И на службе с тобой состоял Унгер Гроссер, по прозвищу Кровосос.

— Как и многие другие,— сказал Клейст, глядя на Найденыша, как и в начале их встречи, исподлобья.

— Как и многие другие,— покладисто согласился Дитрих.— Например, Альберих Грумбах, верно?

Клейст хмыкнул и не ответил.

— Я, кстати сказать, не пойму вот что,— Дитрих глотнул палаческого пойла.— Как так вышло, что двое при-

ятелей твоих по службе у барона нынче оказались так высоко в войске восставшего люда, а ты все обретаешься в помощниках у заплечных дел мастера?

Иволга в клетке свистнула и взглянула на Дитриха темным глазом.

— На хлеб мне хватает: работы-то нынче для палача вдосталь,— проговорил Клейст тоном таким равнодушным, что Утер заподозрил — слова Дитриха попали в цель.

Найденыш покивал с пониманием и проговорил:

— И помощником палача ты сделался, как я слышал, за пару лет до того, как Альтена изгнала прочь своего барона.— И добавил равнодушно: — А заупокойные молитвы ты в церквях заказываешь как добрый самаритянин, да?

— Да что ты знаешь!.. — прошипел Йоханн Клейст, а иволга в клетке трепыхнула крыльями, засияла звонко.— Знаешь, как они молят, как кричат, как воплют о прощении? Я всегда — всегда! — слышу их крики. Здесь! — Он ткнул негнущимся пальцем себя в лоб.— Я думал, что, если буду поближе к ним, все изменится. Что они замолчат. Крики можно заглушить лишь другими криками. Но страданье не перекрыть другим страданием: я знаю. Можно лишь отогнать его. На время. Я закрываю глаза — и вижу. Как дрыгаются ноги резчика. Как Вольфганг натягивает веревку. Слышу, как кричит мать. Как хихикает Гроссер: его уже тогда звали Кровососом, знаете? Пацан — бледный и голый, и Альберих поворачивается и говорит: «Теперь ты, Йоханн; давай!». Я слышу, слышу его крик — и крик ее. Здесь, в голове. Можно бить бичом; можно рвать ногти, сверлить кости, зажимать пальцы в тисках; можно лить горящую серу и смолу. Можно слушать, как поет птаха. Тогда голоса уходят, становятся едва-едва слышными. Но лишь на время. Я знаю — знаю! — это.

Он ухватил кувшин, пренебрегши кружкою. Пил — жадно, большими глотками, пиво текло по бороде, по рубаш-

хе. Потом остановился, тряхнул головой. Глаза его были даже не безумными — мертвыми.

— А ты попрекаешь меня деньгами и положением, — сказал.

— Значит, вас там было четверо, — проговорил Дитрих, на которого, казалось, все слова Йоханна Клейста произвели впечатление не большее, чем посвист иволги. — И вы нашли Курта Флосса и его семью.

— Нашли! — зашелся хриплым диким смехом Клейст. — Нашли! Спроси его, спроси эту жирную сволочь, как мы их нашли. Он всегда любил золотишко — словно его фамилия тянула к желтой монете, соблазняла. А Флосс как раз закончил резьбу на магистрате — вторую, у западного входа. И все помнили, во что обошлась резьба первая. И этот жирный мудак решил, что нет нужды отдавать резчику деньги, если можно просто напугать его до полусмерти. Напугать нами. А потом нам же и выдать. И ведь не прогадал, сукин сын. А я сижу в грязной лачуте, слушаю кенаря да хлещу пиво — когда не ломаю пальцы и не режу ремни из кожи. А они — таятся, прячутся по углам: я знаю, я видел. И мне страшно. Теперь, когда погиб Гроссер...

Он замолчал вдруг и вскочил на ноги. Стоял, уставясь в темный угол, и лицо его обвисло, словно тряпка. Схватил кружку — рука тряслась, словно в лихорадке, — метнул ее без замаха куда-то между стеной и узким деревянным настилом, что, видно, заменял Клейсту постель. Стукнуло деревом о дерево, раздался писк.

— Крысы... — Помощник палача повалился на табурет, свесив едва ли не до земли худые руки. — Крысы... — повторил.

А у Дитриха на лице было такое выражение, какое бывает, когда в охотничий силок попадется вместо кролика пьяничуга, забредший за каким-то бесом в лесок.

И тут скрипнула дверь, а за порог шагнул некто темный — сердце у Утера сжалось. Пришлец высыпался трубно (иволга заметалась по клетке, одинокое желтое перышко мягко опустилось на стол), отер руки о дверной косяк — и превратился в рыжего и ражего Херцера.

— Ну, а я говорил,— протрубил Херцер, словно глашатай на площади,— куда еще Найденышу податься, как не к третьему приятелю покойного Кровососа! — и добавил тише: — Пойдем, Дитрих, Ольцу надобно сказать тебе кое-что, о чем мы разнюхали по тавернам.

И тогда-то Утер понял, что рыжий пьян: в зюзю, вдребадан, до положения риз. Пьян, хотя стоит твердо на ногах и внятно говорит разумные слова. И что бурлящая в нем ярость, огненная горячая ненависть, готова выплеснуться, вгрызться в мир — словно огонь в сухостой. И не хотел бы Махоня оказаться у той ненависти на пути.

Потому он безропотно поднялся вслед вставшему с лавки Дитриху и оглянулся на Клейста только от дверей: помощник палача сидел все так же, свесив руки меж коленями. Перед ним стоял недопитый кувшин, а в пальцах вертел и мял он кусок желтой, будто иволгово крыло, ленты.

Они не успели отойти и на полторы сотни шагов, как позади, от домика Йоханна Клейста, раздался крик — словно человека раздирали заживо.

Дитрих выругался и бросился назад, оскальзываясь на бульжниках.

* * *

Потом спазмы утихли — Махоне просто нечем стало блевать.

Все еще на коленях, он утер трясущейся рукою губы, а другой — слезящиеся глаза, но образ, увиденный им с порога, стоял перед внутренним взором. И Махоня опасался, что образ сей будет мучить его немалое время.

Подхваченный ветрами «башмачного» бунта, Утер насмотрелся за последние год-полтора немало, в том числе и такого, на что предпочел бы не глядеть никогда. Однако вид лежащего на полу Йоханна Клейста — раскинутые ноги, распяленный рот, натекшая на полу кровавая лужа, — вид сей оказался жутче многоного. Да что там: страшнее всего, что ему приходилось зреть. Теперь-то понимал он, что чувствовал Гюнтер Протт на задах кабака Фрица Йоге.

Он поднялся с колен, стараясь не ткнуться ладонью в собственную блевотину. На пороге, запрокинув голову к звездному небу и широко разевая обросшую рыжей бородою пасть, сидел Херцер. И был он теперь трезв, словно и глотка пива не заливал себе в рот.

Найденыш же остался внутри домика Клейста: стоял, привалясь к косяку, и поводил взглядом по комнатке: по потекам красного, по отброшенному под стену табурету, по луже, натекшей от сбитого со стола кувшина, — пиво мешалось уже с кровью покойного. По сломанной и пустой клетке, откатившейся под самые двери.

Вышел он наружу, только когда заявился, громыхая коваными сапогами, Ортуин Ольц с пятком кнехтов.

— Что здесь, козлом вы драные мудаки, происходит?! — загремел Ольц. — И что этот в глотку пользованный мужеложец мне такое... Дырка Богородицы! — рявкнул с испугом, заглядывая через плечо вставшего на пороге Дитриха Найденыша.

— Мастера Йоханна Клейста, похоже, кто-то посадил на кол, — объяснил Дитрих, чуть подрагивающим голосом. — Как и в случае со смертью Унгера Гроссера, самого кола на месте преступления нету. И я бы советовал отправить стражу по окрестностям — мы были шагах в полутораста, когда услышали крик.

И тут у домика объявился Альберих Грумбах. Был он в богатом камзоле, разрезы на рукавах и по подолу даже

в красном свете факелов и фонарей переливались изумрудно-желтым. Но камзол скроен был не по росту его и не по плоти.

— Что здесь... — начал и он, но увидал в распахнутой двери разбросанные в стороны ноги покойника, пятна крови.

И сразу потянулся за мечом, шагая к Дитриху.

— Ты... — шипел он, а рыжебородый Херцер как-то мигом оказался рядом, приобнял его и накрыл своей лапищей руку на палаше. Грумбах дернулся — раз, другой, но Херцер держал крепко, и капитан «богородичных деток» сдался.

Дитрих покачал головой:

— Если ты полагаешь, что это сделали мы, — ты еще глупее, чем кажешься. Но вот, что убил его тот же, кто порешил твоего приятеля Гроссера, — это почти наверняка.

— Его... — Грумбах уже не выдирался из Херцеровых объятий, а на лице его появился проблеск понимания. — Его убили колом?

Найденыш кивнул.

— Только не грудь протыкали, а на кол насаживали. Скверная смерть.

И уже к Ортуину Ольцу:

— Так мы станем обыскивать окрестности или дадим убийце уйти безнаказанно?

И «башмаки», хоть и немало напуганные кровавым представлением в Клейстовом домике, прянули — по двое, по трое — по окрестностям.

Дитрих, а за Дитрихом и Утер направились следом. Найденыш сейчас похож был на гончего пса, вставшего на след: то, как вскидывал голову, как смотрел, прищурившись, в огни факелов да фонарей, закруживших улочками и закоулками этого угла Альтены.

Но все зря: «башмаки» не отыскали ни следа убийцы, вооруженного окровавленным колом.

И все же Найденыш кружил окрестностями, словно стягивая петлю. Образ этот пришел Махоне в голову, когда они в третий раз прошли мимо спаленной молнией звонницы Святого Килиана.

Потом Дитрих остановился и вскинул руку, дав знак остальным, а кроме Утера, была с ними пара желдаков из «богородичных деток».

— Там, — сказал и нырнул в темноту между звонницей и опорами моста, перекинутого через рукав Дорвассера, речушки, протекавшей восточным краем Альтены.

— Свет сюда! — скомандовал и, когда один из «бащмаков» прибежал с фонарем, в колеблющемся огоньке толстой сальной свечи Утер увидел девчушку из «Титек». Она сидела над водой и, напевая что-то под нос, купала свою куклу, сложив ее одежду на полого уходящем к воде спуске. Увидев Найденыша, она слабо улыбнулась и даже сделала жест ручкой: словно намеревалась помахать ему, и лишь в последний момент остановилась.

— Привет, — сказал Дитрих, присаживаясь рядом. — И что же ты здесь делаешь одна?

Девчонка еще раз плеснула водой на куклу, а Махоня сумел ту рассмотреть: руки и ноги на шарнирах, искусно вырезанные черты лица, острая шапочка, остатки краски, коей кукла была некогда раскрашена.

— Я не одна, — сказала девочка чуть слышно, но безо всякого страха или опаски. — Я с Гансом, он обещал меня защитить, — чуть приподняла руку с куклой.

— И отчего же ты здесь? — снова спросил Дитрих.

— Потому что Ганса нужно помыть: уж больно он загрязнился. Вот я и ушла от фрау Гертруды.

— И ты пришла сюда только с Гансом? — серьезно спросил Найденыш, не сводя с девочки пытливого взгляда.

— Нет, нас провел сюда один господин.

— И где же он?

Девочка молча показала пальчиком под мост.

«Башмаки» без слова, с выставленным оружием, шагнули туда — и свет фонаря выхватил скорчившегося под опорой моста человека: грязного, некогда дородного, теперь же с обвислой на лице кожей и с грязной одеждой на теле. Некогда справная, та за недели и месяцы успела обветшать и загрязниться так, что не различить стало не только узора, но и самого цвета ее.

Человек смотрел на Дитриха и «башмаков» затравленно, а на Махоню — со странной надеждой.

Найденыш повернулся к Утеру.

— Похоже,— сказал,— этот человек тебя знает.

— Как и я его,— кивнул бывший бурш.— Это Арнольд Гольдбахен, некогда — советник магistrата. И я не могу сказать, к добру ли эта встреча.

* * *

Голым Арнольд Гольдбахен выглядел еще жальче, нежели в лохмотьях. Растигнутый на пыточном столе, он выворачивал шею, пытаясь следить и за Дитрихом, и за стоящим в ногах Херцером, что был нынче за пыточного умельца. Утер же Махоня, пока Хugo Долленкопфиус продолжал разбирать уцелевшие бумаги из магистрата, был назначен на место писаря.

Бывший советник магистрата, сперва лишенный положения и имущества, а теперь — и последней одежды, всхлипывал. Время от времени по телу его пробегала короткая дрожь. Живот у него ввалился, кожа на некогда пышных телесах висела складками. Смотреть на него было весьма неприятно.

Но еще неприятней оказалось записывать невнятные ответы Арнольда Гольдбахена.

Бывший советник магistrата оставался тверд в одном: напрочь отрицал, что имеет хоть какое-то отношение к смерти Унгера Гроссера и Йоханна Клейста. Рыдал, пускал слюни и сопли, но стоял на своем — воровал, притеснял добрый люд, обманывал и своеволил, но чтобы убить? Ни за что!

Вопросы о настоящем задавал ему все больше Ортуин Ольц. Найденыш же спрашивал лишь о делах минувших: знал ли Гольдбахен покойных Гроссера и Клейста до того, как Альтена отпала от власти барона фон Вассерберга? Не доводилось ли ему слышать, что произошло с Куртом Флоссом? Не он ли посыпал людей, чтобы искать рекомого Флосса и его семью?

И от каждого вопроса Арнольд Гольдбахен попеременно то бледнел, то зеленел, имея вид все более жалкий и все менее говорливый. Наконец он замолчал окончательно и лишь глядел покорно в прокопченный потолок Сойковой башни, где находилось нынче место, откуда новая власть вершила свое правосудие.

Ортуин Ольц смотрел на замолкшего советника, словно снулая рыба: неподвижно и без выражения. Потом, так же без выражения, начал говорить:

— Если подозреваемый, пойманный у места преступления, отказывается говорить и отвечать на поставленные вопросы, судьи имеют право назначить пытку и подвергать оное лицо мучениям, дабы развязать ему язык. Херцер, не покажешь ли подозреваемому Арнольду Гольдбахену инструменты, воздействию которых он будет подвергнут...

И тут Найденыш удивил и Утера, и Ольца. Он чуть поднял руку, давая понять, что хотел бы нечто сказать. Потом встал из-за стола, где сидел подле корпеющего над допросными листами Махони. Приблизился к растянутому на пыточном столе Гольдбахену, присел так, чтобы тот ясно и без напряжения видел его лицо.

— Мне хочется рассказать вам, советник, одну историю. И я хотел бы убедиться, что вы меня не только слышите, но и понимаете.

Гольдбахен чуть заметно кивнул.

Дитрих кивнул в ответ: серьезно, словно вел разговор не с голым нищебродом, привязанным подле пыточного инструмента, а с каким-нибудь епископом, не меньше.

— Некогда, — начал он, неотрывно глядя на Гольдбахена, — жил-был на свете мальчик. Родителей он не знал, а воспитывался при монастыре. Потом его отдали в семью добрых людей — получить профессию, и всякое такое. Но добрые люди продали мальчика в услуженье заезжему господину за восемь марок, однако мальчик сбежал от него. Святые люди открыли ему дарованную силу чуять колдовские трюки. И мальчик дал зарок, что никогда не пройдет мимо черной магии, не покарав ее. Еще поклялся, что если человека обвинят в колдовстве облыжно — то поможет ему. А вы ведь понимаете, что без колдовства в смертях Гроссера и Клейста не обошлось. И я чувствую, что вы виноваты в чем угодно, только не в колдовских делишках. Но Гроссера и Клейста вы хорошо знали задолго до их смерти. Как знали и двух других людей из их компаний. И душу вашу с той поры гнетет грех — со временем, когда вы носили соболей и распоряжались жизнью и смертью простых бургевров. Вы все еще не желаете нам ничего рассказать?

И тут-то Арнольд Гольдбахен сломался. Он затрясся, рот его обвис, а слова потекли, словно винцо из прохудившегося меха, — но не понять было, чью жажду то винцо сумеет утолить.

Дитрих переглянулся с Ортуином Ольцем, тот — с Херцером, и вскоре уже бывший советник магistrата сидел, скорчившись под наброшенной дерюгой, и все говорил, говорил, говорил...

Курт Флосс, говорил он, был беглым резчиком по камню. Чертовски хорошим резчиком по камню. Сбежал от барона фон Вассерберга, прятался в Альтене целый год и один день, а по прошествии срока сделался свободным бургером, и никто не сумел бы забрать его назад, не вызвав бунта в городе. Была у него жена, Элиза, и сын, Тильманн, Тиль. А потом... потом...

Тут Арнольд Гольдбахен сделался невнятен, раз за разом теряя нить рассказа. И даже когда Херцер принимался многозначительно хмурить рыжие брови — трепетал, но продолжал кряхтеть, пыхтеть да ходить вокруг да около Флоссова исчезновения.

Стало ясным лишь, что Курт Флосс решил бежать из города — и решение свое исполнил. Но что-то в его побеге не задалось. Запинаясь и то и дело замолкая, Гольдбахен лепетал о повозке, кою он, дескать, приготовил для беглецов, и о волнении своем, когда к условленному времени Флосс с сыном и женой к месту, где ждал их фургон, не вышли.

Отчего он волновался? Нетрудно сказать: к тому времени люди барона рыскали по городу, злые, как черти. Кто знал о повозке? Никто, кроме него да ближайших слуг. Ну, быть может, еще человек-другой в магистрате. Нет, нынче все они или мертвы, или сбежали из города. Отчего он послал людей на поиски? Ну а как же? Христианская ведь душа...

А вот о том, что люди, посланные на поиски, обнаружили, господин Гольдбахен тоже говорил сквозь спазм в горле, но по причинам иным. Похоже, зрелище оказалось таким жутким, что, зная о нем только со слов рейтаров городской милиции, Арнольд Гольдбахен не мог контролировать руки: те тряслись, словно у пьяницы в пост.

Зрелище, открывшееся отряду милиции, было таково: на полянке сразу у тропы нашелся Курт Флосс — мертвый, обезображеный и повешенный. Кто-то раздел его, охолостил, истыкал ножами да отрезал пальцы. Сын его, Тиль, мальчишка лет восьми, сидел рядом: голый, обесчещенный и тронувшийся умом. Он ничего не говорил — ни тогда и никогда после: сидел и баюкал на коленях завернутого в тряпье новорожденного младенца. А вот матери — ни живой, ни в виде тела — так никогда не отыскали.

Гольдбахен рассказывал голосом серым и мертвым, словно силы покинули его, и теперь слово за словом выдавливает он бессилием своим, а Утер Махоня чувствовал, как плечи его сводит мурашками. Слушая мерно шелестящие слова бывшего господина советника, Утер словно вживую видел: труп мертвого мужчины со вспотевшим брюхом и обмотанными кишками ногами и жмувшегося под деревом голого и избитого мальчугана над новорожденной своею сестрицей.

— И что же стало с мальчиком? — спросил Дитрих Найденыш.

Гольдбахен пожал плечами:

— Стал городским дурачком — в себя-то он так и не пришел. Золотые руки у мальца были, из дерева мог вырезать что угодно. Как видно, у отца унаследовал талант. А еще, знаете... — Арнольд Гольдбахен искательно заглядывал в глаза Найденышу, походя на забитого пса, не могущего решить, дадут ли ему кость либо снова пнут под ребро, — ...еще, знаете, он постоянно ходил в лес, на то место, где его нашли. Словно тянуло его что туда. А может — и тянуло, как знать.

Утер Махоня смотрел на кончик пера, сжимаемого побелевшими пальцами. Смотрел — и не мог поднять взгляда.

— Кровянка хороша, если размять ее как следует да залить пивом,— рассказывал Херцер, отрезая маленьkim ножичком кусочки репы. Отрезав, макал их в сметанный соус и закидывая в окаймленную рыжим волосом пасть.

На столе перед ним стояли опустошенные плошки и кружки; бумаги были сдвинуты на край стола.

Херцер продолжил было разглагольствовать, но Утер, проведший в Сойковой башне без малого все время до позднего пополудня, вдруг почуял, как к горлу подкатывается комок желчи. Все здесь — запахи, звуки, то, что видел глаз и осязали пальцы,— сделалось невыносимо, и Утер бросился стремглав к двери, скатился по трем ступеням, забежал за угол четырехугольного двухэтажного строения, примыкавшего к башне, бухнулся на колени, уперев голову в холодный камень, и с трудом совладал с рвотным позывом. Сидел, дыша ртом и стискивая до боли кулаки.

Потом над головой его с треском распахнулось малое оконце, и знакомый уже голос Ортуина Ольца произнес кому-то не без запальчивости:

— Да, мальчик, это — справедливость. Неприглядна и груба, но встретишь ее — и ты на коленях. Так было и так будет. И мы — не исключения, если собираемся ей служить.

— Вот только, служа ей, понимаешь, что прислуживаешь собственной гордыне,— второй голос оказался голосом Найденыша.

— И ты полагаешь, есть иной путь?

— Я не полагаю — я знаю. Я этот путь видел.

Пренебрежительное фырканье Ольца было словно щелчок пальцами.

— Это где же? При Блаженном Гидеоне-то? Но я слыхал, что и расстрига верит лишь в справедливость, причем — в свою собственную.

— Блаженный Гидеон — не расстрига.

Утер замер. Убежать, не выдав своего присутствия, было невозможно. Оставалось лишь сидеть, молясь Богоматери и святому Ульриху Аугсбургскому, чтобы ни один из беседующих не выглянул в окно.

— Ты ведь понимаешь, что он — наилучший кандидат на Божью справедливость?

— Но это не остановит убийцу и не накажет виновного.

— Если ты прав, смерть грозит лишь одному человеку. К тому же нелучшего разбора даже как для нынешних времен.

— А если я не прав? Или если убийца не остановится? Или если это не месть? Или если я и вовсе иду ложным следом? В том-то и разница между справедливостью и истиной: истина — единственна, а справедливость — для всякого своя собственная.

Скрипнуло дерево — словно один из собеседников вцепился в спинку стула или столешницу.

— Истина порой ослепляет, — проворчал Ольц.

— Слепит, я бы сказал.

— Как ни скажи — а только частенько случается, что после торжества истины остаются лишь обожженные сиянием ее калеки.

— Если я кого и сжигал...

— Да не о тебе же речь! — Голос Ольца сделался досадлив. — Сколько бы ты там ни сжег ведьмовских отродий...

— Восьмерых, — отмерил глухо Дитрих Найденыш, и от голоса его у Утера все скорчилось внутри. — А двое из обвиняемых были мною оправданы и отпущены на свободу.

— И что стало с ними, освобожденными тобою, после? Живы они в своих городах и селах или же им, оправ-

данным, пришлось бежать от гнева соседей и знакомцев? Потому что истина — жестока и беспощадна. И ей плевать на людей.

— Послушать тебя, так справедливость — не такова.

— Парень! — рявкнул Ортуин Ольц.— Хватит! Я не могу тебя остановить, но я говорю тебе: завтра, если дело не прояснится, я отправлю Арнольда Гольдбахена на пытку. И если он признается — а он признается,— то дело о смерти Унгера Гроссера и Йоханна Клейста будет считаться разрешенным.

— Но я...

— У тебя день.

Тяжелые шаги, скрип двери, стук, шорох.

И голос над головой скорчившегося под окном Махони:

— Утер, раз уж ты все слышал, отправляйся-ка в «Титики» да найди пару крепких мужиков: пусть прихватят лопаты и ждут меня у Луговых ворот.

И вот тут-то Махоню проняло по-настоящему.

* * *

За старой вырубкой дорога набросила петлю — и вышла к месту, что указал Уго Кирхратен, когдатоший рейтар альтенской милиции, в свое время нашедший мертвого Курта Флосса.

Место, признаться, было довольно жутким: стояли здесь старые, в три обхвата, дубы да вязы, и все казалось, будто кто-то смотрит злобно в спину. Оба соблазненных звонким талером мужика — Якоб Зевота и Якоб другой, Хольцер,— то и дело оглядывались и мелко крестились да целовали образки со святым Ульрихом да Приснодевой.

— Вот здесь оно было,— кивнул Уго на продолговатую полянку. Лежал здесь плоский камень — и камень еще один, прислоненный к первому и куда сильнее обомше-

лый. Лес отползл от камней подальше, и стояло подле них лишь молодое, годков десяти, кленовое деревце с раздвоенным у комля стволом, да торчал над камнем выглаженной костью мертвый вяз.

— Вот на ветке его, бедолагу, и повесили. А малец сидел сбоку, вон там, в двух шагах. Я его как увидел, думал: найду, кто сделал, так горло не вспорю даже — перегрызу! Дурное было дело, господин. Как есть дурное.

Сам Уго Кирхсратен был сед, но — словно из моченого дуба вырезан: коренастый да крепкий. Махоня так и видел его с палашом у пояса и в одежке альтенской милиции. Вот он сходит с остальными рейтарами с дороги, вот видит искромсанного висельника — а рядом скорчившегося, голого, окровавленного мальчугана. И младенчика, замотанного в тряпки...

— А место-то приметное, — проворчал Найденыш, подходя к плоскому камню и проводя пальцем по выглаженному боку да по бороздке на нем.

Уго покивал:

— Его у нас Чертовыми Монетами кличут. Бабка моя рассказывала, что раньше, до того как Христос на земли наши пришел, здесь всяческое непотребство свершалось. Бесовы пляски да игрища.

Оба Яакоба снова закрестились, а тот, что постарше, Зевота, даже и сплюнул через левое плечо, отгоняя нечистого.

Солнце давно перевалило за полдень и, сползая все ниже, путалось в ветвях. Утер подумал, что здесь, в лесу, сумерки наступают раненько да тянуться могут долгонько.

Дитрих между тем мелкими шажками обходил камни, но смотрел только на клен.

Тот и вправду был необычен: хотя остальные деревья стояли зелеными, клен был облачен в ало-багровые листья, словно кровью обрызган. Раздавался в комле,

однако один из стволов был некогда чуть выше развилики обрезан — и теперь прорастал пучком молодых веток.

Потом Дитрих остановился — словно в стену ткнулся. Стоял, удерживая руки на выглаженном базальтовом боку камня. Резко выдохнул, отерев пот с побелевшего разом лица. Повернулся к Уго Кирхратену.

— А дерево, когда вы нашли Флосса, тут уже было?

Тот пожал плечами.

— А бес его знает. Может, и не было, но голову на то не прозакладываю.

— А не нашлось ли тогда чего странного вокруг?

— Страннее мертвеца с выпущенными кишками, повешенного на сухой ветви, и обесчещенного мальца с новорожденной крохой на коленях? — В голосе Кирхратена скрежетнул даже не смешок: насмешка.

Дитрих, впрочем, оставил слова его без внимания. Оборотился к Якубу Хольцеру, протянул повелительно руку — тот вложил в ладонь Найденышу заступ. Якоб второй, Зевота, смотрел хмуро.

Найденыш, сжимая заступ, словно пику, в два шага оказался подле деревца, вздохнул раз-другой, будто готовясь прыгнуть в стремнину, и воткнул лезвие в дерн. Подрезал, подцепил пальцами, рванул вверх и в сторону. Открылась мертвенно-серая лесная почва, переплетенья белесых корней, жучки-червячки.

Дитрих бросил заступ назад Якобу.

— Здесь копайте, — сказал.

Мужики переглянулись хмуро, но возразить не посмели, вонзили заступы. Работали сосредоточенно, хекая, рубя инструментом пронизанную корешками землю и отбрасывая ее в сторону, влево и вправо от ямы.

Долго копать не пришлось: заступ скрежетнул, хрупнул — и Якоб Зевота икнул и встал на полусогнутых. Якоб Хольцер же пробормотал: «Пресвятая Богородица, хрен

мне в глотку...» — и дернул рукою, словно собираясь перекреститься.

Махоня, вслед за Дитрихом и Уго Кирхратеном, подошел поближе. Из-под земли на него щерился череп со струпьями сохранившейся кое-где кожи и клочьями свалившихся белокурых волос.

— Похоже,— сказал Кирхратен, глядя то на череп, то на Дитриха,— похоже, вы, господин, только что нашли Магду Флосс.

И Махоня заметил, что взгляд его сделался не похорошему оценивающим.

* * *

Когда оба Якоба, бросив застулы у камня, вместе с Уго Кирхратеном отправились скорым шагом в сторону города за повозкой, чтобы перевезти кости покойной Магды Флосс на освященную церковную землю, Утер Махоня наконец обрел голос.

— Как вы догадались, господин Дитрих? — проговорил, заранее страшась возможного ответа.

И страшился не зря, поскольку Найденыш, глядя не на него, а на кости в раскопанной могиле, ответил:

— Порой, Утер, у меня бывают... — он замялся.— Назову их «видениями» — слово не слишком погрешит против истины.

Перевел взгляд на помертвевшего Махоню, усмехнулся грустно:

— Не бойся, никакой бесовщины. Это... даже не дар — подарок. Хоть я и не знаю, чем за подобный подарок отдаваться. Просто я чувствую присутствие колдовства или сил нечеловеческих.

Махоня облизнул сухие губы.

— И что же... — начал, не зная, о чем хотел спросить.

Но Дитрих только улыбнулся:

— Полагаю, мне нынче понадобится свидетель. А бывший жак в таком деле куда лучше темного бедняка.

Он вынул нож, коротким экономным движением рассек ладонь (кап-кап-кап, упали тяжелые темные капли), потом ухватил за руку и вздохнуть не успевшего Утера, ткнул острием в ладонь, чуть ниже внутренней части запястья. Крепко сжал — рана к ране — руку студиозуса-недоучки.

— Что... — вякнул тот, но от раскопанной ямы дохнуло холодом так, что заныли зубы, и Утер смолк, чувствуя, как колотится сердце.

А из-за ствола клена шагнула невысокая светловолосая женщина в красном платье и черно-белых юбках. Моргала и шурилась, словно шагнув на яркий свет из темной комнаты. Лицо же ее было бледным, словно обескровленным. Утер старался глядеть ей на руки, на платье, на юбки — только бы не встретиться глазами.

Женщина вздохнула, сделала шаг-другой вперед. Взгляд ее остановился на Дитрихе.

— Ты, — прошелестела, словно ветерок в ветвях клена. — Я вижу тебя.

— Я тоже вижу тебя, Магда Флосс.

Женщина опять замерла.

— Да, — сказала, подумав. — Да, так меня звали. Когда-то. Магда Флосс. У меня был муж... Курт...

Ветер дохнул в листья — или всхлипнул призрак погибшей злой смертью женщины?

— Они... Они убили его. Убили... Повалили моего мальчика, Тиля... Держали за руки... Заставили смотреть... А потом взяли меня... взяли, и...

Она замолчала, трепеща, словно сгусток утреннего тумана. Холод сделался почти невыносим, и только в запястье, там, где обхватывала его ладонь Найденыша,

толкалось горячим, обжигающим: раз за разом, созвучно сердцебиению.

— Они повалили меня... Длинный достал нож... нож... «Запор мы уже сломали,— сказал,— а теперь поглядим, что в сундучке». Я помню... помню... доченька... сунули ее в руки Тилю, а Курт... Курт уже висел... и другой из них, со сросшимися бровями, я помню...

Она упала на колени, обхватывая плечи руками.

— Верни мне его,— сказала, глядя на Дитриха снизу вверх.— Верни. Моего сына.

— Говорят,— Утер чувствовал, как Найденыш тяжело и быстро дышит, сглатывает перехваченным горлом,— говорят, что он умер. Тиль. И говорят, что он был хорошим мальчиком.

Блаженным, добавил немо Махоня. Был блаженным мальчиком. Дурачком. Дурачком с золотыми руками.

— Нет,— покачала головой женщина.— Нет, не он. Умер мой старшенький, Тиль. Приходил ко мне, пел песенки. Я знаю, он в чертогах Господа. Но я говорю не о нем.

— А о ком? — спросил Найденыш, и в голосе его звучало неподдельное внимание.

— О младшеньком. О том, что был со мной, а потом — ушел. Ушел прочь. Он где-то неподалеку, я знаю. Верни мне его. Верни!

Дитрих разжал ладонь, выпуская из хватки запястье Утера, и видение развеялось, словно туман над водой.

— Младшенький? — хрипло спросил Махоня.

А Дитрих, наскоро перетянув ладонь куском отодранной от подола рубахи материи, бросился к могиле: выкидывал горстями землю, расчищая костяк покойницы. Потом сел на краю ямы, бессильно свесив ладони меж коленей.

Утер заглянул ему через плечо: под ребрами мертвой Магды Флосс угадывались — истлевшие, но явственные — крохотные косточки. Похоже, что покойница унесла с собой в могилу второго — нерожденного — ребенка.

* * *

— Где его похоронили?

Кирхсратен пожал плечами.

— За оградой, в яме для бродяг.

Глаза Найденыша стали бешеными.

— И отчего же?

Кирхсратен снова пожал плечами.

— Пришлый человек, семьи и родственников не осталось, друзей он завести не успел или не захотел. А магистрат платить за погребение отказался. Гольдбахен тогда...

— Гольдбахен?

— Да. Он целой речью разразился насчет пришлецов, души города и всякого такого. Мол, и тело осквернено, и неправильным будет хоронить такого в ограде.

— А священники?

— А что священники? На магистратские пиршества их приглашали часто, вот никто и не вякнул. Да и бароновы люди тогда по городу прохаживались — надутые, что твои петухи. Так что скончили камнереза по-тихому. Хорошо еще сынка его, блаженного, пристроили — могли бы и взашей выгнать, как тот же Гольдбахен советовал.

— И кто его принял?

— Да при трактире у Фрица Йоге он обитал, в «Титьяках». Парень-то мастеровитый оказался, весь в папанью-покойника. По дереву резал, как никто другой. Вы-то, знаю, в «Титьяках» на постое, а значит, в зале резьбу по столбам и над дверьми видели. Так вот — мальца работа.

Опять же, денег за труд не просит, за еду и угол работает, немой, тихий, работающий — отчего бы и не взять? Вот они вместе с сестрой...

— Сестра. Конечно. Кроха Грета, верно?

— Ага. Гертруда ее и выкормила. Мамка из Гертруды та еще: бабища она суровая, да за детьми приглядывает вполглаза. Хотя, врать не стану, в обиду девчонку она никому и ни разу не давала.

— А мальчишку? Тиля этого?

— А что — мальчишку? К девчонке, к сестре своей, он прикипел так, что не оторвешь. Говорили, он частенько в лес ходил, здесь его, на месте смерти родителей, видывали, если не брехали. А малышке все безделушки какие-то вырезывал: куклу ее видали? Его работа. Последняя, кажется, игрушка — как раз перед тем, как в горячке он слег, сестрице куклу и смастерили. Грета, значит, с ней, как я слыхивал, с той поры и не расстается: тетешкает ее, одевает.

Дитрих глядел на близящиеся стены Альтены, повозка поскрипывала, вихлялась лесной неровной тропкой, гроб с костями Магды Флосс подпрыгивал на темных досках. И когда до ворот оставалось шагов, быть может, с полста, Дитрих повернулся к Утеру Махоне:

— Кажется, господин жак, нам нынче предстоит и еще один разговор с добрыми бургераами Альтены.

* * *

За Луговыми воротами Дитрих спрыгнул с повозки, маxнул Кирхратену и обоим Якобам:

— Отвезите ее к церкви,— повелел.

Утер соскочил на землю — и встал рядом с Дитрихом, оглядываясь.

Раньше стояли здесь, у Луговых ворот, двух- и трехэтажные домики: постоянные дворы, трактиры, заезды и конюшни для приезжих. Теперь — почерневшие стены да громоздящиеся друг на друга рухнувшие балки. Было пустынно, только выглядывали из-за мусорных завалов двое чумазых ребятишек да кемарил под устоявшей стеною безногий нищий.

Дитрих присел, подкинул на ладони монету, повертел ее в пальцах. Поманил детишек.

Те приблизились, будто любопытные дрозды: глядя искоса, готовые в любой миг упорхнуть.

— А что, пострелы, знаете ль вы такого себе Арнольда Гольдбахена?

Те осторожно, не сводя глаз с монетки, взлетающей вверх-вниз, кивнули.

Найденыш швырнул им медный грошик, а когда один из мальцов ловко перехватил его грязной лапкой, в пальцах Дитриха плотвичкой заблестела монетка серебряная.

— Мне нужно знать, где он обитает, где спит, — сказал мальчуганам.

Было это игрой рисковой: здешний народец мог соудзиться не только серебряной маркой в пальцах Дитриха, но и кошелем на его поясе. Но, как видно, резоны у Дитриха были — а мальчуганы оказались не прочь заработать к медному пфеннигу и серебряную марку: тот, что постарше и не такой чумазый, поманил Дитриха и Махоню ручкой.

Лежка господина Гольдбахена была в полуразрушенной комнатенке: вела сюда притворенная заклиненная дверь, а три стены все еще оставались целыми. В углу были кинуты какие-то тряпки, а на тряпках сидел заросший мужичонка и перекладывал найденный в лежке Гольдбахена скарб: щербатую кружку, веревки,

железки, аккуратно свернутый старый кафтан, еще какое-то барахло. И перевязанный сверток пергаментных листов.

Дитрих потрепал приведшего их сюда мальца по загривку, отдав, как показалось Утеру, обещанное серебро, и подтолкнул к выходу.

— Ступай-ка, — сказал, не сводя взгляда с человека.

Тот шмыгнул носом, и в опущенной руке его взblesнуло вдруг железо.

Найденыш покачал головой.

— Ты ведь знаешь, кто я, — сказал негромко.

Мужичонка снова шмыгнул носом и ничего не ответил.

— Мне есть дело лишь до тех бумаг, — продолжил Дитрих. — И лучше тебе их мне отдать — и я заплачу серебром; иначе завтра мои собратья заплатят железом.

— Золотом, — каркнул сидящий. — Я хочу, чтобы мне заплатили золотом.

— Увы, золота у меня нет. — Дитрих прикоснулся к кошелью. — Однако здесь — десять полновесных марок, не считая скольких-то там медных пфеннигов. Это можешь получить сразу — если, конечно, не станешь дурить.

Мужичонка кашлянул и скосил на миг глаза им за спину.

Утер среагировать не успел, но Найденыш толкнул его в плечо, отшвыривая под стену, сам же пригнулся, развернулся, уйдя от замаха дублем, и, когда второго лиходея, что прокрался за их спины, занесло, ловко пнул его под колено и приставил к горлу невесть как оказавшийся в руке нож.

— Утер, — сказал он, держа напавшего за космы. — Возьми-ка бумаги.

Махоня приближался к сидящему человеку, словно к бешеному псу: мелким шагом, в полуприседе. Тот следил за ним, поводя головою вслед бывшему буршу. Когда же

тот протянул руку за свитком — даже зарычал, чуть вздергивая губу.

Нож, однако, в какой-то момент исчез из его руки.

Найденыш же, когда Утер был уже в дверях, перехватил обратным хватом нож свой и коротко ткнул вихрастого за ухо. Тот беззвучно повалился лицом вперед.

А Найденыш сорвал с пояса кошель и бросил сидящему мужичонке.

— Выпей за мое здоровье, добрый человек, да напои своего товарища, — сказал, отступая спиной вперед. — И прочти десяток «отченашей», прежде чем встанешь с постели: так-то оно будет поспокойней для всех.

И вышел из комнаты.

Позади, в логовище Гольдбахена, царила растерянная тишина.

— Тиль был славным малым, ваши милости. А что дурачок, так к блаженным Господь благоволит, это всякий скажет.

Толстая Гертруда то и дело отирала о передник мокрые распаренные руки. Была она нынче пришибленной: будто весть о найденной в лесу могиле и о страшном грузе, привезенном двумя Якобами к церкви Святого Ульриха, подорвали если не силы ее, то веру.

Просьба показать вещи, оставшиеся от Тиля Флосса, и игрушки, им сделанные, не вызвала в ней сопротивления, хотя Утер знал, что характер у Толстой Гертруды тяжел, как и ее рука. Но она просто провела их в комнатенку под лестницей, которую занимала вместе с Крохой Гретой от щедрот Фрица Йоге.

Вещей, оставшихся от мальчика, было немного: чуток одежки, перешитой под Кроху Грету, короткий нож

для резьбы, долото и маленькая киянка. Пояс, явно доставшийся от отца: широкий, с узорчатой медной бляхой, потемневшей от времени. И несколько искусно вырезанных из дерева игрушек: цветок розы, лошадка с густым хвостом и поистрепавшейся гривой, раскрашенный луковым отваром воробушек с чуть разведенными крыльями.

Толстая Гертруда равнодушно и отстраненно стояла в дверях, наблюдала, как Дитрих перебирает игрушки.

— Я любила смотреть, как он вырезает,— сказала вдруг.— Хоть игрушки, хоть просто по дереву. У него тогда такое умиротворенное лицо делалось — словно ангелы мальчишке пели.

— И никаких странностей? — спросил Дитрих, неотрывно глядя на лошадку.

— У мальчугана-то, с которым случилось все, что случилось? Да тут любое, что ни сделай, покажется странностью. Хотя...— Толстая Гертруда, казалось, замялась.

Дитрих отставил лошадку, посадил на ладонь деревянного воробушка и взглянул на служанку.

— Разве что — что?

Бабища опустила глаза. Тискала в кулаках фартук.

— Как бы это сказать... Казалось, что вещи, которые он делает,— что они живыми получались. Не знаю, как объяснить. Словно ты отвернешься — а они изменились. Другими стали. Но ты повернешься — и ничего не сумеешь заметить. Понимаете?

Дитрих медленно кивнул.

— Пожалуй, понимаю,— сказал и погладил деревянного, поистертого уже воробушка пальцем по резным перышкам.

И Утер готов был бы прозакладывать голову, что воробушек вдруг сильнее встопорщил перышки и чуть повернулся набок головку, рассматривая его, Махоню.

* * *

Кроху Грету они не нашли ни в корчме, ни во дворе, где она, как подсказала Толстая Гертруда, любила играть.

— Снова упорхнула гулять,— пожала плечами служанка.— Уж сколько раз я ей говорила, уж как ни пугала... К воде, может, пошла: любит она воду, то лодочки из щепок запускает, то куклу ту свою моет.

Дитрих постоял, закусив губу, потом развернулся спиной к «Титькам».

— Похоже,— сказал,— самое время наведаться к Арнольду Гольдбахену да разузнать о его бумагах, нет?

Однако до Сойковой башни добраться им не удалось. За оградой церкви Святого Ульриха, меж двух толстенных вязов Махоне привиделся промельк знакомых светлых волос — и он махнул рукою, указывая Дитриху.

Это и вправду была девчонка: Кроха Грета сидела на валуне, чинно сложив ладошки на коленях, и неотрывно глядела туда, где под церковной оградой все еще стояла телега с останками Магды Флосс — ее матери.

Дитрих подошел, сел рядом.

Девчонка поглядела на него, словно постящийся клирик на скромное. В кулаке она сжимала отчаянно-желтое перышко: иной раз, отрываясь взглядом от телеги с останками Магды Флосс, подбрасывала его, глядя, как оно падает, кружась.

Дитрих же извлек откуда-то зеленое яблочко, протянул Крохе Грете.

Та взяла, откусила, сморщила носик.

— Кислое,— сказала, но грызть яблоко не перестала.

— А что,— сказал тогда Найденыш, легко улыбаясь,— приладила ль ты своей кукле мою ленточку вместо пояса?

— Не кукле,— сурово поправила девочка.— Гансу. И нет, не приладила. Ганс ее где-то потерял.

— Не беда, позже подарю тебе еще одну, зеленую. Когда ты к Толстой Гертруде вернешься.

Девочка тихонько вздохнула.

— Госпожа Гертруда не любит, когда я ухожу из дома.

— А зачем же тогда ты уходишь? — спросил Дитрих.

Кроха Грета пожала плечами.

— Так Ганс просится погулять,— сказала Дитриху, словно мальцу-несмышленышу.— Мне с ним не страшно. Он меня всегда-всегда от чужого защитит. Даже когда по делам отходит, все равно со мной ничего не случается.

— А где же Ганс сейчас? — спросил Найденыш, оглядываясь по сторонам,— словно полагал, что деревянная кукла лежит где неподалеку.

Кроха Грета беспечно махнула ладошкой куда-то за церковь.

— Пошел по своим делам,— сказала.— Скоро он вернется. Он всегда возвращается. Вот только приходится его умывать, таким он замурзанным приходит. Словно в требухе валялся.

Дитрих переглянулся с Махоней.

— А нынче,— как ни в чем не бывало продолжала девчонка,— нынче он попросил, чтобы мы сюда зашли. Велел мне сидеть на камне и следить за лошадкой и телегой. А правда, что там покойницу привезли? — спросила она вдруг.

Дитрих кивнул.

— Правда. А ты откуда знаешь?

— Так Ганс мне и сказал.— Девчонка догрызла яблоко и аккуратно ссыпала в ладошку семечки.

— А Ганс не сказал, куда он собрался пойти? — спросил Найденыш — голосом таким вкрадчивым, каким разговаривал он давеча с Арнольдом Гольдбахеном, привязанным к пыточному столу.

— Да к дяденьке одному: сказал, что есть у него, Ганса, для того дяденьки какое-то особенное послание от фрау Магды. Так и сказал: «фрау Магда», а кто она — не сказал. Он придет, и мы тогда к госпоже Гертруде вернемся, вы не опасайтесь.

— Что ж,— сказал, поднимаясь, Дитрих,— я, пожалуй, и вправду не стану опасаться.

Вот только лицо его сделалось бледным, словно мукой обсыпанным.

* * *

— Я вижу, сучонок, ты и вправду смерти ищешь?

Грумбах был не просто сердит — он, как сказал бы небось рыжий Херцер, на говно исходил.

Однако Дитрих Найденыш, вместо того чтобы отступить, трясясь от Грумбаховой ярости, как трясясь стоявший за спиной его Утер, лишь спокойно глядел на багрового с лица капитана «богородичных деток».

Потом произнес тихо и как-то бесцветно, словно говорить ему и не хотелось вовсе:

— Нет, господин Грумбах, смерти, похоже, ищете вы — и, уверяю, отыщете, если решите, что слова мои пустой звук.

— Пугаешь? Да ты, петушок, еще титьку сосал, когда я первому своему врагу кровь отворил. А если ты...

— Во-первых, господин Грумбах, я не пугаю, иначе пришел бы не с вашим соглядатаем, а со своими кнехами. Во-вторых, титьку мы все сосали, а вот глупость и

преступленье совершили со своими дружками вы. Умертвить человека над старым алтарем и закопать еще одного у основания жертвенника — это кому пришло такое в голову? Надеюсь, не вам?

— Ты что такое... — даже не покраснел — посинел Альберих, однако Дитрих не дал ему договорить.

— Хватит, — рявкнул, потеряв, как видно, терпение, — Утер-то его и не видал таким ни разу. — Двое из вашей четверки уже мертвы, обоих убили сходным способом. Теперь я говорю, что опасность угрожает и вам, а вы начинаете елозить, как шлюха под солдатским хером.

— Да мои люди тебя, щенок...

— Уж ваши люди тут всяко не помогут, поверьте.

Дитрих обвел взглядом комнату, занимаемую Грумбахом здесь, в «Трех дубах», и Махоня невольно проследил за его взглядом. Комната была под стать своему хозяину: обставлена богато, но безвкусно. Громоздились под стенами лари и сундуки, перина на кровати в углу была пуховой, а грязная посуда на столе — фарфоровой да стеклянной. Но все богатство его, как и сам капитан, пахло, казалось, страхом и кровью.

— Вам ведь Флосса тогда выдал Гольдбахен, — проговорил Найденыш, словно речь шла о чем-то известном. — Взял деньги и с него, и с вас. И направил несчастного камнереза прямиком в ваши руки.

— Все закончилось, — сказал хрипло Альберих Грумбах. — Все давным-давно закончилось. Никому нет дела до мертвого беглого камнереза и его семьи.

— За исключением его самого и его семьи, — эхом откликнулся Найденыш.

— Мертвые — мертвы. Что похоронено — гниет под землей, как всегда было и как всегда будет.

Альберих Грумбах, казалось, совершенно пришел уже в себя — по крайней мере с лица его сошли краснота и синюшность. Он и на Найденыша смотрел теперь не столько со злостью, сколько с интересом даже.

— Ты ведь не совестить меня вздумал? — оскалился поволчья.— Это Клейста нужно было совестить, он, думаю, оттого и со службы ушел. Только — помогла ль ему та совесть?

Найденыш чуть пожал плечами:

— Не в том вопрос, господин Грумбах. Вовсе не в том.

— А в чем же?

— В том, что поможет теперь вам.

— Ступай, петушок,— проговорил Альберих Грумбах с издевкой.— Ступай читать свои проповеди кому другому. Уж я сумею постоять за себя и сам.

— Как знаете, — кивнул Дитрих.— Может, оно и к лучшему. Поскольку это тот случай, когда восторжествовать бы не истине, а справедливости.

Он совсем уже было собрался уходить, но вдруг вскинул голову, взглянул на капитана в упор.

— Кстати, я нашел те бумаги,— сказал, и лицо бывшего баронского княхта дрогнуло.

— Какие бумаги? — спросил он, но то, как сломался голос, и как пришлось ему откашливаться, выдало его с головой. Дитрих лишь склонил голову к плечу — словно и не ждал от Грумбаха иного.

— Гольдбахен в ночь смерти Кровососа говорил с ним в «Титыхах». И, полагаю, вы догадываетесь, о чем именно говорил, поскольку не зря же вы наведывались потом к архивариусу. Вот только бумаги нашел я. И если вы, господин Грумбах, останетесь нынче живы, нам будет о чем потолковать.

Сказав так, Дитрих Найденыш повернулся к Грумбаху спиной. А вот Махоня — не успел.

Не успел, а потому увидел, как в руке капитана появляется нож — длинный, узкий, не нож даже, а стилет. Лицо у Альбериха Грумбаха было сведено, словно супердурою, страхом и ненавистью. И так вот, со страхом и ненавистью на лице, капитан шагнул, отводя стилет для удара.

И тогда Утер совершил поступок, смелейший в его дотогдашней жизни,— а может быть и в жизни грядущей, сколько бы ни было той отмеряно ему до смерти.

Он шагнул под нож, пытаясь перехватить руку Грумбаха,— будто вчерашний жак и вправду мог совладать с умелым воином, как Давид — с Голиафом. Но увы, Голиафы нынче повергают Давидов: Махоня накололся на стилет, как ветчина на нож. Бок прошило болью, он охнулся, а Грумбах пихнул его ладонью, отшвыривая в сторону. Но лишний миг Утер Дитриху дал — словно в отместку над давешними злыми словами того, назвавшего Махоню грумбаховским соглядатаем.

И Дитрих почти успел: нырнул в сторону, пытаясь подбить капитану ногу, да только забитая вещами комната подвела его: нога стукнулась о край сундука, оскользнулась на половице, поехала в сторону, и Альберих Грумбах, пусть и не воткнул в Найденыша нож, но хотя бы сбил его на пол. Найденыш упал, а сверху рухнул, тыча стилетом, Грумбах.

Найденыш сумел подставить локоть под запястье противника, но капитан наваливался, стонал сквозь зубы, пытаясь перебороть сопротивление врага.

— Сученыш,— выплевывал бессвязно, но яростно.— Меня пугать... Хер там тебе за щеку, а не... Бумагами меня...

Махоня заскреб по полу, стараясь подобраться к борющимся, но бок прострелило болью — словно кто ткнул раскаленным прутом. Он охнул, в глазах потемнело, но лицо Альбериха Грумбаха, с оскаленным ртом и встопорщенными усищами, продолжал он видеть отчетливо. И потому заметил и момент, когда глаза капитана выкатились еще сильнее, выплевываемые слова перешли в бессвязный рык, а изо рта брызнула кровь. А из груди его, чуть пониже ямки между ключицами, брызнуло красным, как будто кто его прошиб насквозь клинком. Или заостренным колом, подумалось Махоне, поскольку из дыры в грудине Грумбаха появилась заостренная деревяшка, а потом — и Утер никак не мог понять, видит он это на самом деле или же сие лишь предсмертное видение, — потом из раны показалась голова деревянной куклы.

И кукла эта была удивительно похожа на ту, что на задах кабака сжимала в руках Кроха Грета.

И это оказалось последней мыслью Утера Махони. Потом тьма сомкнулась над ним — и не стало ничего.

* * *

Утер пролежал пяток дней — и почти сутки без движения и сознания. Обихаживала его Толстая Гертруда, Утеру же все мерещилось дурное: то мертвое лицо Альбериха Грумбаха, оскаленное и с кровью на губах, то Кроха Грета, что протягивает к нему свою ручку, вот только ручка у нее — деревянная.

За пять дней этих Дитрих Найденыш зашел к нему лишь единожды — на второй день, когда Утер уже пришел в себя, хотя то и дело впадал не то в сон, не то в оцепенелость. Зато дважды на день приходил рыжий Хер-

цер, заполняя, казалось, все свободное место в комнатке. Приносил кружку пива, громко отхлебывал, утирая пену с усов.

Он-то и рассказал обо всем, что успело случиться после Утерова ранения. Как Дитриха чуть не вздернули, когда «богородичные детки», услыхав шум, ворвались в комнату своего капитана и нашли его мертвым, а Дитриха — всего в чужой крови. Как Ольц с Херцером и кнегтами их отбили, и как «детки» едва не взбунтовались. И о том, как все успокоилось, когда Арнольд Гольдбахен под пыткой сознался, что колдовством наводил смерть на добрых мещан Альтены.

— Послезавтра, в пятницу, спалят его близ магистрата, на площади,— сказал Херцер.

Как же это, пронеслось в голове у Утера, ведь за убийствами стоял вовсе не бывший советник. Но вспомнился и спор Ортуина Ольца с молодым ведьмобоем — об истине и справедливости: как видно, справедливость-то нынче и одержала верх.

И вот в пятницу, когда назначено было воздаяние справедливости «страшному колдуну и некроманту» (как звали Гольдбахена в Альтене), Утер Махоня встал с постели. Рана его, туго перебинтованная, не кровавила, а вот мышцы ослабли и отказывались слушаться. Раз-другой он прошелся по комнате, держась за стены и чувствуя, как предательски гнутся колени да шумит в голове. В другой день он бы лег и не поднимался хотя бы до обеду, однако с улицы доносился шум, становясь все громче, и потому, кое-как одевшись, Махоня двинулся вниз по лестнице, в общий зал «Титек».

Однако здесь силы покинули его, и Утер рухнул на лавку в углу корчмы. Фриц Йоге, оставшийся на хозяйстве, выставил кувшин светлого пива, отмахнувшись от слов Махони о деньгах.

И каково же было удивление того, когда скрипнула лестница, и вниз сошел Дитрих Найденыш — бледно-зеленый, с помятым лицом и красными глазами. Ведь мной был пьян — причем, похоже, вчерашним еще хмелем.

— Господин бурш,— сказал он, упав на лавку и с отвращением глядя на пододвинутое ему Утером — из человеческого любия и милосердия — пиво. Наконец, тяжело мотнув головой, отставил кувшин, так и не притронувшись к хмельному.— Слыхал уже,— проговорил,— как нынче справедливость побивает истину?

— Вы о Гольдбахене? — спросил Утер, а Найденыш резко кивнул — словно кто перерезал ему шейные позвонки.

— О нем.

Из раскрытых окон и дверей донесся отдаленный шум большого скопления народа — видно, подготовка к экзекуции шла полным ходом. Из-за перегородки на кухонную половину выглянул, прислушиваясь, Фриц Йоге. На лице его написано было едва ли не вожделение.

А вот на Дитриха было жалко смотреть.

— Я так и не поблагодарил тебя, жак,— сказал он — похоже, чтобы как-то отвлечься от шума снаружи.

— Пустое,— повел Утер ладонью, стараясь не делать резких движений: в бок начала толкаться боль.— Признаться, скажи мне кто, как все выйдет, я б сбежал, не оглядываясь.

Дитрих бледно улыбнулся.

— Так говорит всякий, кому довелось поучаствовать в настоящем бою. Но помнят-то сделанное, а не то, что сделать хотелось.

— Позволите ль спросить,— Утер вытянул поудобнее левую ногу.— Что было в тех бумагах, из развалин?

Дитрих Найденыш помолчал, глядя на свои ладони, скрещенные на столешнице.

— Займовые векселя,— ответил наконец.— Арнольд Гольдбахен пытался получить с Кровососа старый долг.

— Значит, там, в «Трех дубах»...

Дитрих снова улыбнулся — все так же вымученно и бледно.

— Но ведь получилось,— сказал.— Да и Грумбах не был настолько умен, чтобы понять — нет никаких документов, их изображающих. Думаю, Клейста то, что он увидел и пережил тогда, сломало. А Альбериха Грумбаха — озлобило.

Тут за окнами взревели сильнее прежнего, а через миг-другой рев этот перекрылся человеческим криком: пронзительным и отчаянным. Утер спрятался от него в кружку, потупив глаза и потягивая пиво, сделавшееся вдруг по вкусу словно пепел. А вот Дитрих — так и сидел, оскалившись в болезненной гримасе.

Потом крик затих — как обрезанный ножом,— а с ним вместе затих и рев толпы.

— А что же...— каркнул Махоня и снова хлебнул из кружки, чтобы протолкнуть вставший в горле ком.— Что же с истинными?..

Но Дитрих приподнял руку, и Махоня замолчал.

— Преступник найден и покаран,— сказал ведьмобой.— Больше убийств не будет.

Некоторое время они сидели молча.

— Он просто мальчик,— сказал Найденыш.— Неупокоенный дух некрещеного младенца. Думаю, его брат, вырезав куклу из выросшего над могилой дерева, сумел...— Он замолчал, провел ладонью, словно стирая нечто, написанное на столешнице.— Все в прошлом. Всего лишь маленькая девочка и ее кукла.

Какое-то время они сидели: молча и словно в оцепенении, а потом «Титьки» начали заполняться возбужденным народцем, принесшим запах жженой плоти. Дитрих встал, кивнул Махоне и направился к выходу.

И столкнулся с Толстой Гертрудой и девчонкой. Кроха Грета была нынче приодета если не в новое, то в чистое. В руках же сжимала деревянную свою куклу.

Дитрих присел подле девочки и что-то сказал, положив той руку на плечо. Кроха Грета ответила несмело, а ведьмобой протянул ей ленточку — зеленую. Потом встал и вышел, уже не оглядываясь.

— Что он говорил? — спросил Утер у Толстой Гертруды позже, когда собрался уже подниматься назад в отведенную ему комнату.

Та пожала мощными плечами.

— Да странное. Мол, присматривай за братом, и что-то о том, что остался один человек... Надо, наверное, сводить Кроху на могилку Тиля, пусть и вправду начнет за братцем-то присматривать.

Утер оглянулся, ища взглядом девчонку, — и вздрогнул: ему показалось, что кукла у нее в руках следит за ним пристальным мертвым взглядом.

— Ты точно решил? — Херцер гарцевал над ним на чалом своем жеребце, похожий в желто-красных своих одеждах на языки пламени.

Утер кивнул и полез в телегу. Сидеть было неудобно, ящики и свертки с взятыми в Альтене припасами впились в тело, но Махоня с грехом пополам устроился.

— Вам теперь от меня не избавиться, — сказал, кутаясь в плащ: утра становились все зябче.

Долленкопфиус бледно улыбнулся бескровными губами.

— Ну, по крайней мере, гусиным пером ты орудовать обучен,— сказал, а Херцер добавил:

— Да и с пером железным успел познакомиться.

И заржал, откидываясь в седле.

Телеги двинулись, отряд миновал Луговые ворота, Махоня еще некоторое время смотрел, как те удаляются, становятся все меньше: с дом, с сарайчик, с детскую игрушку. Последняя мысль заставила его передернуть плечами, и Махоня развернулся, чтобы глядеть не назад, а вперед.

Владимир Покровский родился в Одессе в 1948 году, но с детства живет в Москве. В 1973 году закончил Московский авиационный институт, после защиты диплома десять лет трудился в физической лаборатории Курчатовского института. С 1983 года – научный журналист. Работал в таких изданиях, как «Сегодня», «Куранты», «Общая газета», «Независимая газета». Публиковать научно-фантастические рассказы начал в конце семидесятых. Стал известен своим рассказом «Самая последняя в мире война», повестями «Танцы мужчин» и «Парикмахерские ребята». Владимир Покровский считается одним из лидеров «Четвертой волны», группы писателей-фантастов, поставивших своей целью «сделать из фантастики литературу».

Владимир Покровский

Возрастные войны

Амонтильядо

Алик пришел не вовремя.

То есть не так чтобы совсем уж не вовремя (у Геннадия Егоровича особенно неотложных дел уже лет двадцать как не было, разве что вот одно — консультантом он числился в одной странной конторе под названием «Ресургенты»), но обычно внук приходил к нему пару раз в месяц и обязательно предупреждал о визите. А сейчас просто пришел. Чего-то в этом роде почти столетний старик ждал уже давно. Он знал принципы общественно-благотворительного объединения «Жанессо», к которому три с половиной года назад примкнул внук.

— Это я, дед... Открой.

Решительный, даже чересчур решительный голос. Еще бы.

— Алеша? Входи.

Не вставая с кресла, дед поднял растопыренную правую пятерню, открывая массивную входную дверь. По меркам города Кировска, он жил просто шикарно, имел унаследованный от сына четырехкомнатный особняк.

Алик осторожно вошел, держа перед собой толстую закопченную дуру, которую полвека назад принято было называть пистолетом, а сейчас присвоили какую-то птичью кличку — ну полное неуважение к смерти! Внук был встрепан, взъерошен, из-под черного ритуального

плаща, изготовленного из настоящей резины (целое со-
стояние!), выглядывали легкомысленные зеленые шор-
ты и неизменная маечка радужного колера с намеком на
надпись.

— Деда,— срывающимся голосом сказал Алик, направ-
ляя дуру на Геннадия Егоровича.— Де! Прощай, деда.

— Ты сколько уже убил? — спросил дед, помолчав.

— Ты первый.

Алик только что не рыдал, но был настроен совер-
шенно серьезно. «Жанессо» на молодежь действует
гипнотически.

— Помнишь, Алешенька,— сказал старик, непохожий
на старика (русый бобрик, такая же бородка, статная
фигура, пристальный, энергичный взгляд),— я тебе рас-
сказывал про Сталина, был такой тиран, захвативший
власть. Был в самом начале у него подельник, некий
Камо, вместе грабили банки. Stalin влез на верхнюю
ступеньку, Камо остался у себя в Грузии, в каком-то ма-
леньком городке, и приобрел неприятную привычку рас-
сказывать всем и каждому о том, как они бандитствовали.
У Камо был велосипед, единственный в городе, и еще
был в этом городе грузовик, тоже единственный,— и как-
то ночью они столкнулись, Камо погиб. Потом начались
репрессии, и обоих его сыновей забрали в КГБ — такая
была карательная организация. Тогда вдова Камо при-
шла к Stalinу, он приказал пропустить ее, и она сказала
ему: «Сосо, что ты делаешь? Ведь это дети твоего друга». На это Stalin ответил: «За которого просишь?» Пред-
ложил матери выбирать.

— Не понимаю, к чему это? — сказал Алик.

— Сам не знаю. Параллель есть, уловить не могу. Очень
хотел рассказать тебе.

— Чушь,— сказал Алик.— Ты время тянешь, ты ведь по-
нял, зачем я пришел к тебе.

Алик заготовил длинную речь, но что-то не вытанцовывалось.

Он хотел объяснить деду, почти единственному человеку на свете, которого любил и который так много для него значил, почему именно он пришел его убивать. И почему именно его. Хотел сказать, что эти их таблетки от старости — смерть всему человечеству, что слишком много их развелось, старииков то есть, экономика лопается по швам, пытаясь выплачивать им хоть какие-то пенсии, а те, кто, как дед, например, еще продолжают работать, занимают места, которые положены молодым, оттого такая жуткая безработица. Он хотел сказать, что, даже если они не стареют, гены все равно портятся, а производительная функция в норме, поэтому такое большое количество сумасшедших и нежизнеспособных. Отсутствие старости противоречит природе, дед противоречит природе — вот что хотел сказать Алик.

Но это было бы глупо, все давно уже сказано-пересказано, поэтому он сказал только одно, почти крикнул:

— Ты противоречишь природе!

Обычно дед отвечал на это: «А кто она такая, эта природа, чтобы ей не противоречить? Да человек ей всю свою историю только и делает, что противоречит». Сейчас он сказал другое:

— Значит, все-таки ты предал меня, дружок?

Алик услышал и тут же забыл — слишком тяжелое обвинение. Еще он хотел сказать то, чего не говорил никогда, — что в «Жанессо» знают, чем занимается его дед, который входит в группу престарелых убийц, пытающихся уничтожить самую активную, самую сознательную часть молодежи, тех, кто задался целью восстановить природный баланс возрастов и спасти мир. Сам он не убивает, это да, он просто Консультант, но именно он придумывает их кровожадные сценарии.

— Они знают, что ты Консультант, мозговой центр у этих ублюдков свихнувшихся,— сказал Алик.

— Значит, все-таки предал. Хоть не сам вызвался-то?

— Просто они решили, что мне легче всех подобраться к тебе. Они сказали, боевое крещение. И потом, я тебя не предал, деда, это война, возрастная война. Это раньше брат на брата, теперь — внук на деда. Это война. Не место для сентиментов.

— Ты еще скажи «сантиметров», грамотей, книжек не читаешь вообще,— угрюмо проворчал дед. И вдруг разом повеселел, словно анекдот вспомнил.— А ты знаешь, Алешенька, у меня тоже для тебя новость! Мне ведь тоже поручили разобраться с тобой. И я тоже не сам вызвался, и это для меня тоже «боевое крещение». Смешно, правда? Как ты говоришь? Воздрастная война? Хе-хе.

Губы его улыбались, но подрагивали. В глаза невозможно было смотреть. Алик бессильно опустил «дуру».

— Как это? Ты — меня? Да как это может быть, деда?

— Вот и я говорю, как это может быть. Ведь между нами эти «сентименты» твои. Никак это не может быть — противоречит природе. Послушай, а если ты откажешься, тебя ваши что, удалят?

— Ну что ты, почему сразу уж так и убьют, мы тебе не банда какая. Просто изгонят.

— Вот и меня тоже — изгонят. У нас тоже не очень банда, тоже с принципами... Я к чему все это, Алешенька. Может, ну их, эти принципы, эти войны? Пусть сами разбираются с возрастными проблемами. Ведь убивать родных тоже противоречит природе. И вашим хорошо — я из Консультантов уйду. А?

Страдание непереносимое сочилось из его глаз. Алик неожиданно быстро согласился. Собственно, он и сам не понимал, как это он будет убивать деда, причем любимого

го. Так казалось все просто на секретной квартире. Только сейчас он понял, что с самого начала надеялся, что дед его переуговорит. У деда очень сильный дар убеждения.

Минут пять спустя он, наконец, слабо кивнул, уступая убеждениям Геннадия Егоровича. Оба глубоко, со счастьем вздохнули.

— Ну и денек! — сказал Геннадий Егорович, вставая с кресла. — Это дело надо отметить. Пройдем-ка, Алешенька, в подвале у меня есть прекраснейшее вино, амонтильядо, тебе понравится.

И посмотрел странно.

Алеша почему-то забеспокоился.

— Конечно, только почему подвал? Почему не здесь?

— Вот ты, Алешенька, хороших книг не читаешь, а то бы знал, что амонтильядо продается только в бочонках, а бочонки эти полагается хранить только в подвалах, чтобы сырость и температурный режим. Ну, пошли!

Совсем не старый, просто зрелый мужчина, он хлопнул Алика по плечу, посыпая его вперед.

— Да я как-то...

— Брось, Алешенька! Ты ведь любишь дорогое вино, а такого ты еще никогда не пробовал, грамотей ты мой дорогой. Амонтильядо!

Белое крепкое

В полшестого, когда Артур в своей гостерии готовил закуски для постоянных клиентов, вошел этот парень. Нормальный, как все, мрачный только. Порылся в карманах, достал засаленную двадцатку, заказал двести белого крепкого, уселся через стойку напротив, застыл. Вроде и смотрит прямо на тебя, а вроде и мимо смотрит. Заглотнул бокал и вдруг говорит:

— Нет.

Артур сделал вопросительное лицо. Парень посмотрел на него убийственно злобным взглядом. Или тем же взглядом посмотрел мимо.

— Нет, сказал же! Никого здесь вообще нет, я в этой блевотерии уже час задницу плющу, не было его здесь.

— Понял,— сказал Артур и смахнул деньги в коробку. Эта их мода прятать телефонные серьги! Ну ведь неприлично же, все же знают, что неприлично! Да и врал он — не час сидел, минут пять, не больше.

— А куда я денусь? — сказал парень.— Дождусь, конечно. Еще!

В это время дня в гостерию почти никто не ходил, из постоянных всего несколько человек, а регулярно только один там старик ходил, правда, в этот раз он немногоЗапаздывал, Артур поэтому и подумал, что разговор именно про него. Это было неприятно, старик был симпатичен Артуру, поэтому он сделал непроницаемое лицо.

— Еще! — с угрозой пробасил парень.— Заснул, что ли? Еще двести, и прямо сейчас.

— Извините,— сказал Артур, подставил бокал и нажал кнопку. И бросил внимательный взгляд на парня.

Как раз в это время зашел старик. Парень замер.

— Привет, Артур,— сказал старик, проходя в свой угол.

— Здрасьте, Геннадий Егорыч. Вам как всегда? — спросил Артур, подвигая бокал парню. Тот взял его, пошевелил, словно взвешивая, но пить не стал. Вместо этого тяжело уставился на бармена, теперь уже точно не мимо.

— Как всегда. Спасибо, Артур.

«Как всегда» в случае со стариком означало литровую кружку пива и блюдечко с янтарным ливанским орехом. Орехи он грыз просто так, а пивом запивал свои омолодительные таблетки. Он каждый раз выкладывал перед собой такую прямоугольную плоскую коробочку, открывал ее, а там таблетки разноцветно лежали в ряд. Артур

никогда не видел, чтобы хоть какие-нибудь таблетки запивали литровым бокалом пива.

Орехи были уже подготовлены, осталось налить бокал. Парень просто ел Артура глазами. Когда Артур нес заказ старику, он спиной чувствовал тяжелый взгляд, хотя тот, конечно, не оборачивался.

— Да,— сказал парень негромко. И еще тише повторил: — Да.

— Спасибо,— сказал старик.

Собственно, стариком этого человека мог бы назвать только тот, кто наверняка знал его возраст — девяносто семь лет. Как и многие сейчас люди в возрасте, он был бодр и выглядел молодо, лет на сорок пять, максимум пятьдесят. Мог бы при желании выглядеть и на двадцать, но: а) это было бы неприлично и б) как утверждают геронтологи, могло бы даже привести к преждевременной смерти. Правда, мгновенной и, скорее всего, во сне, что, в общем, тоже не минус. Артур знал возраст Геннадия Егоровича.

Когда Артур вернулся на свое место, парень спросил тихо:

— Что так смотришь?

— Я никак не смотрю,— так же тихо сказал Артур.

— То-то!

Спустя минут десять, что-то очень быстро для обычного пивопития, старик докончил свою кружку и встал.

— До свидания, Артур, я уже пойду.

— До свидания, Геннадий Егорыч!

Старик ушел. Еще секунд десять парень ел Артура горящими глазами, потом залпом выпил вино и тоже ушел.

Артур не сразу сообразил, что за второй бокал парень так и не расплатился.

Труп был молодой и подозрительный, поэтому сразу вызвали Менгрела. Он долго и недовольно сопел — как

только молодое убийство или старое, так сразу и возрастное, будто у него своих дел не хватает, тем более в полтретьего ночи. Делать нечего — чмокнул полуспящую Асю, быстро оделся, вышел в холод из подъезда, там машина уже ждала.

Труп раскинулся по тротуару лицом вниз, будто хотел занять на нем как можно больше места.

— Вот, — сказал Исакич, опер из пятьдесят четвертой, лентяй, каких мало даже в полиции, то есть человек вполне приличный, но никчемный ни в какой должности. — Молодой. Удар профессиональный, точно в сердце, твоя епархия, Андроныч.

Менгрел смотрел на труп и покачивал головой.

— Дубина, — наконец сказал он.

Исакич оскорбился.

— Чего это сразу так уж и обзываешься? Ясно же, если молодой, то может быть ваш. Да еще удар профессиональный. Я же ничего...

— Алмаз Дубина — имя и фамилия такие у трупа твоего, то есть теперь нашего, — сказал Менгрел. — Бриль. Штатный киллер у «Жанессо». Ты хоть про Бриля слышал?

— Бри-и-иль? — сказал Исакич. — Ни хрена себе! Сам Бриль? Как же это он так?

— Постарел, наверное, — сказал Менгрел. — Не просеквенировал ситуацию. Он давно не секвенировал ситуацию. Поэтому мы про него и знаем.

— Но на него же нет ничего. Какой в том толк, что мы про него знаем?

Менгрел весело посмотрел на Исакича.

— Есть, Антоха, киллеры, которые выпячивают себя, под каждым удалением подписываются, а следов не оставляют. Это дешевки, рано или поздно мы их берем. А Бриль... мы вообще не должны были про него знать. Это для него потеря квалификации.

Пошел мелкий, но какой-то отчаянно мокрый дождь. Кто-то чихнул, кто-то чертыхнулся.

— Нет, тут уж точно голая Бася, полный слово ничего, — сказал Исакич, пытаясь укутаться в пиджачок.— Такие дела можно сразу сдавать в архив.

— Пока,— сказал Менгрел.— Дело передашь Артамонову, а я там решу. Тебе над ним не корячиться.

— Ага. Ты даже не представляешь, как я расстроен,— сказал Исакич.

Wiki File pn 26 457 354 100/27

Потапов-Глушко Сергей Андронович (оп. кл. Менгрел), 2014–2089 гг. 26 457 354 100. Родился в г. Курковске Владимирской области. В 2034 г. с отличием окончил Борисоглебскую высшую полицейскую школу, после чего по результатам тестовых испытаний был направлен в звании старшего лейтенанта в следственно-оперативный отдел московского уголовного розыска МУР-2, где с самого начала заявил о себе как о талантливом розыскнике, получив за период 2038–2039 гг. четыре благодарности и внеочередное повышение в звании за участие в раскрытии «резонансных» дел. Однако из-за конфликта с руководством отдела был в мае 2039 г. уволен из полиции и понижен в звании до старшего лейтенанта без права занимать должности в правоохранительных органах. В мае того же года был зачислен в оперативно-следственный отдел антивозрастной полиции (АВП РФ) на должность руководителя в тот момент только что созданной оперативной бригады № 4 с одновременным присвоением ему звания бригад-майора. Сведения о служебном продвижении Потапова-Глушко за период 2039–2052 гг. скучны, поскольку, согласно нормам АВП, они начнут рассекречиваться начиная с 2139 г., известно только, что в 2046 г.

он принимал участие как второй заместитель начальника следственного отдела АВП в совместной акции АВП и АВВК РФ/ООН (Антивозрастной воинский контингент) по ликвидации последствий Первого московского возрастного конфликта, где, в частности, делал публичные заявления в качестве официального представителя АВП. В этот период он дослужился до звания полковника, и, возможно, это был пик его карьеры. В 2046 г. был вновь разжалован до капитана и послан возглавлять куровский филиал АВП, состоявший тогда из четырех человек. Причин столь резкого обрыва карьеры ни представители АВП, ни он сам никогда не разглашали, хотя из неофициальных источников известно, что поводом к этому вновь послужил конфликт с руководством. Куровский филиал АВП он возглавлял до того самого момента, как 2 мая 2089 г. был убит при неустановленных обстоятельствах.

Дело по трупу Бриля Менгрел, естественно, взял себе, просто больше некому было. Может, это и была голая Бася — иначе говоря, дело без перспектив на раскрытие, — но поначалу все, в общем, налаживалось. Быстро нашли свидетеля, который видел, как вечером, часов этак в девятнадцать или в девятнадцать тридцать, парень, похожий на Бриля, выходил из гостерии «Последний шанс», причем шел спешно и явно шел за каким-то другим парнем, о котором свидетель никаких примет не запомнил, даже возраста приблизительно. Мужского пола, и все. Свидетель был так себе, пьяница подзaborная, Элка с Трех Ступенек, но эта дама, даже находясь в аморальном состоянии, всегда умудрялась замечать проходящих мимо мужчин. Первого она не очень запомнила, «что-то у него было неинтересное с возрастом», а вот второго сфотографировала во всей красе. Правда, описать не смогла.

— Я тут как раз домой собиралась,— сказала Элка,— да и перед дорогой на скамеечке немножечко прилегла. И тут, гляжу, они из «Шанса» — сначала один, а потом сразу за ним второй. И оба на тот пустырь завернули, сначала один, а потом второй. А может, даже и третий, это я уже не запомнила, я тогда... задумалась я немного. И, прикинь, Дроныч, я как следует и задуматься не успела, сразу оттуда дрянь какая-то выбегает...

— Что за дрянь?

— Да не разглядела я! Так, какая-то, не старая вроде. Стану я всякую дрянь разглядывать, даже если она бежит, как сумасшедшая!

Менгрел отпустил Элку и направился в «Последний шанс». Артур тут же и выложил ему все, что знал.

— Мне этот парень сразу показался каким-то не таким,— сказал он Менгрелу.— Глаза страшные. Он за Геннадием Егорычем пришел, ждал его, я это очень быстро понял. С кем-то по уху разговаривал про него. Мне это еще тогда неправильным показалось, неприлично вроде, да еще расплатился кэшем, а кто сейчас кэшем платит — только те, у кого счет заблокирован, или те, кто светиться не хочет. Ну, вот я и подумал. А как только Егорыч пиво свое выпил и вышел, он с ходу за ним направился. Даже за вино не расплатился, я только потом заметил.

— Что за Егорыч?

— Так это... Геннадий Егорыч, клиент мой постоянный, каждый день в это время приходит.

— Фамилия!

— Про фамилию не скажу, не знаю, но живет где-то рядом, иначе с чего бы ему каждый день сюда...

Почему его назвали Менгрелом? Глупость какая-то, он даже никому не рассказывал, а вот пристала кличка дурацкая, прилепилась просто, не отдерешь. Однажды, в боль-

нице, с аппендицитом, он пожалел одного старика-менгrela. Еще в юности. Тот, хоть и не курил, все время сидел в курилке и страдальчески баюкал живот. «Вой, дида, дида, дида, войийй!» — стопал он распевно. Тощий был старик, мелкий, совсем он был никакой, этот кавказец, так жалобно он стопал, что Сергей проникся к нему сочувствием, разговаривать с ним начал. Потом даже пожалел, что начал, старику не о чем было разговаривать, кроме как про деньги, которые он затратил на свой живот. В больнице кормили плохо, и диета номер три была еще хуже нормальной больничной пищи, которую тоже нормальной пищей даже спьяну не назовешь, а старика, при всех его деньгах, не навещал никто, поэтому Сергей скормливал ему свои передачки — и родители, и тетя просто заваливали его всякой вкуснятиной. А потом, незадолго до выписки, старик предложил ему уехать с ним куда-то под Зугдиди, где у него дом и хозяйство, жить там с ним, и тогда все, чем старик владеет, отойдет к нему, как к сыну, ведь он же живет один, да еще не в Москве прописан, где в больницу с аппендицитом угодил, а в каком-то никому не известном Курковске, там для настоящего мужчины места нет, там все спиваются, а те, кто умудрился не спиться, воспринимаются окружающими как немыслимые герои и законченные подлецы в одно и то же самое время.

Сергей малость оскорбился на такое отношение к своему родному Курковску, хотя в Курковске тогда оставаться не собирался, но возразить ничего не мог, потому что думал о своем городе точно так же. Старика он по-прежнему жалел и потому (деньги кое-какие были) отвез его в родной Зугдиди, а потом на раздолбанном аэромерсе с носатым чудовищем за рулем доставил в родной дом — ему самому было интересно, как там. Пили там не меньше, чем в России, но как-то лучше. Хозяйство у старика было большое, только очень запущенное, и Сергей, который ни секунды не думал, чтобы согласиться остаться, понял, что если

б и согласился, то не справился бы там ни за что и ни при каких обстоятельствах. Да и менгрелы смотрели на него... не то чтобы недружелюбно, но как-то нехорошо. Дружба народов дружбой народов, а прежние кровавые стычки забываются очень трудно. С тем он и уехал в свою Москву, поцеловав на прощание сетчатую стариковскую щеку. Старик смотрел на него некормлеными глазами и почти плакал. Дида-дида-дида, войий!

И вот поди ж ты — Менгрел! И откуда только узнали? Кое-где существует его полное досье, но он даже представить себе не мог, что оттуда возможны утечки.

Из кафе Менгрел отправился по адресу Геннадия Егоровича Онежского-Плюс, благо действительно было совсем рядом. Найти его было просто, да иначе и быть не могло — старый человек, есть имя и отчество, живет неподалеку от «Шанса» — хватило одного телефонного запроса и трех секунд ожидания. Менгрелу не очень нравились люди с фамилиями на Плюс, они обычно высокомерны до презрительности и очень скупы на информацию. И это, как правило, не элита.

За пустырем, который на карте почему-то назывался Солдатской площадью и который, как знал Менгрел, городские власти уже который год грозились сделать спортивно-веселительным центром с ужасающе громадной и уж точно не соответствующей масштабу города подземной автостоянкой, скромно торчало несколько небольших, по виду очень уютных особнячков. Похоже было, что когда-то их возвела одна и та же фирма, заполучившая классного архитектора. Между особняками с номерами 4 и 8 стоял домик с башенкой-эркером, а на левом ободке того эркера был выписан черной краской громадный номер 13, он бросался в глаза сразу.

— Так,— сказал Менгрел.— Номер шесть.

— Да. Я запомнил этого паренька. Лицо знакомое.

Они сидели в узком эркере за каким-то подобием антикварного столика, и, похоже, этот эркер был любимым местом хозяина, уж очень отдохновенно он расположился там у окна. И прав был бармен — назвать стариком этого Плюса язык не поворачивался. На вид зрелый, за сорок пять, ну, может, немного за пятьдесят, волосы чуть-чуть с сединой, но, похоже, седина косметическая. Лицо сильное, умное, с намеком на иронию, но совсем не ироничное, а вполне серьезное и внимательное. Крепко сжатые губы. И все-таки это был старик. Он явно не считал себя молодым.

— Бросьте вы, Геннадий Егорович, что уж мне-то втирать такое, я же из АВП, — сказал Менгрел. — Это знакомое лицо вам во сне должно сниться, вы его в деталях помнить должны, иначе какой же вы Консультант у Ресургентов?

— Действительно, — сказал Геннадий Егорович, не смутившись никак. — Антивозрастная полиция, еще бы вам такое не знать. Но вы не дослушали. Вы, вероятно, не очень хорошо понимаете, что такое Консультант в нашей организации. Я, разумеется, по роду своей деятельности знаю обо всех сколько-нибудь значимых членах местного филиала «Жанессо». Однако своих киллеров они хорошо прячут. Мы тоже кое-что умеем, и по крайней мере список подозреваемых у нас составлен. Недавно их Дубина бездарно прокололся, так что и у вас, и у нас данные на него есть, мы же сами вам их и отсылали. Я просто не очень хорошо запомнил этого паренька, подумал, что с ним все кончено. Поэтому сразу и не узнал.

Менгрел издевательски улыбнулся:

— Хорошо сказано, так меня и тянет поверить. Но, знаете, что-то мешает. И потом — ситуация, согласитесь, более чем подозрительная. Сидит себе в кафе Консультант Ресургентов, не самая там последняя фигура, между прочим, а

рядом с ним сидит штатный киллер «Жанессо». Это можно было бы посчитать совпадением, но, как только Консультант уходит, следом за ним уходит и киллер, даже за вино не расплатился, спешил куда-то. И оба они идут в одну и ту же сторону, к вашему дому, на Солдатскую, а потом киллера находят с ножом в спине. Там же, на пустыре. Так что я, может быть, и не хотел бы, но не могу не поинтересоваться — уж не вы ли игрались с тем ножиком?

Геннадий Егорович, конечно, ждал такого вопроса, поэтому ответил сразу, не думая:

- Я в реале ножиком не играю.
- Даже в порядке самозащиты?
- Даже. Я просто ножиков с собой не ношу.
- Ну да, ну да, — помолчав, сказал Менгрел. — Вы не подумайте ничего такого, Геннадий Егорович, мне и самому как-то не верится, что это вы с ножиком поигрались, да и неувязки тут всякие, удар-то профессиональный был, а вы в другом деле профессор, с ножиками-то вы...

— Ну, это вы напрасно так обо мне думаете, в молодости я бы очень вам не советовал со мной ссориться, — старик усмехнулся. — Хотя, конечно, навык давно потерян. Точнее, выброшен за ненадобностью и несоответствием биологическому возрасту. Вооруженная схватка — это все-таки удел молодых. У меня другие методы.

- Это какие же? — поднял брови Менгрел.
- А вот смотрите! — Старик широким жестом указал в сторону двери.

Менгрел посмотрел в сторону двери и увидел... всего лишь дверь.

- Ну и...

Повернувшись в сторону старика, он увидел, что того нет. В эркере было пусто.

Секунды три непонимающе шарил глазами, потом досадливо засипел сквозь зубы:

— Чччерт! Ну конечно! Плащ. Старею.

Геннадий Егорович довольно захихикал и снова проявился в своем кресле.

— Добро пожаловать в наши ряды!

— Да нет уж, спасибо, я пока как-нибудь и в своих рядах поживу.

— Вот эта вот пуговка,— стариk пальцем коснулся маленькой белой пуговицы на отвороте халата,— и есть мой плащ-невидимка. Разработка, между прочим, двадцатилетней давности, а работает как часы. И тогда скажите мне, пожалуйста, зачем мне тот ножик?

— Несовершенная разработка,— сказал Менгрел.— Вы в фиолетовой части спектра малость мерцали, если присмотреться.

— Это да, это да,— кивнул Геннадий Егорович.— Несводимый к нулю дефект, как мне говорили. Но это при неярком дневном свете. Физический, между прочим, парадокс, если вы любитель необъяснимого. А в темноте или при хорошем освещении...

— Я не любитель. Вы лучше мне объясните, что было потом, когда вы завернули за угол и на пуговку эту нажали.

— Так что было? Ничего не было. У него, и это можно было предвидеть, была точно такая же пуговка, да еще в темноте. Седьмой час вечера, сумерки... Киллеры, они всегда в ногу со временем, несовременны только добрые люди, причем во все времена. Я даже и не сомневался, что он с плащом, просто отошел немножко в сторонку и стал ждать.

— Ага,— ответил Менгрел раздумчиво.— Самый для вас был момент и сунуть ножичек под ребро. Тут, правда, возникают две нестыковочки. Во-первых, никакой, как вы говорите, «пуговки» мы на убитом не обнаружили, а уж мы бы не пропустили. И во-вторых, на нем и не могло быть плаща, потому что если бы был плащ, да еще включенный, то убийца мог бы нанести удар только вслепую,

да и то при очень большой удаче, потому что киллеры-невидимки, как правило, не шумят. А удар, напомню, был нанесен точный, профессиональный.

— Ну, во-первых, плащ выключили или просто забрали, — сказал стариk.

— Зачем?

— Не знаю. Может быть, для того, чтобы свалить убийство на меня. Или для того, чтобы не подумали, будто его убили в тот момент, когда он сам был при исполнении. А скорее всего, плащ унесли, чтобы никто не увидел его дефекта.

— Дефекта? Какого дефекта?

— Ну да, это и есть мое «во-вторых». Плащ был с дефектом, очень, я вам скажу, специфическим. Фиолетовый кружок на спине диаметром в три-четыре сантиметра, и думаю, что на том самом месте, куда нанесли удар. Если так, то получается, что убийство готовили заранее. Воспользовались той самой неустранимой ошибкой, про которую вы мне намекнули, немножко ее усилили и «настроили», как-нибудь подменили ему плащ на дефектный, оборудовали человечку мишень на спине и стали ждать, когда он пойдет выполнять заказ.

— Интересно, — сказал Менгрел. — По-вашему, получается, что его свои же и убрали?

— Получается так. Причем сделали это те, кто знал, что у Бриля будет заказ, и когда он пойдет его выполнять.

— «Жанессо»?

— Заказчики. Может быть, и «Жанессо». Он считался их штатным исполнителем, но исполнители часто работают на кого угодно, даже штатные.

Менгрел хмыкнул.

— Лихо у вас все складывается. Вас заказывают, а удаляют исполнителя. Причем не когда-нибудь, а вот именно что во время исполнения заказа, не дожидаясь, пока

он этот самый заказ исполнит. И вы, конечно, не видели, кто исполнителя-то исполнил? Фиолетовый кружочек видели, а кто исполнил, конечно, нет?

— Конечно, не видел. Это тоже профессионал был. Потому что я его и не слышал даже.

— Вот даже как.

— Зря вы так. Конечно, не слышал. Я плащ включил и отбежал как можно дальше от тротуара и замер — в отличие от профессионалов, я не умею ходить бесшумно. Потом увидел это пятнышко, понял, что Бриль тоже в плаще. Потом он замер. Потом пятнышко пошло вниз, он наклонился, видно, стал искать примятую траву...

— Ну? Дальше, дальше! Что потом?

— Потом он хрюкнул и упал. Я ничего не понял, стоял столбом, решил переждать. Я на самом деле и до сих пор толком не понимаю, что там произошло. Убийца должен был уйти сразу. Или искать меня. Мне и показалось, что он ушел сразу...

— Откуда показалось?

— Не знаю. Словно бы пусто стало. Только я ошибся, он там был. Что он там делал, понять не могу. Я уже совсем было решил уходить, как вдруг он проявился.

— Кто?

— Да труп же! Он стал видимым. Плащ или выключили, или сняли, мне все равно было. Я снова замер. Это было так трудно — стоять в неподвижности, я почти задохнулся. А потом услышал за углом удаляющиеся шаги. Кто-то побежал. Мне показалось, что шаги были детские. Или женские. Но я не уверен. Кто-то быстрым, легким шагом бежал отсюда, уже не скрываясь.

Прищурившись, Менгрел внимательно слушал, весь вытянулся в сторону старика. Он выдержал паузу, потом спросил:

— Так вот чего я не понимаю, Геннадий Егорович. Сейчас вы живы. Покушались на вас или нет, но вы живы.

Вот исполнитель мертв почему-то, вы всю процедуру подробнейшим образом объяснили, спасибо. Так вот, если на вас все-таки покушались, то почему? Ведь Консультантов они обычно не трогают.

— Я не знаю, почему они на меня покушались,— сказал старик.

И соврал.

— Да-да,— ответил Менгрел, быстро встал с кресла и, не прощаясь, поспешно ушел, Геннадий Егорович еле успел поднять ладонь, чтобы открыть перед ним дверь.

Wiki File pn 05 908 769 665/22

Онежский-Плюс Геннадий Егорович, 1988—2102 гг. 05 908 769 665. Родился в г. Одессе. В 1995 г. переехал в Москву в связи с разводом родителей. В 2012 г. окончил факультет платины и золота Академии стали и сплавов, однако по специальности работать не стал. В 2013 г., будучи заместителем главного редактора информационного портала Oneg.ru, закончил с отличием актерский факультет Российского университета театрального искусства ГИТИС, однако и эта специальность его не удовлетворила — близкие к нему люди утверждали, что на этот факультет он пошел только для того, чтобы поддержать в стремлении стать актрисой свою первую жену, Ясенко Валентину Николаевну (1993—2014 г.), однако после того как она в приступе психического расстройства покончила жизнь самоубийством 4 октября 2014 г., путем повешения на ремне, уволился и ушел в бизнес, основав фирму ЗАО ЯВН по производству брючных ремней, когда и сменил фамилию Онежский на Онежский-Плюс. Многие из его знакомых и друзей восприняли эту фамилию как оперативную кличку и, несмотря на записи в паспортном мемо, продолжали считать его прежнюю фамилию истинной. Вопреки пессимистическим прогнозам

экспертов, предприятие быстро стало давать прибыль, но 4 октября 2016 г. Онежский продал его, и вскоре оно прекратило существование. Впоследствии возникло подозрение, что на самом деле ЗАО ЯВН не продало ни одного ремня, однако это подозрение так и не получило подтверждения. Считается, что ЗАО ЯВН – первое из серии так называемых Великих Мошенничеств Онежского, ни одно из которых раскрыть не удалось. 4 октября 2036 г. Онежский вдруг заявляет, что бросает «прежнюю деятельность», и, не раскрывая ее деталей, становится активным биржевым игроком. Поначалу его одна за другой преследуют ошеломительные удачи, обозреватели прочат ему место в списке журнала *Forbes*, однако потом он разом теряет все состояние в одной из самых рискованных своих операций, имеющей отношение к норвежской нефти и русским мехам. По совпадению этот провал совпадает по времени с его разводом со второй и последней женой Геннадия Онежского, Галиной Сергеевной Шуваловой (1992–2094), которая претендовала на половину его имущества, а в результате унаследовала непомерные долги, едва не отправившие ее в тюрьму. С этого времени, а именно с 4 октября 2046 г., Геннадий Онежский-Плюс вновь меняет квалификацию и становится официальным финансовым консультантом сразу нескольких крупных корпораций, не пересекающихся между собой в направлениях своего бизнеса, и вновь восстанавливает состояние. Однако начавшийся возрастной кризис приводит к покушению на него со стороны только что образовавшейся молодежной группы «Жанессо». Покушение закончилось провалом и гибелью семи покушавшихся. С тех пор, а именно с 4 октября 2051 г., Геннадий Онежский прекращает осуществлять финансовые консультации и переезжает из Москвы в Кировск, где в то время проживал его сын от первой жены Алексей Онежский. Однако если в намерения Геннадия Онежского-Плюс входило из-

бежать в небольшом провинциальном городке проявления нараставших во всем мире возрастных конфликтов, то его должно было ожидать разочарование катастрофического масштаба – именно в этот период, и именно в этом регионе центральный отдел молодежной террористической «Жанессо» (тогда он назывался «Жанессо-Д» по имени его основателя Анатоля Дьюара) провел самую масштабную с момента своего основания акцию, в ходе которой ряд провинциальных городов, в том числе и Курковск, лишился своего, как считали члены «Жанессо», престарелого руководства. Со всех хоть сколько-нибудь влиятельных постов были смешены люди старше 65 лет, произошло много убийств. Геннадий Онежский-Плюс избежал покушений, поскольку был неизвестен в Курковске, однако его сын Алексей, слишком активно выступавший против «Жанессо» и в Курковске бывший довольно популярным политиком (в небольших городах понятие «политик» несколько отличается от этого же понятия, бытующего в мегаполисах,— Алексею просто верили, потому что знали), был отравлен. Напомним, в то время исполнители «Жанессо» предпочитали эвтаназию, потчуж своих жертв инъекциями куареподобных препаратов; незадолго перед смертью свой особняк на Солдатской площади Алексей завещал отцу. С тех пор и до самого конца своей жизни Геннадий Онежский работал Консультантом в местном филиале так называемых Ресургентов — группы работоспособных людей пожилого возраста, пытающихся защищать свои права и свою жизнь.

Как это часто бывает, Первая возрастная война сначала напоминала благороднейшую дуэль с торжественным предъявлением шпаг, но потом, как всегда, сработал главный закон войны, где противников, невзирая ни на какие законы этики, убивают либо мгновенно и массово, либо с изощренным мучительством, ибо ненависть побуждает обе стороны нарушать при убийстве врагов все мыслимые

нравственные законы, вспарывать животы беременным, с беспрецедентным цинизмом издеваться над беззащитным врагом и так далее. Но, даже когда во время Второй бойни возрастная война перешла именно в эту стадию, Геннадий Онежский продолжал оставаться Консультантом у Ресургентов, причем, как утверждают, ему принадлежат самые изощренные и самые человекоубийственные сценарии по уничтожению юных противников. Утверждают даже, что когда «Жанессо» подослала к нему в качестве киллера его любимого и единственного внука, то он его перехитрил и уничтожил с безжалостной символичностью. Другие утверждают, впрочем, что все было совсем не так.

Как бы там ни было, но 4 октября 2102 г. Геннадий Онежский официально объявил о своем желании уйти в отставку с поста Консультанта Ресургентов и в тот же день намеренно умер, не оставив, впрочем, никаких свидетельств того, что это было самоубийство. Патологоанатом определил смерть в результате сердечного приступа; впрочем, сам патологоанатом был при этом изрядно пьян.

Как и всякий уважающий себя сыщик, Менгрел имел при себе Визарда и всегда активно им пользовался, в то время как абсолютное большинство его современников то ли брезговали этими «умными советниками», то ли боялись их и пользовались куда более глупыми копиями марки «Виндзор». Визард проживал на кисти левой руки Менгрела, в браслете его фамильных часов, доставшихся ему... впрочем, это поэзия. Подобно всем гаджетам этого класса, браслетный Визард Менгрела изрядно был надоедлив и потому настроен на самый высокий уровень немногословности, при этом наблюдал за окружающими событиями очень всерьез. Когда Менгрел вышел от Старика, Визард проснулся и сказал:

— Врет!

— Сам знаю,— огрызнулся Менгрел.— Внук, и все такое. Помолчи пока, мне надо подумать.

Менгрела раздражали вмешательства Визарда, поскольку тот, как правило, ничего нового не говорил, а только озвучивал его собственные мысли, но расстаться с ним он не согласился бы ни при каких обстоятельствах — Менгрел с детства был очень не уверен в себе, и ему всегда нужно было подтверждение правильности своих мыслей, хотя бы и от такого безмозглого зануды, как Визард.

— «Жанессо». Женщина. Дефицит информации,— сказал Визард.

— Ну как же, конечно,— сказал Менгрел.

Куровский офис «Жанессо» располагался в самом центре города на площади Ельцина. Это был старинный двухэтажный особняк с нефункциональными балкончиками, который раньше занимал филиал «государственной» партии, известной историкам своим скандальным самоуничтожением во втором десятилетии двадцать первого века. Вывеска на главном входе гласила: «Благотворительное общество молодежи». Два суровых бодигарда, способных, судя по виду, выдержать прямой ядерный удар, то есть, по мнению Менгрела, не способных даже помножить две единички, минут пять тупо разглядывали его мемо, потом все-таки пропустили.

Кабинет шефа, Ореста Аристова, находился на втором этаже, в самом конце коридора, и секретарши у него не было. И, кроме таблички, его дверь ничем не отличалась от прочих. На остальных дверях никаких табличек не было вообще. Сам Аристов был массивным лысеющим симпатягой, который при виде Менгрела вскочил с кресла и приветственно развел руки:

— Какая приятная встреча, дорогой Сергей Андронович! Только что об вас думал! Вот сюда, пожалуйста. Чай, кофе, виски?

— Водку,— сказал Менгрел.— Шучу, к сожалению. В₀ прос у меня к вам имеется.

И выжидательно сел на стул, но не тот, на который указал Аристов, а стоящий совсем в углу. Подумал — не напрасно ли, но тут же решил, что абсолютно плевать.

— Да, так слушаю. Опять что-нибудь по поводу террористов «Жанессо», с которыми вы всегда нас путаете и, поверьте, совершенно напрасно?

Какая-то мрачная девушка лет двадцати вошла и принесла водку, но тут же раздраженным жестом Аристова вместе с водкой была отослана прочь.

— Да, так...

— Хочу узнать, известен ли вам некто Алмаз Дубина?

— Алмаз? — Аристов был само благодушие.— Какое странное для России имя. Француз?

— Нет, наш. Так известен?

Благодушие превратилось в улыбку «ой, не смешите меня, а то со мной сейчас случится детская неприятность».

— Нет, конечно, что вы, откуда!

— А если на фотографию посмотреть?

— Ну-ка, ну-ка!

С преувеличеным вниманием Аристов впился взглядом в фото размером с альбомный лист, Менгрелом предъявленное, радостно объявил:

— Не знаю я этого человека. Его убили?

— Ага. Ножом,— ответил Менгрел.

— Ножо-ом? — абсолютно естественно удивился Аристов.— Тогда при чем здесь вы? Ведь старики молодых ножами не убивают. А у нас, сами знаете, совсем другие методы, мы не убиваем вообще. Или я что-нибудь пропустил?

— Всякое случается,— сказал Менгрел.— У вас, например, в вашем филиале «Жанессо», нет ли случайно женщины-исполнителя? Которая хорошо ножом работает.

Аристов весело подумал, юмористически выдохнул носом, ответил, чуть-чуть серьезнее:

— Не-а!

— Вы уверены?

— Я же повторяю, «Жанессо» — это есть на этом свете совершенно невинное благотворительное общество, которое не то что убийствами, но также и прочими способами нанесению человеку вреда, даже самого минимального, с омерзением брезгует. Мы не ответственны за всяких там, которые к нам идеологически примыкают, а потом выясняется, что они как раз и не брезгуют. Мы их сразу отбраковываем, к сожалению, иногда уже после случившегося. Так что исполнителей у нас, как вы их называете, ни мужчин, ни девушек, нет и в принципе быть не может. «Жанессо» — это общество, между прочим, совершенно легальное, везде официально зарегистрированное и даже в госпарламенте имеющее своих представителей числом два, а именно — Иван Николаевич Перев...

— А что это за девушка была, которая водку мне приносила? — перебил его Менгрел. — Как фамилия?

Секунды три Аристов смотрел на Менгрела в высшем роде недоуменно.

— Девушка? Какая еще девушка? Ах, девушка! Это наша помощница, добровольная, не за деньги, а за идею. Ее зовут Света, а фамилия... фа-ми-лия... сейчас-сейчас!

Аристов воспоминательно сморщился и защелкал пальцами, но тут дверь опять открылась, и Света громко проистерila:

— Козлова!!!

— Вот, — искально сказал Аристов, когда дверь захлопнулась.

— Спасибо, — сказал Менгрел, вскочил со стула и стремительно пошел к двери.

— Как, и это все? — успел спросить повеселевший Аристов.— И больше никаких вопросов к «Жанессо»?

Уже открыв дверь, Менгрел повернулся к нему и сказал:

— Как же! Есть один, философский.

— Ну-ка, ну-ка?

— Вы хоть понимаете, что в любом случае проиграете?

— В рифму. И это почему же? — сказал Аристов, совершенно уже без смеха.

— Потому что все стареют, закон природы. И все ваши активисты со временем или умрут печально, или естественным образом перейдут в стан врагов. Со всей имеющейся у них информацией.

И исчез за дверью, мелькнул, будто его и не было.

Уже в одиночестве Аристов лимонно скривился, как будто прослушал нудную бабушкину нотацию, но все-таки пустоте ответил:

— Не уйдут, не дадим. И кстати, информация тоже стареет.

Он так и не понял, показалось ему или он вправду услышал приглушенный стенами ответ Менгрела:

— Информация не стареет, она всегда набирает силу, она вечна!

— Так водку будем? — спросила его уже в реале злая девушка Света Козлова.

Офис «Жанессо» располагался в одном из самых живописных мест Курбска — в начале Большой набережной, там, где Морочь делает неожиданный поворот и куда по вечерам сбивается местная молодежь, чтобы поглазеть на закат. Немного портила пейзаж выставленная у берега скульптура Прячки, без постамента и в человеческий рост, но эта безвкусная, если не сказать отвратительная, дань повсеместной моде Великолепных Тридцатых уже успела к тому времени заработать неприкасаемый статус памятника истории, и потому к ней притерпелись. Мен-

грел расположился на ближайшей к особняку скамейке неподалеку от позеленевшей Прачки и принял слушать дрона, которого он запустил в кабинете Аристова. Но то ли шеф кировского «Жанессо» догадался о возможной прослушке, то ли всегда шифровал свои кабинетные разговоры, но слышна была оттуда лишь обычная шифровальная оклесица. Говорили в этот раз два очень между собой похожих старицких голоса.

— Мембрана,— говорил один, а второй, по прошествии секунд, отвечал:

— Для врана рано, а для раны рвано.

— О! О! Нирвано!!! Куда ты сгило, мое сопрано?!!!

Словом, всякая и полная чушь. Но Визард сказал:

— Извините, но, по-моему, они там пьют нашу водку.

— Нирвано. Про водку-то с чего взял?

— И, по-моему, с той девушкой, Светой Козловой,— изобразив неуверенный тон, добавил Визард. Впрочем, он и в самом деле был не уверен, ничего на таком уровне зашифровки разгадать было нельзя, это была чистая машинная интуиция. Что Менгрел и понял прекрасно.

— Так,— сказал он,— понятно. Заговор начальника и киллера против другого киллера. И как теперь против них доказательства собирать?

— Просто,— ответил Визард.— Пытки. Желательно из китайского списка. Остальные способы, сам понимаешь... Современные же люди, умеют следы скрывать.

— М-да.

Река серебрилась, и на другом ее берегу рос невысокий и очень родной камыш — с незапамятных времен одна тут фирма его выращивала для модных теперь стеновых покрытий, изо всех сил стараясь соблюсти температурный режим, но год на год пока у нее не приходился, потому что климат в этих местах издавна отличается неустойчивостью. А до камыша, в древние времена, там был Другой Пляж,

куда приличные люди добирались за умеренную плату на скутере бородатого карлика дяди Жени, а мелкота типа Менгрела предпочитала доплыть собственным ходом. Менгрелу вдруг стало жалко Другого Пляжа, и он вздохнул.

— Ты уверен, что это она? — спросил он.

— Нет,— сразу ответил Визард.— Там нож был.

— Вот и я не уверен,— сказал Менгрел.

Между тем между Аристовым и странной девушкой Светой состоялся разговор, который, будь он не экранирован, показался бы очень интересным для Менгрела с его браслетным советником.

Визард был прав — они действительно пили водку. Точнее говоря, пил один Аристов, а Света только изображала.

Сначала они молчали, потом Света вопросительно подняла брови и губами проартикулировала:

— Дрон?

— Скорей всего,— вслух сказал Аристов, прикрывая губы рукой.— Можешь разговаривать спокойно, я звуки экранирую. Вот с видео похоже, надо будет экран поменять, совсем никакой у меня экран, а ведь если Менгрел дрона сюда запустил, так ведь обязательно с камерой. Завтра же и займусь. У меня тут есть мастер, замечательно умеет дронов отыскивать. Заодно и экран поменяет.

Насчет камеры Аристов был неправ — как всегда к осени, центральное управление по какой-то причине начинало бешено экономить на филиалах, в первую очередь, на таких мелких, как кировский. Поэтому никакой камеры у дрона не было. Это был очень дешевый дрон.

— Твое здоровье! — сказала Света, демонстративно поднимая бокал.

— Ага,— мрачно ответил Аристов.— Мое здоровье при мне останется, если ты не будешь его расшатывать сво-

ими выходками. Вот не могу понять, и все! Что-то ты, по-моему, недоговариваешь.

— Ты мне не веришь? — вызверилась Света.

Аристов не любил, когда она начинала злиться всерьез. Он немного опасался ее в таком состоянии, поэтому заговорил извиняющимся тоном:

— Да тут накладка же на накладке. Что за нож, почему нож? И почему ты удалила Бриля до того, как он удалил Деда? Ведь мы же договаривались с тобой!

— Еще раз повторить, да? Я-пришла-не-сразу, чтобы он меня заранее не учудил. А когда пришла, Деда уже не было!!! Упустил его твой Бриль-супермастер, что ж мне, еще и Деда удалять надо было, предварительно разыскав? А этот... Он зачем-то к земле наклонился, уронил что-нибудь или еще зачем. Пукалка под стариковскую была у меня наготове, но не сработала почему-то.

— Почему не сработала?!!! Я сам лично проверял.

— Вот ты бы и шел, раз «сам лично проверял», а я с этой системой не очень знакома, сам знаешь. А времени не было разбираться, еще хорошо, что нож с собой прихватила...

— Ну да, ну да,— сказал Аристов, глядя в сторону.— Только не нравится мне все это. Ты профи, у тебя не только не должно случаться накладок, они у тебя вообще не случаются. А тут вдруг такое....

— Да тебе-то что.— Девушка очень злилась, может быть, даже демонстративно злилась, но Аристов этого не заметил.— Сверху никто ничего не скажет...

— А Дед?

— А что Дед? Я так думаю, они уже поняли свою ошибку, не надо было удалять Консультанта, слишком много ненужного шума будет, а сейчас это невыгодно. Они поймут, что Консультантов удалять не только невыгодно, но и очень затратно, они не станут дублировать свой заказ, уж поверь старушке Свете Козловой или как меня там!

А Бриля нет, и это самое главное. Никто не будет больше нам угрожать, ревновать, путь свободен, этот, как тебя, мой любимый! Да и засветился он — и перед Стариками, и перед авэпэшниками, он уже пил не переставая, даже перед исполнением, это был уже отработанный материал, его нельзя было оставлять, ты сам знаешь.

— Знаю,— грустно сказал Аристов.— А скажи-ка ты мне, старушка моя любимая, что ты будешь делать, когда впрямь состаришься. Неужели молодых убивать?

Странный, жуткий смех издала его любовница Света, что-то навроде карканья, но посмотрела на шефа мягко.

— Не доживу я до старости, мой любимый, мой самый дорогой друг,— произнесла, вот именно, произнесла — не сказала, как будто бы кто-то другой произнес эти слова за нее, а она с ними согласилась, но не более того.— А если все-таки доживу, то, конечно, молодых удалять буду, ты-то ведь, дорогой, постареешь вместе со мной, не трону тебя.

И моргнула, так непонятно, так смертно, что передернуло даже Аристова.

А Менгрелу вдруг постучал Геннадий Егорович, попросил зайти, потому что есть интересная информация.

И Визард сказал «Ого!», хотя его об этом никто не спрашивал, но не возразил ему на это Менгрел — не ожидал от старика вызова, думал, затаится старик, пока подозрения сняты с него не будут, а сняты они будут только в том единственном случае, если вдруг какой-нибудь другой убийца найдется. Например, та же самая Света Козлова. Потом вместе с Визардом они одновременно сказали: «Ну конечно! Как же ему было не постучать».

Сам-то Менгрел еще и добавил:

— Ну конечно, черт меня подери!

Он приехал на пустырь к шестому особняку с огромным числом 13, намалеванным на фасаде, дверь тут же

приглашающе распахнулась, Менгрел вошел. Они снова заняли прежние места в эркере. Улыбки, рукопожатие, мрачное ожидание. Внимательный, почти впитывающий, взгляд Старика.

— Вы что-то хотели мне рассказать. Или я что-то не так понял? — спросил Менгрел.

— Есть информация из нашего Центра о происходящем. Я имею в виду информацию о ситуации в нашем филиале «Жанессо».

— Насчет Светы Козловой?

Геннадий Егорович улыбнулся.

— Вы уже знаете. Правда, мне говорили, что ее зовут как-то не так. Ну да неважно, их всегда как-то не так зовут, иногда даже совершенно не так. Пива?

— Не пью,— с сожалением отказался Менгрел. И уточнил: — На работе.

— И вы всегда на работе? — улыбнулся Геннадий Егорович.

— Ну... как-то так.

— Да, так вот, насчет этой, как вы ее назвали, Светы Козловой. По моим сведениям, у наших жанессовцев действительно имеется женщина-исполнитель, ее называют высоким профи с одним очень существенным минусом.

— Женщина,— сказал Визард, и Менгрел послушно повторил:

— Женщина?

Геннадий Егорович неопределенно пожал плечами.

— Я бы не стал возводить гендерные различия в общий принцип, но в данном случае... Она привлекательна...

— Да видел я ее, ничего особенного!

— Привлекательна и любвеобильна. Есть подозрение, что она вдобавок и психически нездорова.

— Симуляция,— сказал Визард.

— Помолчи,— грозным тоном ответил Менгрел и, увидев вопросительный взгляд Старика, добавил: — Это я не вам, извините.

Тот чуть подумал, понимающе кивнул.

— А, ну да, портативный искусственный разум, как же, у меня тоже такой где-то имеется, никак не привыкну. Так вот, эту Свету Козлову хорошо бы оставить в покое, даже если вы докажете, что это именно она удалила Бриля. Такая девочка одна вполне может развалить весь куровский филиал «Жанессо», ее просто невыгодно убирать оттуда. Она, повторяю, любвеобильна, нравится мужчинам и, похоже, очень любит сталкивать их лбами. Профессиональный крах и последовавшая смерть Бриля — ее дело. Она, вероятно, стала его любовницей, а когда он ей надоел, быстро довела до нынешнего мертвого состояния. Исполнители очень редко спиваются, особенно молодые. Теперь у нее Аристов на очереди. Ну тут уж кто кого.

Менгрел молодо вскочил с места, быстро заходил кругами по комнате, бросая острые взгляды на Старика. Геннадий Егорович за ним весело любопытствовал, ни слова не говоря.

— Извините, Геннадий Егорович, это у меня такая манера думать,— заявил, наконец, Менгрел, остановившись напротив Старика и очень внимательно на него глядя.— А то тут такая, понимаете, противоречивая складывается картина, что поневоле задумаешься.

— Да вы садитесь, что ходить,— сказал Старик.— Вы ведь уже подумали.

Менгрел сел.

— Так вот, Геннадий Егорович, дорогой, смотрите, что получается. На сегодня у меня два основных подозреваемых — вы и Света Козлова, киллер «Жанессо». Вы, конечно, понимаете, что я не слишком-то верю в ваше участие, но до конца не убежден, всякое может быть.

— Естественно.

— Смотрите дальше. В ваших кровных интересах помочь мне найти и уличить убийцу — только так можно снять с вас все подозрения. И вы вроде как бы даже и помогаете — правда, только найти его, но не уличить. Этого, по-вашему, делать не нужно.

Геннадий Егорович выразительно поднял вверх указательный палец.

— Не только не нужно, но и вряд ли возможно,— сказал он.

— Вот-вот. Это нелогично. И это заставляет меня вновь вернуться к кандидатуре первого подозреваемого, то есть к вам.

Геннадий Егорович возвел глаза к потолку и вздохнул.

— Хорошо. Давайте вернемся ко мне. И как же вы собираетесь доказывать мою причастность к убийству? Ведь, насколько я могу понимать, у вас нет ни одной зацепки. Я уж не говорю о том, что ее и быть-то не может, поскольку я действительно непричастен.

— Да, это будет сложно. Правда, маленькая зацепочка все-таки есть. Мотив.

— Моти-ив? То, что я Консультант? Помилуйте, вы же знаете!

— Знаю. Но я не про это. Я про месть.

— Ах, месть...

— Ну да, месть за убийство.

Геннадий Егорович чуть вытянулся вперед, стал выглядеть старше, застыли мускулы лица.

— И кого же я, по вашему мнению, как это у них называется? Удалил, да. И кого же я тогда удалил?

— Есть кандидат. Алексей Алексеевич Онежский. В прошлом году стал членом боевой группы «Жанессо», получил приказ вас уничтожить и сам пропал.

Геннадий Егорович при этих словах не изменился в лице, но по той лишь причине, что оно враз потеряло

всякие возможности к изменению. И наступило молчание, которое принято называть мертвым. Глядя пристально друг на друга, молчали и старик, и Менгрел. Наконец Геннадий Егорович немного ожил.

— Они потом приходили ко мне. Я предоставил им свидетельство того, что Алеша жив, и они ушли, — сказал он.

— Но, может быть, не поверили?

— Но, может быть, не поверили. С них станется.

Опять молчание, теперь оно было короткое, но пронзительное. Его прервал Менгрел:

— Так они правильно не поверили?

Теперь уже без паузы:

— Нет.

Менгрел симпатизировал старику, и в этот момент ему показалось, что вся Вселенная вокруг него облегченно вздохнула. Не отводя от него взгляда, Менгрел повел ее, будто ему жал несуществующий воротник.

— Нет, — повторил Геннадий Егорович. — Алеша действительно... жив. Внезапно выяснилось, что я неспособен убивать родственников. А может быть, и вообще неспособен убивать.

— Своими руками, — уточнил Менгрел.

— Да, конечно, своими руками. Конечно, да.

— И что же тогда случилось?

О боже, и что же тогда случилось? Двух любящих людей натравили друг на друга, расчетливо и жестко. И любящие люди на это пошли. Алеша... А что Алеша? Глупый мальчишка, максималист, его в этом возрасте можно подбить на что угодно. Но ведь и старик, сам по натуре человек сугубо расчетливый, тоже с ситуацией согласился, только эмоции на этот раз перехлестывали, и, чтобы дать им выход, он решился на откровенную глупость — инсценировку сюжета Эдгара По с бочонком амонтильядо. Он и сам понимал, что глупость, сам пони-

мал, что ни к чему это не приведет, хотя бы потому, что для такой казни нужна ненависть, а ненависти к Алеше он не испытывал никакой. Надо было просто, стандартно, например передозировкой.

И подвал у него был, правда, не катакомбы, а просто небольшой уютный коридорчик, обшитый светлым деревом, с тремя кладовками. И амонтильядо он купил, пришлось через Москву заказывать, тоже, конечно, не бочонок, но двадцать бутылок, стеклянных, под старину, он еще им напыление сделал, чтоб уж совсем для древности. А когда внук пришел его убивать, он внука быстро уговорил, знал же, что у того с убийством ничего не получится, и утащил в подвал выпить амонтильядо в знак примирения — ужасно он тогда себя чувствовал.

Сначала все шло как и было задумано — он привел его в кладовку, подвел к полкам с бутылками, на столик поставил бокалы желтого хрусталия, дал внуку штопор и пока тот возился с пробкой, быстро вышел и запер дверь.

— Деда, ты что? Открой, де! — через минуту сказал Алеша.

— Пей амонтильядо, внучок, а я скоро приду.

И убежал, чтобы ничего больше не слышать.

Продержался он часа полтора, не меньше, замер в своем эркере со сжатыми челюстями, потом сломя голову кинулся вниз, распахнул дверь — Алешенька сидел на полу и держал в руке пустую бутылку из-под вина.

— Он сидел прямо на полу и без всякого смысла смотрел прямо перед собой,— сказал старик.— Он даже не заметил, что я пришел. Всего полтора часа, всего полтора часа! Я не знал, что делать, что сказать, и спросил первое, что пришло в голову. Я спросил его, как ему понравилось амонтильядо. Это был у него какой-то шок, первный срыв, мне потом объясняли по-медицински, я не запомнил. А на столике перед шкафом с бутылками стояли два бокала, один пустой, другой полный. Он на-

лил мне вина, пока меня ждал, представляете! Я спросил его, как ему понравилось амонтильядо, а он даже не заметил вопроса. Он просто продолжал сидеть на полу и смотреть прямо перед собой. И молчал. Он так и не сказал ни одного слова — ни в тот день, ни в следующие...

— Он здесь?

— Нет, что вы! Я бы не выдержал. Я все сказал своим, сказал, что ухожу из Консультантов, потому что не прошел проверки... кровью. Я все сказал своим, сказал, что ухожу, но они велели остаться, потому что... все это так называ... все это испытание было блефом... я попросил их устроить куда-нибудь мальчика, чтобы его жанессовцы не достали, и по возможности вылечить. Да я и не мог оставить его у себя. Они бы обязательно достали его у меня, вы даже не представляете, какие они звери!

— А вы не звери.

— Мы?! Мы только защи...

— Защищались, слышал. И по долгу службы часто встречался с этой защитой. Так его вылечили ваши не звери?

— Лечат, — с виноватым видом ответил Геннадий Егорович. — Но это какой-то очень серьезный шок, так сразу не поддается. Алеша — очень впечатлительный мальчик, не то что я. Правда, прогресс есть. Он уже несколько слов сказал. Правда, он сказал их врачу, а думал, что говорит мне. Он думал, что отвечает мне там, в подвале. Знаете, что он сказал? Он сказал: «Дрянь оно, амонтильядо твое. Кисляк с привкусом хереса. Я вспомнил, кстати, пока здесь сидел, ты же сам читал мне этот рассказ в детстве. Было б из-за чего в тот подвал спускаться».

Вечером, без четверти шесть, точнехонько в свое время, Геннадий Егорович появился в гостерии «Последний шанс», но пошел не к своему обычному месту в углу, а к барной стойке.

— Здравствуй, Артур.

— Здравствуйте, Геннадий Егорыч,— сказал Артур и потянулся к батарее пивных кружек.— Вам как всегда?

— Нет, Артур, сегодня у меня другое меню,— ответил старик.— Не хочу пива. Налей-ка мне двести граммов вина. Белого. Крепкого. Я заметил, у тебя часто берут. Хорошее?

— Дешевое,— ответил Артур, подвигая ему бокал.— А что это вы, Геннадий Егорович, правила свои нарушить решили? Случилось что?

— Случилось.— Прищурившись, старик посмотрел на бармена.— Себе тоже налей, Артур. Тебе можно, еще почти целый час народу не будет.

На секунду Артур застыл, потом кивнул, скромно улыбнулся и налил себе тоже. Но тут произошел казус — его бокал не наполнился даже до половины.

— Я опустел,— сказал баллон.— Пора меня менять.

— Прямо как со мной! — засмеялся старик.

Артур болезненно скривился и наклонился под стойку за новым баллоном.

— Сейчас, я быстро. Извините.

— Ничего-ничего, я подожду! А у тебя не бывает амонтильядо? — спросил старик у Артура, пока тот наливал себе новый бокал.

— Херес такой? Нет, не бывает, здесь хересы не идут.— Артур наконец поставил перед собой полный бокал.— Ну?

Это «ну» прозвучало как приказ, оно было неожиданным и не вписывалось в отношения, сложившиеся между стариком и барменом.

Старик приподнял свой бокал, потом снова поставил его на стойку.

— Тебе сколько лет, Артур? — спросил он.

— Сорок шесть.

— А выглядишь на двадцать пять. Зачем тебе омолаживаться?

Артур промолчал, выжидательно глядя на старика. Тот весело качал головой, поглаживая бокал.

— Сорок шесть. Кризис среднего возраста. Самое счастливое время в жизни мужчины, но вот ведь парадокс — говорят, что в это время он чувствует себя несчастней всего. Неудовлетворенность, депрессии... Молодые и старики чувствуют себя куда лучше, они намного счастливее, чем люди твоих лет. И получается вообще непонятное — счастливые сражаются между собой, а несчастные выживают в сторонке. Ты счастлив, Артур?

Тот опять промолчал.

— Так вот за что я пью твое белое крепкое. Я сегодня отмечаю свое спасение. На днях нашелся человек, который пришел, чтобы спасти мою жизнь. Спасибо тебе, Артур.

— Пожалуйста.

— Чокнемся? Хотя с нами обоими это произошло много лет назад.

Они чокнулись.

— Как вы догадались, Геннадий Егорыч? Где я прокололся?

— Ты шаркал, когда уходил.

— Вот оно что.

— Я не засек твоего появления, ты удалил этого Бриля без всякого шума. Я понял, что работает профессионал. Но, уходя, ты уже не заботился о бесшумности.

— Я догадался, что вы где-то рядом прячетесь, у вас времени не было убежать далеко, а значит, он бы вас нашел, причем обязательно. Я шумел не нарочно, я просто не подумал, что вы услышите, что вы так близко. Я не подумал, что у вас тоже плащ.

Старик отвернул воротник рубашки и показал маленькую белую пуговицу, пришитую изнутри.

— Он у меня всегда с собой. А когда я услышал шаги, я понял, что это профессионал, теряющий осторожность. Например, профессионал в отставке, человек лет сорока — сорока пяти. Я почти сразу догадался, что это ты. Догадался бы сразу, если б знал, что у тебя тоже плащ.

Артур отвернулся к рубашке и показал маленькую белую пуговицу, пришитую изнутри.

— Он у меня тоже всегда с собой.

Старик кивнул.

Звякнул колокольчик, и Артур отправился обслуживать нового клиента; тот всегда приходил после Геннадия Егоровича. Надменный тип без имени и без возраста, но с огромным носом, он всегда заказывал два бокала белого крепкого, но сперва обязательно требовал меню. Дорогой, чуть потертый костюм и непременная белая бабочка на белой рубашке.

Когда Артур вернулся за стойку, он заметил, что бокал старика пуст.

— Еще? — спросил он.

Тот отрицательно покачал головой, но потом неожиданно согласился:

— Э, гулять так гулять!

Выпили.

— Одного я не пойму, — принялвшись, наконец, за свои орешки, сказал старик. — Зачем вы так радикально ситуацию разрешили? Зачем надо было удалять? Пошумел бы, помешал, да и отправился восвояси.

— Еще? — спросил Артур.

— Нет, спасибо, у меня уже и так в голове зашумело. Артур подумал немного, через стойку наклонился к нему.

— Должен вам признаться, Геннадий Егорович, что я не только спасать вас побежал, я шкуру свою спасал. Может, и вообще не побежал бы, если б не это. Но Бриль не расплатился, когда пошел сразу за вами. Я тогда сразу

понял — он не забыл, он нарочно не расплатился, чтобы повод был вернуться. Он никогда не оставляет свидетелей. Не сегодня, так завтра он бы меня все равно достал.

— Ты его знал?

— Я как раз уходил, по возрасту уходил, когда он пришел в «Жанессо». Я тогда был...

— Я знаю,— сказал стариk.

— А-а-а... Так вот, меня-то он не видел, а его мне как-то показали издали, назвали исполнителем суперкласса. Он с того времени сильно изменился. Злой стал, нервный, я его даже не узнал сразу. И вино пил перед исполнением, а это уж вообще. Какой там суперкласс, смех один. Но все-таки и с такими не шутят. Так что, когда я увидел, что он за второй бокал не расплатился, ножик из ящика схватил — и за ним. Страшно было. Я еще в кафе плащ включил.

Опять звякнул колокольчик у входной двери.

— Ого! — тихо сказал Артур.

Геннадий Егорович обернулся. В дверях, засунув руки в карманы, стоял Менгрел.

— Это не я,— сказал Геннадий Егорович.— Я не играю в такие игры.

— Надеюсь,— сказал Артур.

Менгрел подошел к стойке и поздоровался.

— Вот, решил немножко расслабиться, а то все работа, работа... Что у вас тут пьют? О, белое крепкое? Накапайтесь и мне тоже грамм двести, Артур Михайлович!

Накапали. Пытались смотреть приветливо, но все равно получалось мрачно. Менгрел тоже веселым не слишком выглядел, хотя и старался. Стрельнул глазами в того, в другого, потом в свой бокал уставился, который сразу ополовинил.

— Тут мне спутниковое прислали,— вдруг сказал он.— Вы даже не представляете себе, какая это морока — офи-

циально получать спутниковое. Вот скажите мне, почему? Нет, я понимаю, народ у нас такой, что не каждому можно, но я же официальное лицо, антивозрастной контингент, мне в ту же секунду должны информацию выдавать! Мне же преступления раскрывать, и желательно по горячим следам. А спутники — они же все видят! Так нет — защита информации, извольте помучиться, пока следы не остынут. Вы как хотите, а по-моему, бюрократия — бич современного общества, его тормоз и убийца.

— И что в том спутниковом вы увидели?

— Ничего. Честно говоря, я ничего особого и не ждал.— Менгрел внимательно посмотрел на свой бокал.— Хорошее вино, не то что это ваше амонтильядо. Я тут решил попробовать... ну не знаю, я не знаток, но то ли мы изменились, то ли амонтильядо, то ли ваш ста-ринный писатель в жизни его не пробовал — не восторг.

Старик заморозился, только глаза расширил. Артур скроил самое невыразительное лицо и почему-то положил на бокал ладонь.

— Там все видно,— сказал Менгрел,— с любого угла обзора. Там видно, как вы, Геннадий Егорович, выходите из кафе, проходите два квартала, поворачиваете к пустырю и пропадаете — точно так, как вы и рассказывали. И там не видно, чтобы за вами кто-нибудь шел.

— Не надо,— сказал старик.— Он за мной шел, я его сразу засек. Я же еще в гостерии все про него понял.

— Ох, вы меня не слышите,— сказал Менгрел.— Я же не говорю, что он за вами не шел, я говорю, что спутники его не увидели. В старину, когда вдруг криминалисты открыли значение отпечатков пальцев, преступники быстро перестроились и стали работать в перчатках. Нет, правда, мне понравилось ваше белое крепкое. Самодел?

— Все официально,— тихо сказал Артур.

— А, ну да. Так вот, мы называем этот прибор зонтиком. Попроще плаща, но принцип тот же — на земле видно, а от спутников экранирует, полный идиотизм, но почему-то очень прижился. Дешевле, что ли.

Говорил он монотонно, негромко, мрачно и безнадежно:

— Словом, вышел только Геннадий Егорович, это зафиксировано. Зашел за угол и исчез. Потом, спустя примерно семь минут, на проспекте Чубайса, где, как мы знаем, находится ваша, Артур Михайлович, гостерия, направляясь от Солдатской площади, вдруг возникла женщина, идентифицированная как Светлана Козлова, референт главы нашего филиала «Жанессо» Ореста Аристарховича Аристова, без особых оснований подозреваемая в том, что она является штатным удалителем филиала. Женщина вела себя нервно и бежала прочь от Солдатской площади, не соблюдая при этом никаких мер предосторожности. Из этого я делаю вывод, что Светлана Козлова... кстати, она действительно не Козлова... что она тут ни при чем.

И, оценив удивленные мины слушателей, Менгрел продолжил:

— Да сами подумайте — исполнитель идет на акцию, исполняет ее, причем исполняет профессионально, никакой даже примятой травы, кроме как после вас, Геннадий Егорович, не осталось, а потом почему-то в панике убегает, забыв о хорошо продуманных планах отхода, забыв обо всем на свете. Это значит, что все пошло не так, это значит, что исполнитель в полной растерянности, что он испуган, это значит, что он не совершил акцию. Если бы Света убила, она бы так не нервничала, не убегала бы так, не выключала бы плащ до ближайшего укрытия, хотя бы зонтиком прикрылась от спутников. Да еще этот нож. Убивала не она, она испугалась убийцы, потому что его не видела. Нет, Бриля убил другой.

— Как интересно! — сказал старик.— Значит, вам надо искать другого?

— Зачем искать, я его нашел уже,— ответил Менгрел, тут даже и не скажешь, как — сразу и грустно, и весело.— И даже очень быстро нашел.

Геннадий Егорович недоверчиво и как-то даже осуждающе покачал головой и сказал, пристально вглядываясь в Артура:

— И кто, по-вашему, убийца?

Менгрел хмыкнул, ухватился за свой бокал:

— А вы как будто не знаете? Кому же и знать, как не вам!

Артур неподвижно перед ними стоял. А Геннадий Егорович неожиданно рассердился:

— Неправда, я уже говорил вам, я никого не убивал, он жив и уже выздоравливает. Мне обещали, что он полностью востановится.

— Кто выздоравливает? — удивленно спросил Менгрел.

— Ну этот, как его? Тот, которого я убил. Алеша, внук мой! Вы что, не поверили?

Стало ясно, что со стариком творится что-то не то, хотя внешне он выглядел все тем же собранным и неглупым мужчиной чуть повыше среднего возраста.

Менгрел потрясенно возвел глаза к потолку, потом нацелил их на Артура. Тот был так же неподвижен и невозмутим.

— Я вовсе не имел в виду Геннадия Егоровича,— сказал Менгрел.

Артур кивнул. Геннадий Егорович нахмурился, досадливо повел головой и буркнул нехотя:

— Извините.

Ему не ответили — Менгрел с Артуром были в этот момент слишком заняты друг другом.

— Я понял, кого вы имели в виду,— сказал Артур.— А вы то как догадались?

— Очень просто, мне даже не понадобились спутниковые. Я всего-навсего не поленился заглянуть в ваш профайл и почитать о ваших прошлых связях с «Жанессо».

— Это не доказывает моего участия в убийстве, а просто делает одним из подозреваемых.

— Вы совершенно правы, я даже не попытаюсь вас раскрутить, хотя, поверьте моему опыту, в принципе это возможно. Да и мелочи разные были кроме профайла, например нож. Я просто не хочу этим заниматься — полно других дел, а ваше отнимет у меня много времени, в результате которого я получу бывшего недоказанного убийцу, который убил убийцу настоящего, но тоже недоказанного, да еще в качестве самообороны, пусть и весьма сомнительной. Меня просто не поймут, если я стану заниматься вами всерьез.

— Я облегченно вздыхаю, — сказал Артур, он оставался так же неподвижен и невозмутим. — По этому поводу все остальное угощение для вас будет за счет заведения. Налить?

— Варум бы и нихт, — сказал Менгрел. Он был по-прежнему мрачен. При виде словно ниоткуда появившегося бокала с вином, настоящего, хрустального, в каких не подают спиртное в дешевых гостериях, он опасливо покачал головой. — Этак я еще и напьюсь вбездобраз, а со мной этого не случалось уже, наверное, лет двадцать пять.

— Пуркуа бы и не па, — ответил Артур.

— Представляете, — вдруг подал голос Геннадий Егорович. — Он читал По, точней, я ему читал По, поэтому он считал себя замурованным, но все равно налил для меня бокал. Да и сам напиться попробовал. Вино ему не понравилось, но все-таки это было амонтильядо, а не белое крепкое.

— Замечательная у вас работа для моей конторы, Артур Михайлович! — сказал Менгрел.— Много видишь, много слышишь, многое можно узнать.

Артур, наверное, ждал такого поворота, поэтому ответил сразу:

— Я больше не хочу с этим связываться. Не надо.

— Напрасно вы так, с этим невозможно не связываться. Все стареют.

— Вот когда постарею, тогда и разговор будет,— сказал Артур.

— Ну и ладно, я ж просто так сказал, нет так нет. До чего же странная у меня сегодня компания! Напиваюсь с обоими подозреваемыми! Даже подумать боюсь о том, что со мной сделают, если узнают.

— Над вами же нет начальства,— сказал Артур.

— Вы даже не представляете себе, сколько начальства у человека, над которым нет начальника.

Компания действительно была странная. Причем не столько составом, сколько напряжением, от которого вокруг нее, поэтически говоря, искрился воздух. Они вроде бы даже разговаривали, но издали выглядели как каменные скульптуры.

Надменный клиент выпил свое белое крепкое и помахал Артуру рукой, требуя счет. Так и не дождавшись ответа, он в конце концов достал из кармана брюк миниатюрное мемо, позапрошлогоднюю версию накрученного, но очень неудачного «Виндзора», что-то в него сказал, видно отправил деньги за два бокала, встал и направился к стойке с явным желанием сделать Артуру выговор. Он шел, не отводя от Артура непреклонного взгляда, но боковым зрением зацепил Менгрела, узнал и тут же потерял свой надменный вид.

— Здравствуйте, Сергей Андronович,— искательно сказал он, но тот к нему даже не повернулся. Клиент,

теперь уже не надменный, а даже как бы и испуганный малость, немного подождал, искривился лицом и тихо-хонько удалился, даже колокольчик не звякнул у входной двери.

— Он всегда мне говорил, что я противоречу природе,— сказал вдруг Геннадий Егорович.— А я всегда ему отвечал, что человек вообще противоречит природе, так что даже и непонятно, почему она его до сих пор терпит,— то ли человек сильнее природы, то ли она его просто не замечает...

— Здесь вы неправы,— сказал Менгрел.— Человек не всегда противоречит природе.

— Черт возьми, ну и тема! Давайте лучше поговорим о женщинах или пляжном футболе,— вдруг подал голос Артур, до сих пор долго молчавший.— Я очень, я чертовски очень не хочу больше в этом участвовать.

— Я вот о чем,— продолжил Менгрел.— Люди убивают друг друга на протяжении всей истории человечества. Прогресс в этом деле наметился. Есть законы, запрещающие убийство и назначающие за него довольно серьезные наказания. Но войны священны, и во время войн уничтожаются миллионы, и никто не несет ответственности, а если кто и несет, то только проигравшая сторона. И как раз это не противоречит природе.

Говорил он медленно, глядя внутрь, и ему неприятно было говорить это.

— И вдруг возникает вообще дикость — война детей и стариков. И те и другие вдруг начинают истреблять друг друга. Они истребляют друг друга с той жестокостью, с тем садизмом, который свойствен любой войне. Популяция уничтожает сама себя, и мы при этом присутствуем, причем все трое присутствуем в этой войне очень активно.

— Я не присутствую,— сказал Артур.— Еще?

— Нет, хватит. Впрочем, да, еще, пусть его. Но вы, Артур Михайлович, присутствуете и присутствовать будете. Спасибо. Я просто хотел объяснить вам или объяснить самому себе, что когда идет эта дикая, несусветная война, то в этом мы как раз не противоречим природе. Вот что ужасно. Молодые расчищают ниши от старых — нормальный закон выживания. Природа только не предусмотрела, что старые тоже могут сохранить силу и оказать сопротивление. Молодые-то, они, в принципе, правы, они вполне нормальные и полноценные люди, только они пока немножко свернуты на своем максимализме и внушаемости.

— А может, это старики свернуты на своей якобы мудрости, которой они заменили угасание интеллекта? — спросил Артур.

— Может, — сказал Менгрел.

А старик на это ответил:

— Просто нам не нравится амонтильядо. Мы привыкли к более дешевым напиткам. Может быть, мы всего лишь не понимаем изысканной прелести этого вина, испорченные белым крепким?

Владислав Женевский родился и живет в Уфе, рассказы и стихи пишет с подростковых лет. Студентом, спасаясь от сомнительных соблазнов математического анализа, он открыл для себя творчество Стивена Кинга и Говарда Лавкрафта. Так начался его роман с жанром ужасов, который продолжается и по сей день. Несколько лет был редактором PDF-журнала о хорроре «Тьма», теперь ведет литературный раздел в преемнике «Тьмы» – онлайн-издании «DARKER». Трехкратный лауреат премии «Фанткритик», рецензент журналов «FANтастика» и «Мир фантастики». На жизнь зарабатывает переводами, в том числе литературными. Переводил с английского Стивена Кинга, Филипа Дика и Чери Прист. В собственном творчестве тяготеет к психологическому и мистическому хоррору.

В рассказе «Запах» Женевский отдает дань уважения Ги де Мопассану, Эмилю Золя и другим французским классикам XIX века, не чуравшимся запретных тем. Впрочем, в слегка альтернативном Париже эпохи Наполеона III может найтись место и влиянию Дэвида Кроненберга...

Владислав Женевский

Запах

Сумрачным ноябрьским утром 1867 года над Парижем угрюмой коммуной толклись сизые тучи, извергавшие из недр то холодную морось, то снег. Чахлые снежинки ложились на облезлую черепицу столичных крыш, на чугунные колпаки фонарей, на брускатку бульваров и непролазную грязь предместий — и растворялись, оставляя за собой еще более густой, чем прежде, оттенок серого или черного. С одной и той же отупелой безысходностью гибли они в мутных водах Сены, на обшарпанном куполе Дома инвалидов, на цилиндрах нервных буржуа и лотках уличных букинистов. Но то скливией всего падалось им на Севастопольском бульваре, прорубленном в сердце города бароном Османом; там, выстроившись кружком в десяти шагах от модной лавки господина Льебо, приглушенно галдела толпа. Внутри первого круга сомкнулся еще один — с полдюжины сонных и злых полицейских. Центром же служил обнаженный труп, бледным насекомым распростершийся на мостовой. Снежинки нехотя, точно с отвращением, замирали на его израненной коже, терялись среди бесчисленных язв и химических ожогов, между зияющих овальных отметин и багровых синяков. Тут и там, оттеняя безобразный узор, тонким слоем лежала зеленоватая слизь. Мертвец походил на молочного поросенка, не в добрую минуту снятого с вертела.

Мсье Рише созерцал его с непочтительно близкого расстояния; в такие минуты нескладное тело инспектора само собою принимало позу натуралиста, которому посчастливилось наткнуться на неопознанное чудо природы у порога собственного дома. Впрочем, на этот раз интерес его не сводился к обыкновенному полицейскому любопытству; Рише знал погибшего, и разительное несоответствие между живой и мертвой ипостасями господина Дюбуа магнетизировало инспектора, притягивало взор извечной загадкой смерти.

Сколько выражений довелось ему видеть на этом лице, в тени этих роскошных усов! Сытость, раздражение, сарказм, усталая полуночная нега... Чаще всего, разумеется,— похоть и спесь. Где все эти личины теперь? Черты Дюбуа застыли в базальтовой маске ужаса; если бы зрение Рише не настаивало на обратном, он никогда не поверил бы, что этот никчемный повеса способен на столь чистое, столь беспримесное чувство, достойное античной трагедии.

И все же некая примесь была... некая чужеродная нотка, способная пробиться даже сквозь толщу мимического камня. Рише сильнее прежнего напряг глаза, разыскивая среди ранок и гнойничков на щеках Дюбуа ускользающую тайну,— и, настигнув ее, вздрогнул. Под слоем ужаса его встретила неприкрыта ухмылка удовольствия — да что там, блаженства. Блаженства, не предназначенного для земного мужчины...

Рише резко выпрямился и заморгал. Трехмесячное воздержание начинает плохо сказываться на нем. Усмотреть собственные желания в чертах трупа — дошло же до такого!

Толпа оживленно заплещукалась, предвкушая гениальное озарение: несколько остроумных догадок, высказанных в удачный момент, завоевали Рише определенную

популярность в парижской прессе — насколько может пленить газетчиков долговязый рыжеусый холостяк, самая пространная тирада которого не составляла и тридцати слов. Даже этот умеренный интерес причинял ему изрядное беспокойство, и его лишь порадовало, что на сей раз публику ждет разочарование.

— Переверните тело, Робер.

Дюжий сержант со всей доступной ему грацией — и немалой долей брезгливости — поддел мертвца снизу и уложил на живот, на предусмотрительно расстеленную простыню. На спине Дюбуа рисунок язв и отметин проступал не так густо, а вот крови как будто было больше, хотя невооруженным глазом отделить ее от вездесущей слизи оказалось непросто. И все же главное не ускользнуло от взгляда инспектора даже в сером утреннем свете: от поясницы к бедрам покойника расплескалась бесформенная бурая клякса, заметная даже среди прочихувечий.

— Его выбросили из экипажа. На большой скорости.

Подчиненные молча смотрели на Рише, ожидая дальнейшего. Внезапно его охватило желание вцепиться каждому в глотку и душить, душить, душить, пока бесполезные, одурманенные сном и праздностью мозги не полезут из ушей.

— Тело завернуть и увезти. Жду отчет от Дюрталя.

Пара молодчиков, растолкав растущую толпу, сбежала к служебному экипажу за носилками. Когда эти двое уже готовы были удалиться со своей ношей, Рише жестом остановил их. Стянув перчатку, он приподнял край простыни, соскреб немного слизи с подбородка Дюбуа и поднес палец к ноздрям.

Мускус... влажный запах устриц... прелая роскошь тропических растений... капельки пота на нежной коже... терпкий аромат, который не в силах сдержать тонкая ткань белья и от которого голова идет кругом...

Это было невероятно, это было дико, но слизь на теле
Дюбуа пахла женской страстью.

— И что же вы имеете сказать о деле Дюбуа, Рише? Пройдохи из «Газетт» и «Фигаро» осаждают мой порог с самого утра. Хвала небесам, что они не успели к основному блюду; ваша расторопность оказалась весьма кстати. С этих либертеновсталось бы довести снимки до печати. А зрешице, насколько могу судить, не содействовало ни пищеварению, ни общественной морали.

Неужто твое пищеварение хоть что-то способно испортить, жирный ты дроzd? Ни за что не поверю.

— Итак?

— На этот час сведений немного, господин префект. Есть основания полагать, что жертву сбросили из быстро едущего экипажа. К моменту падения Дюбуа с большой вероятностью был уже мертв или же в агонии. Произошло это, скорее всего, поздней ночью либо ранним утром. Впрочем, убийцы — а тут действовала, самое меньшее, пара — не слишком заботились о скрытности, иначе едва ли оставили бы труп в столь оживленном месте. Допускаю, что имела место случайность. И все же им сопутствовала удача: на этом участке бульвара нет ни притонов, ниочных пивных...

— ...и не будет, пока я сижу в этом кресле, а его величество взирает на наши скромные деяния с этого портрета.

Еще одна надутая рожа. Сколько же времени милейший монарх проводит у гипнотистов? Не разгладились ли заодно и складки его мозга?

— Разумеется, господин префект. Так или иначе, тело было обнаружено не сразу, и свидетелей у нас не имеется — за исключением, конечно же, фонарщика, который первым наткнулся на Дюбуа и вызвал стражей порядка. Ничего существенного он сообщить не может.

И бедняге несказанно повезет, если он не закончит дни в Салливетриере, в руках доктора Шарко и его друзей-мозгоправов.

— Что дал осмотр тела?

— Немало странного, господин префект. Наш анатом в растерянности: единственное, в чем он вполне уверен,— то обстоятельство, что все раны довольно свежие. При этом отдельные язвы имеют сходство с симптомами венерических и кожных болезней, другие напоминают укусы насекомых, животных и даже людей.

— Господи!

Пожалуй, я все-таки переоценил твое пищеварение.

— Имеются и химические ожоги, вызванные каким-то неизвестным нам веществом или веществами. Однако наибольшее недоумение вызывают округлые отметины, проникающие под верхние слои кожи. Иногда в их расположении словно бы проступает некая закономерность, но выделить ее ни мне, ни Дюрталю пока что не удалось. Еще одна загадка — слизь, покрывающая тело Дюбуа. Ничего подобного в моей практике не встречалось.

— И что же вы об этом думаете, Рише? Предлагаете кормить публику загадками? Нам этого не спустят с рук, дело уже получило огласку. Не поймите меня превратно: будь моя воля, таких распутников скидывали бы без похорон в известковые ямы. У многих из нас есть деликатные склонности — да-да, я первый готов признаться в этом! — однако Дюбуа размахивал своими как флагом на баррикадах! Ожидая, без сомнения, что какой-нибудь новоявленный Будэлер узрит в нем светоч вдохновения и воспоет в веках. А ведь его дед содержал дубильню на улице Муфтар!

И только в этом все дело.

— Репутацию Дюбуа вы обрисовали как нельзя более точно, господин префект. Осмелюсь заявить, что она и станет стержнем нашего расследования. Мне достоверно

известно, что в некоторых парижских заведениях содержатся животные для плотских утех...

— Какая мерзость! Почему эти притоны до сих пор не закрыты?

— Боюсь, ваш вопрос вернее было бы адресовать отделу нравов и лично месье Дижону, господин префект... Могу лишь предположить, что возможности нашей агентуры ограничены, а изворотливость сластолюбцев не знает пределов.

Не исключено также, что их взяли под крылышко иные чины префектуры, тоже не чуждые известных человеческих слабостей, как вы сами изволили заметить.

— Кроме того, до нашего сведения доходили слухи о кислотах и солях, используемых распутниками для получения извращенного удовольствия от боли. В свете перечисленного естественно допустить, что Дюбуа участвовал в необычайно развязной и дерзкой оргии, которая закончилась для него фатально. Это объяснило бы многие факты и не противоречит тому, что мы знаем о покойном. Изредка подобные вакханалии устраиваются и в частных владениях, однако в домах терпимости искачелям порочных увеселений предлагают особые условия; за деньги там исполнят любой, даже дичайший каприз. Безусловно, сказанное приложимо лишь к самым роскошным заведениям, рассчитанным на тугие кошельки. По счастью, их число невелико — и Дюбуа наведывался во все. Поэтому представляется уместным посетить каждое из этих гнездилищ порока и допросить содержателей по всей строгости закона. Чутье подсказывает мне, что убийцы Дюбуа не замедлят себя выдать.

Чутье или ребяческая надежда? Чума задери этого Дюбуа и осень вместе с ним. Если б не он, я бы уже грел ноги у камина.

— А мое подсказывает, что «Фигаро» и «Газетт» все-таки получат свой кусок. Если не Дюбуа в этой вашей сли-

зи, то нас они в перьях изваляют наверняка. Проследите, чтобы за вами никто не увязался, Рише. Эти господа умеют самую невинную вещь представить так, что читатель содрогнется от негодования. Страшно и подумать, в каком виде они изобразят ваше турне по столичным... заведениям! Если бы речь шла о массовой облаве — иное дело, но в нынешних обстоятельствах я бы рекомендовал вам действовать более деликатно. Как полагаете, двоих человек будет достаточно для вашей безопасности?

— Да, господин префект.

Хотя и это ровно на двоих больше, чем меня бы устроило.

Когда экипаж Рише остановился на тихой уличке близ церкви Мадлен, снег уже перестал, оставив после себя потемневшие фасады и скользкую мостовую. Серое утро сменилось таким же серым днем. Инспектор с тоской глядел на особнячок в стиле поддельного классицизма — достаточно аккуратный, впрочем, чтобы не пасть жертвой неуемых расширений и перепланировок последних лет. Вторя примеру начальства, Робер и Дюкло дружно глазели из окна, но для них это был обыкновенный, не слишком занятный парижский дом — как будто даже обиталище очередного буржуа. Рише устроило бы, если б такого мнения они придерживались и впредь; лучше иметь дело с небогатыми возможностями их фантазии, чем с проверенной удалью языков.

— Вы двое ждите здесь. Не хватало еще, чтобы наш визит приняли за облаву. В дневное время таких заведений можно не опасаться.

На него то ли с недоумением, то ли с подозрением уставились две пары глаз. Конечно же, первое. Только первое.

— Как прикажете, господин инспектор.

Рише выждал несколько мгновений, кивнул и распахнул дверцу экипажа.

В этот час дом казался угрюмым и пустым, но последнее едва ли соответствовало истине. Памятуя о толстом слое войлока, устилающем дверь изнутри и оберегающем покой от уличного шума, Рише постучал набалдашником трости прямо по косяку — раз, другой и третий. Звонок он проигнорировал: в стуке настоятельности было больше. После недолгого ожидания дверь отворилась, и в проеме возникло приятное, но словно бы иссохшее лицо Розы, экономки и помощницы мадам. Усталая улыбка, заготовленная для другого посетителя, поблекла до тревожной тени, потом вернулась на прежнее место.

— Мсье Рише... какая приятная неожиданность. Вы так давно не бывали у нас... Боюсь, Маргарита еще не готова, но если...

— Нет-нет, я по делу. Мадам у себя? Мне необходимо переговорить с ней.

Кивнув, Роза сняла цепочку и впустила гостя в вестибюль. Рише никак не мог связать ее облик с элегантной и строгой женщиной, встречавшей гостей вечерами: в простом темном платье она походила на монашку и совершенно терялась на фоне шелковых занавесей и бордовых ковров. Ее сутулая спина яснее всяких слов говорила: все, что происходит в «Кифере» вечерами, — не более чем искусно слепленная иллюзия. В ней как будто больше правдоподобия, чем на театральных подмостках, но приглядись — и за каждой улыбкой, за каждым манящим движением обнаружатся потаенные механизмы, беспощадные в своей прозаичности. Инспектор следовал за своей провожатой знакомым лабиринтом лестниц и коридоров, и даже сатиры с нимфами, привычно резвящиеся на обоях, казались ему печальными и утомленными — словно и они ждали того часа, когда

зажгутся свечи и зашуршат ткани, наполняя дом фальшивым волшебством. Видеть Маргариту в повседневном ее облике совсем не хотелось; приятней было верить, что и она — лишь наваждение, обреченное истаивать с первыми лучами солнца. И за возможность приобщиться к этому обману он каждый месяц отдавал половину жалованья...

Наконец Роза завела его в уютный небольшой салон, которого он не помнил, и предложила расположиться в кресле; мадам подойдет через несколько минут. Погруженный в меланхолические раздумья, Рише не сразу осознал, что из соседней комнаты доносится щебет женских голосов; временами к ним примешивался дребезжащий мужской. Инспектора разбрало любопытство: очевидно, ему представился случай заглянуть за кулисы и увидеть один из скрытых механизмов здешней жизни воочию. Тихонько выбравшись в коридор, он встал у приоткрытой двери напротив и прислушался.

— ...совсем не больно, дурочка!

— Вот когда за тебя возьмется мсье Перек с его щипчиками — тогда и начинай визжать! А это... тоже мне мучения!

— Милая, да мы ведь все через это проходим. Посмотри на нас: разве мы похожи на страдалиц? Это для твоего же блага.

— Барышни...

— Да, но у мадам Круа меня никогда...

— Ха! Мадам Круа! Забудь это имя, глупышка. Ты теперь не в Бордо, ты в лучшем борделе Парижа — и тут знают, как сделать из женщины конфетку. Ну же, не упирайся.

Снова дребезжащий голос:

— Да, вам совершенно нечего бояться, дорогая... Вы всего лишь ненадолго уснете, а проснетесь прекрасней

прежнего. Ну же, расслабьтесь... вот, хорошо. Сделай глубокий вдох... выдох. Вдох... выдох. Посмотрите мои часы — как они славно блестят! Последите за ними. Вам спокойно и легко, ваши члены тяжелеют, веки на бухают свинцовой тяжестью, глаза закрываются... Вы погружаетесь в сон, но продолжаете слышать меня. Всё токи вашего тела внемлют моему голосу. Вы готовы преобразиться, повинуясь моей воле...

Молчание, шуршание ткани. После краткой схватки с нерешительностью инспектор заглянул за дверь. На стульях и оттоманках разместилось с полдюжины девушек в простых домашних платьях. Их вечерний наряд состоял обыкновенно из легких туфелек и шелковых чулок, и Рише опять закружило между иллюзией и явью. Маргариты среди них не оказалось. Взгляды всех пансионерок были устремлены в центр комнаты, где в большом мягким кресле застыла новая обитательница дома — стройная брюнетка с нежной кожей и миловидным, хотя и глуповатым лицом. Последним участником сцены был старик в черном сюртуке, нависший над ней дряхлым коршуном. Он вновь заговорил. Теперь, однако, в его голосе не было и следа прежней слабости; такими чеканными, властными интонациями мог бы вещать автоматон, изображающий императора в расцвете державных сил.

— Вы чувствуете, как разглаживается кожа у вас на лице. Морщинки и прочие изъяны исчезают без следа. Вы — само совершенство. Ваша кожа становится мягкой и упругой, кровь равномерно приливает к каждой точке вашего лица...

Фразы повторялись снова и снова, сплетаясь в тягучее заклинание. И действительно, пансионерки наблюдали за происходящим, словно завороженные, не смея оторвать глаз. Ритуал был хорошо знаком каждой из них, и все же им до сих пор не наскутило созерцать, как из слов

рождается красота. Что до Рише, то ему не доводилось еще присутствовать при сеансах косметического гипноза, и ощущение чуда охватило его помимо воли. Даже из-за двери, за десяток шагов ему было видно, как послушно меняется женская плоть, хотя к ней не прикасаются и пальцем.

Удовлетворившись наконец результатом, гипнотист занялся шеей брюнетки. Затем ей было велено снять платье и белье. Девица без слов подчинилась. Разглядывая алебастровые холмики грудей, Рише размышлял, с той же ли охотой разоблачаются перед стариком пациентки из приличных домов — и как в таком случае можно толковать согласие или отказ. Теоретики и практики единодушно утверждали, что у внушения существует нерушимый предел — нравственные принципы внушаемого. Но даже если и так...

Ход его мыслей нарушили голоса из соседнего коридора. Инспектор проворно, но без спешки — обвинить его в излишнем любопытстве не посмел бы здесь никто — вернулся в пустой салон. Через несколько мгновений в комнату вошла мадам Эрбон — высокая, статная, безупречная. В отличие от своих питомиц, мадам сохраняла верность иллюзиям, которые продавала: изысканное бархатное платье едва ли уступало в роскоши ее вечерним нарядам, разве что альму и золотому предпочли на сей раз спокойный оттенок красного вина. Приникнув губами к подставленной руке, Рише с трудом смог оторваться: благоухание, исходившее от кожи, мучило разум.

Однако флер тотчас же развеялся, стоило им занять места в креслах. В глазах мадам Эрбон читалась грусть, которой не могли скрыть ни манеры пресыщенной львицы, ни работа гипнотистов. Ее истинный возраст оставался для Рише загадкой: за этой гладкой кожей могли скрываться и тридцать, и сорок лет жизни. Несомненно

было одно: в укромных закоулках этой души пряталась ~~не~~ дива, а истощенная старуха.

— Как отрадно, что вы удостоили визитом наш скромный дом, мсье Рише,— с улыбкой проговорила мадам.— Три месяца — долгий срок. Для чего же вы так терзаете нас? Маргарита постоянно спрашивает о вас...

Инспектор вспыхнул, хотя сказанное могло быть только ложью.

— Едва ли такие беседы сейчас уместны, мадам Эрбон. Меня привело к вам дело. Полагаю, вы уже догадываетесь, о ком пойдет речь.

Лицо его визави исказила гримаска неприязни.

— Неужели Дюбуа? Я читала в газетах...

— Да-да, именно он. Насколько знаю, он часто бывал в вашем заведении...

Мадам энергично закачала головой, совершенно сбив его с толку.

— Но как же так? Мне и самому случалось видеть его в ваших салонах...

— Да, его сложно было не заметить. Не считите за дерзость, но я не припомню более шумного и развязного клиента. На него часто жаловались другие наши гости. Я уже начала склоняться к тому, чтобы объявить его нежелательной персоной в «Кифере». Моралисты невысокого мнения о наших принципах, мсье Рише, но поверьте, всего деньги не решают даже в борделях... Простите, если это слово оскорбляет ваш слух.

— Вы осуществили ваше намерение?

— Этого не понадобилось. Он перестал посещать нас в ту же пору, что и вы.

Рише вздохнул. Он и на миг не допускал, что Дюбуа убили в «Кифере», и все же надеялся уйти не с пустыми руками. Турне по «гнездилищам порока» обещало быть не столько волнующим, сколько утомительным. Даже

хрупкая наводка пришлась бы весьма кстати. Три месяца, однако, долгий срок...

Но ему повезло. Потупив взгляд, мадам Эрбон произнесла:

— Кажется, я знаю, откуда вам стоит начать поиски, мсье инспектор.

Рише вопросительно вскинул бровь. В салоне сгущилась тишина. Потом мадам заговорила, не поднимая глаз:

— Мсье Рише, вам, должно быть, известно, что в «Киферу» подчас приходят и клиенты с... особенными потребностями. Многие из них мы готовы удовлетворить — до тех пор, пока ничто не угрожает здоровью и жизни пансионерок... и, разумеется, самих гостей. Смертей иувечий у нас не случалось. Но есть услуги, которых мы не оказываем и не приемлем. «Кифера» — это место, куда мужчины приходят, чтобы насладиться женской красотой... даже если и несколько непривычными способами. Иного мы не предлагаем.

Она помолчала.

— Но такие, как Дюбуа... рано или поздно им становится мало. Излишества притупляют чувственность, это закон... и если огонь желания потух, то просто так его уже не разжечь. О, уловок может быть множество, но помогут они лишь на время, дальше будет лишь хуже... Дюбуа этого не понимал. Однажды он явился ко мне и стал требовать совершенно диких, непотребных удовольствий... не берусь повторить его слов при вас, мсье Рише. Я ответила отказом, и негодяй набросился на меня с кулаками. Нам пришлось выдворить его, словно жалкого пьянчужку... Помню, как он сыпал с тротуара угрозами, которых никогда бы не исполнил; такими людьми помыкают сиюминутные порывы и лень. С тех пор я его не видела. Однако до меня дошли слухи, что он все-таки нашел желаемое...

— Заведение с особыми услугами?

— Да, если его можно так назвать... Видите ли, в нашем деле тоже существует состязательность: приходится следить за конкурентами, чтобы не упустить интересных новшеств. СманиТЬ клиента с излюбленного места довольно просто: для многих мода решает все... Вот как вышло, что мне рассказали о доме на улице Летелье.

— Это же в рабочих кварталах?

— Да, мсье Рише. В таких местах приличному человеку лучше не появляться даже днем. Только можно ли считать Дюбуа и ему подобных приличными людьми?

— Обойдемся без морализаторства, мадам Эрбон. Мне вполне достаточно фактов. Что же это за дом?

— Да-да, простите, я увлеклась... Названия он не имеет — по крайней мере, известного мне. Распоряжается там женщина средних лет, ее фамилия Робар. Встречаться нам не доводилось, но все описывают ее как исключительно неприятную особу, и это меня не удивляет. Говорят, она редко покидает дом и носит только черное. Клиентов у нее немного, зато их уже никакими уловками не переманишь. А ведь цены там гораздо выше наших...

— Да ради бога же, мадам Эрбон, довольно отступлений! Чем торгует эта Робар? Чем она так привлекла Дюбуа?

Мадам наконец оторвалась от созерцания пустоты и посмотрела инспектору в глаза. Затаенная мольба во взгляде лишь усилила ощущение, что перед ним старуха.

— Уродами, мсье Рише. Она торгует уродами. Выродками, которых у нас показывают на ярмарках. Как будто жизнь и так их не наказала... Не спрашивайте подробностей: я их не знаю. И не верю, что у нее есть разрешение от комиссара — никто бы не стал попустительствовать таким мерзостям... Могу сказать только, что Дюбуа стал там постоянным клиентом. И если у Робар его настигла смерть — поделом. У грязных наслаждений своя цена.

Рише не нашелся что ответить. Уточнив адрес дома, он коротко попрощался и направился к выходу. Мадам нагнала его в дверях.

— Мсье Рише... вы уверены, что не хотели бы увидеться с Маргаритой? Час еще ранний, но это можно устроить...

Он промолчал.

— ...просто прелесть что такое. Мими вчера превзошла саму себя. Я едва смогла уснуть от волнения! Какой талант, какой голос! Шарль, ты согласен со мной? Ну что же ты молчишь?

Как будто с тобой можно вставить хоть слово.

— Ах да, тебя же не было у Мими... Все-таки ты через чур много работаешь, Шарль, потому-то ты такой угрюмый. Право же, у него меланхоличный вид, мсье Форель?

— Да, да... весьма.

Лучше сойти за меланхолика, чем за свинью.

— Тебе надо чаще обедать с нами, Шарль. Не спорю, ты занимаешься ужасно важными делами, но иногда служба может и подождать. Ты принесешь его величеству больше пользы, если будешь сыт и доволен.

— Да, молодой человек, обильное и регулярное питание — залог крепкого здоровья. В наше время об этом часто забывают.

Почему же тогда ты сипишь и потеешь, будто вот-вот отдашь Богу душу?

— Шарль, я вспомнила, о чем хотела с тобой поговорить. Мими вчера опять нахваливала того гипнотиста, Вузена. Да ей и рта не нужно было раскрывать — мы сами все увидели. Шарль, он просто волшебник! Ты же знаешь, мы с ней родились в один год...

— Не может быть, мадам Рише! Я полагал, Мими старше вас на добрый десяток лет!

— Ах, не льстите мне, мсье Форель...

Если бы не эта лесть, ты бы не звала его на обеды.

— Так вот, о чём это я... Ах, Мими! Она теперь выглядит такой юной — едва ли не свежее собственной дочери! Что за кожа, что за цвет! Мужчины не могли оторвать от нее глаз — да и кто бы упрекнул их, Шарль? И все это сотворил Вуазен! Нашему бедному старому Тиссо такие чудеса не под силу, он едва-едва справляется с моими морщинками. Сеансов требуется все больше, а проку от них все меньше.

А может, ты просто позволишь себе чуть-чуть постареть, мама?

— Ах, как бы мне хотелось попасть к настоящему мастеру, Шарль! У Вуазена дорого, но мы можем себе это позволить... Одна беда: его слава так разрослась, что он теперь принимает исключительно друзей и знакомых, по протекции... Но Мими сказала мне по секрету, что доктор водит знакомство с господином префектом...

Только не это!

— Ты столько сил отдаешь службе, Шарль! Если попросить господина префекта о небольшой услуге, едва ли он тебе откажет, ты ведь на таком хорошем счету...

— Мама, не в моем положении просить об услугах...

— Шарль, ну можно ведь сделать исключение для собственной матери! Разве ты не хочешь увидеть меня помолодевшей? А ведь раньше на меня заглядывались куда как чаще, чем на Мими!

— Вообще, удивительная штука вышла с этим гипнозом...

Вот уж не думал, что буду рад вашему вмешательству, Форель. Хвала вашему тугодумию.

— В пору моей юности его считали выдумкой для простаков. Помню, как все потешались над тем португальцем, аббатом Фариа. Бедняга не с того начал: ему бы не лекции читать (а по-французски он говорил скверно!), а сразу взяться за дело! Но увы, он только и мог, что погру-

жать зрительниц в сон,— а что тут удивительного? Такое не редкость и в наших обожаемых театрах.

— Ах, мсье Форель, как приятно вас послушать!

— Пустяки, мадам... стариковские речи. М-да, магнетизм... Когда-то само это словечко почитали за дурной вкус — хорошо, что придумали новое... А как любили Мессмера и Фария господа комедиографы! В то время только ленивый не насмехался над магнетизмом, всеми этими пассами и флюидами. Но вот поди ж ты: какие-то светила в Академии залюбопытствовали, провели сколько-то опытов — и все как с ног на голову. Целая наука наросла, и уважаемая! Статейки, опыты, заседания! Я не говорю уже об известной всем пользе. Видел бы это бедняжка аббат!

Велика честь — выводить бородавки у стафух.

— Так что не отказывайте вашей матушке в этой безобидной просьбе, дорогой Шарль; наука на ее стороне... Впрочем, безобидной ли, мадам Риш? До сих пор по-говаривают, будто иные гипнотисты, входя в доверие к пациентам, проделывают с ними возмутительные вещи: побуждают к нелепым — а то и опасным! — поступкам, лишают сна, берут у них деньги в долг и стирают всякое воспоминание об этом! Разумеется, речь не об уважаемых людях наподобие доктора Вуазена...

— Ну что за глупости, мсье Форель! Вчера у Мими как раз зашла об этом беседа, и к нам присоединился доктор Бертран — вы должны его знать. И, конечно же, он развеял все эти слухи как совершенную нелепость. У гипнотистов нет такой власти над человеком, мсье Форель — и слава Богу! Все эти сплетни распускают неблагодарные, бессовестные люди — да еще и со скверной памятью на долги. Если б со мной или моими приятельницами приключилось нечто в этом духе, мы бы ни за что не забыли!

— Так, может, вам именно что подчистили память,
моя дорогая?

— Ах, мсье Форель, вам лишь бы шутить!..

А жаль все-таки. Многое бы отдал, чтобы забыть про этот обед...

И вновь инспектор восседал у себя в экипаже и смотрел из окна на серые парижские дома — но совсем в другом настроении и другом районе. Вдоль улицы Летелье выстроились в ряд убогие строения, в которых селилась рабочая беднота. Казалось, фасады тонут в грязи; если б не их привычный облик, Рише без труда бы представил себя во многих десятках лье от Парижа. О мостовых здесь и не слышали. Да, левый берег Сены жил по собственным законам, и даже полицейскому появляться тут было небезопасно... Но где лучше всего спрятать грязь, как не в грязи?

Сгущались сумерки. Кое-где из окон уже пробивался чахлый желтый свет. Рише бесстрастно наблюдал, как увальни из отдела нравов высаживаются из подоспевшего экипажа и шлепают по лужам к указанному дому. Сегодня здесь разыгрывается драма в нескольких действиях; инспектор был достаточно скромен, чтобы не стремиться на сцену в самом начале представления. В конце концов, это не его работа: подчиненные мсье Дижона занимались подобным изо дня в день и лучше Рише знали механику подпольных борделей. С этим согласился и префект, без вопросов выдав ему разрешение на облаву (а заодно и рекомендации для доктора Вуазена: нет глины мягче, чем довольное начальство). Теперь оставалось только ждать.

Детина-сержант принял колотить кулаком в ничем не примечательную дверь. Вскоре послышался хриплый голос:

— Сегодня не принимаем. Приходите через неделю, мсье.

— Это полиция! А ну-ка открывай!

Вместо ответа — бойкий топот.

Дверь выломали быстро: для заведения, хранящего столь чудовищные тайны, она оказалась на удивление уступчивой. Фигуры в мундирах одна за другой исчезли внутри. Вскоре донесся сдавленный вскрик. Выждав еще несколько минут, Рише покинул экипаж и пустился в тяжкий путь по раскисшей глине.

На входе его встретил сержант — вопреки ожиданиям, ничуть не взъерошенный. Неужели мадам Эрбон ошиблась?

— В доме один только слуга, господин инспектор. Хотел сбежать через дворовое окно, но Дюплэн успел прихватить его за ворот. Пока мы от него ничего не добились. Тут много закрытых дверей, но у этого мошенника были ключи...

Вместе они поднялись по скрипучей лестнице — не слишком запущенной, но и не особенно чистой. Пахло сыростью. По бесцветным обоям расползались пятна плесени, странно подвижные в свете фонаря.

Перешагнув последнюю ступеньку, инспектор оказался в тесном помещении, от которого отходил длинный коридор. На полу между стульев сердито всхлипывал крохотка в коричневых штанах и жилетке. Из носа у него текла кровь. Рядом переминались с ноги на ногу двое полицейских. Вид у них был неспокойный.

И Рише мог их понять. Для борделя здесь было слишком тихо и пусто. Вместо привычных запахов вина и духов — одна плесень. И — он принюхался — капустный суп.

И еще — что-то все-таки нарушало тишину. Как будто бы мяуканье... или скуление голодного щенка... детский плач...

Рише вгляделся в полумрак коридора, разреженный тут и там коптящими свечами. Высокие крепкие двери, выкрашенные серой краской, наводили на мысль о тюрьме или лечебнице для умалишенных. Не хватало только решеток. Номера, однако, имелись.

— Так ключи у вас, сержант? Давайте сюда. Потолкуйте пока со слугой. Меня интересует, где сейчас его хозяйка. Остальные — за мной.

С каждым шагом жалобные звуки прибавляли в громкости. Когда инспектор остановился перед первой дверью, коридор уже походил на преддверие ада: со всех сторон что-то поскучивало, повизгивало, рыдало — но приглушенно, словно бы с расстояния.

Он выудил из связки ключ с единицей, вставил в замок и повернул.

В каморке стояла тьма. Слева фонарь Рише высветил обычный стул и жестяное ведро. Напротив двери — узкое окно, задернутое плотными занавесками. Справа — кровать, с которой блеснули четыре узких глаза.

— Сиамские близнецы! — выдохнул полицейский за его плечом.

Девочки молча сидели на кровати и разглядывали гостей. На них были лишь тонкие хлопковые платьица, когда-то белые. У изголовья — пустая миска с двумя ложками. Рише не знал, что им сказать, — да они, похоже, ничего от него и не ждали. Если «Кифера» была храмом иллюзий, то в доме Робар брала свое жестокая, ничем не прикрытая действительность.

Инспектор без слов развернулся и шагнул ко второй двери, из-за которой доносился безостановочный, протяжный, жуткий вой. Комната за ней ничем не отличалась от предыдущей — кроме очевидного зловония. На кровати корчилось и скулило существо без рук и ног, нео-

пределенного возраста, но явно мужского пола; Рише как будто даже различил усы, но проверять свою зоркость не стал.

За другие двери он уже не заглядывал: достаточно было замереть и прислушаться. Девочки из первой оказались исключением; возможно, у них одних хватало ума — или отчаяния — понять, что от криков толку нет. В еще одной тихой комнате обнаружилась убогая кухонька.

Крайняя дверь слева, однако, была не заперта. Рише осторожно заглянул внутрь — и едва устоял на ногах. Запах... тот самый запах, только в разы сильнее. Он был в ноздри, выворачивал разум наизнанку, отдавался в конечностях сладкой дрожью... Инспектор почувствовал, как напряглось его мужское естество, но стыда не было: никто не смог бы противостоять этой силе. Перед его помутневшим взором уже маячил образ Маргариты — близкий, манящий... Нет, она тут ни при чем... сгинь... сгинь.

Придя наконец в чувство, он неуверенно оглянулся и сразу же понял, что беспокоится напрасно: у парочки из отдела нравов вид был точь-в-точь как у мальчишек из католической школы, которых священник застал за гадким делом. У одного на брюках расплывалось пятно, чего он, похоже, не замечал. Рише взмахом руки отоспал их к сержанту; распоряжение было исполнено с такой откровенной радостью, что при иных обстоятельствах за нее полагался бы выговор.

Инспектор собрался с силами, сделал глубокий вдох — и толкнул дверь.

Узкая клетушка, не больше уборной. Всей обстановки — стул и низенький столик. И еще одна незапертая дверь. Из-за нее и просачивался запах.

За дверью — пусто. Ни мебели, ни посуды, ни даже окон. Только запах — и слизь, много слизи. На голых досках пола, на обоях, на дверной панели. Местами — тем-

ные кляксы. Вероятнее всего — кровь Дюбуа, но ручаться инспектор не стал бы. На осмотр комнаты ушло не более минуты; не свойственная для него беглость. Однако сейчас важнее было покинуть комнату на своих ногах, как положено офицеру полиции... и без пятен на брюках.

Застоявшийся капустный дух в коридоре казался теперь слаще апрельского ветерка. Рише привалился к стене, тяжело дыша. Перед глазами все плыло, мысли блуждали. Наконец его взгляд сфокусировался на двери напротив — последней из непроверенных. В отличие от остальных, она носила на себе некоторые следы отделки и в лечебнице выглядела бы неуместно. Номер отсутствовал. Кабинет мадам Робар? В связке подходящего ключа не нашлось, и Рише направился за помощью к своим спутникам.

Коротышка-слуга все так же сидел на полу и сопел, но крови на его одежде прибавилось, а поза потеряла остатки естественности. Сержант мог быть доволен собой.

— Его зовут Жак Пуато, господин инспектор. Он мало что знает. Уж я с ним хорошо поработал, будьте покойны... у меня не больно-то соврешь. Говорит, что бывает здесь только днем — прибирается, ходит на рынок, кормит уродов. Утром он обычно получал указания от хозяйки, но сегодня ее вроде как не было. Он ждал весь день, только мы пришли первыми.

Инспектор в задумчивости погладил усы — и скривился. От пальцев пахло слизью... одуряюще... нахально. Почему? Неужели он к чему-то прикоснулся в комнате, сам не замечая того?

— Поднимите его, у меня тоже есть несколько вопросов.

Жак Пуато был в сознании, но и только; на ногах его держали отнюдь не собственные силы.

— Что за дверью в конце коридора? Запертой, справа?

Сглотнув, слуга выдавил:

— Кабинет... мадам.
 — У тебя есть ключ?
 — Нет... она никогда не давала... мне.
 — Зачем ты лжешь мне?
 — Это правда, Богом клянусь!.. Не бейте меня, господин комиссар, я не стал бы вам лгать!

— Хорошо, оставим это. И не называй меня комиссаром, я инспектор. Скажи тогда вот что: кого мадам держала в комнате напротив кабинета? Еще одного уродца?

— Не знаю... та дверь всегда была закрыта. Мадам запрещала мне даже подходить к ней.

— Но ты наверняка слышал какие-нибудь звуки...

— Да, господин комиссар... только вы же сами видели, сколько их тут всяких пищит и воет, даже войлок на дверях не помогает... я как-то даже и привык...

— А кто же тогда кормил его?

— Кого, господин комиссар?

— Зови меня инспектором, дубина! Уродца, кого же еще!

— Не знаю... господин инспектор. Наверное, сама мадам. Она иногда посыпала меня на рынок, даже когда у нас всего хватало.

— И давно ли мадам стала запирать эту дверь?

— Недели две как... может, полторы.

Задав еще с полдюжины уместных вопросов, инспектор велел сержанту усадить Пуато на стул и дать ему глоток чего-нибудь покрепче. Двоим другим полицейским выпала честь ломать дверь в кабинет. Та оказалась не столь сговорчивой, как входная, но в конце концов уступила напору.

Открывшееся их глазам помещение не поражало уютом, но все же походило на человеческое жилище больше, чем каморки уродцев. Два кресла, не слишком

удобных на вид; секретер, стул, письменный стол. Проход слева соединял кабинет с небольшой спальней, обставленной с той же простотой. В ней Рише ничего существенного не обнаружил, зато не отказал себе в удовольствии понаблюдать, с какими брезгливыми физиономиями копаются в обыкновенном – и очевидно чистом – белье подчиненные мсье Дижона. Секретер он обыскал сам. Долговые расписки, счета от торговцев, письма – никаких неожиданностей. Впрочем, в обычном борделе нашлось бы и еще кое-что: разрешение от комиссара округа, свидетельства о регистрации проституток, протоколы еженедельных медицинских осмотров. Чутье не подвело мадам Эрбон: чтобы уничтожить эту преисподнюю, хватило бы и формального повода – если только у нее не имелось могущественных покровителей, чего Рише не исключал.

В столе, однако, его поджидали более интересные находки. Чтобы добраться до них, вновь потребовалась грубая сила. Когда замки на ящичках были взломаны, в руках инспектора оказалась стопка папок, аккуратно разложенных по алфавиту. На каждой стояло мужское имя. Иные из них Рише знал из газет, с обладателями прочих водил знакомство и сам, но на слуху были все до единого. В папках хранились подробные отчеты о пребывании этих господ в доме мадам Робар, подкрепленные подписями свидетелей и печатью нотариуса. По-видимому, наблюдение велось через потайные отверстия в дверях, которых инспектор и его спутники в спешке не заметили. От пера мадам не ускользала ни одна подробность омерзительных соитий, каждое было описано с холодной отстраненностью анатома. Рише представилось, как Робар и ее свидетели топчутся перед закрытыми дверями, отталкивая друг друга от крошечного глазка, и ему стало дурно.

Отыскалась среди остальных и папка Дюбуа. Похоже, всем обитателям дома он предпочитал сросшихся близняшек. Однако последний его визит состоялся еще в октябре — либо же о более поздних мадам писать поленилась. И ни слова о слизи или чем-то подобном. Если убийство распутника и было спланировано, то свидетельств тому не осталось.

Во втором ящичке снизу лежала тетрадь в темной обложке. Когда до Рише дошел смысл заглавия, он поспешил убрал находку в карман, чтобы изучить ее в более спокойной обстановке. Похоже, он напал на верный след, но людям Дижона знать об этом необязательно. У них и без того хватит работы.

— Вы закончили, господин инспектор? — спросил у него сержант, поджидавший в коридоре. — Что прикажете предпринять?

— Дверь опечатайте, — сказал Рише. Пояснять, какую именно, нужды не было. — Находиться в той комнате опасно для здоровья. Думаю, тут проводились неразрешенные химические опыты. Нужно мнение ученых.

— А что с уродами?

— Это вы должны знать лучше меня, сержант. Проследите хотя бы за тем, чтобы они не умерли с голода. Пускай этим займется Пуато — по-моему, он безобиден. Засадить его за решетку вы всегда успеете.

— А мадам?

— Это уже не ваша печаль. Поиски продолжат мои люди. И вот что: выставьте охрану возле кабинета. Никого, кроме комиссара Дижона, к документам не подпускать. Отвечаете головой.

— Будет исполнено, господин инспектор.

И Рише зашагал к выходу, провожаемый нестройным хором криков и всхлипов. Запах слизи следовал за ним назойливым призраком.

**ДНЕВНИК ГИПНОТИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ
(извлечения)**

Пациент: Вероника Робар

Гипнотист: др Франсуа Вуазен

Дата начала коррекции: 13 апреля 1866 г.

Возраст пациента на начало коррекции: 14 лет

Жалобы: выраженная несимметричность лица, умеренно выраженное косоглазие, жирная кожа

Предполагаемый курс коррекции: сеансы усиленного косметического гипноза, количество – по необходимости

13 апреля 1866 г.

Первый сеанс прошел с умеренным успехом. Чтобы взвести пациентку в гипнотический сон, потребовалось менее двух минут. Внушение, однако, не дало ожидаемых результатов: хотя команды гипнотиста воспринимаются пациенткой в полном объеме, никакой физиологической реакции за ними не следует. Среди возможных причин – недоверие пациентки гипнотисту.

19 апреля 1866 г.

Никаких видимых результатов. Сознание пациентки по-прежнему сопротивляется внушению. В состоянии бодрствования, однако, пациентка настроена благожелательно и верит в положительный эффект от коррекции. Гипотезу о недоверии гипнотисту следует признать ошибочной.

30 апреля 1866 г.

Наблюдается постепенное улучшение тонуса кожи пациентки. В прочих отношениях никаких сдвигов.

12 мая 1866 г.

Никаких изменений в ходе коррекции. Пациентка, однако, выказывает признаки чрезмерной привязанности к гипнотисту, что может объясняться недостаточной теплотой в отношениях с матерью, Жозефиной Робар.

16 мая 1866 г.

Никаких успехов в коррекции. Привязанность пациентки к гипнотисту граничит с любовным помешательством и ставит под угрозу продолжение коррекции.

18 мая 1866 г.

Принято решение о прекращении коррекционного курса ввиду отсутствия желаемого эффекта, а также возникновения нежелательной психологической связи между пациенткой и гипнотистом.

10 февраля 1867 г.

Вследствие выявления новых методик гипнотической манипуляции коррекция возобновлена. Есть вероятность, что личностные особенности пациентки могут способствовать успешности процедур...

Особняк доктора Вуазена располагался в тихом квартале к западу от улицы Сен-Лазар, в царстве чугунных оград и высоких лип. Рише сошел с экипажа на ближайшем перекрестке и велел кучеру ждать его на том же месте через четверть часа; прежде чем заявлять о себе в открытую, не мешало бы разведать обстановку. Внимания прохожих можно было не опасаться: обитатели подобных районов не имеют привычки передвигаться пешком.

Подыскав местечко, удаленное от света фонарей, инспектор снял пальто, набросил его на столбик и перелез через ограду — по счастью, невысокую. Благополучно переместившись в сад, он снова влез в пальто — после потрясений дня осенний холод щипал особенно сильно — и двинулся в сторону освещенных окон. Под ногами шуршали листья: в этой части сада их решили не трогать. С неба опять моросило, и в беспрестанном шелесте Рише не разбирал звука собственных шагов. Тем лучше.

Он подкрался к крайнему окну, привстал на цыпочки и осторожно заглянул внутрь; редкий случай, когда собственный рост не вызывал досады.

Вне всяких сомнений, перед ним была кухня. А посреди кухни возвышалась женская фигура — если верить описанию Жака Пуато, это и была мадам Робар. В чертах ее не ощущалось ничего сатанинского, никакой явной порочности. Если она и походила на ведьму, то лишь сеткой морщин, густо изрезавших лицо; очевидно, ее саму услуги гипнотистов не прельщали. Так могла бы выглядеть заурядная экономка или торговка, у которой не сложилась жизнь.

Мадам спросила о чем-то кухарку, хлопотавшую в углу; та кивнула и подала ей обыкновенное ведерко. Из-под крышки валил пар. Рише показалось, что служанка скрипилась от отвращения, но с такого расстояния судить было трудно, да и просвет между занавесками не давал хорошего обзора.

Взяв ведерко, мадам вышла. Инспектор последовал за ней вдоль фасада, полагаясь на удачу. И действительно, ему повезло: соседнее окно смотрело на небольшой полутемный коридор с единственной дверью, у которой и остановилась Робар. Старуха достала из кармана ключ, отперла замок и вместе с ведерком исчезла в комнате. Рише поспешил к следующему окну, но то отстояло далеко от первого и выходило на совсем другой коридор, совершенно пустой. Пришлось довольствоваться малым. Мадам покинула комнату через две минуты, заперла дверь и удалилась, покачивая пустым ведерком.

Рише двинулся в обратный путь: увиденного было вполне достаточно, а назначенный кучеру срок уже истекал. По всей очевидности, в таинственной комнате Робар с Вузеном держали несчастную Вер-

нику — вольную или невольную убийцу Дюбуа. Как и почему это произошло, предстояло еще разобраться, но инспектор чувствовал, что догадка его верна. Извращенные плотские утехи, эксперименты с химией... В чем бы ни состояла вина девочки, кормить ее помо-
ями — крайняя жестокость.

Пожалуй, теперь можно было обойтись и без встречи с гипнотистом... но нет, не помешало бы составить о нем впечатление, пока не дошло до обвинений и обысков. Подобный человек мог оказаться очень серьезным противником...

Без приключений преодолев ограду во второй раз, Рише разыскал свой экипаж и подъехал к парадным воротам уже как обычный визитер, которому нечего скрывать. Промокшее пальто он предусмотрительно сменил и прихватил с собой зонтик.

От калитки к портику вела дорожка, усыпанная гравием; влажные камни заливал свет газовых фонарей, на которые Вуазен явно не жалел средств. Приняв равнодушный вид — насколько мог выглядеть равнодушным буржуа, давший себе труд посетить этот дом в столь поздний час и в такую погоду,— инспектор позвонил в дверь.

Ему открыл невысокий безукоризненно одетый крепыш с крайне хмурым выражением лица, чему немало способствовала уродливая нашлепка, заменявшая ему левое верхнее веко. Оглядел посетителя, он произнес:

— Прошу прощения, но мсье доктор не принимает.
— Да-да, я слышал, он весьма занятой человек. Однако у меня есть рекомендации от господина префекта... вот, прошу...

Кажется, слугу это не вполне убедило, но ему нечего было противопоставить подписанной бумаге. Рише про-

водили в просторную, со вкусом обставленную гостиную и предложили располагаться. После недолгого ожидания тот же хмурый крепыш проводил его к кабинету доктора. Хозяин поджидал в дверях. Это был высокий сухощавый мужчина с умными глазами и длинными ловкими пальцами — образцовый гипнотист; никто не усомнился бы, что он один из первых в своей профессии.

— Добро пожаловать, мсье Рише! Для меня большая честь приветствовать вас. Наслышен о ваших успехах и, признаться, весьма впечатлен.

— То же могу сказать и про вас, доктор. Прошу прощить меня за столь поздний и неожиданный визит... с моей службой трудно уследить за временем.

— Ну что вы, что вы: я все понимаю. Чтобы простые смертные наподобие меня могли спокойно спать, кто-то сбивается с ног и не знает покоя... Но что же я держу вас на пороге: идемте, присядем.

Рише проследовал за доктором в кабинет, где они разместились друг напротив друга в больших удобных креслах. Это была истинная обитель врача и мыслителя: строгая отделка, спокойные теплые тона, никаких безделушек — только изящная статуэтка какого-то греческого бога. Единственное излишество — шкафы красного дерева, томящиеся под бременем сотен книг. Анатомия, гипнология, философия, логика, физика... в этих томах могла скрываться вся масса положительных знаний, накопленных человечеством.

— Итак, чем обязан посещению? — поинтересовался Вузен, глядя гостю в глаза. — Господин префект рекомендует вас как своего верного соратника — словно гений, изловивший душегуба из Марэ, нуждается в рекомендациях! О причинах вашего интереса он, однако, умалчивает. Вероятно, кто-то из ваших милых дам нуждается в моих услугах?

— Да, моя матушка желала бы пройти у вас курс лечения...

— Коррекции, мсье Рише, косметической коррекции. Среди моих коллег лишь самые нескромные дерзают называть себя врачами... Ну что же, рад буду помочь. Но, право же, вам не стоило так себя утруждать. Приехали бы вместе с матушкой, в удобное для вас время...

— Я... хотел бы загодя обсудить вопрос оплаты, чтобы не попасть в неловкое положение. Размер моего жалованья не столь велик, а ваши услуги, как известно, стоят недешево...

— Ну что вы, какие пустяки! Признаюсь, вы мне крайне приятны — как, уверен, будет приятна и ваша уважаемая родительница. С вас я готов взять более чем умеренную плату. Этого требует и мой товарищеский долг перед господином префектом. Можете ли поверить, наша дружба началась еще в лицее. С тех пор мы видимся далеко не так часто, как того желало бы мое сердце, но я часто вспоминаю о Жорже, о наших прошлых и юношеских мечтах!

В руках его возник, словно бы ниоткуда, блестящий металлический кружок.

— Часто, когда меня охватывает тоска по былому, я достаю эту медаль. И я, и Жорж были прилежными учениками, и нас наградили одновременно. Мы решили обменяться медалями в знак вечной дружбы — как наивно с нашей стороны! И все же я благодарен судьбе и Жоржу, что у меня хранится сувенир из той золотой поры. Иногда я достаю медаль, когда не могу сосредоточиться перед сеансом.

Медаль переходила из одной руки Вуазена в другую — все быстрее и быстрее, но с неизменной плавностью, словно живое существо. Рише пристально наблюдал за ней.

— А сосредоточенность в нашем деле важна как нигде, мсье Рише. Когда пациент чувствует, что гипнотист рассейян — а они чувствуют всегда! — об успехе коррекции можно забыть.

Влево — вправо, влево — вправо. Инспектор и не подозревал, что простой ритм может доставлять такое наслаждение.

— А ведь успешная коррекция — это то, для чего мы единственно и работаем. Я искренне сочувствую своим пациентам и пациенткам, мсье Рише. Для иных моих коллег они всего лишь клиенты, но не для меня, нет. Я хочу, чтобы каждый мой пациент получил то, чего просит. Я хочу, чтобы он был спокоен и податлив, мсье Рише. Я хочу, чтобы он полностью расслабился и не слышал ничего, кроме моего голоса. Я хочу, чтобы его веки потяжелели и опустились. Я хочу, чтобы вы уснули, мсье Рише. Спите, мсье Рише, я так хочу. Спите.

И Рише провалился в уютный бархатный кокон полу-сна. Но тот уже подтачивал голос, доносившийся словно издалека:

— Вы слышите меня, Рише? Отвечайте.

— Да.

— Сейчас я задам вам вопрос. Если вы ответите отрицательно, то я разрешу вам проснуться. Вы ничего не будете помнить об этих нескольких минутах, и мы продолжим наш разговор с места, на котором прервались. Если же ответ будет положительным... что ж, все несколько осложнится. Но вы продолжите спать. Понимаете меня?

— Да.

— Хорошо. Итак, мсье Рише, скажите: вас привело ко мне расследование убийства Антуана Дюбуа?

— Да.

На время — мгновение, минуту, час? — в коконе воцарилась блаженная тишина. Потом несносный голос вернулся:

— А вы и в самом деле хороши... но не гений, нет, иначе не попались бы в подобную ловушку. Что ж, гении всегда были редкостью — и тем лучше! И все же, думаю, нам найдется о чем побеседовать. Ваши усилия заслуживают некоторых объяснений с моей стороны. Но прежде хотелось бы прояснить несколько немаловажных обстоятельств... Как вы связали меня с Дюбуа?

— Нашел ваш дневник в заведении мадам Робар, у нее в кабинете.

— Ах, так вот куда он запропастился! А я уже начал было тревожиться за свою память... Мадам, как повелось, надеется себя обезопасить — это у нее в крови, как у крысы — воровать. Какая самонадеянность! Впрочем, на сей раз у негодяйки все равно ничего бы не вышло — вы же видели, в нем никаких изображающих подробностей... Собственно, это и не дневник, а предварительные заметки — по ним я впоследствии составлял подробную хронику. А подобные документы я храню в весьма и весьма надежном месте. Но откуда это знать бедняжке Робар? Она сама себя перехитрила... и я ей об этом еще напомню. Так дневник при вас?

— Да.

— Какая удача, Рише! Вы не перестаете меня радовать. Давайте-ка его сюда... Ах да, можете открыть глаза.

Инспектор с монашеской безучастностью созерцал, как чьи-то руки — неужели его? — извлекают из кармана сюртука серую тетрадку и протягивают ее улыбающемуся худощавому мужчине.

— Превосходно, благодарю вас... Следующий вопрос: вы явились сюда одни? Кто-то вас ожидает?

— Кучер в экипаже.

— Он знает, зачем вы приехали?

— Нет, но подозревает, что по вопросам расследования.

— Тогда придется с ним немного поработать... память у подобного люда обычно податлива. Полагаю, мне удастся внушить ему, что господин инспектор сошел еще на Новом мосту... Нет, мсье Рише, я не смог бы изгладить из вашей памяти образ матушки или воспоминания о юности, но кое-какими полезными приемами все же владею... Но мы отвлеклись. Вы оставили какие-то записки по делу Дюбуа?

— Нет, не успел.

— Кто еще знает о ваших подозрениях?

— Никто.

— А как же старина Жорж? Неспроста же он выдал вам эти рекомендации?

— Это действительно... для моей мамы.

Человек в кресле застыл на несколько мгновений, потом откинулся на спинку и разразился хохотом. Волны смеха обтекали Рише, не задевая его.

— Бывает же! Поистине, инспектор, вы полны сюрпризов. Признаюсь, вы изрядно меня развлекли. Теперь я просто обязан поведать вам свою историю — в конце концов, вы за этим сюда и пришли, не правда ли? А история удивительная, уж поверьте... Не буду скрывать, меня давно уже терзает желание поделиться ею хоть с кем-нибудь. Эта Робар — нелучшая собеседница... Признаюсь, я не раз репетировал этот монолог наедине с собой. Я человек, мсье Рише, и ничто человеческое мне не чуждо. А стремление быть понятым — одна из самых характерно человеческих черт... Вы согласны?

— Да.

— Превосходно, тогда приступим... Ах да! Инспектор, прошу извинить меня, если нынешнее состояние

причиняет вам неудобства... впрочем, большинство пациентов отзываются о гипнотическом сне как о довольно приятном опыте. Я мог бы разбудить вас в любое мгновение, но ваш деятельный ум тотчас же сосредоточится на мыслях о бегстве, а ведь мой рассказ заслуживает внимания никак не меньше... Так что оставим пока все как есть; обещаю, не буду вас долго томить, нас еще ждут дела.

Итак... Начну с прописной истины: сейчас гипнотисты пользуются уважением и без труда зарабатывают себе на хлеб. Но так было не всегда. Я, однако, уверовал в могущество гипноза еще мальчишкой, на сеансах аббата Фария. Сам аббат никакими чрезвычайными способностями не обладал: наибольшее, чего он достиг,— погрузил в сон трех дамочек сразу; позже выяснилось, что одна из них уснула без его участия. Нет, гораздо сильней завораживало, каким старик представлял будущее гипноза — тогда еще магнетизма. Сейчас это игрушка для праздных, говорил аббат, но когда-нибудь магнетизм станет верным слугой человечества. Нас навсегда покинет страх перед ланцетом: достаточно внушить больному, что он не испытает боли,— и даже ампутацию тот воспримет спокойно. Да что там, про ланцеты вообще можно будет забыть: наши тела способны исцелять себя сами, надо лишь напомнить им об этом, подтолкнуть — и любая хворь отступит. Возможности человеческого организма безграничны, и магнетизм — ключ к этим возможностям.

Какая прекрасная картина, мсье Рише! Слова аббата разожгли во мне огонь, который пылал многие годы. Когда влияние гипноза на физиологию было доказано, я воспринял это как сбывающееся пророчество. Гипнология превратилась в научную дисциплину в считанные годы, еще когда я постигал азы медицины в университете. Ка-

залось, впереди бесконечный простор. Я с равным усердием осваивал гипнотические методики и традиционные виды терапии; на неизведанных территориях, открывшихся человечеству — и мне — с явлением гипноза, могли пригодиться любые знания.

Однако время шло, а перемен все не было и не было. В ту пору я уже имел собственную практику и проводил опыты со всеми пациентами, какими только мог. Тщетно. Круг моих возможностей оставался ничтожно мал: морщины, угри, бородавки, мелкие воспаления. В редких случаях удавалось добиться успехов с косоглазием, но лишь в самых мягких его формах. Казалось, человеческая кожа — предел, за который гипнотисту проникнуть не дано...

Человек в кресле умолк. Рише ждал.

— Со временем я оставил эксперименты, как и почти все мои собратья по ремеслу. Над немногими упрямцами стало принято смеяться — как смеялись когда-то над Месмером и его сторонниками... Теперь у нас есть слава и деньги, но гордиться нам нечем. Мы были учеными и врачами, ныне же стоим на одной ступеньке с парикмахерами...

Но прошлым летом кое-что изменилось. Ко мне обратился Пьер, слуга,— как я понимаю, вы с ним уже успели познакомиться. Его беспокоил ячмень на глазу. Мне уже случалось пользоваться его от этой неприятности, так что ничего необычного в просьбе не было. В тот день, однако, я пребывал в дурном настроении. Когда Пьер погрузился в гипнотический сон, мне вздумалось внушить ему нечто дикое, несобразное. И я принялся нашептывать бедняге, что больное веко распухает пуще прежнего, гноится, тяжелеет!..

Как вы сами могли убедиться, мсье Рише, внушение удалось. Более того, эффект оказался необратим: все мои

обычные приемы не возымели на опухоль ни малейшего действия. Конечно, сначала я пришел в ужас — а чтобы утешить Пьера, пришлось поднять ему жалованье в три раза. Но потом во мне пробудился ученый, и размышления мои потекли по совершенно иному руслу...

В последующие месяцы в моем доме перебывало множество нищих и бродяг. Попадали они сюда через черный ход, вместе с Пьером; удалялись — тем же путем и с тем же провожатым, но уже в холщовых мешках. Увы, мсье Риш, мои первые эксперименты с тератологическим гипнозом неизменно заканчивались гибелью подопытных. В новых областях медицинской науки такое не редкость — хотя то, чем я занимался, все больше напоминало не науку, а искусство. Порочное, неслыханное — но искусство... Впоследствии я набрался достаточно опыта, чтобы не допускать случайных смертей, однако большинство пациентов имело к концу сеансов такой вид, что умертвить их было чистым милосердием...

Так я установил, что Фария в своих грезах был недалек от истины, только шел к ней с неверной стороны. Человеческий организм действительно обладает бесконечной пластичностью — но по какому-то капрису природы сила эта стремится не к порядку, а к хаосу. Должно быть, она родственна той извращенной тяге к саморазрушению, что охватывает некоторых из нас на краю обрыва или у раскрытоого окна... Инспектор, знакомо ли вам имя Эдгара По?

— Нет.

— Жаль, жаль... Он был американец, большой чудак и меланхолик, но подчас удивительно точно улавливал странности человеческой природы... У него есть любопытное сочинение... «Бес противоречия», если не ошибаюсь; там недурно изложен парадокс, о котором я сейчас говорил. Впрочем, неважно.

Итак, волею случая я сделал открытие, которое могло бы поставить меня в один ряд с величайшими светилами науки. Одна беда, мсье Рише: оно оказалось абсолютно бесполезным! Для чего людям уродовать себя? Если на то пошло, они прекрасно справляются с этим и без помощи гипноза... О да, при желании я мог бы превратить Париж в полотно Босха, в гигантский бестиарий — но кому это нужно? Силы мои возросли, но приложить их мне было негде. Я едва уже мог сдерживать себя во время обычных сеансов. Бородавки? Морщины? Фурункулы? Теперь все это еще больше отдавало насмешкой, чем прежде. Возиться с нищими и калеками мне тоже надоело: некоторые из них были столь безобразны, что мое вмешательство не слишком их портило. Мне требовалась цель, инспектор. Вы понимаете, как важно человеку иметь цель?

— Да.

— Я не сомневался в вашем ответе... Так тянулись дни и недели. И вот однажды меня озарило: мадам Робар! Как вам известно из дневника, в прошлом году я брался за лечение ее дочери и потерпел неудачу. Девочка была замечательно некрасивая, но мать хотела сделать из нее королеву — несомненно, чтобы продать потом подороже. Будь это не так, старая скупердяйка ни за что бы не раскошелилась на модного гипнотиста... Как она, должно быть, бушевала, не добившись своего! И все же именно к ней я обратился со своим предложением — и получил согласие, как того и ожидал... Но мы засиделись, инспектор; вам пора кое с кем познакомиться. Идемте же, я закончу рассказ по дороге. Не отставайте.

Тело Рише медленно, точно заржавевший механизм, пришло в действие и понесло его прочь из кабинета, следом за говорившим. Мимо проплывали стены, светильники и картины.

— Я знал, какого рода удовольствия предлагает клиентам мадам Робар. Прежде это меня отталкивало, теперь же в точности соответствовало моим намерениям. Я получал материал для работы, мадам — диковинку, каких еще не видывал свет. С самого начала мы договорились, что меня не будет ограничивать ничего, кроме собственной фантазии — и, само собой, благополучия моей подопечной.

Они свернули в узкий коридор, как будто бы уже знакомый Рише, и остановились перед дверью. Спутник инспектора извлек откуда-то небольшую тряпичную маску и повязал на голову.

— Прошу прощения, что не предлагаю такой же и вам. В нынешнем состоянии вы защищены лучше меня. В дальнейшем в ней вообще не будет нужды.

Ключ провернулся в замке, и они вошли. Зажегся светильник.

— Мсье Рише, позвольте представить вам мою пациентку — Веронику Робар. По-моему, она рада вас видеть. Ну же, поверните голову.

Рише подчинился.

За высокой деревянной перегородкой копошилась бледная масса плоти. Существо не имело четких очертаний и более всего походило на огромный кусок теста, обсыпанный сором. Сор этот, однако, влажно блестел, шевелился и помаргивал. Пухлые губы, без всякого порядка разбросанные по коже; соски, шипы, роговые нарости; отверстия, источающие слизь. Десятки глаз — по большей части человеческих, но попадались и звериные. Женские органы — розовеющие, бесстыдно набухшие. Местами выпирали белесые подобия веток и сучков, которые прежде могли быть костями. Тут и там колыхались щупальца с круглыми присосками.

Что-то словно бы царапнуло по незримой оболочке, окутавшей душу инспектора; должно быть, ужас.

— Понимаю вашу озадаченность, мсье Рише! — ^{вос} кликнул мужской голос.— Она стала такой не сразу. Потребовалось много месяцев упорной работы. Сейчас ее анатомия имеет с человеческой довольно мало общего. Кормить ее приходится питательным раствором, который ни вы, ни я переварить не сможем; ей же требуется самое малое пять ведер в день... Но я вижу на вашем лице немой вопрос, мсье Рише,— нет-нет, позвольте мне угадать самому! Вам невдомек, как на это страшилище может позариться земной мужчина — даже с самыми нездоровыми предпочтениями! Что ж, вопрос здравый. И маска на моем лице — часть ответа.

Если вы внимательно прочли мои заметки, то помните, что девочка очень привязалась ко мне. На самом деле я несколько погрешил против истины: привязанность — слишком мягкое слово. В действительности Вероника воспылала ко мне страстью — так пылко любить умеют только подростки... Стоит ли говорить, что ее чувства не нашли взаимности?.. Когда год спустя я приступил ко второму курсу коррекции, она еще не остыла — и нашим целям это сослужило добрую службу. Не буду утомлять вас подробностями, поясню лишь, что мне удалось многократно усилить запах ее половых выделений — тот, который вы чувствуете сейчас... простите, я забыл: пока еще не чувствуете. Как бы то ни было, на потомков Адама он производит ошеломляющее действие — и я, увы, не исключение, хотя привычка и дает мне некоторое преимущество...

Рише смотрел на доктора откуда-то из глубин черепной коробки; слова ложились в сознание мягко, как осенние листья. За перегородкой что-то хлюпало.

— Вижу ваше нетерпение, инспектор; мне осталось сообщить всего ничего. Когда я счел Веронику готовой, мы перевезли ее в заведение Робар. Первым клиентом стал Дюбуа. Он же, как вам известно, был и последним... Я слишком много не сумел предвидеть. В ней сохранилось достаточно человеческого, чтобы осознавать мои команды и подчиняться им, и я опрометчиво счел ее неопасной для людей. На деле же оказалось, что она не более способна сдерживать себя в присутствии мужчин (исключая меня, разумеется), чем они себя — рядом с ней. Если бы речь шла об обыкновенной женщине, мы получили бы совершенную машину любви, но кому нужна машина смерти? Что хуже, ее выделения стали довольно едкими — а ведь ничего подобного я в коррекцию не закладывал... Боже, как визжал этот Дюбуа! И все-таки он получил то, чего хотел... но об этом позже.

Вероника ни в какую не желала отпускать покойника; пришлось загнать ее в экипаж и во весь опор мчаться сюда. И надо же ей было вытолкнуть его посреди бульвара! Конечно, возвращаться за ним мы уже не стали.

Теперь вы знаете все, инспектор. Как быть с Вероникой, я еще не решил, но второй попытки не будет. Я накопил достаточно опыта, чтобы двигаться дальше. И уж кого мне точно не хотелось бы видеть подле себя на этом пути, так это мадам Робар. Похитив дневник, она определила свою судьбу. Но ею я займусь позже...

На плечи инспектору легли ласковые ладони.

— Проснитесь, мсье Рише. Я разрешаю вам проснуться.

И на Рише обрушилась невидимая пахучая пелена, вытягивая последние силы из ослабших конечностей. Он мешком осел на пол.

— Было приятно побеседовать с вами, инспектор. Сложись все чуть удачнее для вас, я излагал бы свою историю

уже в суде,— но этого, по счастью, не произошло. И ~~по-~~ верьте, меня волнует не только и не столько собственная участь. Общество еще не готово к моему открытию, мсье Рише. Если публика узнает о существовании нашей дорогой Вероники, то гипнологии придет конец — и как науке, и как практической отрасли. Этого я допустить ~~не~~ могу. Быть может, беса противоречия, что угнетает человеческую расу, можно все-таки обуздать и превозмочь. Не исключаю, что со временем допущу до своих исследований и других ученых — если встречу людей с открытым умом, которых не остановит излишняя щепетильность. Если же нет — у меня останется мое искусство. Возможно, я еще воздам должное Босху.

— Вы... чудовище,— выдал Рише, хватая ртом воздух.

— Нет, мсье Рише. Я создатель чудовищ. Но довольно разговоров: мой рассказ и без того затянулся. Теперь потолкуем о вас. Думаю, вы прекрасно осознаете, что просто так выпустить вас отсюда я не могу. Стереть вам память не в моих силах; я нисколько не преувеличивал, когда говорил об этом. Держать вас в заточении тоже не имеет смысла. Остается смерть. Однако из почтения к вашей персоне и вашей профессии я готов предложить вам выбор. Первый вариант прост: пуля в голову. Грубо, зато быстро и почти безболезненно. Второй...

Вуазен склонился и заглянул ему в глаза.

— Вы наблюдательный человек, мсье Рише. Вы видели, с каким лицом умер Дюбуа. Да, он пережил мучительную боль — но вместе с ней и блаженство, о каком все мужчины мира могут лишь мечтать! Я не верю, что вы глухи к голосу плоти,— будь это так, вы бы сейчас спокойно стояли рядом со мной, а не противились бы так яростно своей природе. Подумайте, инспектор. Я покину эту комнату на пять минут — надеюсь, этого времени

вам хватит. Для чистоты эксперимента можете надеть маску; возможно, ваши мысли немного прояснятся. Думайте, мсье Рише, думайте.

И Рише думал — распластавшись на голых досках, тяжело дыша, прислушиваясь к шипению и бульканью пленительного существа за загородкой. Он думал о матери и ее бесконечной болтовне. О скудоумном префекте, к которому каждый день ходил на поклон. О том, как глупо попался. О серых парижских мостовых, о рабочих кварталах, о грязи. О своих долгах. О Маргарите, которая забудет его еще до весны. О той, чей утраченный образ искал в Маргарите и ей подобных, но не найдет никогда. Инспектор думал, думал, думал — а потом игла запаха прошила его мозг нас kvозь, и мыслей не стало.

Когда позади скрипнула дверь, он расстегивал пуговицы на рубашке.

Леонид Кудрявцев родился в 1960 году. Первая публикация состоялась в 1984-м, первая книга вышла в 1990 году. Член Союза писателей России. В 1997 году стал лауреатом премии фонда имени В. П. Астафьева за книгу «Черная стена». Получил ряд жанровых премий. В 2009 году стал призером международного конкурса фантастического рассказа «Златен кан» (Болгария). В 2010 году получил премию «Лунная радуга».

Живет в Москве. Издано шестьдесят его книг, в том числе – две за рубежом (Польша). Участвовал более чем в тридцати сборниках. Четыре десятка журнальных публикаций. Переводит с польского языка.

Рассказ «Стойкий оловянный солдатик» посвящен приключениям Беска Маршевича, известного читателям по романам «Центурион инопланетного района» и «Долг центуриона». На этот раз Маршевич столкнулся с противником, который обладает способностями, необычными даже для инопланетянина.

Леонид Кудрявцев

Стойкий оловянный солдатик

1

Вооруженный мушкетом усач в grenадерском мундире целился мне прямо в лицо.

— Ты на мушке,— сообщил он.— Не дергайся попусту.

Суровый такой солдатик, готовый без лишних раздумий отправить на тот свет любого. Ростом вояка был с кошку и очень уверенно стоял на моем столике.

Я окинул взглядом зал.

Старые леки устроили перекур, и по полу полз зеленоватый халовый дымок. Неподалеку от меня расположился смахивающий на гусеницу-переростка часохлон, который никак не мог расслабиться. Вокруг него в бешеном темпе метались стайки крохотных, похожих на паучков созданий. Он ими мыслил. За соседним столиком три мюммянина медленно шевелили стебельками, увенчанными шестиугольными глазками. Они явно обсуждали виды на урожай сладких глюков, неторопливо и обстоятельно.

Обычная картина для одного из ресторанов пассажирского космического лайнера. Чучело в старинном мундире никак в нее не укладывалось. Впрочем, кораблем владеют рутики, а они странноватые создания даже по меркам галактического содружества.

— Придется тебе сдаваться,— сообщила красивая девушка Сая.

Она сменила позу, и глубокий вырез на ее платье показал такие перспективы, что у меня захватило дух. Тихо звякнули подчеркивающие изящество ее запястий толстые серебряные браслеты. Глаза красавицы на мгновение блеснули лукавством. В них явно читалось некое обещание. Именно оно заставило меня час назад пригласить Саю за столик. Сейчас перед ней стоял полупустой бокал вина, и мы уже перешли на «ты».

— И пленных здесь кормят на убой? — предположил я.

— Не самый худший вариант, — хихикнула она. — Если добавить в список благ мягкую постель и возможность ничего не делать, то чем не мечта представителя любой расы?

Явная провокация.

— Не буду ли я неделикатным, если спрошу, к какой именно относишься ты? — поинтересовался я.

— Ты уже спросил. И за это сообщишь о своей расе первым.

Я пожал плечами.

Хитрости и уловки женщин стары как мир. И все-таки мы неизбежно на них попадаемся, даже испытываем от этого удовольствие. Что это, если не колдовство?

— Я — человек, мои предки родом с Земли.

— Хм... А известно ли тебе, что у наших рас общие корни?

Я улыбнулся.

Обнадеживающая новость. Значит, физически мы не сильно отличаемся. Сказано ли это просто так? Будущее покажет. А пока...

— Это неплохо. А как далеко...

— Слушай приказ, обсуждению не подлежащий, — вклинился в наш разговор крошечный гренадер. — Ты должен немедленно заказать наше фирменное блюдо.

— Очевидно, есть его можно только под страхом смерти? — поинтересовался я.

Кроха сдвинул ствол мушкета. Теперь он целился мне точно в правый глаз.

Я поморщился.

Угрожать клиенту? Перебор, явный перебор.

— Моя приставка к имени произносится как Бини,— сообщила Сая.— Я работаю утвритеlem опинционных установок, а на досуге люблю рисовать четырехмерными красками. Слышал о картинах, изменяющихся со временем? Еще мне нравится знакомиться с представителями рас, схожих с моей. Это очень познавательно.

— Вот как?

— Именно.

— Теперь мне следует рассказать о себе?

— Хотелось бы.

Надо было ковать железо пока горячо, но для начала следовало избавиться от нахального бионта.

— Минуточку,— сказал я своей dame, внимательно рассматривая солдатика.

— Если это не попытка увильнуть от ответа,— заявила она,— я подожду.

— За кого ты меня принимаешь?

— Ты сам признался, откуда твои предки. А мне известно, что земляне...

— Так как насчет фирменного блюда? — снова встриял солдатик.— Последний раз спрашиваю.

— Ладно, парень, ты своего добился,— сказал ему я.— Из чего оно состоит?

Бионт с готовностью принялся перечислять:

— Приплюснутые слашавчики, фаршированные мясными цилиндриками, смазанные свежим модол-маслом, запеченные на настоящих древесных углях, обильно посыпанные крупным и ароматным почавкином. Они подаются еще горячими, вместе с большим куском концентрированного ксулидового соуса и солидной порцией

рыбного хлеба. Пальчики оближешь. В нашем журнале отзывов несколько тысяч записей, и больше половины из них восхваляют незабываемый вкус фирменного блюда.

Очень заманчиво. Вот только о кое-каких составляющих этого кулинарного шедевра я и слыхом не слыхивал. А есть то, о чем не имеешь ни малейшего понятия, — не стоит. Проверено.

— Так что тебе известно о выходцах с Земли? — спросил я у Саи.

— Говорят, что земляне умны и хитры, но не очень выносливы, — сообщила она. — Я имею в виду способность переносить физические нагрузки. У себя на планете вы выживаете неплохо, но здесь, в содружестве миров, — ситуация иная.

А это уже вызов, и не принять его нельзя.

— Есть хороший способ проверить мою стойкость.

— Да неужели? И какой?

— Очень простой. И если...

— Заказавший наше фирменное блюдо получает право на уникальную эксклюзивную скидку!

Гренадер все никак не мог угомониться. А еще ствол мушкета опять переместился. Теперь на мушке оказался мой левый глаз.

— Вот что, — сказал я бионту, — мне надоела болтовня о вашем фирменном блюде. Думаю, настало время ее прекратить.

— Значит, сообщение о скидке подействовало, и я сумел тебя заставить принять нужное решение?

— Это была последняя капля, — подтвердил я.

— Весьма отрадно.

— Еще раз услышав о фирменном блюде, я тотчас покину твой ресторон, и до конца полета ноги моей здесь не будет.

— А блюдо, о котором мне отныне нельзя упоминать, ты все-таки его отведаешь?

— Нет.
— Это окончательное решение?
— Железобетонное.
— Подобное пренебрежение сервисом не может оставаться безнаказанным,— сообщил бионт.
— И каким образом свершится кара? — поинтересовался я.

Мушкет выстрелил.

2

У зала для общения с пассажирами оказался очень высокий потолок. По своду его медленно ползали гигантские светлячки. Их было так много, что огромный зал был ярко освещен. Еще в нем попахивало био-маслом, но зато кофе оказался великолепным, а диван — очень мягким и удобным.

Сделав очередной глоток, я поинтересовался:

— А зачем тут столько вещей?

Было ощущение, что я попал на склад. Причем о назначении многих собранных в нем предметов у меня не имелось даже предположений. Одни вопросы.

Вот для чего нужна штука, смахивающая на кресло для человекообразного хвостатого создания? Рядом с ней стоит внушительная стопка инфо-книг, огромный медный таз и меховая накидка. А чуть дальше — нечто, смахивающее на гипсовый слепок слоновьей ноги. Каково его назначение? Как можно использовать нотный пюпитр, покрытый загнутыми шипами? И для чего эта штуковина, про которую так сразу и не решишь, на что она похожа? А шар, покрытый сетью мелких отверстий, складывающихся в изображение трехглазого лица?

Голос корабля отличался нечеловеческой глубиной и был излишне тягуч:

— Услышать меня можно по всему моему телу, а вот увидеть, только здесь. Поэтому сюда приходят желающие поблагодарить лично и иногда что-нибудь дарят. Я могу существовать только в космическом пространстве и увидеть миры, в которых вы живете, мне не дано. Я люблю думать, мечтать, словно бы в них побывал, когда рассматриваю эти вещи.

Висевшая передо мной огромная, наполовину ушедшая в складки стены голова корабля слегка наклонилась, уголки гигантского рта опустились вниз.

— Понятно,— сказал я.

Мы помолчали.

— Еще кофе? — спросил корабль.

— Не откажусь.

Я поставил пустую чашечку на стоявший рядом с диваном низенький столик. Из стены высунулась тонкая, состоящая из множества суставов рука. Она ловко ухватила кофейник и наполнила мою посудину.

— Кофе — тоже подарок благодарного пассажира.

— Мне пока дарить нечего, да и желания нет.

Гулко вздохнув, корабль сказал:

— Я не спросил сразу, кто ты такой, поскольку и так это знаю. Однако для ритуала это необходимо. Так положено.

— Для ритуала?

— Для него. Итак, ты Беск Маршевич, летишь на планету невинных развлечений?

— Да,— подтвердил я, внимательно глядя в глаза размером в человеческий рост.

— На тебя нашим бионтом-столоправителем было совершено омерзительное и неподобающее покушение?

— Да.

— Я намерен принести тебе глубочайшие извинения от себя и от лица тех, под чьим патронажем был рожден на свет, кому принадлежу до сих пор.

— И это — все? — спросил я.

— До конца рейса тебя станут по всему кораблю кор-
мить бесплатно. Как тебе удалось уклониться от пули?
Вроде бы человеческая раса не обладает для этого доста-
точным проворством?

— Не будь у меня симбионта...

— Это хорошо, что он у тебя оказался.

Я покачал головой.

Каков поп, таков и приход. Вот откуда у бионтов при-
вычка перебивать пассажиров.

А корабль продолжал:

— Если желаешь, я могу объяснить, почему безмоз-
глый бионт, имеющий право лишь развлекать клиентов,
попытался тебя пристрелить. Такого не может быть в
принципе, но это случилось.

— Трепещу от желания узнать.

— Тщательное сканирование моей системы выявило,
что в момент инцидента он выпал из-под моего контро-
ля. Очевидно, им командовал кто-то другой.

Хмыкнув, я спросил:

— Так бывает? Ни разу ни о чем подобном не слышал.

— На этом свете случаются самые неожиданные вещи.

Перехватить управление над бионтом со стороны очень
трудно, но можно. Если делом займется настоящий
профи.

Глотнув кофе, я спросил:

— Профи? Этот-то зверь как в твоем хозяйстве завелся?

— Думаю, его кто-то нанял, — объяснил корабль.

— Есть одно возражение. Настоящий профи должен
был знать, что у меня есть симбионт. Так просто меня
не убьешь.

— Ты прав в том, что серьезно к нападению на тебя он
не готовился. Думаю, это была импровизация.

— И определить его местонахождение ты не можешь?

— Увы, у меня это не получается.

Знал я, к чему корабль клонит. Для этого не требовалось быть семи пядей во лбу.

— Как могло получиться, что мушкет бионта выстрелил? — поинтересовался я.

— Бионт-столоправитель все время крутится среди пассажиров. Заряженный мушкет у него в руках относится к моей резервной системе защиты. Как ты знаешь, охранников у меня нет, поскольку за соблюдением законов среди моих пассажиров я смотрю лично, и обычно у меня это получается неплохо. Однако изредка возникают ситуации, при которых обычные методы не помогают. Не все планеты на моем пути относятся к мирным. Случаются и пиратские нападения, попытки взять часть пассажиров в заложники. Вот на подобный случай и встроена резервная система защиты. Если им отдать приказ, некоторые мои бионты могут и убить. Само собой, система имеет тридцать восемь блоков от возможного ошибочного применения.

— И все эти блоки не сработали?

— Так и есть, — ответил корабль. — Я же сказал, для профи они не проблема.

Загадки, сплошные загадки.

— Ответь теперь, почему напали именно на меня? — спросил я. — За что на меня осерчал профи?

— Думаю, он сумел добраться до списка пассажиров в моей внутренней информационной сети, а там, как и положено, кроме всего прочего, указана и профессия. Таковы наши правила.

— Вот как?

— Ты — центурион инопланетного района, единственный сейчас на борту страж порядка, и потенциально способен помешать его планам. Почему бы не попытаться тебя устраниТЬ?

— Логично,— пришлось согласиться мне.— Значит, это все-таки профи, и он настроен серьезно?

— Очень серьезно. Если не удалось один раз, будет вторая попытка. Кто знает, вдруг она окажется успешной?

— А ты, значит, устранился?

— Что я могу сделать? Профи может утихомирить только настоящий специалист. Следующая остановка на планете Гасалия, и она будет через четыре корабельных дня. До этого момента помохи мне ждать неоткуда. Причем профи за этот срок таких дел может наворотить...

Я хмыкнул.

Беззаботная дорога на планету отдыха только что помахала мне ручкой и бесследно растаяла в воздухе.

— Я могу рассчитывать только на тебя,— сказал корабль.

— Рассказывай, что на самом деле происходит, высыпай все из мешка.

— Очень неприятная ситуация сложилась.

— Говори, не тяни время.

— Убийство,— сообщил корабль.— У меня на борту совершено убийство.

3

— Как я понимаю, вы расследуете преступления? — спросил открывший мне дверь пассажир каюты экстра-класса.

Лицо у него было худощавое, ухоженное, очень уверенное. На нем был дорогой теплый халат, а на ногах у него яглядел нечто смахивающее на ботинки, но сшитые из странной, переливающейся блестками кожи и отороченные мехом. На всеобщем языке пассажир говорил без малейшего акцента. Это далеко не у каждого получается.

— Так вы центурион? — снова спросил он.

— Такова моя профессия,— ответил я.

— Вы знаете все о межзвездных расах и законах их взаимоотношений?

Я покачал головой.

— Шутите? Слишком многое входит в звездное содружество. Однако у меня есть достаточный опыт, и мне приходилось сталкиваться с действительно сложными случаями.

— Вот как?

Из ближайшей стены послышался голос корабля.

— Так и есть,— подтвердил он.— Я навел справки. На своей планете он следит за соблюдением законов в инопланетном районе. Центурионы, не обладающие умением решать проблемы с помощью дипломатии, живут недолго. А Беск Маршевич продержался на этой должности целый планетарный год.

— Он выходец с Земли,— послышалось в ответ.— По слухам, его соплеменники не отличаются большой физической выносливостью.

— Слухи не мешают время от времени проверять,— буркнул я.— Не пора ли перейти к делу?

— Уходит время,— напомнил корабль.— Бродиган, ты просил меня найти специалиста. Здесь тот, кто тебе нужен.

Я подумал, что обзавелся доктором Ватсоном. Причем, в отличие от книжного героя, этот вездесущий обладает огромным запасом знаний. Может, это и неплохо?

Немного помедлив, Бродиган неохотно сказал:

— Хорошо, я доверюсь землянину.

Он отодвинулся от дверного проема, который до сего момента загораживал. Очевидно, это было приглашение войти. Я им воспользовался.

Каюту оказалась настолько огромна, что в дальнем ее конце поместился даже небольшой бассейн, а рядом с ним — классическая барная стойка с высокими табуретами. Можно искупаться и тут же выпить коктейль.

Пятачок возле входа был обставлен как гостиная, и в нем, в мягких креслах, устроилось еще два Бродигана. Точные копии. Они сидели неподвижно, как куклы, ни один даже не повернул в мою сторону голову.

— Клоны или близнецы? — спросил я, показав на них пальцем.

— Это я,— послышалось в ответ.— Я, Бродиган эп Кап, седьмой в династии великого гнезда. Наверняка вы не знаете, но это — титул, на нашей планете довольно высокий. По аналогии он равен герцогу у вас, на Земле. Я называю титул одного из ваших предводителей со всеми нужными приыханиями?

— Со всеми,— ответил я.— Расскажите-ка мне, каким образом вами могут быть еще два создания. Думаю, начать следует с этого.

— Присядьте в кресло,— предложил Бродиган.

После того как я это сделал, он занял сиденье напротив меня и продолжил:

— Вы видите перед собой все части моего тела, и их сейчас три, хотя рождаемся мы в четырех. Я — многомер. Вам приходилось сталкиваться с представителями моей расы?

— Слышал,— ответил я.— Вы из тех, чье тело существует и в четвертом измерении?

Один из сидевших до сей поры неподвижно Бродиганов повернулся ко мне голову и сообщил:

— На самом деле ничего сложного тут нет. Видели когда-нибудь лист бумаги? Это модель двухмерного пространства. Если опустить на него пальцы одной руки, то будет модель трехмерного тела, соприкоснувшегося с двухмерным пространством. Понимаете? Живущие в двухмерном мире увидят руку лишь там, где ее пальцы соприкоснутся с их миром. То есть для них рука будет всего лишь пятью округлыми отдельными объектами, пальцами. Им даже в голову не придет, что эти объекты — целое.

— А при чем тут строение тела многомеров? — спросил я.

— Добавьте мысленно к этой картине еще одно измерение. Сделайте лист бумаги трехмерным, а руку — четырехмерной. Она и будет моделью тела многомера. Вы видите меня как три разных объекта, но по сути они являются одним телом. Для того чтобы в этом убедиться, вам надо научиться видеть в четвертом измерении.

— Любопытно, — сказал я. — Если я правильно понял объяснения, то вы должны уметь передвигаться не только... гм... обычным образом, но еще и через четвертое измерение?

— Именно. Для нас это так же просто, как для обычного жителя поднять палец с листа бумаги и тут же опустить его в другом месте. К примеру, для меня стена этой каюты, как для вас — проведенная по бумаге карандашом линия.

Я хмыкнул.

Ну вот, начинаются сложности. И есть четкое ощущение, что это только цветочки. Каковы будут ягодки?

— При этом ты можешь, оторвав палец от листа, подержать его в воздухе, то есть в четвертом измерении, — вклинился в разговор корабль. — Для живущих на листе он станет невидимым. Не так ли?

— Да, я могу убрать часть своего тела в четвертое измерение. Это равнозначно незавершенному шагу. Как если бы кто занес ногу и задержал ее в воздухе. На некоторое время — возможно, но долго не простояшь.

— А как далеко вы можете перенестись? — осведомился я.

— Я все-таки ограничен в пространстве, — признался Бродиган. — Перепрыгнуть с одной планеты на другую я не способен. Если честно, я не могу таким образом даже перескочить с одного конца корабля на другой. Метров сто, не больше.

— Немало.

— Честно говоря, я не нуждаюсь даже в этом. Пользоваться публично подобным методом передвижения у нашей расы допускается лишь в исключительных случаях.

Хозяин каюты издал носом какой-то звук, вроде бы фыркнул. Совершенно не по-человечески.

— Где труп? — спросил я.— Кто жертва?

— Убили четвертую часть моего тела,— ответил Бродиган.— Четверть. Учитывая обстоятельства, и в виде исключения, я могу ее показать. Заодно продемонстрирую, как можно перемещаться через четвертое измерение.

— Любопытно,— пробормотал я.— Очень любопытно.

— Думаю, надо вернуть четверть туда, где все случилось, точно на место.

В центре комнаты, на ковре, стало возникать темное пятно в форме человеческой фигуры. Вот оно стало приобретать объем, словно надуваемый воздушный шарик, и, наконец, превратилось еще в одно тело Бродигана. Заняло это не более пары минут.

— А быстрее можно? — спросил я.

— Есть умельцы,— ответила одна из четвертей Бродигана,— но это требует долгих тренировок, профессионализма. Обычному многомеру для переноса через иное измерение требуется полторы — две минуты.

Не быстро, подумал я. По крайней мере для неожиданного нападения такой способ не годится.

— Как он погиб? — спросил я, рассматривая аккуратное отверстие в груди трупа.— Что могло сделать такую дыру?

— Аппарат для взбивания коктейлей,— ответил корабль. Я покачал головой:

— У вас что, в каждом приборе есть оружие?

— Если понадобится, я могу отбиться от целого подразделения,— послышалось в ответ.— Иногда в этом возникает необходимость.

— Кого вы подозреваете? — спросил я у ближайшего ко мне Бродигана.

— Да кого угодно, — ответил тот. — Я политик на своей планете, знаете ли. Определенный риск этому занятию сопутствует, и меня уже несколько раз сокращали. Думаю, сейчас действовал профессионал. А вот кто его нанял? Можно назвать сотни имен.

— На корабле есть кто-нибудь из тех, кого вы могли бы включить в список своих смертельных врагов?

— Всего один, но зато — какой! Шибукай эл Руп, пятый в династии медного ножа. Она такая же старая, как и моя.

Я мысленно поставил галочку.

— Вы уверены?

— Политические обозреватели считают этого мерзавца моим главным конкурентом в предстоящих выборных танцах. Вы понимаете, что это означает? Ну и, конечно, он не раз демонстрировал самую лютую ненависть ко мне.

— Допускаете ли вы, что он занялся вашим устраниением лично?

— Категорически — нет.

— Почему?

— Настоящий политик должен обладать фантастическим упорством, осмотрительностью, самообладанием, умением просчитывать каждый шаг. К этим качествам следует добавить еще совершенное владение ораторским искусством, умение очаровывать, недюжинный талант интригана. Без них — никуда. Однако качества, перечисленные мной первыми, относятся к основным. Все прочие к ним только прилагаются.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Для того чтобы овладеть всеми перечисленными умениями, требуются десятилетия кропотливого труда. При убийстве всегда есть шанс попасться. Старина Ши-

букай — умен. Он не рискнет плодами труда всей своей жизни ради удовольствия лично отправить меня на тот свет.

— Однако вы допускаете, что киллера нанял он?

— Вероятность этого велика. За последние лет пять несколько его конкурентов погибли при странных обстоятельствах. Это наводит на размышления.

— Есть на корабле ваши родственники, наследники?

— Нет, ни одного.

Не очень хорошо, подумал я. Иметь дело с профессиональным убийцей гораздо труднее, чем с будущими наследниками или заклятым врагом. Стало быть, наши сегодня не пляшут.

— И еще мне сказали, что вы боитесь нового нападения?

— Я пока жив. Значит, рано или поздно киллер попытается отработать контракт полностью.

— Возможно, и явившись лично, — предположил я.

— Пожалуй.

— Много на борту других многомеров?

— Около двух десятков. Я знаю это, поскольку наводил у корабля справки. Однако расположились они в каютах подешевле, а те находятся в отдаленной части корабля. Это исключает возможность прыжка через четвертое измерение. Я имею в виду вариант — из каюты в каюту.

— А каюта Шибукая?

— До нее рукой подать. Однако не думаете же вы, что он прячет киллера у себя? Это исключено.

— Может ли кто-то из ваших соплеменников сделать прыжок из коридора? Подойти на необходимое расстояние и прыгнуть?

— За каютами корабль имеет право наблюдать лишь в крайних случаях. Кстати, сейчас он находится здесь лишь потому, что вас сопровождает. А вот коридоры просматриваются полностью. И я за отдельную плату попросил

глаз не спускать с соотечественников, особенно если они приблизятся на опасное расстояние к моему жилищу.

— Так и есть,— подтвердил корабль.— Наблюдение проводилось и будет продолжаться.

— Ни один из многомеров подозрений не вызвал? — спросил я.

— Нет.

— Чем еще ваша раса отличаетесь от людей с Земли? — поинтересовался я у политика.

— Мы выносливее вас, и есть еще одна мелочь...

Ближайший ко мне Бродиган сдвинул рукав халата и показал запястье правой руки. На нем виднелось четыре крупных кружочка. Один из них был очень бледным, словно выцветшим.

— Здесь обозначено количество тел? — предположил я.

— Да. Со смертью четверти обозначающий ее кружочек в течение суток исчезнет полностью.

— Понятно,— сказал я.

— Знаете, а вы не так глупы.

— Для человека с планеты Земля?

— Именно.

— У меня есть скрытые резервы,— сообщил я.

— Вот как?

— Будьте уверены.

— Кажется, я начинаю надеяться, что расследование закончится удачей. Есть ко мне еще вопросы?

— Где вы храните свою мертвую четверть? — поинтересовался я.

— Моя каюта оборудована большой морозильной камерой, и я использовал ее. По возвращении на родную планету следует совершить обряд захоронения. А пока приходится терпеть. Вам приходилось когда-нибудь долго держать руку в контейнере со льдом? Представляете ощущения?

— Сочувствую.

Бродиган невесело ухмыльнулся.

— Я уже говорил, что настоящий политик должен быть стойким и терпеливым. Честно говоря, бывало и хуже.

— Во время обряда захоронения тело предадут земле? — спросил я.— Что вы при этом будете чувствовать?

— На физическом уровне — ничего. Во время обряда мертвую четверть отсекают. Это не очень больно.

Мы некоторое время помолчали. Потом политик спросил:

— На этом вопросы иссякли?

— Да,— ответил я.— Конечно, потом возникнут новые.

— С чего начнете поиски убийцы?

— С раздумий, как и положено.

4

Легкий запах био-масла. Хороший кофе и мягкий диван. Огромное лицо корабля.

— Кое-какие соображения у меня есть,— признался я, разглядывая предмет, лежавший на полу рядом с соседним диваном. Он здорово смахивал на обычный комнатный тапочек.

— Сообщи,— потребовал корабль.

— Покушение в ресторане и убийство четверти Бродигана совершены по одному принципу. Некто сумел получить доступ к твоим данным, вычислил цель, а потом попытался ее убрать. Получается, ты прав. Это — профи.

— Логично,— сказал корабль.

— Мы знаем того, кому случившееся выгодно. К бабушке не ходи, это соперник Бродигана. Получается, заказчик преступления нам известен. Да толку-то?

— А другие версии возможны?

— Да. Однако пока не вижу на них и намека. Значит, следует заняться самой очевидной. То есть мы должны

придумать, как поймать киллера. И сроку у нас — четыре дня. Негусто.

— Что нам надлежит сделать?

— Определить убийцу как можно скорее. Он наверняка готовится к следующему покушению.

— Нужны дополнительные факты?

— Они самые. Каким образом убийца сумел взять под контроль твоих бионтов? Почему ты не смог ему противостоять?

— Хороший вопрос.

— Кто бы спорил? Корабль, ты можешь на него ответить? Он внедрил в твою систему программу-шпиона?

— Я сделал все возможные проверки. Получается, время от времени в мою систему неизвестно откуда поступает пакет вредоносных программ. Система пытается их отловить и уничтожить, но у нее не получается. Украв какую-нибудь информацию или совершив с помощью одного из моих бионтов необходимые действия, вредоносные программы распадаются, перестают существовать.

— Откуда они берутся?

— Не смог этого определить.

Я покачал головой.

— Ну и дела! Получается, ты не можешь противостоять ведущейся на тебя атаке? В любой момент неведомый преступник способен, к примеру, заставить совершить преступление не только твоего бионта, но и тебя, корабль?

— Это не так просто сделать. Я не бионт, мой мозг гораздо сложнее и снабжен множеством систем защиты.

— Но гарантию, что подобного не случится, ты дать не можешь?

— Поэтому я и обратился к тебе за помощью. Как видишь, самостоятельно справиться с противником у меня не получается.

Я вздохнул.

Вполне логично, между прочим. И мне остается лишь продолжать расследование, надеясь остановить киллера.

— Вредоносные программы блокируют возможность узнать, каким образом они поступают в твою систему?

— Конечно.

— Есть у тебя соображения на этот счет?

— Прямой контакт. Как ты знаешь, в моем теле есть вживленные блоки, и они расположены так, чтобы к ним могли добраться ремонтники.

— Где они находятся?

— Один здесь, в этой комнате.

— А еще?

— В коридорах есть два десятка точек, откуда можно к ним подсоединиться. Блоки скрыты складками кожи, но, если знать, где они расположены, найти их нетрудно. А построен я по типовой схеме, и она не является тайной.

— Ты ведешь наблюдения за коридорами. Значит, должен был видеть того, кто что-то подсоединял к этим точкам.

— Необязательно. Есть гаджеты небольшого размера, которым достаточно расстояния в несколько шагов. Благодаря этому атака на мою систему может выглядеть вполне безобидно. Некто, спрятав в кармане такую штучку, идет прогуляться по коридорам. Он неторопливо проходит мимо одной из точек, а пока он идет, гаджет успевает взломать защитный код и сделать свое черное дело.

— Имел смысл определить, кто из многомеров в момент атаки находился рядом с точкой, через которую она велась. За данную комнату ты спокоен?

— Да. В самом начале рейса оба соперника-политика нанесли мне по визиту вежливости, и более в нее не заглядывал ни один многомер. А вот коридоры...

— Тебе должна помочь статистика, — подсказал я. — Надо определить, какие многомеры находились возле то-

чек в момент первой атаки, второй и последующих. Преступник тот, кто каждый раз был возле одной из точек.

— Очень хорошая идея. После первой атаки она мне тоже пришла в голову.

— Каков результат?

— Никакого,— ответил корабль.— Нет таких.

— Как я понимаю, это означает, что киллер может и не принадлежать к расе многомеров. Еще у него могут быть сообщники.

— В таком случае под подозрение попадают все мои пассажиры. Убийцей может оказаться кто угодно. И времени, чтобы его вычислить, у нас совсем немного.

— Думаю, опускать руки не следует. Можно получить план расположения точек?

— Без проблем. Открой доступ к своей базе данных.

Я достал из кармана персоналку и набрал необходимую комбинацию знаков. Потом растянул квадратик экрана до размера ладони и взглянул на него. Как раз в этот момент персоналка тихо пискнула. Файл был получен.

Вот так. Птичка по зернышку клюет. Глядишь, что-нибудь и прояснится.

— Спасибо,— сказал я.— Добавь-ка еще и список многомеров у тебя на борту. Особо отмечь тех, у кого тела не в комплекте. Кроме того, я хочу получить из твоей памяти все имеющиеся о них сведения.

— Те, у кого тела неполные, заслуживают особого внимания?

Я пожал плечами.

— Вполне возможно, но пока я ни в чем не уверен. Расследование только начинается.

— Если нужно для дела...

Моя персоналка снова пискнула.

Ну вот, пока хватит.

Я устроился на диване поудобнее и занялся изучением полученной информации. Это заняло около часа, но того стоило. Допивая очередную чашечку кофе, я подумал, что теперь знаю о многомерах гораздо больше.

Поможет ли мне это? Будущее покажет. Бесполезной информации не бывает.

Я поставил на столик пустую чашечку, а потом встал и сладко потянулся.

— Уже есть какие-то дельные мысли? — осторожно поинтересовался корабль.

— Конечно, — ответил я. — Начну-ка я опрос возможных подозреваемых.

— Кто будет первым?

— Конкурент и заклятый враг пострадавшего. Он политик, и ему следует быть вне подозрений. Значит, он окажется словоохотлив. Расследование удобнее всего начинать с самого говорливого.

5

— А вы думали, я пришел и вот этими своими конечностями убрал конкурента?

Четыре человека с одинаковыми лицами, одетые в однотонную одежду, одновременно вытянули ко мне руки. Я пожалел, что рубашки на Шибукае с длинными рукавами. Это не давало взглянуть на запястье пятого в династии каменного ножа. Зачем, впрочем? В каюте находились все его четверти.

Кстати, разговаривали они тоже синхронно. Я вспомнил, что такое поведение у многомеров означает желание угодить, понравиться.

— Никто пока вас не обвиняет, — сообщил я.

— Мне кажется, вы об этом думаете.

— Как, вы еще и мысли умеете читать?

Шибукай эл Руп тонко улыбнулся.

— Нет, конечно,— заявил он.

— В таком случае я могу считать ваши предыдущие слова лишь сказанными в сердцах и не имеющими отношения к реальности?

— Конечно. А я имею право подать на вас жалобу, ибо вы помешали моему досугу самым бесцеремонным образом. Учтите, мой тяжелый, нервный и неблагодарный труд требует величайшего напряжения сил. Окажись на моем месте любой ваш соплеменник... В общем, я стою в огне, словно оловянный солдатик из старой земной сказки. Единственный вид благодарности, на который я рассчитываю, это покой и деликатное обращение.

Политик очень эффектно развел все четыре пары рук. Потом сделал паузу. Я — ждал. Мне было интересно, чем он закончит.

— Впрочем, я воспринимаю происходящее как неизбежное зло и желаю лишь сократить общение с вами до минимума,— устало сказал Шибукай.— Если это не помешает вашему расследованию. При встрече передайте Бродигану, что я вместе с ним скорблю о его потере.

— Передам,— заверил я.

— И запомните — вы зря меня подозреваете.

— Неужели?

— Могу в этом поклясться любым принятым у вас образом.

Я окинул его испытующим взглядом.

Да нет, все нормально. Честное лицо, открытый взгляд — символ искренности. С другой стороны, я разговариваю с политиком. А уж они играть умеют великолепно. Иному профессиональному актеру сто очков вперед дадут.

В общем, здесь пока ничего больше не узнать. Только время зря уходит. Не пора ли двинуться дальше?

— В таком случае,— я встал и даже слегка поклонился,— у меня больше вопросов нет. Я оставляю за собой право вас вновь побеспокоить, как только они у меня появятся.

— Если вы пытаетесь быть вежливым, то советую больше не склонять передо мной голову,— сообщил политик.— У нашей расы это признак неуважения.

— Приму к сведению,— ответил я.

Теперь следовало уйти.

Я вывалился из каюты. В этой части пассажирского отделения стены коридора были выкрашены в салатный цвет, а пол покрывало что-то мягкое, напоминающее ковер. Топая по нему, я подумал, что корабль создали неугаманоиды. И все вроде бы в нем правильно, придраться не к чему, а вот — чувствуется. Делали не люди.

Мелко семеня на коротких ножках, мимо меня пробежал толстенький уборщик. Мордочка у него была острая, хитрая. Я невольно на него покосился.

Нет, не набросился. А мог бы, учитывая происходящее. Преступнику хватило ума углядеть меня в списке пассажиров. Значит, так просто он не отступится. Интересно, каким образом киллер попытается меня убрать сейчас?

Хотелось пить. Я прошел к питьевому фонтанчику, благо до него было рукой подать. Углядев на пульте управления значок воды, ткнул в него пальцем. Из рожка полилась тоненькая струйка.

Уже наклоняясь к ней, я подумал, что вода вполне может быть отравлена. Тут и симбионт не поможет, кстати. Потом я припал к струйке и сделал первый глоток. Вода оказалась прохладной и очень вкусной, словно из горного ручья.

Вдоволь напившись, я решил, что выбрал правильную тактику. Опасаться следует, но зацикливаться на опасе-

ниях не стоит. Иначе, вместо того чтобы вести расследование, только и останется, что прятаться по углам. И с водой все вполне логично. Киллеру требуется время на подготовку очередного сюрприза, и следить за подобными мелочами он просто не успевает. Интересно, как он тогда попытается меня достать? Поживем — увидим...

Я хмыкнул.

Между прочим, убийцей запросто может оказаться и сам корабль. Как известно, синдрому Джекила и Хайда подвержены и биомеханические создания.

Обдумав эту мысль, я решил, что ее следует принять как запасную версию. Однако в первую очередь надлежало заняться пассажирами.

Память у меня хорошая, и список многомеров я запомнил, но все же по привычке заглянул в персоналку. Вычеркивать из него Шибука было рановато, однако на главного подозреваемого он пока не тянул. Ну да, болтун и враль, наверняка — негодяй, но мало ли таких на свете? И не все они становятся убийцами.

Не заняться ли мне многомерами с неполными телами? Их трое. Чем не вариант? Может, кто-то из них всего лишь прячет свою четверть среди пассажиров иных рас? Это дает ему свободу действий, необходимую киллеру.

Я передвинул имена многомеров с неполными телами в начало списка.

Хорошо бы получилось взглянуть на их запястья. Они правду покажут.

Прикинув по плану корабля, кто из подозрительной троицы находится ближе, я уверенно зашагал по коридору. Покрытие пола слегка пружинило под ногами, потом оно изменилось и стало тихо шуршать, словно песок на омываемом океанскими волнами пляже. Дувший в коридоре легчайший ветерок принес запах ванильного мороженого.

Оно-то тут откуда? Какая раса любит это лакомство?
Не расслабляйся, одернул я себя, хочешь выжить — максимум внимания. Следует замечать любые мелочи и быть готовым к сюрпризам. В противниках у тебя сейчас настоящий профи.

Мимо пробежал еще один уборщик, потом попалась стайка неторопливо ползущих по стене змеек, обслуживающих вентиляцию. Уборщика я проводил внимательным взглядом, а змейки показались слишком медлительными, чтобы опасаться всерьез. Несмотря на это, я обошел их стороной.

Вот до нужной двери осталось лишь с десяток шагов. Я ее уже видел, массивную, окрашенную безвкусной серебрянкой. На ней было нарисовано животное, смахивающее на кита.

Из стены послышался голос корабля. Теперь в нем явственно слышались металлические нотки. Классический такой командирский голос.

— Центурион Беск Маршевич, признаю вас совершившим убийство четверти известного политика Бродигана эп Капа. Советую без сопротивления принять участие в процедуре вашего ареста.

6

Змейка с рубиновыми глазками попыталась вцепиться мне в ногу смахивающими на сахарные шильца зубами. Делала она это так медленно, что я успел шагнуть в сторону. При желании ее можно было щелкнуть по носу, но я не стал этого делать. За что? Ни в чем бионт виноват не был. Просто выполнял глупый приказ.

Из стены выдвинулось влажное, красного цвета рыльце и плюнуло в меня стальной стрелкой. Без труда от нее увернувшись, я подумал, что пора на что-то решиться.

Скоро действие симбионта закончится, и время для меня вновь двинется с привычной скоростью. Тогда-то антитеррористические сюрпризы корабля и станут по-настоящему опасными. А выбор скучен. Либо сдаться, либо найти надежное укрытие. Если я позволю себя арестовать, то на расследовании можно поставить крест. Между прочим, преступник явно рассчитывает закончить свою работу до первой остановки, до появления на борту толпы стражей порядка. Это случится через четыре дня. А пока хозяин положения он. Кстати, кто сказал, что он оставит меня в живых? И проще пареной репы покончить с человеком, находящимся под стражей.

Что я смогу сделать, если останусь на свободе? С честью погибнуть в бою? Лучший вариант, чем подохнуть в камере, но мне бы хотелось остаться в живых. Значит, для начала следует где-нибудь отсидеться, выиграть время. Где корабль не имеет права шпионить за пассажирами? В каютах, конечно. Вот только в чужую мне не попасть, а до своей далеко.

Я переместился за угол, достал персоналку и выдвинул ее экран. За время, пока загружалась карта корабля, в меня успел пустить струю один из находившихся поблизости патчиков — ароматизаторов воздуха. Исторгнутая им жидкость в этот раз пахла очень неприятно. Кислотой, кажется.

Откуда он ее раздобыл? Вроде бы некоторым видам мыслящих нравится ее запах. Некоторым, но только не мне.

Увернувшись от смертоносной струйки, я еще передвинулся по коридору и взглянул на карту. Одно подходящее место поблизости имелось. Если повезет...

Я увернулся от нацеленного в меня зазубренного диска. Тот пролетел на расстоянии ладони от моего носа и словно бритвой вспорол обшивку коридора. Мне некогда было даже узнавать, кто его в меня метнул. Время рывками то ускорялось, то замедлялось, и я знал, о чем это говорит.

А до заветной двери оставалось еще шагов десять. Вот наконец они сделаны. Тут следовало подождать, пока откроется дверь. Открылась. Я скользнул внутрь и принял-
ся ждать, когда она закроется. Закрылась.

Слава богу!

Мой симбионт окончательно сдох. Почувствовав, как мир вокруг на мгновение померк, я привалился к стене и облегченно вздохнул.

Прорвался. И симбионт, красавец, не подвел. Только расслабляться рано. Надо действовать.

Я огляделся.

Кафельный пол, что-то вроде кабинок из вещества, смахивающего на прессованную фанеру, лавка, на которой стопкой сложены тигровой расцветки шкуры. Рядом с ними — кучка уже уснувших живых украшений.

Что и требовалось. В соседней комнате бассейн огнедышащих ящеров, а здесь их раздевалка. Причем мне повезло, и она в данный момент пуста. Надолго ли? Судя по доносящемуся из-за стены взрыкиванию, а также по скинутой одежонке, времени у меня не очень много.

Что будет, когда ящеры вволю накупаются в пепле и вернутся сюда? Как они на меня отреагируют? Вряд ли душевно, скорее — наоборот. Значит, меня к этому моменту здесь быть не должно.

Я выключил персоналку.

Вот так. Теперь корабль меня не найдет и через нее. Осталось лишь придумать, что делать дальше. На симбионта надеяться пока нечего. Ему надо отдохнуть не менее пары часов. У меня этого времени нет. Что делать?

Я вновь огляделся.

Пол, потолок, стены, лавка, дверь. Что еще?

По идее, здесь должна быть вентиляция. Чем не возможность спрятаться? Найти ее, раздвинуть створки, пролезть внутрь и отправиться путешествовать по вну-

тренностям корабля. Он огромен, не меньше средней руки города. Это хорошо. Надлежит не только найти ^{внутри} него безопасное место, но и сохранить возможность продолжить расследование. Каким образом? Мне нужны союзники, помощники. И они не должны подчиняться кораблю. Можно ли надеяться таких найти?

Ответ я знал.

Попутчики. Такой огромный организм без них обойтись не может. Они есть везде. Значит, сейчас мне следует сначала обнаружить укрытие, а потом войти в контакт с живущими на корабле попутчиками и, если они разумны, попытаться навербовать из них помощников. Это уже похоже на план. А остальное додумается потом.

Я оглянулся на дверь.

Рычание теперь слышалось уже рядом с ней. Это означало, что пора сматывать удочки.

Вентиляцию я нашел легко, чуть ли не мгновенно, поскольку ее никто и не думал маскировать. Внимательно осмотрев стены, в одной из них я обнаружил прорези.

Милое дело.

Теперь осталось только хорошенько ухватиться за эти прорези и раздвинуть одну из них на максимальную величину. Отверстие получилось не очень большое, но при желании, извиваясь как червяк, в него залезть можно.

Куда оно ведет? Увидим. Главное — там меня преследователям достать не удастся.

Раздвигая себе дорогу руками, я полез внутрь корабля.

— Ну хорошо,— сказал мне король крыс,— а в чем сила людей?

— В том, что они правильно думают,— ответил я.— А ^в чем сила крыс?

— Они умеют выживать, а выживание — главное в жизни. Мечты, желания, моральные ценности, общественные отношения являются не более чем добавками. Без умения выживать любой мыслящий, пусть у него семь пядей во лбу, быстро станет мертвым куском мяса. Понимаешь? А мы, крысы, умеем выживать очень хорошо.

Я покал плечами.

— И это — все? Но в чем тогда ваша главная цель?

— Я повторяю — выжить и еще раз выжить как вид, дав жизнь потомству. Вот суть. Остальное можешь добавить по вкусу. Если это увеличит наши шансы на выживание, мы даже на это согласимся.

— Скрываясь в вентиляционных трубах и тканях, соединяющих органы корабля?

— Чем плохо? Кстати, ты тоже оказался у меня в норе, желая выжить. Такая ли большая между нами разница? И насколько ты будешь свободен, когда твои неприятности кончатся, когда вновь станешь полноправным пассажиром?

Спорить с ним стоило большого труда, но было интересно.

Я невольно огляделся. Нора, в которой мы сидели, как и положено королевским апартаментам, поражала размерами и великолепием.

При желании в ней можно было даже встать и походить, не рискуя задеть головой потолок. В дальнем углу располагалось удобное лежбище, покрытое разводами бархатного мха, явно очень чистого и мягкого. Рядом с ним находился лоток с едой, в котором вяло шевелилось нечто размером с руку, мохнатое, зеленого цвета. Дальше шли стеллажи со статуэтками неких богов. Ряд коробов из вещества, похожего на толстую вощеную бумагу. Что в них, я не знал, да и узнать не пытался. И наконец, неподалеку от входа располагались мы с королем. Мы сидели

за низким, явно растительного происхождения столиком. Время от времени он принимался раскачиваться, и стоящие на нем стаканы с фиолетового цвета напитком начинали опасно двигаться. Из чего был приготовлен напиток, я не знал, да это меня и не интересовало. Достаточно было того, что он вкусный и питательный.

— Оставайся с нами,— предложил король крыс.— Вы, люди, не очень выносливые создания. А у нас ты выживешь. Мы умеем это делать и тебя научим.

Я испытывающее глянул в его блестящие, похожие на пуговки глаза, усмехнулся.

— Твои предки — тоже с Земли.

— Именно поэтому я и предлагаю остаться у нас. Из чувства родства. Наши предки с одной планеты. Тебе повезло, что ты попал на корабль, которому вот уже много тысяч лет сопутствует именно мы. А везением надо пользоваться.

— При этом вы по-прежнему будете получать с меня плату за проживание?

— И это тоже. Кто откажется от еды и вещей пряником из магазина? Стащить их нетрудно, но, если мы будем этим заниматься, корабль может разгневаться и прекратить наше выживание. Ты же не воруешь, а покупаешь. Это — правильно, это нам неопасно.

— Когда-нибудь мои деньги закончатся, и я стану бесполезен.

— К этому времени мы уже научим тебя выживать, и ты все равно будешь ценным членом нашей стаи.

Я помолчал.

Никаких шуток. Предложение было сделано всерьез.

— Можешь подумать. До следующей остановки еще два дня. Срок более чем достаточный.

Король крыс слегка обнажил кривые, желтоватые клыки, ловко пригладил ладонями редкие волоски на голове,

поерзал на сиденье из белого, словно мел, почечного корабельного камня. Он явно выбирал позу, при которой ему не будет мешать небольшой рудиментарный хвостик.

— Один из основных принципов выживания — это умение договариваться, не так ли? — поинтересовался я.

— Именно. Примерно такой же важный, как умение маскироваться и умение видеть.

— Умение видеть? Как это?

— Можно смотреть и не видеть. Можно искать и не находить, поскольку не умеешь видеть искомое. Чаще всего оно оказывается у тебя под носом.

— Вот как... — задумчиво сказал я, чувствуя, что у меня появилась некая странная догадка.

— Именно так все устроено в жизни, человек с планеты Земля. Чаще всего искомое находится рядом. Ты не видишь его лишь потому, что этого не желаешь. Как, обдумал мое предложение?

— Твое предложение...

— Ты ведь не согласишься?

— Нет, но я тебе очень благодарен за наши беседы, — сказал я. — Они навели меня на одну идею.

— Я знал, что этот номер не пройдет, но попробовать следовало. Теперь валяй, рассказывай мне о жизни в инопланетном квартале. Мы условились о такой плате за предоставление убежища. Твой договор с членами моей стаи — отдельная история и меня не касается. Однако свой кусок я получить должен.

— Зачем тебе это? Ты никогда не попадешь в инопланетный квартал. Ты всегда будешь жить здесь, в корабле.

— Новые знания нужны для выживания. Лишними они не бывают. В общем, берись за работу. В прошлый раз ты остановился на домах ручейвурков.

Я вздохнул и принялся рассказывать:

— Они не очень сложные. В верхней части обязательно должна находиться комната с прорезью в потолке, через которую живущий в ручейвурке второй, приземленный разум, должен по ночам смотреть на пролетающие по небу спутники планеты, а если их нет, то на самую большую звезду в небе. Прорезь должна быть неширокой. Ручейвурник выдвигает глаз на длинном стебельке, он протискивается наружу и наблюдает. Зачем им это нужно, я так пока и не выяснил. Но — нужно. В нижней части дома обязательно должен быть...

8

Три вернувшихся с охоты крысы-добытчицы избавились от маскировки. Они оживленно переговаривались и постоянно хихикали. Это означало, что охота получилась удачной.

Одна из крыс, крупная самка с фиолетовыми усами, наведавшаяся в оранжерею за съедобными веточками пампуха, бережно отклеивала с морды два фальшивых фасеточных глаза, похожих на старинные фонари. Она маскировалась под представителя расы дажаджа. Балахон, благодаря встроенному каркасу добавлявший ей горб, уже лежал на полу рядом с большим, плотно набитым мешком. Добыча двух других булькала и тяжело колыхалась в массивных, почти полных канистрах. Для того чтобы прокрасться на склад питательного молочка, им пришлось подделаться под рэмси, раскрасив шерсть в красную полоску и обзаведясь дополнительными лапами и фальшивым хвостом.

Конечно, любой из встреченных пассажиров мог подобную маскировку разоблачить, но этого добытчицы не боялись. Пассажиры не знали всех находящихся на борту и вполне могли принять их за представителей малоиз-

вестной экзотической расы. А вот корабля опасаться стоило. Время от времени инспектируя склады и закрома, он мог нахлебников и вычислить. Для того чтобы обмануть его глаза, все эти ухищрения и предназначались.

Увидев меня, ходившую за веточками крыса радостно запищала:

— Я знаю, ты не наведывался в магазин уже полдня, но, судя по запаху, в твоей норе лежат две большие упаковки синей еды и восемь маленьких разноцветной. Давай плату. У меня есть сведения, и интересные. Я подслушала их в коридоре. Важные сведения, вкусные сведения, дорогие сведения.

— Вот как? — сказал я.— Очень интересные?

— Не пожалеешь.

Я хмыкнула.

С этими созданиями надо держать ухо востро. С другой стороны, времени у меня осталось около корабельных суток. Мало. Нужен прорыв. Я должен либо узнать нечто важное, либо сопоставить уже имеющиеся сведения и догадаться, как найти убийцу. Было у меня большое подозрение, что киллер рассчитывает, сделав работу, сбежать с корабля на первой же остановке. Вполне логично, между прочим.

Прорыв. Если он мне так нужен, то жадничать глупо. У Холмса, которого благодаря интригам Мориарти загнали в подполье, выбор небольшой. Платить и платить информаторам.

— Ладно, ваша взяла,— сказал я.— Будем меняться.

— Содержимого твоей норы мало. Ты еще раз сходишь в магазин, не так ли?

— Стоит мне включить персоналку...

— Не включишь ты ее,— насмешливо сказала крыса с фиолетовыми усами.— Тебя при этом обнаружат. Незачем брать нас на пушку.

— Не могу я сегодня отправиться за покупками,— сообщил я.— Перерасходую энергию симбионта, а она мне еще сегодня понадобится.

— Ты можешь сходить за едой без него.

— Не могу,— ответил я.

И не соврал. Зайти в магазин, прячась под одним из маскирующих балахонов крыс, было нетрудно. А вот выходить из него уже следовало очень быстро. Расплачиваясь за товар, надлежало прижать руку к сканеру. Поскольку закрыть мою кредитку корабль был не в силах, то деньги магазин принимал. Однако дорогу из него до одного из крысиных ходов можно было осилить только с помощью симбионта.

— Ну, если ты не желаешь...

— Может статься, мне ваш товар и не нужен,— сказал я.

— Это почему?

— Много вы за него запросили. Это означает, что новости и в самом деле серьезные. Стало быть, настала пора выбираться из ваших ходов. А оказавшись на воле, я узнаю все даром.

— Обманул, да? — заныли крысы.

— Почему? — Я пожал плечами.— Просто поработал мозгами. Они для чего даны? Как раз для этого. Выживанию помогают.

— И что теперь будешь делать?

— Я уже сказал. А перед уходом подарю все оставшиеся у меня припасы другим охотницам. Могу и вам, в обмен на сведения, в которых уже не очень нуждаюсь. Как, договорились?

Крысы молчали, возбужденно пошевеливая носами, поблескивая бусинками глаз. Наконец одна сказала:

— Жулик ты, обмишул нас... ну да ладно, по рукам.

— По рукам,— ответил я,— все оставшиеся продукты — ваши. А теперь давайте выкладывайте.

— Я подслушала,— сообщила крыса с фиолетовыми усами.— Специально лишних полчаса крутилась возле компаний фрипов. У того, о ком ты нам говорил, сведения о котором тебе особенно важны, полчаса назад убили еще одну четверть тела. И еще...

9

— Пора,— сказала крыса, которую со мной послали как провожатую.— Здесь у него точно есть не только глаза, но и уши. Тут он тебя обязательно услышит.

Ну вот, опасный момент настал. Следовало ли бояться за жизнь? Нет, конечно. При самом худшем варианте мне поможет симбионт, некогда вживленное в мой организм существо, не раз уже спасавшее меня от смерти. Беда будет, если расследование прервется, а убийце удастся ускользнуть. Догадаться, каким образом он обманул корабль, мне помог разговор с королем крыс. Чтобы окончательно выиграть схватку, надо раскрыть тайну еще одного фокуса. Им я займусь немного погодя. А сейчас главное — достоверно сыграть свою роль.

— Не стоит тянуть время,— напомнила крыса.— Излишние колебания пожирают удачу.

Так и есть. Пора.

Я выскоцкользнул из отверстия воздуховода, сделал несколько шагов по коридору и крикнул:

— Корабль, говорит Беск Маршевич, центурион инопланетного района, которого ты признал преступником. Сдаюсь добровольно и прошу меня не уничтожать, ибо я могу спасти многих твоих пассажиров от огромной опасности.

Теперь следовало подождать. Если программа киллера подавила волю корабля полностью, придется спасаться бегством.

Слева от меня в стене бесшумно открылась ниша, и из нее выполз напоминающий шейкер агрегат на тонких паучьих лапах. Он навел на меня пару расположенных в верхней части корпуса лазерных глаз.

Ну же...

— О какой опасности для меня и моих пассажиров ты говоришь?

А вот это уже голос корабля.

Приободрившись, я сообщил:

— В твоей комнате для гостей заложена бомба. Найти ее и разрядить могу лишь я лично.

Уловка была примитивной, но, если корабль мне ответил, значит, большая часть его разума свободна. Сейчас она должна встать на мою сторону.

— Почему я должен тебе верить? Вдруг ты намерен ее взорвать?

— Если я самоубийца, то не проще ли мне дать убить себя здесь? По крайней мере не нужно никуда идти. Раз, два и — готово.

— А если все-таки выяснится, что ты обманываешь?

— Меня нетрудно изолировать. Разве это не очевидно?

Корабль молчал. Он явно задумался.

Вот еще бы знать, хороший это признак или плохой, подумал я. И не угадаешь, в какую сторону его повернет. Ждать, надо ждать.

— Иди в комнату для гостей,— сказал корабль.— Но учти...

— Да-да,— пробормотал я,— если соврал, ты мне покажешь кузькину мать.

«Шейкер» уполз в свою нору. Очевидно, я теперь мог беспрепятственно передвигаться по коридору. Это обнадеживало, но радоваться еще было рановато.

Я двинулся в путь и минут через десять уже оказался в комнате, в которой три дня назад пил кофе.

Барахла было много, очень много.

Надарили на мою голову, подумал я. Правда, если убийца все-таки один из многомеров, то его эстетическое понимание мира не должно сильно отличаться от обычного, человеческого. Это уменьшает количество вариантов. С чего начать?

Я огляделся.

Вот для чего служит эта цвета рубина коробочка с неживым, пустым экранчиком? А та, круглая, смахивающая на арбуз фиговина? А эта продолговатая, ультрамариновая плоская штуковина на колесиках? И еще, и еще...

— Показывай, где лежит бомба, — приказал корабль.

Следовало начинать.

Знать бы, сколько у меня попыток для задуманного, пока терпение корабля не иссякнет. Я мысленно перебрал все придуманные отговорки. Получалось, попыток на десять их хватит. На первую надеяться было смехотворно, на вторую или третью — несерьезно. Вот где-нибудь десятая представлялась уже реальным вариантом. А если не повезет и с ней? Ну, еще десять я нагребу, комбинируя предыдущие. Потом... О том, как я буду выкручиваться дальше, думать не хотелось.

— Ну? — В голосе корабля явно слышались угрожающие нотки.

Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Поехали...

— Вот это. — Я показал пальцем на притулившегося в углу комнаты зверька, смахивающего на медведя.

Размерами с восьмилетнего ребенка, он был сделан из похожего на плюш материала. Правда, лап у него оказалось целых восемь.

— Что именно? — спросил корабль.

Я подошел поближе к восьмилапому медвежонку и указал на него пальцем:

— Зверек в углу, весь мохнатый.

— Нет там никакого зверька,— не очень уверенно сказал корабль.

Бинго! Удача!

Еще не веря в то, что мне удалось вытащить счастливый билет с первой попытки, я спросил:

— Точно?

— Ты надо мной изdevаешься, центурион?

Сунув руку в карман, я нашупал в нем небольшой кубик, за который пришлось заплатить дополнительным походом в магазин. Крысы утверждали, что с его помощью можно отключить любой прибор. Достаточно положить на него эту штуку и сильно нажать на одну из граней. Кажется, сейчас настало время проверить, какие на самом деле мастера хвостатые попутчики.

10

— Рассказывай,— приказал корабль.

Я поставил пустую кофейную чашечку на стол и сообщил:

— На самом деле я рассуждал достаточно просто. Преступник — профи. Он мыслитrationально. Каждый раз подключаться к твоему телу — лишний расход сил и времени, больше шансов засыпаться. Значит, подключение было одно. К твоему телу подсоединили некое устройство, передатчик, с помощью которого преступник дистанционно тобою управлял. Почему же ты его не заметил во время проверки? Устройство ввело в твой разум программу, благодаря которой ты его увидеть не мог в принципе. Даже находясь в этой комнате, оно оставалось для тебя невидимым, но только — для тебя. Понимаешь?

— Ты его видел.

— Конечно. Только преступник его поместил внутрь мягкой игрушки, и никаких подозрений эта штука не вызывала.

— Я понял. Думаю, скрываясь от меня, ты не сидел без дела?

— Даже устроил слежку за передвижениями многометров. Ясное дело, от тебя эти сведения я получить не мог.

— Как сумел это организовать?

— Нашел себе платных помощников,— ответил я.— Они славно поработали.

— Это кто?

Я улыбнулся.

— Не имеет значения. Много будешь знать, плохо будешь спать.

— Вот как? — сказал корабль.— Впрочем, мне кажется, я догадываюсь. Иногда и дармоеды помогают?

— Верно,— подтвердил я.— Если найдешь к ним подход.

— А дальше что было? Ну, убедился ты с помощью неведомых помощников, что на свободных участках подключения нет. И что?

— Осталось только одно место, в котором оно могло быть.

— Комната гостей?

— Да. Причем в ней, как я помнил, навалено много подарков. Оставалось только вычислить, какой из них является шпионским модулем. Систему разработать было нетрудно. Отсиживаясь в... в общем, отсиживаясь, я придумал представление, целью которого было выяснить, какую из вещей в комнате ты не видишь. Дальнейшее тебе известно.

— Результат получился блестящим,— сообщил корабль.— Теперь я чувствую себя поистине свободным. Моя благодарность будет простираться очень далеко. Кто убийца? Его надо немедленно схватить.

· Я пожал плечами:

— Совершенно не представляю. Вероятно, информация о том, кто принес эту игрушку, из твоей памяти исчезла?

— Да. Восстановить ее не удалось.

— Хорошо работает, — не без восхищения сказал я. — Профи, одним словом.

— Что будем делать? Мы обязаны защитить моего пассажира.

— Остались сутки. Вычислить преступника, может, и не получится. С другой стороны, раз ты теперь свободен от контроля, его возможности сильно уменьшились. На всякий случай я бы пока не пускал в эту комнату никого. Вдруг у врага еще есть одна коробочка?

— Станем следить за всеми многомерами?

— За теми, у кого не хватает четверти. А еще за всеми пассажирами в радиусе ста метров от них. Хватит у тебя на это мощности?

— Да. А зачем?

— Есть у меня теория о том, что у одного из калек тел все-таки полный комплект. Он спрятал свою четверть среди пассажиров, выдал за представителя другой расы.

— Резонно. Может, имеет смысл взглянуть на их запястья?

— Мои помощники это сделали и ничего подозрительного не обнаружили. А я вот думаю, что одну точку можно замазать каким-нибудь кремом или с помощью хирургической операции закрыть кусочком собственной кожи. Понимаешь?

— Еще бы.

— Если нападение произойдет, ты знаешь, как действовать. Вероятно, нам сейчас остается лишь следить и охранять. А мне следует до следующей остановки переселиться в каюту Бродигана. На случай, если убий-

ца все-таки рискнет напасть и покончит с делом, даже раскрывшись.

— Верная мысль,— сказал корабль.

— Сейчас и пойду,— сообщил я, вставая.

11

Воды в бассейне не было. Видимо, ее спустили, а вновь налить забыли. На барной стойке виднелась лужица какой-то жидкости, поблескивали осколки, и лежало бутылочное горлышко.

Бродиган сидел в креслах в шубе и меховой шапке. Вид у него был бледный, но оба тела говорили одновременно, хотя и слабым голосом.

— Пока жива хоть одна моя четверть,— сообщил он,— я не умер. Меня еще можно восстановить, клонировать. Обычным гражданам это недоступно, но у меня есть статус и деньги. Мне это по плечу.

— Осталось совсем немного, и все испытания окажутся позади,— обнадежил я.

— Хотя некоторые неудобства мое теперешнее положение мне все-таки доставляет. Честно говоря, я настолько ослабел, что совсем не могу держать в четвертом измерении свои погибшие четверти. Они теперь постоянно лежат в холодильнике, и меня время от времени знобит. Что-то не совсем хорошее происходит и с мозгом. Я помню, раньше мне думалось лучше и свободнее. Как именно — вспомнить не могу, но знаю, что это было.

Покачав головой, я напомнил:

— Осталось не так много времени.

Один из Бродиганов встал и медленно пошел к стойке, явно с намерением налить себе стаканчик.

— Это много, очень много,— сказал оставшийся сидеть в кресле напротив меня.— Но я продержусь, знаю точно.

Очередное испытание моей стойкости? Что ж, мне не впервой.

— Уверяю вас,— начал было я,— мы с кораблем...

Как раз в этот момент рядом с сидевшим напротив меня политиком и возник убийца. Произошло это почти мгновенно. На нем был сделанный у плучан комбинезон, и поэтому его лицо закрывало черное непроницаемое облако.

Скверно! Опознать негодяя не получится.

Выдираясь из кресла, которое, на мое несчастье, оказалось слишком глубоким, я подумал, что подобная скорость, очевидно, достигается лишь очень долгой тренировкой. А может, убийца воспользовался какими-то препаратами? Или у него тоже есть симбионт? Почему бы и нет, кстати? Он же — профи.

При этом время, благодаря моему симбионту, уже замедлялось, растягивалось, словно старинная конфета-тянучка.

Поздно он включился, думал я. Надо было на мгновение раньше. Да и кресло, проклятое кресло, оказавшееся таким несподручным для того, чтобы отреагировать на появление убийцы, стояло не слишком далеко.

И это было плохо, поскольку противник действовал очень быстро, а инстинкт человека, не раз оказывавшегося в серьезных переделках, подсказывал мне, что я не успеваю. Совсем немного; может быть, мне не хватало доли секунды в реальном времени.

Я увидел, как убийца взмахнул правой рукой, и в ней блеснул клинок. А нас еще разделяло два шага, и я проклял себя за то, что позволил Бродигану устроиться на таком большом расстоянии. Делая следующий шаг, я успел заметить, как последняя четверть политика прячется за стойку.

Не успеваю!

Рука с ножом дернулась вниз, а потом убийца вдруг исчез, и случилось это в тот момент, когда я был от него в

полушаге. Мне ничего не оставалось, как подхватить на руки падающую четверть Бродигана. Из его рассеченной груди толчками выливалась кровь.

12

— Не может быть,— сказал я.— Как это, никто ни на мгновение не пропадал из поля твоего зрения?

— А вот так,— ответил корабль.— Никто из многомеров, ни одна четверть их тел.

Я попробовал ухватиться за соломинку.

— А обычные пассажиры вокруг тех, у кого тела неполные?

— Ни один из них не исчезал.

Я невольно глянул в сторону единственного оставшегося Бродигана. Тот сидел прямо на полу, сгорбившись, обхватив руками колени. Глаза у него были какие-то совсем бессмысленные. Или мне это только кажется?

С другой стороны, он пока еще жив. Вот если убийца сделает еще один заход, и ему удастся поставить точку, это будет катастрофа. А он появится, тут и к гадалке не ходи. Удастся ли мне ему помешать? Надо прямо сейчас разобраться, сообразить, кто может быть преступником. И начать следует с самого простого.

Вот почему убийца до сих пор не вернулся? Ждет удобного момента? Или вообще работает с интервалами? Чем не вариант? Допустим, первые два раза он просто хотел продлить удовольствие. В третий раз убил только одну четверть, поскольку рядом оказался я. Но ведь прошло уже минут двадцать. Неужели ему за это время не подвернулась возможность? Или он ждет, когда отдохнет его симбионт?

Стоп, что-то я упустил, нечто мелкое... А мелочей в расследовании не бывает. И не додумал я одну про-

стую вещь. О том, что убийца мог и в первый раз убить сразу двух Бродиганов. Или — всех. Тогда ему никто помешать не мог, и даже не надо было ждать, пока отдохнет симбионт. С помощью бионтов он с ними мог справиться легко, однако предпочел убивать по одному. Ради удовольствия все-таки? А профи ли он на самом деле? Может, против меня действует очень умный, все просчитавший и спланировавший, но все же — любитель? Любитель с недешевым комбезом и очень дорогим симбионтом.

— Что дальше? — спросил корабль.

Ему случившееся явно нравится еще меньше, чем мне.

— Прежде чем действовать, надо сообразить, где мы ошиблись.

— Разумно. И где? Есть какие-нибудь идеи?

— Идей много,— ответил я.— Как тебе мысль о том, что у убийцы было еще одно устройство? Он его недавно к тебе подключил, и ты его исчезновения не заметил?

— Не получается,— ответил корабль.— Я видел, как он здесь появился. Понимаешь, о чём я? Не бывает избирательной невидимости. Если я его видел здесь, никакой коробочки нет.

— Да, это объяснение,— согласился я.— Как я понимаю, ты его тоже разглядеть не смог?

— Четко — нет. Нечто расплывчатое. Гуманоид. Две ноги, две руки и голова, закрытая маскировкой.

Я почесал в затылке.

Негусто, а время уходит. Сколько его осталось? Пол-часа, час, полтора?

Почему бы не подбить бабки для начала? Что мы имеем в сухом остатке? Гуманоида, умного, все просчитавшего любителя, судя по тому, как он появился,— много-мера. Если некое существо ходит как утка, крякает, и у него плоский клюв, это — утка. Теперь осталось лишь

определить, кто это из находящихся на борту, а потом сообразить, как его вывести на чистую воду.

— У тебя есть хоть какое-то объяснение? — наседал корабль.

— Есть смутные подозрения, — честно ответил я, — но из них шубу не сошьешь.

— Шубу? — спросил корабль. — Что это такое?

— Долго объяснять, — буркнул я. — А время — на вес золота.

— Вы научились измерять время с помощью веса металла?

Ну как тут можно работать?

Я снова взглянул на несчастного Бродигана и покачал головой.

Бедняга. Наверняка он сейчас чувствует себя умирающим от смертельной болезни.

Правильно истолковав мой жалостливый взгляд, тот гордо вскинул голову. Получилось это у него не очень естественно, но он справился.

Ну да, стойкий оловянный солдатик. Я — помню.

— Все вернется, — стараясь говорить уверенно, промолвил Бродиган. — Сообразительность и могучая память, скорость передвижений. Они, я тебе уже говорил, зависят от количества тел.

Мне было известно, что симбионт мой сработать не мог, но время замедлило бег, и в полной, душной тишине, чувствуя, как стынут секунды, понимая, что до догадки, способной все объяснить, осталось совсем немного, я спросил:

— А что, если ты восстановишь, к примеру, на одну четверть больше? Увеличится ли от этого твоя сообразительность?

— Не увеличится, — ответил тот. — Поэтому лишним телом обзаводиться нет смысла. Сообразительность, ум — это штука, которую так просто не приобретешь. Ее

надо долго тренировать. И память не добавится. Проверено. Никто подобными вещами и не балуется.

— Значит, нет смысла? — уточнил я.

— Почти никакого, — ответил Бродиган, — а стоит очень дорого.

И этого было достаточно, поскольку синтез завершился.

— Ну хорошо, — пробормотал я, выбинаясь из кресла. — Думается мне, кое-какие мысли у меня появились, и, кажется, я знаю, как это безобразие прекратить. Корабль, ты меня слышишь?

— Конечно, — ответил корабль.

— Немедленно сделаешь вот что...

13

— У вас парадоксальное мышление, — сказал я. — Вы правильно рассчитали, что там, где это наиболее очевидно, искать не станут. Кто рискнет заподозрить политика? Верно?

— Никто не заподозрит, — подтвердил Шибурай. — А остальные ваши слова я считаю бредом. Не верю, что вы отважитесь меня обвинить.

— Рискну, — сообщил я. — У меня есть доказательства.

— Какие?

Он недоверчиво приподнял одну бровь.

— Они скоро появятся. Достаточно лишь заставить вас показать запястье и сосчитать находящиеся на нем точки.

Политик смешно фыркнул носом.

— С этим справится даже самый дешевый адвокат. И найдутся медики, которые объяснят появление лишнего, пятого пятна изменением внутреннего щелочного баланса во всех четвертях. Очень редкое заболевание. До сих пор ни одного случая не известно. Мой — первый.

По его щеке медленно стекла капелька пота. Словно бы, разговаривая со мной, он еще и делал какую-то физическую работу.

Мне сразу представился человек, который, прижав четыре пальца одной ладони к столу, пятый держит на весу. Десять минут так посидеть — без проблем. А если дольше? Через полчаса находящийся в воздухе палец покажется весом в тонну.

— Понятно,— сказал я,— редкое заболевание... Между прочим, скрывать пятую четверть смысла уже нет. До остановки осталось почти двадцать часов. Нет, не удержите. Корабль, который сейчас за нами наблюдает, все зафиксирует и представит стражам порядка. Поймите, раньше, когда никто и предположить не мог, что у вас есть лишняя четверть, прятать ее было легко, просто во время укрыв в четвертом измерении или замаскировав, изменив с помощью макияжа внешность. Теперь тайна раскрыта, и вас неизбежно поймают. Неужели устроите ампутацию? Здесь и сейчас не удастся. Показывайте, в общем. Незачем себя так мучить.

Он хмыкнул.

— Вы правы только в одном. Двадцать часов прятать пятую четверть я не смогу. Не хватит сил. Значит, следует передохнуть.

Тут же после этого в каюте стало пять Шибукаев. Появившийся из четвертого измерения ничем не отличался от всех прочих, кроме одежды. На нем был плуканский комбез. Он шагнул к софе, стоявшей у дальней стены, и молча на ней устроился. Две четверти, до того разговаривавшие со мной, синхронно развели руками. Кажется, они извинялись.

— Я зафиксировал это,— сообщил корабль.— И сделал несколько копий записи. Теперь этот ролик из моей памяти изъять будет очень трудно.

— Можете снимать сколько угодно,— сообщил Шибукай.— Вы не рассматривали вариант, при котором запись может исчезнуть вместе с вашей памятью? И адвокаты... А прессы сообщают только то, что ей разрешат. К тому же убийства и не случилось вовсе. Я лишь оттяпал у своего противника лишнее. Единственное, что мне угрожает, это обвинение в покушении. От него избавиться легче. А избиратели так вовсе ничему не поверят. Мало ли каких собак на меня вешают соперники перед выборами?

Вот только сказано это было хоть и в пять глоток, но не очень уверенно.

— Готов побиться об заклад, вы не первый раз так убираете конкурента,— сообщил я.— И раньше вам все сходило с рук. Только теперь — другая история. Думаю, узнав о вашем лишнем теле, стражи порядка продолжат расследование тех, давних убийств. Наверняка теперь они будут раскрыты. Вот чего вы боитесь, не так ли? Ну а совсем уж по мелочам тоже немало накапает. К примеру, соперники ваши дремать не станут, сделают все, чтобы ничего тайного в истории о лишнем теле не осталось. Вы, политики, всегда чувствуете, кто из вас попал в скверную ситуацию. И на пощаду ослабевшему рассчитывать нечего. Не так ли? Продолжить?

Шибукай пожал плечами. Вяло сказал:

— Может, так и получится. Поживем — увидим. А пока... больше всего меня огорчает, что до этого негодяя Бродигана больше не добраться. Вы хорошо придумали, переместив его в каюту в дальней части корабля, вне досягаемости моих шагов из другого измерения. Думаю, переместиться в том направлении мне не удастся?

— Никак не получится,— сообщил корабль.— Я принял очень серьезные меры к его охране. Тебе не поможет и симбионт.

— Грустно,— сообщил политик.

Я решил, что он и сам уже ни капли не верит в возможность вывернуться из данной переделки. Впрочем, мое ли это дело? И не настало ли время превратиться в обычного пассажира?

— Думаю, дальнейшее уже не имеет ко мне отношения,— сказал я.— Расследование закончено.

— Так и есть,— подтвердил корабль.— Очень благодарен и постараюсь, чтобы остаток пути ты проделал в максимальном комфорте. Какие бы желания у тебя ни возникли, если это в моих силах, они воплотятся в жизнь.

Прежде чем уйти, я сказал Шибукаю:

— Больше всего меня сбило с толку, что убийство совершил именно политик, сам. Кто бы подумал?

— Так и есть,— послышалось в ответ.— Мы всегда стоим за спиной тех, кто действует, указываем, куда идти и что делать. Это наша работа. Однако иногда очень хочется хоть что-то совершить самому. Искушение почти непреодолимое.

14

В этот раз за соседним столиком устроились зеленые шарообразные хвостики. Было их пятеро, и перед каждым стояло по лохани, наполненной молочного цвета жидкостью. Трудолюбиво работая лапками, хвостики взбивали ее серебряными ложечками с длинными черенками. Жидкость бурлила, и от ее поверхности поднималось множество мелких разноцветных пузырьков. Они рассеивались по залу, опускались на столы и беззвучно лопались, оставляя на них мокрые кружочки.

Мне уже случалось сталкиваться с этими толстячками, и я знал, что их деятельность имеет отношение к определенному религиозному ритуалу.

— Все считают, что выходцы с Земли не отличаются большой физической выносливостью,— сказала красивая девушка Сая Бини.

— Ты с этим согласна, не правда ли? — поинтересовалася я.

— Однако они сильны духом. Мне тут шепнули, что пару часов назад ты провернул одно важное дело и при этом былся, как... У вас, выходцев с Земли, есть сказка о стойком воине, который выполнил долг до конца. Мне сказали, что ты былся, словно он.

— Польщен.

Сказав это, я улыбнулся.

За последние пару часов мне открылось, каким может быть по-настоящему шикарное путешествие на межзвездном корабле.

— Мне кажется, молва обманывает и насчет вашей выносливости.

— Хочешь ее проверить?

— Конечно. А еще мне кажется, что ты заслуживаешь отдельного одобрения, персональной награды.

Я взглянул ей в глаза, желая убедиться, что понял ее мысли правильно.

— Какого именно одобрения?

— Терпение. Для начала тебе следует кое-кого показать.

Она таинственно улыбнулась.

Массивный, покрытый жестким зеленым волосом меланиец, устроившись между столиками, отчаянно махалrudиментарными крыльями, стараясь сбрать как можно больше летающих по залу пузырей у себя над головой. После того как с ритуалом будет покончено, хвостики обязательно нанесут ему по паре благодарственных укусов в левую заднюю ногу. Это обеспечит ловкому меланийцу лучшие места во время зрелища

окормления всеобщей гусеницы-прародительницы по крайней мере на год.

Я подумал, что он наверняка сейчас на вершине блаженства и рад-радешенек тому, что оказался именно в этом ресторане, именно сейчас.

Мне же оставалось лишь сидеть и ждать. Согласно моим сведениям, каюта Саи Бини находится очень близко. Только какая девушка появится в ресторане, не принарядившись? Значит, минут десять в запасе еще оставалось.

О природе обещанного мне сюрприза я не гадал, поскольку наизусть помнил список, в котором встретил имя прелестной попутчицы. Меня сейчас волновало другое. Я мысленно готовился к предстоящему испытанию. От него, не потеряв самоуважение, увильнуть было нельзя. После того как мы покинем ресторан, оно должно было стоить мне больших усилий, став настоящей проверкой на стойкость. В том, что я насчет списка не ошибся, убеждали пятнышки на запястье моей очаровательной знакомой, которые стали видны, поскольку закрывавший его широкий браслет слегка сдвинулся к локтю.

Александр Залотько родился 27 марта 1963 года, филолог по образованию. Член Национального союза журналистов Украины. Автор двадцати пяти романов в жанре боевика, детектива, фэнтези, научной фантастики. Лауреат премий «Интерпресскон», «Баст» и премии имени С. А. Есенина Московской городской организации Союза писателей России. В своем творчестве старается следовать правилу: «Литература начинается там, где вымысел перестает быть ложью».

Рассказ «Выбор» возник на перекрестке нескольких жанров: темного фэнтези, классического детектива и детектива-нуар. Классическая пара, детектив и его помощник, расследует преступление, совершенное с помощью магии, но разоблачение преступника – это не самое сложное, что им предстоит.

Александр Золотько

Выбор

Кутру дождь перестал грохотать по крыше и ломиться в ставни. Видно, решил отдохнуть после двух недель беспрерывных попыток затопить несчастное Великое Королевство Армона от Северной Переправы до Южной. Или понял, что остановить Следователя Имперского Коллегиума Леора и Фавера из Темной Долины, рыцаря Имперского Ордена Справедливости, у него все равно не получится.

Дождь прекратился, а на мелкую холодную водяную пыль, висевшую в воздухе, можно было и не обращать внимания. Особенно если сидишь за столом в жарко натопленном зале корчмы «Стоптанный башмак», перед тобой стоит блюдо с седлом барашка и кувшин вина, очень неплохого вина для придорожной забегаловки.

После первой за неделю ночевки в теплом и сухом помещении ребра Леора, поврежденные еще в юности, почти перестали ныть, а рана, недавно полученная Фавером, хоть и не перестала болеть, но кровоточила уже значительно меньше.

По этому поводу Леор, выпив кружку вина, принялся объяснять рыцарю свои взгляды на способы расследования убийств, совершенных с применением магии. Фавер искренне полагал, что единственным правильным наказанием для любой зловредной магии будет костер, позиции своей менять не собирался, посему рассуждения и

доводы следователя превратились за время совместного путешествия в своеобразный ритуал — регулярный, немного нудный, но неизбежный. И, возможно, все-таки небесполезный.

Вода камень точит, рассуждал Леор, в очередной раз пытаясь указать своему попутчику на вопиющую нелогичность отношения рыцаря к магическим преступлениям.

— Ну как тебе объяснить?.. — сказал Леор, когда рыцарь в очередной раз заявил, что колдовство — это колдовство, а убийство — это убийство, посему убийца может быть казнен мечом или веревкой, водой или деревом, а колдун или колдунья — только огнем, и никак иначе.

— Как хочешь объясняй, — Фавер налил себе вина в кружку и залпом осушил половину, — только я останусь при своем. К тому же в Указаниях Имперского Коллегиума ясно сказано, что в случае колдовства следствие надлежит вести по специальному уложению, с соблюдением правил...

— Глупости! — заявил советник. — Указаниям уже три сотни лет. Когда их (и твое уложение, кстати, тоже) составляли, человека могли сжечь и за сглаз. По подозрению в сглазе. Сейчас попробуй кому-то такое обвинение предъявить — не обрадуешься. А ведь в уложении ясно сказано, что и сглаз...

— И сглаз, — кивнул рыцарь и допил вино. — И наговор...

— И приворот, и лечение, и лозоходство... — подхватил за ним советник. — За них-то тоже жечь? Колдовство ведь, как ни крути... Гадание, обереги — за все брать и жечь?

Фавер задумался на мгновение, потом вздохнул.

— Не мое это дело. Рыцари Ордена Справедливости не должны ломать голову над хитросплетениями следствия. Мы меч в руке Коллегиума, а следователи — рука.

— Вот именно, — поднял палец Леор. — Ты — меч, я — рука, а...

— А Коллегиум — голова, рукой повелевающая,— закончил рыцарь и улыбнулся по-мальчишечьи.— И не дело руки обсуждать и сомневаться в решениях головы.

Советник поднял глаза к закопченному потолку харчевни, пошевелил энергично губами. Совершенно беззвучно, но рыцарь по губам прочитал, что именно произнес Леор, и засмеялся довольно. Ему нравилось вот так по мелочам злить советника. Это скрашивало долгие дни путешествия, а сейчас еще и позволяло отвлечься от саднящей боли в правом предплечье.

Неделю назад беглый душегубец попытался проткнуть Леора ножом, советник по обыкновению нападение прозвал, а у Фавера времени доставать свое оружие не было, посему рыцарь принял удар клинка на руку. Хорошо еще, что никакой заразы в рану не попало. Так, с ладонь длиной получился шрам, на шесть стежков шелковой нити. Пора бы ране уже и затянуться, но все кровоточит и кровоточит, проклятая. Из-за погоды, наверное.

В зале харчевни было малолюдно, кроме следователя и рыцаря в нем завтракали еще трое купцов из Баронств, но вели они себя тихо, говорили вполголоса, лишь изредка бросая опасливые и настороженные взгляды в сторону Фавера. Вчерашний урок смирения и послушания явно пошел им на пользу.

— Послушай, дорогой Фавер,— сладким голосом произнес после паузы советник.— Что есть преступление? Преступление есть сочетание умысла, причины, факта, преступника и жертвы. Согласен?

— Согласен,— кивнул Фавер, осторожно погладив раненое предплечье под столом.— И еще — орудие преступления.

— И орудие. Как же без него. Хотя, если кто-то совершил преступление голыми руками... Ну да ладно, и орудие тоже. Значит, некто замыслил убить человека...

- Замыслил,— подтвердил Фавер.
- Скажем, для того, чтобы завладеть землей.
- Землей,— подтвердил Фавер.— Недвижимостью.
- Взял некто оружие и лишил человека жизни... Так?
- Так. И что?
- Он убийца? — спросил вкрадчивым голосом Леор.
- Убийца,— уверенно сказал рыцарь.— Всякому

понятно...

- И какое наказание ты бы убийце назначил?

Рыцарь задумался.

- Ну, не стесняйся...

— Петля. Ну, или меч. Если убивал очень уж жестоко, то колесование или разорвать лошадьми... — Фавер пожал плечами.— Не мне это решать, да и тебе не всегда, господин следователь Имперского Коллегиума, а судье, если таковой имеется, или сходу поселян, или владетелю той земли...

— А почему ты, благородный рыцарь,— ласково улыбнулся советник,— не спросил меня, каким орудием было совершено убийство? А если, скажем, убийца напустил порчу через вынутый след? Или спалил в доме огненным камнем?

Фавер хмыкнул неопределенно. Не любил он таких вот подковырок. Не злился, когда советник в очередной раз загонял его в ловушку своими рассуждениями, но испытывал почти детское чувство обиды.

— Если колдовством убил, значит — сожжение,— сказал Фавер.— Ибо колдовство... Чего ты на меня уставился, господин советник? Чего прицепился? Я что, вмешался в тех Выселках, когда ты потребовал, чтобы бабу, которая мужа колдовством со свету сжигла, не жгли, а повесили? Я тебе мешал? Нет, не мешал. Хотя ты нарушил... много чего нарушил, и в Коллегиуме за свои нарушения ответил бы...

Советник вскинул голову, словно собирался предложить рыцарю по возвращении в Коллегиум рассказать о проступке Леора... Но ничего говорить не стал. Обвинять Фавера в доносительстве было глупо и несправедливо. Но и спорить с ним было бессмысленно. Придет время — сам поймет. Или не поймет.

Леор оглянулся на хозяина корчмы, поймал его взгляд и указал рукой на опустевший кувшин. Нужно будет еще и в дорогу вина с собой прихватить, подумал советник.

Фавер подождал, пока хозяин лично принесет им на стол новый кувшин, потом наполнил кружки:

— За что выпьем, советник?

— За спокойную тихую старость, — сказал советник, поднимая свою кружку. — Чтобы мне разрешили уйти со службы, поселиться где-нибудь на юге и доживать свои последние годы без убийц, воров, колдунов и прочих забавных представителей рода людского... Хочу дожить свой век скучно и без неожиданностей... Кстати, тебе я того же желаю, доблестный рыцарь!

Фавер задумался. Рана у него, конечно, ныла, но в свои двадцать лет он еще не собирался на покой. Собственно, покоем для него была ночевка в теплой постели, горячая еда... в течение дня-двух — не более. Потом Фаверу становилось скучно, хотелось снова вскочить в седло и отправиться навстречу хоть каким-нибудь приключениям. И в этом смысле его желания совпадали с желаниями Имперского Коллегиума и родного Ордена.

А Леор хотел покоя, потому что был старым. Сорок с лишним лет — это старость, понятное дело, и Фавер, если честно, не собирался доживать до такого преклонного возраста. Рыцари Ордена Справедливости так долго не живут. Во всяком случае, Фавер не встречал ни одного рыцаря своего Ордена старше тридцати пяти. Зато орденское кладбище за Цитаделью было обширным.

— За тебя, Леор! — провозгласил, наконец, рыцарь и опорожнил кружку.

— Ну, за меня так за меня,— печально усмехнулся советник.

— Но про колдовство ты все-таки что-то не то говоришь... — сказал Фавер.— Оно — колдовство. Если меня кто-то кинжалом поразит, то это значит — он меня перехитрил, я дураком оказался, и все такое. Но по-честному. А если он на меня порчу напустил, так тут нечестно все получается и несправедливо... Хотя, конечно, если кинжалом в спину... или яд... или на спящего напасть — тоже нечестно... Но колдовство — это уже противоестественно и подло. Не по-человечески...

Рыцарь кашлянул, понимая, что не выходит у него складно объяснить.

— Да я знаю, что ты хочешь сказать,— Леор дернул себя за мочку уха.— Только и ты пойми, хоть постараися... Волшебство — есть такое же свойство нашего мира, как жар солнца, прохлада воды или неумолимость ветра. Дерево, например, имеет свойство расти. Но если человек, владея инструментами и талантом, дерево срубит, то может сделать из дерева табурет, скамью, древко для копья... И это тоже будет свойство дерева, скрытое, но врожденное... И проявившееся только благодаря участию человека, его умению. Это понятно?

— Понятно.

— А если взять ореховую ветвь, да вырезать из нее фигурку, да обжечь ее на костре из веток дуба и стеблей полыни на рассвете в день солнцестояния, да остудить в росе на северном склоне холма, да на месяц спрятать в хорьковую нору... что получится?

— Оберег получится. Чтобы рана, в бою полученная, не гноилась да не горела... Только это не колдовство,— спохватился рыцарь.— Это...

— Да колдовство это, колдовство,— отмахнулся Леор.— И не нужно для него быть колдуном или ведьмой. Достаточно сделать все правильно, по порядку, строго выдерживая сроки и последовательность... Не так?

— Так.

— А почему ты не сделал себе такой оберег? — спросил Леор.— Сейчас бы не баюкал свою руку, уже забыл бы про рану. Почему не сделал?

— Ну... — протянул Фавер.

— А потому, что не лежит у тебя душа к такому. Время тратить, да еще вдруг что-то забудешь, да все наスマрку пойдет... Так?

— А если так?

— Вот и я говорю — каждому свое. Человек, замысливший убийство, выбирает орудие, а нож это, камень или колдовство — уже неважно. Когда вор в дом проникает, ножом поддев щеколду, мы же его наказываем не за владение ножом, а за кражу чужого. И если он собаку при этом усыпал обрядом, мы его тоже за воровство наказываем, а не за магию... Ты вот решил, что колдун, на тебя порчу наводящий, нечестно поступает...

— Конечно, нечестно.

— А ты, когда на нас в прошлом месяце разбойники напали, честно поступил? — Леор с улыбкой прищурился.— Ведь был бы ты честным человеком, так с коня бы слез, не мечом их попотчевал, а дубиной... У них ведь мечей не было? Не было. К тому же тебя десять лет готовили учителя-наставники, а их — нет. Они сами учились, как подорожному внутренности на нож мотать... Значит, нечестно ты поступил с ними.

Фавер помотал головой, словно пытаясь отогнать от себя морок. Это как получается? Это получается, что вот сейчас его советник обвинил в нечестном бое? С одной стороны, выходило, что прав Леор, ведь не было у

разбойников шанса победить рыцаря в том овраге, с другой стороны, это что ж получается — добровольно отказаться от оружия, от того, чему учили?.. Для справедливости? Чушь получается. Разбойников, кстати, никто и не приглашал нападать.

Рыцарь стукнул кулаком по столешнице, не сильно, кружки, миски и кувшин подпрыгнули.

Снова советник его запутал.

— И что ж тогда делать? — спросил Фавер растерянно.— Если колдовство — обычное свойство нашего мира, так как же разобраться? Как судить? Как понять, кто виноват... и виноват ли... Вот ты, советник, когда приходишь туда, где совершено преступление, как ты понимаешь...

— А тут все просто,— улыбнулся Леор.— Проще простого. Тебя когда счету учили, как поначалу объясняли? Одно яблоко да одно яблоко будет два яблока... Так?

— Так.

— А одна белочка да одна белочка будет две белочки... Так?

— Так. Я тогда еще спросил, что получится, если одну белочку прибавить к одному яблоку... — засмеялся Фавер, вспомнив тот болезненный урок.— И был порот, между прочим...

— И правильно порот, за характер свой упрямый наказание понес. Но мысль ты высказал правильную. Чтобы складывать — не нужно знать, что именно ты складываешь. Не яблоко и яблоко, а один да один. Два. Хоть белочек две, хоть два яблока... Вот и я не пытаюсь разобраться, колдовством или чем другим человек убит. Все просто. Есть мертвый человек. Это факт. Верно?

— Верно.

— То есть был человек живым, а стал мертвым. Значит, нужно понять, как его убили, за что убили, чем убили. Как убили, для меня важно только тем, что позволяет найти,

кто убил. Нужно посмотреть, что в мире изменилось в момент убийства и после него. Кому выгодно, и для кого такая выгода может показаться настолько привлекательной, чтобы... И тогда станет понятно, кто убил. Как с той деревенской бабой, про которую ты вспоминал. Муж ее был? Изменял ей с кем только мог? Держал семью впроголодь? После его смерти бабе легче стало? Могло стать? Даже после ее казни все их подворье и надел старшему сыну отошли, а он парень толковый, да и своих братьев-сестер в обиду не даст. По-любому обмен баба выгодный совершила, каждому понятно. И каждому понятно, кто ее мужу пакость магическую в полу зашил. Не нужно имен, не нужно званий — нужно обратить внимание на голую функцию, на роль, которую человек играет. Не крестьянка и крестьянин, не барон и баронесса, а жена и муж, муж и жена. И ты понимаешь, что все одинаково на свете, что в замке или во дворце, что в хижине или на хуторе — все одно и то же. И причины одни и те же — деньги, любовь, обида. И что крестьянка должна быть наказана, что баронесса.— Леор снова улыбнулся, на этот раз печально.— Знаешь, чего мне не хватает в моей жизни? Очень хотел бы удивиться хоть раз, что-нибудь необыкновенное обнаружить, с чем-то странным встретиться...

— Что? — переспросил Фавер.— Ты что-то сказал?

Рыцарь внимательно смотрел на вход, за спину советнику. По залу прокатилась волна влажного холодного воздуха. Входная дверь стукнула, закрываясь.

— Кто-то вошел? — негромко спросил Леор.

— Да,— сказал Фавер тихо.— Мужчина, чуть ниже меня, крепкий. По-настоящему крепкий. Под плащом — кольчуга. И, кажется, меч на поясе. На вид — чуть младше тебя. Каштановые волосы, сильно поседевшие. Борода, как у этих, северян, короткая, клинышком. Усы. Шрам на правой щеке. Глубокий шрам...

— Сматрит на нас? — спросил Леор.

— Да.

Советник закрыл глаза и вздохнул.

— Мы тут про чудеса с тобой болтали, — не открывая глаз, сказал Леор. — Хочешь, покажу одно волшебство:

— Полагаешь, сейчас это уместно? И у нас есть на это время? — Фавер удивленно глянул на советника. — Когда он входил, то на пороге оглянулся и что-то сказал. Значит, кто-то остался за дверью. И я полагаю, не один...

— Неужели разбойники прямо возле самых стен столицы напасть вздумали? — спросил Леор и покачал головой. — И все-таки я настаиваю на чуде. Хочешь, я скажу тебе, что меч у незнакомца весит на правом боку? Так?

— Так...

— А в левом ухе у него — жемчужная серьга. Не круглая, а похожая на каплю...

— Точно.

— Похоже, сегодня мы с тобой на Переправу не попадем, — сказал Леор и повернулся лицом к вошедшему. — Здравствуй, досточтимый Брасск! Как я полагаю, ты не просто так заехал в корчму?

Досточтимый Брасск, начальник охраны его величества Граска Славного, короля Великого Королевства Армона, Разумного, Надежного, Беспощадного и Веселого, не стал отнекиваться и притворяться. Да, он приехал за Леором, бес бы его побрал. И нечего тут рассиживаться, мать его так, а нужно следовать за Брасском, не задавая лишних вопросов. И рыцарьку своему сопливому скажи, чтобы за меч не хватался, а то я этот самый меч у него отберу, да и вставлю по самую гарду, сам знаешь куда...

— Сидеть, — приказал Леор, и Фавер послушно опустился на лавку.

— Это гости короля, мать их так! — сказал Брасск хозяину корчмы, и тот поклонился с самым кислым видом — с

гостей короля платы брать не полагалось.— Их вещи остаются в корчме до завтрашнего утра...

— Дружище... — Леор поманил начальника стражи указательным пальцем.— Вы точно уверены, что с имперскими служащими королевскому придворному стоит разговаривать таким тоном? Я, конечно, готов вас выслушать, но...

Слушать господина начальника королевской стражи пришлось уже на ходу, в седлах по дороге к столице королевства. Фавер нескованно удивился покладистости советника, согласившегося следовать за Брасском после не очень длинной, но очень энергичной тирады начальника стражи, но потом понял, что Леор был прав.

Его величество король Великого Королевства Армона Грасс Славный, а также Разумный, Надежный, Беспощадный и Веселый изволил умереть, что, как ни крути, было веской причиной прервать завтрак.

Брасск так торопился, что даже привел с собой лошадей для советника и рыцаря, чтобы не терять времени, седляя их коней.

Гости покойного короля и начальник королевской стражи мчались рядом, а сзади, отстав на дюжину саженей, неслись десять стражников. Возможно, Брасск прихватил их с собой на встречу с Леором и Фавером как почетный караул. Возможно.

— Но мы-то здесь при чем? — спросил Леор, придерживая шляпу, когда начальник стражи прокричал ему столь печальное известие.— Смерть короля... конечно... важное событие в жизни каждого королевства... но...

Советнику тоже приходилось кричать — мало того что кони неслись вскачь, так еще и ветер был встречным, немилосердно бил в лицо, пытался сорвать шляпы и плащи со всадников.

— Заткнись! — крикнул в ответ Браск.— Всегда ты был треплом... господин имперский советник...

— Следователь Имперского Коллегиума! — прокричал Леор.

— Всегда ты был треплом, господин следователь Имперского Коллегиума. Треплом ты и остался! Согласно Имперскому Договору ты обязан принимать участие...

— Только в случае убийства! — крикнул Леор.

— Вот именно! — ответил Браск, и кавалькада, прогрохотав по подъемному мосту, влетела в Ристу.

Городские ворота были открыты, стражники шарахнулись в стороны, чтобы не попасть под лошадей, проходящих на улицах не было, так что до королевского дворца добрались без происшествий.

Браск лихо соскочил с седла, Фавер спрыгнул и бросился на помощь Леору — советнику, как обычно, запутался в стременах, потом зацепился каблуком башмака за край плаща и чуть не свалился на вымощенный булыжником двор.

— А ты так и не научился толком с конем обращаться, — сказал Браск.

Без осуждения сказал, вроде как констатировал.

— А я не обязан быть лихим конником, — ответил Леор, отталкивая руку Фавера.— Мое дело — думать...

— Я помню, — прервал его рассуждения Браск.— А твой рыцарь помнит? Не забыл, что он главный, что он благородный, а ты, в лучшем случае...

— Конечно-конечно, — торопливо закивал Леор, мгновенно превращаясь из следователя Имперского Коллегиума в канцелярскую крысу при благородном рыцаре.

Леор поклонился рыцарю с самым подобострастным видом. Фавер кашлянул и огляделся смущенно по сторонам.

— Ничего-ничего, — с приторной улыбочкой на губах сказал Леор.— Благородный Фавер из Темной Долины

скоро привыкнет командовать мной, недостойным... Ненадолго, впрочем...

Их лошадей быстро увели в конюшню.

— Мы сейчас пойдем к королеве? — тихо спросил Фавер, внутренне холода. Он еще ни разу не был представлен даже самому захудалому монарху. Высшим его достижением по части иерархии был поединок с графскимbastardом из Приморья. Bastarda он убил без особых переживаний, но мысль о том, что вот прямо сейчас он, третий сын провинциального дворянина из захудалого рода, будет представлен ее величеству, потрясала и немного пугала. — Прямо к ее величеству?

— Губу подбери...те, ваша милость, — посоветовал с усмешкой Леор. — Мы ведь торопимся, так торопимся, что сразу пойдем смотреть на тело его величества... Так ведь мы торопимся, Брасск?

— И все-то ты знаешь наперед, Лис! — Брасск посмотрел на окна дворца, потом быстро перевел взгляд на советника. — Нам туда, в левое крыло...

Начальник стражи двинулся вперед, Леор и Фавер пошли следом.

— Пока мы идем, чтобы не терять зря времени, не сообщит ли мне ваша милость, что странного мы уже увидали сегодня с утра? — тихо спросил советник у Фавера. — Или ничего не вызвало у вас удивления? Не заставило насторожиться?

Фавер остановился на мгновение, собираясь с мыслями. Ветер с треском крутил флюгера на башнях и хлопал полотнищами намокших знамен.

— Идем-идем, милостивый государь, не останавливаемся... Мы же так торопимся! А по дороге отвечаем на мой вопрос. Ну?

— Мы странно торопимся, — сказал Фавер.

— Вот как? И что же странного?

— Когда умер король? — вопросом на вопрос ответил рыцарь.

— Неточно выражаясь,— поправил его советник.— Не умер, а убит. Не сегодня. Это точно — не сегодня. Почему я уверен, что не сегодня, кстати?

— Суеты нет,— сказал Фавер.— Единственный, кто суетится,— этоуважаемый господин Браск. Причем он больше на словах суетится.

— Хорошо,— кивнул одобрительно Леор.— Из чего ты сделал такой вывод?

— Мы приехали в «Стоптанный башмак» вчера перед закатом... — медленно проговорил Фавер.— И я заметил, что только мы сообщили хозяину свои имена и титулы, как он отправил своего мальчишку в город, дабы, я полагаю, информировать местные власти о прибытии имперских чиновников. Значит, еще вчера Браск знал о нас. Так?

— Браво, продолжай.

— А сегодня он приехал не ночью и даже не сразу с рассветом. Примчался почти к полудню, кричал, ногами топал, но прибыл с таким опозданием, как будто не особо торопился...

— А может, король только что убит? Ну зашли в спальню, а он зарезан... — Леор поправил плащ и искоса бросил взгляд на окна дворца — ставни на нескольких окнах были приоткрыты, и кто-то, кажется, сквозь щели рассматривал приезжих.— А как нашли, то сразу бросились за нами... Лично Браск примчался...

— И так может быть... — начал Фавер, потом решительно тряхнул головой.— Не может. Даже если кто ихватился бы его величества так рано, то начальник стражи сейчас должен был метаться, землю рыть, искать убийцу и все такое...

— Получается, что убили короля вчера? — спросил Леор.

— Получается, что не позже. И выходит, что нас могли еще ночью вызвать, раз уж так спешат...

— И не вызвали... И, кстати, что происходит, когда умирает монарх? А? Что? Правильно, трубы трубят, флаги, штандарты приспускают, все придворные и слуги одеваются в траур... Ты видел на ком-нибудь траур? И флаги вон полошутся на ветру изо всех сил...

— Но ты же хотел столкнуться с чем-то удивительным?

— С удивительным, а не смердящим,— сказал Леор.— Не нравится мне начало нашего расследования. И куда это, кстати, нас ведет Брасс?

Начальник стражи вел их не в королевскую опочивальню. И даже не в обеденный зал и не к себе, в свои личные покой. Вначале они через боковую дверь дворца вошли в кухню — повара с поварятами и служанками шарахнулись в стороны, пропуская начальника стражи и его гостей,— потом подошли к небольшой двери в задней стене. Один из кухонных слуг бросился вперед, распахнул дверь.

Из проема пахнуло холодом и сыростью.

— Ледник,— без удивления в голосе произнес Леор.— Боитесь, что его величество испортится?

— Рот закрой, Лис,— посоветовал Брасс.

Другой кухонный слуга зажег от огня в печи факел и передал его начальнику стражи.

— За мной,— приказал Брасс и шагнул, пригнувшись, в дверной проем.

Ледник дворцовой кухни был глубоким и очень холодным. Свет факела отражался от заиндевевших каменных стен. Пар, который выдыхали люди, казался розовым.

Брасс остановился перед дальней дверью, протянул факел рыцарю, достал из-за пояса здоровенный, в две ладони длиной, ключ, вставил его в замочную скважину и со скрипом провернул.

— Заходим, смотрим, если возникнет желание — можно потрогать,— сказал Бриск, толкая дверь.

Желания потрогать не возникло.

Его величество Гриск Славный, король Армона, прозванный также Разумным, Надежным, Беспощадным и Веселым, лежал в лохани. И сразу стало понятно, что не зря тело положили в ледник. Похоже, что его величество умер смертью неприятной и странной.

Больше всего его тело сейчас напоминало студень. Причем студень подтаявший. Было похоже, что король просто потек — размяк и потек, его сгребли в первую подходящую посудину и быстренько отнесли в подвал.

Леор подошел поближе, наклонился, поманил пальцем Фавера:

— Посвети, будь любезен!

— Колдовство,— сказал Фавер, подходя к лохани.— Вот ведь...

— Именно — вот ведь,— кивнул Леор.— А не скажет ли мне уважаемый начальник стражи, когда и как все это произошло с его величеством?

Уважаемый начальник стражи сказал.

Вначале он, правда, предложил закончить осмотр, чтобы быстрее выбраться из этого холода, а потом, уже в своей комнате, у камина, рассказал о случившемся, налив себе и гостям вина в оловянные бокалы.

Король умер вчера после завтрака.

Завтракал его величество, по обыкновению, около полудня, кушал в большом зале, в присутствии практически всех придворных. Те, естественно, не ели, а наслаждались зрелищем королевской трапезы и ждали, когда его величество насытится и удалится в свои покой, предоставив придворным возможность тоже подкрепиться.

Кушал король хорошо, как и обычно, аппетит у него был просто великолепный, самочувствие — прекрасное,

его величество даже рассуждал, сидя за столом, чему посвятить время до обеда — отправиться на охоту или заняться государственными делами, более склоняясь все-таки к охоте.

— Эй! — внезапно воскликнул король удивленно и тронул свою макушку.

Посмотрел на пальцы правой руки и встал с кресла. Волосы — его роскошные темно-каштановые волосы — слиились в комок и тянулись тонкими нитями за кончиками пальцев.

Как растопленный мед, подумав, сказал Бриск. Он, как обычно, присутствовал на завтраке и, когда король воскликнул это самое «эй!», вскочил и бросился к столу.

— Проклятье!.. — пробормотал король и упал в кресло.

Плоть с его руки вдруг потекла, обнажая кости.

Король еще что-то попытался сказать, но получилось у него нечто вроде утробного бульканья — губы пошли пузырями, потекли по подбородку, тяжелой громадной каплей скатились на королевскую грудь. Прямо на знак ордена Армоны.

Король медленно завалился на бок, ручка кресла, на которую он навалился, вошла в размякшую плоть, словно нож в теплое коровье масло. Тело короля сложилось вдвое, голова легла на пол, а королевское седалище все еще покоилось в кресле.

Ее величество, королева Илеара, сидевшая рядом с королем, первой поняла, что стала вдовой, приказала слугам немедленно собрать тело в лохань для грязной посуды и перенести его в кухонный ледник. Начальник стражи получил распоряжение немедленно найти убийцу и пресечь распространение слухов.

— Вот так сразу — убийцу? — уточнил Леор. — Не выяснить, что произошло, а убийцу?

— А чем это могло быть еще? — осведомился недовольным тоном Браск.— На простуду это не похоже, согласись.

— Это да, не похоже.

Начальник стражи сразу же приказал перекрыть все выходы из дворца, из столицы, отправил сообщение на обе Переправы, чтобы до особого распоряжения перестали впускать и выпускать людей. Лично стал опрашивать...

— Кого? — быстро спросил Леор, когда Браск дошел до этого места своего рассказа.— Кого ты стал опрашивать?

— Королевского мага,— ответил Браск.— Кого же еще?

— А я могу поговорить с королевским магом? — спросил Леор.— Ты можешь сделать мне такое одолжение?

— Эй, кто там! — крикнул Браск, повернув голову к двери.— Позовите сюда господина Грона.

Леор быстро глянул на Фавера и еле заметно усмехнулся — рыцарь был не то чтобы изумлен, но легкое недоумение явственно читалось у него на лице. Мальчишка, подумал Леор, еще не научился скрывать свои эмоции. Сейчас наверняка сидит и пытается понять, что именно происходит в этом дворце, в этой комнате, освещенной несколькими свечами и огнем в камине. Интересно, кого из нас — меня или Браска,— он считает большим идиотом, подумал Леор. И насколько еще хватит у славного рыцаря терпения?

Они не успели допить следующий бокал вина, как в комнату без стука вошел королевский маг. Старый, как и положено добропорядочному королевскому колдуну, одетый в темно-коричневую мантию и с непокрытой головой. Высокий, худой и совершенно лысый. Огоньки свечек отразились на его блестящем черепе.

— С тобой хотят поговорить, господин маг,— сказал Браск.— Вот, следователь Имперского Коллегиума благородный рыцарь Фавер...

Фавер удивленно вскинул голову и посмотрел на Леора.

— И его секретарь, мастер Леор,— закончил с невозмутимым видом Брасск.

— Леор... — сказал королевский колдун, взял со стола кувшин с вином и сделал несколько больших глотков прямо из горльшка.— Секретарь, значит...

— Это я на всякий случай,— пояснил Брасск.— Чтобы ты, господин королевский колдун, лишнего не сболтнул...

— Лишнего... — пробормотал колдун и сел на табурет.— Не приучен, знаете ли, болтать. Это не ко мне, знаете ли... Магия приучает к молчанию...

— Знаете ли,— добавил Брасск.— В общем, с тобой хотят поговорить.

— Да пусть говорят... — махнул левой рукой Гром, не выпуская из правой кувшин.— Чего тут скрывать?

— Скажите, любезный господин Гром,— тихо и вежливо спросил Леор,— мне одному показалось, что его величество убит при помощи симпатической магии?

Колдун хмыкнул, покосился на Брасска и снова хмыкнул.

— Намекну еще,— сказал Леор.— Вам не случалось когда-нибудь по роду службы сталкиваться с такими восковыми фигурками, слепленными по образу конкретного человека, посредством воздействия на каковые злоумышленник может нанести вред человеку, чей образ запечатлен в воске, и даже привести его к смерти?..

Колдун снова посмотрел на начальника стражи.

— Да гром вас всех разрази! — вскричал Леор, вырвал кувшин из руки колдуна и врезал посудиной по каминной решетке. Кувшин разбился, и вино пронзительно зашипело на раскаленном металле, превращаясь в пар.— Вы меня сюда притащили для того, чтобы вот так многозначительно переглядываться, вместо того чтобы отвечать

на вопросы? Вон даже несмышленышу Фаверу понятно, что вы тут темните и недоговариваете... Правда, Фавер?

Рыцарь кивнул и только потом сообразил, что его сейчас при свидетелях назвали несмышленышем. Фавер вздохнул, но сдержался. Если так надо, то он готов и оскорблений вытерпеть. Но колдун с начальником стражи темнят, это понятно. Даже мне, подумал Фавер.

— Вино разлил,— спокойно сказал Браск.— Хорошее, между прочим, вино...

— Я — гость его величества... ее величества,— поправился Леор.— Могу себе позволить. Так что у нас по поводу симпатической магии, господин королевский колдун?

— Что касается симпатической магии,— начал Гром,— могу заявить, что все признаки этого рода колдовства имеют место быть... Похоже на то, что его величество погиб именно в результате воздействия высокой температуры на восковую фигуру, выполненную в образе его величества, но...

Колдун замолчал и печально посмотрел на пустые бокалы.

— Однако же, по размышлении и исследовании, я вынужден констатировать,— продолжил колдун,— что не могу представить себе, каким образом это могло быть произведено.

— Как это? — не удержался Фавер.— Берется воск, туда добавляется что-то... ну обрезки ногтей, там, волос... капля крови... А потом протыкается фигурка иглой... Или огнем плавится... Вот таким образом. Что тут думать?

Колдун жалобно сморщился и посмотрел на Браска, словно ища защиты от этой глупости.

— Да... — протянул Браск,— а в Ордене совсем перестали учить мальчишек основам магии...

— Зато учат владеть мечом,— почти без угрозы заметил Фавер.— И просто кулаком...

— Если бы еще учили работать головой... — простонал колдун.

— Ничего, это со временем, — пообещал Леор. — Постепенно. Я этим занимаюсь.

— Что я не так сказал? — набычился Фавер.

— Да, в общем, ты совершенно правильно озвучил народные поверья по этому поводу. Взять обрезки волос, закатать в воск, проткнуть-расплавить... — Леор вздохнул. — Магия, как я уже тебе говорил, штука достаточно простая, но не настолько же... Если бы отправить близнего своего на тот свет было так просто, то уже весь мир обезлюдел бы. Волосы, ногти — все это ерунда. Чушь. Хоть все волосы с головы и тела собери да сожги — ничего у тебя не получится. Магия так просто не дается. Понимаешь? Не дается.

— Все дело в том, юноша... — Колдун погладил себя ладонью по голове. — Дело в том, что подобная магия требует не просто соблюдения некоторых правил, но и некоторого таланта. То есть нужно не просто слепить болванчика из воска, необходимо мастерство, способное придать этому болванчику сходство с объектом колдовства. То бишь злоумышленник должен быть скульптором. И неплохим. Но и это, слава Всевышнему, не главное, иначе либо Цех Скульпторов уже властвовал бы от края земли до края, либо не было бы на земле Цеха Скульпторов, уничтожили бы его, дабы упредить и пресечь попытки такого колдовства... Чтобы создать настоящую куклу, нужно иметь талант и нужно иметь влагу жизни. Ну и время с местом тоже...

Фавер слушал, не перебивая.

Раньше ему казалось, что все с этой магией проще. Но тут выходило, что далеко не каждый и далеко не всегда может совершить подобный обряд. В воск нужно добавить влагу жизни. Можно слюну, можно мочу,

можно кровь. Даже пот можно добавить в фигурку, но... Пот сохранял свою силу совсем недолго. Его нужно использовать почти сразу после получения. Слюна тоже работала только в течение очень короткого времени, настолько короткого, что куклу пришлось бы лепить сразу же возле плюнувшей жертвы. Или помочившейся.

А вот кровь... Кровь работала очень эффективно в течение трех дней. Поэтому за королевской кровью следили очень строго. Стоило его величеству пораниться — порезаться или просто поцарапаться, как пролитую или выступившую кровь заботливо собирали, хранили в течение трех дней, после чего сжигали с соблюдением всех предосторожностей — собственно, наблюдение за подобными вещами и входит в обязанности придворного колдуна. И колдуны за этим следят строго, так что добыть королевскую кровь очень непросто. Ну и то, что обряд нужно проводить не дальше чем в ста шагах от жертвы, делало подобный род покушения очень сложным. Слишком сложным.

Это даже Фавер признал, выслушав колдуна.

— Да,— сказал Леор.— Все это поучительно, но страдает одним недостатком... Вы мне тут рассказываете, почему это невозможно, а я хочу услышать, как это могло произойти. Мы с вами имеем неоспоримый факт смерти. Мы имеем очень веские основания подозревать, что здесь использовалась магия, и даже знаем, какая именно. Давайте думать о том, каким образом убийца мог обойти все сложности. Только не говорите мне, что вы об этом не думали. Вон Бриск, когда рассказывал о смерти короля, старательно обходил слово «воск», придумал для сравнения какой-то растопленный мед... Как дети, честное слово. Думали ведь?

— Думали,— сказал Бриск.

Он встал, прошел к сундуку, стоявшему в углу комнаты, достал из него кувшин и поставил на стол.

— Если только попытаешься разбить — руки отрежу, — предупредил начальник стражи Леора.

— Не буду, наливай, — сказал советник. — Только скажи, пожалуйста, почему мне из тебя все приходится силком вытягивать? Вы ведь уже обстоятельства прикинули и взвесили. Так чего со мной играете?

— Не играем вовсе, правда, Гром? — Начальник стражи разлил вино в бокалы, свой подвинул колдуну. — Мы ведь не играем?

— Не играем, — сказал колдун. — Королева... Мы решили еще раз проверить ход наших рассуждений, и кто, как не следователь Имперского Коллегиума...

— Понял, — кивнул Леор. — Все понятно. Значит, мы сами должны представить себе, кто именно мог создать такую куклу...

— А во дворце есть скульптор? — спросил Фавер.

— Есть, — ответил Браск, с невозмутимым видом отхлебнув из бокала. — А что?

Скульпторов было даже два, как оказалось.

Собственно скульптор мастер Торельян и его подмастерье Переск. Приехали они во дворец по личному приглашению его величества, дабы изваять его статую из бронзы. Первоначально король хотел из серебра, но потом решил, что получается слишком дорого.

Мастер Торельян был известен при многих дворах, скульптуры его работы украшали дворцы и площади. Стало даже модным иметь скульптуру работы мастера Торельяна. Вот король Граск Славный и решил этому веянию моды последовать.

Скульптор приехал почти три месяца назад, поселился во дворце, приспособил местную кузницу для тонкой

и сложной работы и вот буквально со дня на день был готов произвести отливку.

— Значит, мы имеем скульптора,— ровным, невыразительным тоном произнес Леор.— И, как я полагаю, его мастерская находится менее чем в ста шагах от того места, где из его величества вытекла жизнь. Так?

— Ну... — Колдун посмотрел на начальника стражи.— Так.

Леор закрыл глаза и несколько раз вдохнул и выдохнул. Нужно успокоиться. Нужно взять себя в руки и успокоиться. Не сорваться, не наорать на Браска, который почему-то ведет себя так странно, не врезать по постной физиономии колдуна. Держать себя в руках. Они хотят сверить свои открытия с рассуждениями следователя? Хорошо, пусть сверяют.

— Когда именно этот самый мастер Торельян должен был завершить свою работу? — спросил Леор. Он все еще казался спокойным.

— Завтра-послезавтра,— ответил Браск, также выглядевший совершенно спокойным.— Сегодня он собирался залить бронзу в форму, а потом, как бронза остынет, предъявить королю скульптуру... которая теперь будет разве что надгробным памятником.

— Сегодня залить бронзу... Кто-то из вас, господа, когда-либо сталкивался с процессом литья скульптур? — Леор обвел взглядом сидящих за столом.— Как все это происходит, кто-то знает?

— Чего тут знать? Нам все рассказали,— сказал Браск.— Мастер Торельян все и рассказал. Хочешь, сам у него спроси.

— Хочу,— сказал Леор и встал.— Господин Фавер тоже хочет. Он очень интересуется скульптурами. Я надеюсь, вы не очень потрепали скульпторов в пыточной?

— В какой пыточной? — удивленно спросил Браск и снова налил себе вина.

— В пыточной? — спросил вслед за ним колдун и подставил свой бокал под струю вина из кувшина.— Зачем — в пыточной? Прекрасно поговорили, мастер Торельян рассказал об особенностях его метода литья, Переск разъяснил, что делал накануне и во время преступления...

— И сейчас они?..

— Торельян сидит в мастерской и оплакивает свой заказ, а его подмастерье наверняка опять в «птичнике», — ответил Браск.— Выбирает очередную птичку, наверное.

Леор стоял перед невозмутимым начальником стражи с закрытыми глазами. На лице шевелились желваки, а неверный свет очага и свечек тенями рисовал у советника на лице жуткие гримасы. Пальцы на руках Леора сжались в кулаки.

— Тебе налить? — спросил Браск.

— Вы не знаете о том, что для литья мастер вначале создает восковую фигуру... — медленно проговорил Леор, не открывая глаз.— Вы не знаете, что потом восковая фигура обмазывается глиной, а когда глина затвердевает, то воск выплавляется из формы... Не знаете ведь?

— Знаем,— сказал Браск.— И даже знаем, что растапливать восковую фигуру в форме Торельян стал ровно в полдень, как раз после удара полуденного колокола. И ровно в полдень его покойное величество и сказал свое последнее «эй!» и свое последнее «проклятье!»... И что?

— Я, пожалуй, поеду.— Леор взял свой плащ, лежавший на сундуке у выхода, и набросил себе на плечи.— Я тут у вас загостился...

— Не-а... — помотал головой Браск.— Никуда ты не пойдешь, Лис. Ты будешь расследовать это дело, и...

— Расследовать? Тут нечего расследовать, Браск! Нечего! Совершенно понятно, что король умер в результате симпатической магии, что скульптуру сделал кто-то из скульпторов, и нужно просто прижать как следует

мастера и подмастерье, для того чтобы они все рассказали — оба или кто-то один из них.— Леор наклонился, чтобы заглянуть в глаза Брассу.— Что тут неисполнимого? Просто берешь и спрашиваешь. У вас нет палача? Так ты и сам прекрасно справишься. В прошлом ты такой разборчивостью в средствах не страдал. И мозги у тебя работали хорошо не то, что сейчас...

— Обрезки ногтей и волос,— сказал Брасск тихо.

— Что? — не понял Леор.

— Чем они могли начинить эту восковую фигуру? Какой жизненной влагой? Три дня до своей смерти король не имел ни царапин, ни ран, ни даже ушибов.

— Если быть точным, то почти сто дней его величество не проливал свою кровь,— добавил Гром.— Даже красотки из «птичника» не наносили ему царапин... Им это строжайше запрещено, но было два случая, когда красотки, особо стараясь, царапали его величеству спину... Так вот, я со всей ответственностью заявляю, что почти сто дней — девяносто восемь — тело короля не имело повреждений. Я присутствую при каждом утреннем туалете и при каждом вечернем раздевании и заявляю: никто не мог получить ни капли крови короля. Никто!

— Так что, даже если бы скульптор сошел с ума и стал убивать таким демонстративным способом,— подвел итог Брасск,— то он просто не мог бы ничего сделать. Всем все прекрасно становится понятно, сбежать не получится, так что проще уж броситься на короля с кинжалом. Вряд ли удастся, но по самоубийственности — один в один.

Полено в камине, словно подтверждая правоту Брасска, выстрелило, подняв облако искр. Все посмотрели на огонь.

— Мы имеем жертву,— сказал Брасск.— Имеем факт убийства — и все, больше ничего мы не имеем.

Леор сел на табурет.

— Думаешь, я бы к тебе обратился, если бы все было так просто? — вздохнул Браск.— Думаешь, я просто счастлив тебя лицезреть? Поверь, если бы у меня была хоть какая-то зацепка, то... А еще причина.— Браск снова вздохнул.— Сколько я ни ломал голову, но придумать, кому нужна смерть короля,— не смог. Голова идет кругом, а ничего придумать не могу...

— Соседи... — робко предположил Фавер.

— Империя? — с язвительной улыбкой осведомился Браск.

— Нет, кто-то из баронов...

— Зачем? Зачем барону смерть его величества? Король не воевал с Баронствами уже лет двадцать...

— Девятнадцать с половиной,— сказал Гром.

— Вот! — поднял палец Браск.— Двадцать лет. Торговый путь из Баронств в имперские земли проходит через наше королевство, так что ссориться с нами баронам смысла нет. Захватить трон, пользуясь смертью его величества? Как? И как потом усидеть на этом самом троне? Остальные бароны посмотрят на счастливчика очень косо и даже, пожалуй, смогут в кои-то веки объединиться, чтобы не позволить выскочке насладиться удачей... Тем более что вопросы наследования утрясены давно, его величество издал специальный указ о престолонаследовании, по которому трон получает старший сын. Парню сейчас семнадцать лет, он в отце души не чает. Не чаял... Собственно, в королевской семье все тихо, спокойно и по-родственному. Дети любят и уважают родителей, родители уважают друг друга...

Браск замолчал, потому что Леор издал какой-то странный звук, словно кашлянул.

— Уловил? — Браск кивнул.— Молодец, уловил, не потерял хватки. Да, я сказал, что между детьми и родителями

ми — любовь и уважение, а между родителями — только уважение. Ты по этому поводу хрюкал?

— А нельзя ли повежливее, любезный? — поинтересовался Фавер.

Суть разговора от него уже ускользнула, но то, что придворный крохотного королевства позволяет себе по отношению к следователю Имперского Коллегиума интонации, мягко говоря, не слишком уважительные, вполне тянуло на повод для поединка. Убивать старика Фавер не собирался, но порезать его камзол на мелкие лоскуты был готов.

Он даже положил руку на эфес меча и приосанился.

— Приношу свои извинения... — быстро сказал Браск.— И лично господину следователю, и всему Имперскому Коллегиуму в его лице...

— Струсили... — процедил Фавер.

— Да, струсили,— охотно подтвердил начальник стражи.— Да и зачем мне рисковать в поединке с молодым петухом? Убью или покалечу — скажут, что я воспользовался твоей молодостью, ты меня убьешь — станут говорить, что старый пес доигрался, что давно было пора уходить на покой... Я лучше прикажу кому-нибудь из моих людей, они тебя на выходе из дворца и перехватят. Оглоблей по ногам — способ деревенский, но очень... очень действенный...

— Сидеть! — привычно приказал Леор, увидев, как рыцарь медленно поднимается.— Браск шутит. Ведь шутит же?

— Шучу,— кивнул Браск.— По поводу благородного Фавера из Темной Долины — шучу. По поводу дел семейных королевской четы — шутить не могу, не имею права и не хочу. Любви там нет, но есть очень достойное и разумное поведение королевы и благодарность короля. Ни для кого ведь не секрет, что наш покойный король был бабником, выражаясь по-простому.

Бабником короля Граска Славного в глаза, естественно, не называли. Могли назвать пылким, влюбчивым, тонким ценителем женской красоты. Как королева называла своего супруга, находясь с ним один на один, никто не знал. Наверное, поначалу, доходило и до сильных выражений — королева была дамой решительной и волевой.

Граск, согрешив в очередной раз, пытался оправдать свое право на подобные вольности исконными привилегиями правителей Армона, Илеа пытаясь взывать к его супружескому долгу, но особых успехов в этом деле не достигла. Поэтому перешла к аргументам серьезным — политическим и экономическим.

Какая-нибудь из очередных любовниц могла забеременеть от короля. На свет в результате появлялсяbastard, который мог нанести вред законным детям Граска и всему королевству в целом.

Король задумался и согласился. Действительно, нехорошо могло получиться. Но ведь обычай и естество требовали своего... И королева нашла в себе силы и мудрость, чтобы решить эту проблему.

Она создала «птичник».

Официально три или четыре десятка девиц, собранных во дворец со всего королевства, назывались фрейлинами двора, но на самом деле ее величество таким образом подбирала для его величества кандидатуру для недолгого — день-два — романа. Собственно, даже и не романа, а развлечения.

Король за завтраком говорил ее величеству о своем желании... э-э... пошалить, королева выбирала кого-то из фрейлин и отправляла ту в опочивальню его величества. Через пару дней после этого девушку отсылали из столицы к родителям, компенсировав ей переезд не слишком большой, но вполне достаточной для приданого суммой.

Фаворитка в любом случае обошлась бы дороже, понимала королева, король, искавший в переменах не лучшего, а нового, был вполне удовлетворен, девушки были счастливы получить внимание короля и возможность выйти замуж... А их будущие мужья полагали, что раз уж сам король одарил вниманием суженую, то для мелкопоместных дворян она просто идеальная партия.

В общем, все были довольны. Король никого не искал на стороне, зная, что и так получит необходимое, королева отбирала из «птичника» только тех, кто мечтал не о роли фаворитки, а об удачном замужестве... И если кто-то из «птичек» производил на свет ребенка через девять месяцев после близкого общения с королем, то это были дети от их мужей, а не от его величества.

Королю даже не сообщали о таких мелочах.

— Да... — протянул Фавер, когда Брасск закончил рассказывать.

Молодой рыцарь представлял себе отношения с молодыми дамами намного романтичнее: ухаживания, романсы, подвиги во имя и во славу, нежные свидания с лазаньем в окна...

Брасск поспешил его успокоить — все это при дворе было в изобилии, «птичек» никто не держал в клетках, более того, время от времени какая-нибудь из девушек, так и не дождавшись приглашения от его величества, выходила замуж за кого-то из придворных и покидала дворец вместе с супругом. В этом случае ее муж мог даже получить какую-нибудь должность или небольшое поместье — в зависимости от заслуг, его и жены...

— Вот и выходит, что у нас толком нет орудия и нет даже потенциального злоумышленника.— Брасск развел руками.— А кроме того, королева не хочет привлекать внимания к этой смерти. Она вообще настроена придать кончине его величества благопристойный вид смерти из-

за недомогания. Похоронить в закрытом гробу в королевском склепе...

— Не искать убийцу? — приподнял бровь Леор.

— Убийцу как раз найти и наказать, но тихо. Пока в город просочился слуховик, что король болен. К вечеру станет известно, что тяжело болен, а утром... Или к обеду, или к ужину... У тебя еще есть время на поиски. Я слежу за тем, чтобы никто никуда не улизнул из дворца, нашуважаемый Гром уже получил задание найти или придумать болезнь, хоть отдаленно напоминающую по своим последствиям смерть короля...

— Пузырчатая лихорадка западных болот, — сказал Гром с важным видом. — Похоже немного. Осталось только придумать, как ее занесло во дворец...

— Ветром, как же еще! — отмахнулся Браск. — Но убийцу нужно найти обязательно...

Полено в камине снова стрельнуло.

— Да... — протянул Леор. — Не смешно, между прочим... И Коллегиум меня не поймет, если я просто уеду. Имперский Коллегиум очень внимательно наблюдает за такими вот странными смертями...

— Король умрет завтра, — напомнил Браск. — У тебя еще море времени...

— Будь ты неладен, — пробормотал советник.

— И тебе того же, — сказал Браск.

— Значит... — Леор потер руки. — Значит, сейчас ты, господин Браск, отправляешься к ее величеству и сообщаешь, что я берусь за это дело. И заодно предупреждаешь всех во дворце, что я и господин Фавер можем ходить, где нам заблагорассудится, спрашивать все, что нам угодно, и если кто-то на наши вопросы не ответит быстро и искренне, то будет наказан тобой лично... Да?

Браск молча встал и вышел из комнаты.

— Господин Гром, королевский колдун...

— Маг,— сказал Гром.— Я уже давно хотел вас поправить — маг. Понимаете, в просторечии многие путают эти два понятия, но по сути своей, в глубинном значении...

— Хорошо, маг. Господин маг сейчас пойдет и отдаст распоряжения, чтобы кто-то оказал помощь господину следователю Фаверу. У него очень тяжелая рана на руке, и нужно, чтобы какая-нибудь прекрасная девица — у вас же обучают прекрасных девиц врачевать раны рыцарям? — наложила Фаверу повязку и выслушала историю о его подвигах...

— Давайте я сам посмотрю... — предложил Гром.

— Нет, только прекрасные дамы! — отрезал Леор.— Нам подходят только прекрасные дамы, правда, Фавер?

— Да,— сказал Фавер.— То есть нет, не нужно ничего, у меня...

— Ступайте, королевский маг, ступайте! — Леор величественным жестом указал на дверь и добавил тихо, когда она закрылась за магом: — А ты, господин Фавер, не суйся поперек, когда я говорю. Сказано — тяжелая рана. Значит, ты примешь повязку, подвесишь руку на грудь и будешь всячески демонстрировать свои мучения...

— Зачем?

— А затем, что я очень хочу знать, что же все-таки происходит во дворце.— Леор встал с табурета и прошел по комнате, остановился возле камина.— Мы ведь с тобой как умные люди и опытные следователи понимаем, что смерть не могла наступить ни с того ни с сего... Есть причина. Есть тот, кому эта смерть выгодна... ну, или кто мог бы ее желать по какой-то другой причине. Я бы, если совсем честно, подумал на королеву... Эти изменения... Но с другой стороны...

— Королева?! — вскричал с негодованием Фавер.— Ее величество? Не могла!

— Не могла,— кивнул задумчиво Леор.— В момент смерти короля она была рядом, кровь она тоже добыть не могла... могла, но не добыла, тут я колдуну...

— Магу...

— Магу. Вот тут я магу верю... — Леор повернулся к рыцарю.— Значит, ты принимаешь помочь какой-нибудь девицы, рассказываешь ей, что получил рану от тех самых разбойников, увеличиваешь количество этих головорезов вдвое... или втрой... В общем, врешь напропалую, чтобы произвести впечатление на девушек. Можешь даже обещать жениться. Понятно?

— Понятно.

— А для чего?

— Для чего? — спросил Фавер.

— Я хочу знать, не происходило ли во дворце в течение последних трех дней что-нибудь странное. Или хотя бы необычное. Или хоть что-то, заслуживающее упоминания в разговоре. Особенно меня интересует «птичник» и наши уважаемые скульпторы.— Леор дернулся за мочку уха, что обычно указывало на легкое раздражение следователя.— Не могли они, видите ли, найти жидкость... Скульптуру сделать могли, сунуть в нее что угодно — могли, а вот достать это что угодно — нет... Мы ведь с тобой ничему не верим, правда, Фавер?

Фавер кивнул, однако сомнение в его взгляде осталось. Но спорить он не стал.

Когда маг явился за ним и отвел в комнату к «птичкам», Фавер выполнил указания советника со всем старанием. Он слегка — очень тихо — застонал, когда одна из девиц сняла с его предплечья окровавленную повязку, и болезненно, но мужественно морщился, пока рану смашивали каким-то бальзамом, а руку обвязывали платком.

Перевязка перешла в беседу, «птички» слушали рассказ рыцаря, восхищенно вскрикивая в нужных местах

повествования и не сводя с него горящих глаз. Конечно, подумал Фавер, теперь «птичник» наверняка распустят, и девушки придется разъезжаться по домам, так и не получив приданого, так что он, Фавер, для них — последняя возможность романтического приключения; но потом рыцарь напомнил себе, что выполняет важное задание Леора, и перестал отвлекаться на ерунду.

Правда, к вечеру он узнал не слишком много.

Улов Леора был гораздо богаче.

За три дня до смерти короля во дворце и вправду произошло нечто необычное. И неприятное.

Советнику рассказала об этом посудомойка с королевской кухни. Леор отправился туда, чтобы чего-нибудь перекусить. Благородный господин отправился к красоткам, сказал Леор повару, а о нем, о своем секретаре, естественно, забыл.

Так всегда бывает, сказал повар. Благородные к простым людям относятся как к предметам — попользовался и выбросил. А что, спросил повар, молодой рыцарь и вправду служит в Имперском Коллегиуме? Это он будет искать того, кто короля убил?

Леор стал рассказывать, обитатели кухни собрались вокруг него — не часто им доводится послушать человека из самой Империи, да еще столько попутешествовавшего...

— У вас тут скучно, наверное, — сказал Леор.

— У нас скучно? — обиделись кухонные работники. — Да у нас, если хотите знать, господин хороший, столица, между прочим. И такое иногда происходит, что...

— Ну что такое у вас может произойти? — не поверил Леор. — Поварята подрались?

— И подрались! Не поварята, а паж ее величества с приезжим этим подмастерьем скульптора. И не подрались, а сразились в поединке. По-благородному!

— С подмастерьем по-благородному? — снова усомнился Леор. — Паж-то, как я понимаю, из дворян, а подмастерье...

— Тоже, оказалось, из дворян! Он же с мечом ходил с самого начала. Девки из «птичника» болтали, что он последний из братьев, ему не досталось даже титула... Но дворянин. Сцепился из-за девки с пажом, не поделили, значит, за железяки схватились. Стонг, который паж, решил, что с подмастерьем легко справится, да не тут-то было. Все лицо ему этот подмастерье порезал. Просто в клочья!

Поединок, правда, произошел давно, почти за месяц до смерти короля. Но то, что участие в нем принимал скульптор, заставило Леора взять этот случай на заметку. С одной стороны — дело житейское и обычное, с другой — один из поединщиков мог быть замешан в смерти короля.

— Дуэль... — наморщив нос, сказал Леор. — В Империи каждый день по сто дуэлей происходит.

— А так, чтобы девушка к лютому зверю в клетку бросилась — тоже сто раз в день бывает? — обиделась за родной дворец посудомойка. — Чтобы молодая красивая девка ко льву в клетку по своей воле прыгнула — бывает? Вот у нас третьего дня...

История была и вправду необычная.

Фрейлина ее величества ночью отправилась в королевский зверинец, который находился за дворцом на берегу озера, да и прыгнула в вольер. Случайно она туда упасть не могла, соглашались все, там нужно было перелезть через ограждения, потом перешагнуть через загнутые вовнутрь прутья клетки и только потом прыгнуть вниз, ко льву.

Зверей ночью не охраняли, утром смотритель пришел, глядь — а клетка льва залита кровью, кости лежат,

обрывки одежды. Кинулись выяснять, оказалось, что фрейлина королевы, Альва. Только по одежде узнали, по волосам светлым да по родинке на уцелевшей руке.

Альва погибла, точно, только вот почему она в клетку полезла — так никто и не понял. И если бы не просто так, а от любви неразделенной, но ведь все у нее было хорошо. И жених был, и король, опять же...

В этом месте истории рассказчица замялась, но Леор уже вцепился в нее мертвой хваткой. Ночь, в которую Альва с собой покончила, не простой ночью была. Альвина очередь пришла к королю идти. Она и сходила. А из королевской опочивальни пошла не в комнату «птичника», а почему-то прямо в зверинец. Король что-то не так сделал? Да ну, вряд ли... Сколько девиц через его опочивальню прошло, и без слез даже, а с удовольствием и прибылью, а она... Ну стал бы кто-то себе век укорачивать, если бы его король вниманием одарил да еще и денежек подкинул? Скажите, стал бы? Уехала бы Альва из дворца в имение к родителям, а там через месяц-другой и свадьбу сыграла бы... И жених у нее, опять же...

— А кто жених? — спросил Леор как бы между делом.

— Так Переск,— ответила посудомойка.— Подмастерье этот. Он же пажа изуродовал из-за Альвы. Вроде как не поделили... А теперь, оказывается, и не из-за чего было лицо резать...

— Нет, не Стонг,— решительно сказал начальник стражи, когда вернувшийся с кухни Леор высказал предположение, что именно он бросил Альву в клетку.— Во-первых, он ее все еще любит, дурачок уродливый. Во-вторых, даже если он и решился на такое убийство, то как затащил девушку в зверинец? Во всех коридорах — охрана. На всех выходах — стража. Сама девица шла, все видели. Весело так, с улыбочкой прошмыгнула мимо стражников, сказала, что прогуляться хочет. Прямо в платье и выскочила на улицу,

несмотря на холод. И, втретих, какого рожна ты, господин советник, думаешь об этой дурочке, если тебе нужно найти убийцу короля? Ее величество уже справлялась, даже хотела поговорить, но я отсоветовал — нечего тебе ей пока рассказывать. Ведь нечего?

— Нечего,— подтвердил Леор.— Нечего...

— А у вас, господин, мать вашу, Фавер? — осведомился Брасск у рыцаря.— Что-то узнали у «птичек»? Я думал, вы к скульпторам пойдете, а вы...

— А я видел этого Переска,— Фавер решил не реагировать на прямое оскорблечение.

Если сам Леор терпит, то почему и Фаверу не придержать свою гордость? Если это нужно для расследования...

— И как тебе молодой человек? — спросил Леор с интересом.

— Подлец,— коротко ответил Фавер.— У меня было сильное желание поставить его на место еще там, но я подумал, что...

— Ты правильно подумал,— успокоил его Леор.— Но почему он подлец?

— Он дважды подлец.— Фавер, не спрашивая разрешения, налил себе вина и выпил.

Пользовался он при этом левой рукой — правая, как и приказывал Леор, висела на груди, закрепленная шелковой шалью.

— Как еще можно назвать человека, который, соблазнив девушку, вскружив ей голову, после ее смерти ведет себя как ни в чем не бывало, не печалится, не грустит, а наоборот — даже заигрывает с другими дамами, делает им комплименты... — Фавер возмущенно дернул головой.— Я полагаю, что это — подлость. Правда, местные дамы...

— Понятно. А почему он второй раз подлец? — Леор покосился на Брасска, который тоже с интересом прислушивался к рассказу.

— Ты не сталкивался во дворце с пажом по имени Стонг? Стонг из Вадеи? — спросил Фавер.

— Нет,— покачал головой Леор.— Я провел этот день на кухне и возле нее. Разве что посетил зверинец. Мне о бедняге рассказывали, но личной встречи я не удостоился. А что?

— Переск месяц назад стал заигрывать с девицей, у которой уже был жених. Этот самый Стонг. Делал подлец это настолько нагло и уверенно, что наивная девушка не устояла перед натиском и уступила. Возмущенный паж потребовал удовлетворения, подмастерье, который оказался дворянином...

— Я знаю об этом, не отвлекайся на детали...

— Детали? Ладно, без деталей. Подмастерье вызов принял, все вышли во двор, ожидая обычного бескровного... или почти бескровного поединка, как всегда в таких случаях. Ее величество, как мне сказали, настаивает на бое до первой крови или до извинения. Все вышли, паж и скульптор обнажили клинки. Паж, говорят, фехтует не плохо, на это и понадеялся, но Переск оказался ловким и быстрым. Зрители даже не поняли поначалу — что произошло. Несколько отраженных выпадов, потом вдруг стремительный росчерк клинка, вскрик — и паж, выронив оружие, медленно опустился на колени, зажимая лицо руками... — Фавер спохватился, что говорит, будто пересказывая душепитательный роман, и закончил свой рассказ деловитым тоном: — Переск успел за пару мгновений нанести три удара в лицо. Три! Одним он рассек щеку от правого глаза до подбородка. Вторым — разрубил левую щеку, до зубов. А третьим... Третьим просто вырезал своему противнику левый глаз. Как хирург скальпелем. Чик-чик-чик — и восемнадцатилетний мальчишка обезображен на всю жизнь... Думаешь, с такими шрамами у него есть шанс завоевать сердце хоть какой-нибудь

девицы?.. Странно, что его вообще во дворце до сих пор оставили...

— Это ненадолго,— пояснил Браск.— В следующем месяце он должен отправиться в горы. Его величество покойный король дал ему должность смотрителя одной из тамошних шахт. А раны скульптора нанес знатные! Профессиональные. Он же и вправду — почти медик. Должен был получить степень, но что-то там у него не сладилось... Дуэль, что ли... Или пытались трупы потрошить с научной целью, а его обвинили в колдовстве и выгнали из университета. Как-то так...

— Что, вправду ловкий малый? — прищурился Леор.

— Вправду,— кивнул Браск.— Я видел, как он помогал нашему хирургу — очень уверенно. Хирург потом сказал, что... в общем, очень хвалил.

— Но при всем этом он остается подмастерьем у скульптора... — Леор дернул себя за мочку уха.— А еще и подлец...

— Ну, подлец — это мнение твоего рыцаря,— засмеялся Браск.— А с точки зрения их величеств — вполне достойный молодой человек. Он обратился к королю с нижайшей просьбой разрешить ему остаться в Ристе, при дворе. Он готов, если возможно, занять место придворного художника, но не станет возражать, если его таланты пригодятся на войне.

— И что их величества?

— Незадолго до смерти король решил удовлетворить эту просьбу. А королева, насколько я понимаю, не станет отменять решений короля... Но мы как-то отвлеклись от дела...

— Ну почему же... — Леор подергал себя за ухо.— Мы, в общем-то, его почти решили...

— То есть? — насторожился Браск.— Ты знаешь, кто убийца?

— Я предполагаю, но...

— Что ты хочешь?

— Мне нужно поговорить с ее величеством,— твердо сказал советник.— Я хочу от нее кое-что услышать.

— Допросить королеву?

— Нет, что ты... Я хотел бы услышать, как королева предпочла бы завершить расследование. Ты же сам сказал, что она хочет придать этому убийству вид естественной смерти. Значит, если я назову убийцу, возникнет проблема — что с ним делать... Не так?

— Королева отдаст мне приказ, и я уж придумаю, что мне с ним делать... — Брасск прищурился.— Я уж...

— Тут такое дело, господин начальник стражи... Если вы устраниете убийцу, то в Имперском Коллегиуме может возникнуть... мнэ... сомнение. Без суда, без следствия... А если вы скрываете истинного организатора?..

— Хорошо,— задумавшись на несколько мгновений, сказал Брасск.— Я немедленно отправлюсь к королеве...

— И я бы хотел, чтобы меня и отважного Фавера сегодня пригласили на ужин,— вежливо, как ни в чем не бывало, попросил Леор.— Он, я знаю, всю свою жизнь мечтал принять участие в королевской трапезе...

— Примет,— пообещал Брасск.— Вы пока побудьте здесь, у меня в комнате, а я скоро вернусь...

Начальник стражи вышел.

— Почему не спрашиваешь? — осведомился Леор у Фавера.— Даже обидно как-то...

— А что спрашивать? То, что мне нужно знать, ты скажешь. Не так?

— Так... Но тебе совсем не интересно, что же здесь произошло?

— Я почитаю в твоем отчете Имперскому Коллегиуму.

— А если отчета не будет?

— Как это — не будет? — На лице Фавера возникло такое удивление, что советник поспешил его успокоить:

— Это я так, на всякий случай. Мне, может быть, хочется похвастаться перед тобой, объяснить... А ты не спрашиваешь...

— Хорошо, как ты все узнал, советник Леор? Расскажи мне скорее! Так сойдет?

Взрослеет паренек, подумал Леор. Он еще не понимает, но уже чувствует. Остается надеяться, что он все поймет правильно. А если нет...

— Что мы тут имеем... — учительским тоном произнес Леор.— Мы имеем тут интересную цепочку совпадений... Король убит при помощи магии. Никто не мог в одиночку совершить этого убийства. Скульптор, создавший восковый образ, не мог нигде достать жизненной влаги, без которой все колдовство обречено на неудачу. Да и причины желать королю смерти нет ни у кого, кажется... И мы имеем странное событие, произошедшее за три дня до смерти короля...

Леор сделал паузу.

— Это самоубийство девушки? — спросил Фавер.

— Это гибель девушки... — сказал Леор и посмотрел на рыцаря, словно чего-то от него ожидая.

— Гибель... Подожди, ты хочешь сказать, что она не покончила с собой?

— Из-за чего? Из-за того, что получила возможность выйти замуж? Из-за денег, которые ей должны были дать? Король сделал для нее исключение и повел себя грубо, оскорбив и унизвив девушку? Брось, рыцарь, кого может оскорбить благосклонность венценосца? — Леор продолжал смотреть на Фавера не отрываясь, словно боялся упустить даже мимолетную тень на его лице.— Кто обидится на короля за такую безделицу?

Фавер не ответил.

Он хотел сказать, что лично он не обрадовался бы, если бы его невеста получила таким образом приданое,

но решил промолчать. Ему не нравилось то, что происходило в этом дворце, но кто он такой, чтобы навязывать свои взгляды на жизнь? Если это устраивало короля и королеву, устраивало девиц и их женихов...

Стоп, сказал себе Фавер. Девиц и женихов. Устраивало.

После того как Альва была с королем, ее судьба была однозначной — уехать из дворца. И это значило, помимо всего прочего, что и ее жених тоже должен покинуть дворец. Ведь так? Отказаться от женитьбы этот Переск не мог, это выглядело бы ну очень неприлично... Продемонстрировать брезгливость? Король такого не простил бы. А кроме того, Переск ведь собирался остаться при дворе и даже получил на это разрешение. А тут пришлось бы бросить все возможности и ехать в деревню... или, в крайнем случае, принять должность где-нибудь подальше от столицы... Как вот этот изуродованный паж?

Фавер вспомнил лицо Переска.

Сильная челюсть, светлые, почти прозрачные глаза, словно сделанные изо льда, уверенная речь, точные движения, упрямая и высокомерная складка у рта... Этот человек не захочет жить в деревне. Этот человек изуродовал мальчишку только для того, чтобы продемонстрировать свое право на девицу.

Получается, что у подмастерья была причина обидеться. На девушку, как минимум. Браск сказал, что девица из спальни короля выпорхнула веселая и, не надевая плащ, вышла из дворца. Чтобы покончить с собой? Нет, ни в коем случае. На прогулку? Тоже нет. На свидание? Да, конечно, на свидание. Ее ждал возлюбленный. Она хотела его обрадовать, обсудить с ним планы на будущее, но он решил все иначе... И на короля он, кстати, тоже был обижен. И тоже мог жаждать мести. Мог ведь? Мог. Одним ударом — отомстить двоим.

Но как? Как, мысленно простонал Фавер. Советник смотрит, не отрываясь, он уже все придумал, все понял и теперь ждет, чтобы и Фавер сам дошел до разгадки.

Убить девушку — просто. Один удар профессионального хирурга, потом перебросить мертвое тело через ограждение — и все. С девушкой покончено, и никто ничего не заподозрит. А вот король...

Как там говорил Леор?

Строй цепочку. Думай и смотри, как из причин вытекает следствие. Отбрасывай то, чего не может быть... Короля убил Переск. Почти наверняка. Для убийства ему нужна была восковая фигура — ее сделал Торельян. Фигура приобретала смертоносность только при наличии той самой жизненной влаги. Пот, слюна, моча — отпадают. Их он просто не успел бы применить. Кровь? Не было крови, не было повреждений. Маг утверждает, что и в то утро у короля не было повреждений на теле... Могла девица Альва укусить своего короля? За губу? Нет, губа распухла бы. За язык? Чушь, король не дурак, свою кровь привык беречь. Как минимум, сказал бы магу, что такая ерунда получилась. И достаточно было бы просто уехать на охоту, сменить местоположение, удалиться от дворца более чем на сто шагов... Не получается...

Не мог же король потерять свою кровь и не заметить ее... К тому же... К тому же, если девица как-то заполучила в постели королевскую кровь и передала ее своему возлюбленному, она наверняка понимала, что тот замыслил убийство. Для чего еще может понадобиться кровь короля?

И со смертью его величества Альва ничего не приобретала, а только теряла.

Но как внимательно смотрит Леор!

Девица не могла похитить у короля кровь незаметно. Вообще не могла. Она наверняка не блестала умом, но

и не была настолько глупой... Но ведь и незаметно для себя она не могла вынести эту кровь из спальни. Это невозможно...

Проклятие, чуть не закричал Фавер. Проклятие и еще раз проклятие! Тысяча раз — проклятье! Что же он уперся в эту кровь?

Леор ведь говорил, что нужно отвлечься от названия, нужно смотреть в суть. Не яблоко и яблоко, а один плюс один.

Кровь... Не кровь, мать вашу, как говорит Браск, а жизненную влагу. Пот, слюна, моча, кровь... Все? Нет, не все. Королевское семя. Вот то, что маг не мог контролировать, как бы ни старался.

Они просто не подумали об этом. Вернее, королева боялась, что родится от этого семениbastard, а то, что оно может стать причиной смерти, частью орудия убийства...

Значит, перед тем как Альва пошла в спальню к королю, Переск назначил ей свидание у зверинца. Ее могло это обеспокоить? Нет, ни в коем случае. Любимый захотел встретиться в безлюдном месте. Они могут там остаться наедине и помечтать о будущем. Альва ведь уверена, что Переск так же счастлив, как и она.

Она прибегает к зверинцу, бросается на шею любимому, а тот... тот наносит удар. Потом с ловкостью опытного хирурга вскрывает лоно своей бывшей возлюбленной...

Фавер почувствовал, как тошнота подступила к горлу.

— Похоже, ты решил эту загадку, — глухо произнес Леор.

— Переск... — тихо сказал Фавер.

— Переск, — повторил за ним Леор. — Полагаешь, мы не ошиблись? Завтра король официально умрет, все должно быть благопристойно. На королеву и наследника не должна упасть даже тень подозрения. Король не погиб из-за своей развратности, а скончался от болезни... Я не удивлюсь, если они уже заподозрили Переска и ждали,

чтобы мы сами еще раз разгадали эту загадку. Бриск всегда был умным и безжалостным...

— Может быть,— еще тише произнес Фавер.

Еще он осознал, почему Леору было так важно, чтобы он, Фавер, все понял без подсказок. Следователь — рука правосудия, а рыцарь Ордена Справедливости — оружие в этой руке. Советник мог просто приказать, но он предпочел, чтобы Фавер сам пришел к выводу и сам принял решение. Признал его правильность.

— Хорошо... — начал Фавер, но закончить не успел — в комнату вернулся Бриск.

— Королева ждет тебя, Леор,— сказал начальник стражи.— И на ужин вы тоже приглашены.

— Повязку не снимай,— приказал Леор, выходя из комнаты. Фавер и не снял.

Сидел на табурете и, не отрываясь, смотрел на всполохи огня в камине. Дрова почти додгорели, оставив после себя сизо-багровые угли.

— Вас приглашают в зал,— сообщил, заглянув в комнату, слуга.

— Хорошо,— сказал Фавер.

Следуя за слугой, он поднялся на второй этаж дворца, прошел мимо стражи у парадных дверей. Вошел в зал.

Музыка не играла, придворные — почти сотня человек — негромко переговаривались, сидя вокруг столов. Огоньки свечей из канделябров и подсвечников отражались в серебре, золоте и хрустале посуды на столах. Вышколенные слуги скользили легко и бесшумно, разливая вино и разнося новые блюда.

Королева сидела во главе стола, место возле нее было пустым. Рядом с ее прибором стоял королевский прибор, но тарелка и бокал его величества оставались пустыми. Король просто запаздывал к ужину, такое бывало.

В другое время и при других обстоятельствах Фавер восхитился бы красотой ее величества, поразился бы величественной осанке и спокойному, уверенному взгляду ярко-голубых глаз. Даже украдкой оценил бы линию груди королевы. В любое другое время и в любом другом месте. Сейчас же Фавер лишь отметил про себя, что королева сидит, откинувшись на спинку кресла, и, кажется, смотрит на него, на рыцаря Ордена Справедливости.

Браск, стоявший за спинкой королевского кресла, тоже смотрел на Фавера.

Ну и смотри, подумал рыцарь. А мне нужно выполнять свою работу.

Фавера проводили к его месту. Свободный стул оказался как раз напротив места Переска. Случайно, надо полагать. Так получилось.

Фавер сел. Левой рукой принял наполненный бокал. Пригубил.

Переск что-то оживленно, хоть и вполголоса, рассказывал девушке, сидящей рядом. Девица слушала, не перебивая.

Дождавшись перемены блюд, Фавер осушил еще бокал, протянул левую руку к кувшину и совершенно случайно опрокинул его. Конечно, совершенно случайно. И вино совершенно случайно потекло по скатерти к Переску.

Переск вскочил.

— Напился... — вырвалось у него.

— Нет,— сказал Фавер.— Просто левой рукой не привык пользоваться. Но ничего, на тебе пятном больше, пятном меньше...

Его соседи за столом замолчали.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Переск.

— Ничего,— Фавер усмехнулся.— Просто ты легко переживаешь потери и утраты... Переживешь и пару новых пятен.

— Следи за своей речью, господин... — Переск сделал вид, что пытается вспомнить имя Фавера.

— Никто не смеет указывать, что мне говорить,— провозгласил, повышая голос, Фавер.— Особенно подмастерья...

Теперь уже все присутствующие в зале напряженно вслушивались в их разговор. «Струсит...» — громким шепотом произнес кто-то.

Лицо Переска превратилось в маску.

— Я требую, чтобы ты забрал свои слова...

— Я не думаю, что ты можешь требовать у меня чего-нибудь.— Фавер встал из-за стола.— Попросить о снисхождении — да, пожалуй... Но не более того!

— Если бы не твоя рана, я бы заткнул тебе...

— Моя рана? Ты пытаешься выглядеть благородным, подмастерье? — осведомился Фавер.— Это на девушек может подействовать такая поза, а мне... мне плевать на твои попытки...

— Пьяное ничтожество! — воскликнул Переск, теряя самообладание.— Я требую, чтобы ты принес извинения, иначе я...

— Вызов? Хорошо, пусть будет вызов... В конце концов, мне приходилось драться и с животными,— процедил Фавер.— С грязными, вонючими животными...

— Дуэль! — крикнул Переск.— Немедленно — дуэль!

Все обернулись к королеве.

Та медленно встала со своего кресла.

— Я хотела бы, чтобы вы помирились,— тихо сказала она.

— С кем? — осведомился Фавер.— С этим?

Левой рукой Фавер указал на Переска и скрчил брезгливую гримасу.

— Вы видите, ваше величество,— сказал Переск,— примирение невозможно. Я должен защитить свою честь...

— Но, господа, только до первой крови,— провозгла-
сила королева.— Это правило было введено моим покой-
ным мужем, и я не смею нарушать его.

— До первой крови,— сказал Переск, злобно посмо-
трев в лицо Фавера.— Конечно — до первой крови.

В зале было довольно места для поединка. Слуги ото-
двинули несколько канделябров в сторону.

Фавер стал в десяти шагах от противника. Тот выхва-
тил меч и сделал несколько взмахов, разминая плечо.

— Хороший хват,— сказал Фавер трезвым голо-
сом.— Ноги немного неправильно стоят, но это неважно...

Переск замер.

Он все еще надеялся выиграть этот бой у раненого, да
еще и пьяного одним ударом. Но пьяный перестал казать-
ся пьяным, и это настораживало.

Фавер снял с шеи платок, правой рукой извлек свой
меч из ножен.

Переск вздрогнул. Он не испугался, нет, но почувство-
вал легкий холодок, скользнувший по его позвоночнику.
Предчувствие?

Взяв себя в руки, Переск нанес удар. Потом еще два.
Потом поединок закончился. Как и требовала короле-
ва — до первой крови.

Меч Фавера пробил лоб Переска точно над переноси-
цей и вошел в мозг.

— До первой крови! — сказал Фавер, выдергивая свое
оружие из черепа мертвого противника.

— Только утром мы сидели за этим самым столом и за-
втракали. Только этим утром,— сказал Леор.— А кажется,
что прошло несколько дней...

Фавер не ответил.

Он вообще не собирался надолго задерживаться
в харчевне «Стоптанный башмак», но Леор настоял.

После того как оскорбленная королева потребовала, чтобы они немедленно покинули не только столицу, но и королевство, Фавер думал, что советник будет торопиться, но тот, приказав слугам в харчевне принести вещи из комнаты и седлать лошадей, отправился в зал и сел за стол.

— Мы успеем еще выпить вина, — улыбнулся он в ответ на удивленный взгляд рыцаря. — Я, кстати, хотел и в дорогу его прихватить. У нас есть что отметить, к тому же...

— Убийство? — уточнил Фавер.

— Казнь, — поправил его Леор. — Ты хотел, чтобы все было честно, — ты получил честный поединок. Все должны быть довольны. Королеве удалось сохранить внешние приличия, мы раскрыли преступление и наказали убийцу, даже тот паж, как бишь его... Стонг из Вадеи отмщен. С мастера Торельяна снято подозрение... Даже Имперский Коллегиум будет доволен — мы умудрились предотвратить волнения в сопредельном королевстве, продемонстрировали заботу Империи о своих провинциях... да, исключительную эффективность Коллегиума и Ордена Справедливости мы тоже продемонстрировали... Все должны быть довольны.

— Я и доволен, — угрюмо сказал Фавер. — Тем более что эффективность...

Он замер, глядя на дверь за спиной у Леора.

— Хочешь, снова покажу магию? — предложил Леор. — Вошел Бриск?

— Да.

— Прошу к нам за стол! — подняв руку над головой, но не оборачиваясь, позвал Леор. — А я уж заждался.

— Ловко это у вас получилось, — сказал Бриск, присаживаясь к столу. — Ты что, с самого начала знал, что придется драться? Поэтому приказал рыцарью раненым прикинуться?

— Нет, конечно. Он должен был произвести впечатление на дам и девиц... А потом грех было этим не воспользоваться. Фавер производит впечатление очень крепкого парня, поэтому, не будь повязки, Переск бы в драку не полез... А мне хотелось все побыстрее закончить и убраться.

— Я смотрю, вы даже ночевать не будете.

— Хватит, мне ваше королевство, без обид, очень понравилось, но страшно надоело. И я, пожалуй, сделаю все от меня зависящее, чтобы больше здесь не появляться,— сказал серьезно Леор.

— Знаешь, ее величество отчего-то так и подумала,— также серьезно сказал Браск.— Спохватилась, что не смогла выразить вам свою благодарность лично, и попросила меня...

Браск достал из-под плаща кожаный мешок и положил его на стол перед Леором.

— Это вам в награду,— сказал начальник королевской стражи.

— Как вы смеете... — начал Фавер, но Леор легонько хлопнул ладонью по столешнице, и рыцарь замолчал.

— Передай ее величеству,— Леор взял мешок, развязал его, потряс над ладонью. На руку выпало несколько блестящих камешков.— Передай мою искреннюю благодарность за столь щедрый... по-королевски щедрый подарок.

— Ну что ты, с моей точки зрения, ты достоин гораздо большего,— сказал без улыбки Браск.— Хотя я, если честно, немного разочарован... Ты изменился.

— Ты тоже. Лет двадцать назад я бы не взял этого мешка, а ты лет двадцать назад не стал бы...

— Мы все изменились. Все меняется.— Браск встал из-за стола.— Оставлю вас выяснять отношения. Надеюсь, что мы больше не встретимся, Лис.

Браск вышел из зала.

— Целое состояние... — задумчиво произнес Леор, касая камешки на ладони. — Здесь хватит и на домик, и на сад, и лет на тридцать безбедной жизни...

— Ты не можешь взять эти камни, — сказал Фавер. — Никто из членов Имперского Коллегиума не может брать плату за свои действия... И рыцари Ордена...

— Тоже не могут брать взятки, — печально улыбнулся Леор. — Давай будем называть вещи своими именами. Это не плата, это взятка.

— За что? — холodeя, спросил Фавер. — Разве не Переск убил короля и девушку? Ты же сам!..

— Успокойся. — Леор спрятал камешки с ладони в мешок, затянул ремешком. — Короля и девушку убил Переск. Ты сам это понял, тут ты молодец. Только...

— Что — только? За что эти драгоценности?

— Понимаешь, Фавер... Иногда мы оказываемся в ситуации, из которой нет однозначного выхода. Ты все правильно понял, ты верно указал на убийцу. Но ты не обратил внимания на несколько мелочей. Переск мог совершить эти убийства и совершил их. Он смог получить жизненную влагу короля, смог вложить ее в восковую фигуру... Это он мог, и это он сделал. Но осталась еще ерунда... Совсем маленькие обстоятельства, без которых вся картина выглядит незавершенной.

Леор подбросил мешок на ладони.

— Месяц назад Переск вскружил голову некоей легкомысленной девице... Месяц — это очень долго. Но все, что произошло дальше... У него было мало времени с момента выбора королевы. Утром король решил принять у себя девушку, ее величество выбрала Альву, а к ночи у Переска уже был готов план. Очень толковый план. Тебе это не кажется странным?

— Н-не знаю... — растерянно пробормотал Фавер. — Он мог действовать по наитию... Бывает же такое! Бывает?

— Бывает. И совпадения бывают. Король умудрился переспать не с той девушкой как раз за пару дней до окончания изготовления формы для отливки. Чуть-чуть замешкался бы или поторопился, и никто не смог бы короля убить. Так?

— Так.

— А не было ли кого-то, от кого зависело, чтобы случайные совпадения стали несокрушимой цепочкой причин и следствий?

— Не знаю...

— Ладно, не буду тебя терзать.— Леор привязал мешок к своему поясу.— Расскажу тебе историю. Представим себе, что король не сам решил украсить дворец своей скульптурой. Что до меня, то король не производил впечатления человека, способного получить удовольствие от созерцания собственного скульптурного портрета. Кто-то посоветовал заказать скульптуру и даже предложил мастера. Полагаю, что к тому моменту план в общих чертах уже был готов. Был нужен человек, имеющий связи в Империи. Старые связи... Этот человек должен был кое-что выяснить, подобрать исполнителя... Выбор ведь пал не столько на мастера Торельяна, сколько на его подмастерье.

— У Брaska есть связи?

— А как он разбирается в людях... — поцокал языком Леор.— В общем, к моменту приезда скульптора в Армону Переск уже либо знал, чем все закончится, либо его уговорили уже здесь... И думаю, что особых усилий для этого прилагать не пришлось. Он выбрал девушку, вскружил ей голову... Дело оставалось за малым — дождаться нужного момента. Они могли тянуть еще месяцы и месяцы, если бы не мы...

— Мы? — вскинулся Фавер.

— Кто-то из имперских чиновников,— пояснил Леор.— Собственно, тот барон, к которому мы ездили, мог ведь

не просто так затеять разборку со своим соседом именно в это время. Он мог оказывать услугу Брассу. И мы прибыли в королевство Армона. Тут очень надежно работает стража. Все на Переправах записываются в таможенные книги, по дороге туда и по дороге оттуда... И никого из исполнителей не удивит, почему это так отслеживают поездки следователя Имперского Коллегиума и рыцаря Имперского Ордена. Обычная вещь — следить за имперскими чиновниками, дабы чего-нибудь не произошло. Мы въехали в королевство по пути домой, вперед был отправлен гонец — едут. Когда стало понятно, в какой именно день мы окажемся возле столицы, Переск все и совершил. Я не знаю, что ему пообещали, но, видно, что-то такое, от чего он не смог отказаться...

— Но мы-то здесь при чем?

— Мы? Мы должны были проверить всю эту историю на прочность. И внести свой посильный вклад в ее завершение. Мы приедем домой, в Коллегиум, и расскажем эту печальную историю о мести мерзавца и подлеца Переска. Коллегиум, если захочет, проверит историю здесь, в чем я сомневаюсь, и проверит жизнь Переска до приезда сюда. Наверняка окажется, что этот мерзавец и раньше совершал нечто подобное... Нас так или иначе вывели бы на него.

— А если бы мы все поняли...

— А мы поняли, и что? В лучшем для организаторов всего этого случае мы догадались бы только, что убийца — Переск. Так или иначе, он бы погиб. В конце концов, он единственный, кто... ну, ты понимаешь. Заказчику было очень важно, чтобы именно мы все это сделали. И мы сделали. А дальше... Дальше нам нужно было остаться живыми. Брасск разыграл последнее действие спектакля очень толково. Велика вероятность, что мы поняли, кто все организовал. Мы можем попытаться всех разоблачить.

— Да, можем...

— Но для этого нам нужно попасть в Коллегиум. А мне что-то подсказывает, что туда мы просто бы не доехали.

— Пусть только попробуют!..

— Они не будут пробовать, они просто сделают, будь уверен. Поэтому я просил королеву о содействии, о разрешении твоей рукой наказать убийцу... Он ведь и вправду убийца. А потом... Потом Брасск привез мне богатство. Если я его беру, то становлюсь соучастником убийства короля. Если не беру, то... опять-таки до Коллегиума не доезжаю. Мы не доезжаем, уж извини...

— Если бы Переска убили они,— Фавер говорил медленно, разглядывая свои ладони,— если бы убили они, то это могло вызвать подозрения. Но поскольку это сделали мы... я, то с точки зрения Коллегиума все нормально.

— Совершенно верно,— кивнул Леор.

— И что ты будешь делать дальше?

— Ты имеешь в виду, что, приняв эту взятку, я больше не имею права быть следователем?

Рыцарь не ответил.

— В крайнем случае я осуществлю свою мечту,— сказал Леор.— Это если в Коллегиуме ничего не узнают. Тебе я долю предлагать не буду...

Фавер побледнел и спрятал руки за спину.

— Брасск был твоим другом? — спросил Фавер.

— Он был рыцарем Ордена Справедливости.— По лицу Леора пробежала тень.— И моим другом. Однажды... Однажды передо мной встал такой же выбор, какой сейчас встает перед тобой. Почти такой же...

— И ты?..

— Я решил, что рыцарь Ордена Справедливости не может нарушить своих клятв и устава Ордена...

— Понятно,— сказал Фавер.— Но причина убийства? Ты же говорил, что причины остаются неизменными, независимо от...

— Говорил. Я говорил — деньги, любовь, обида... Сколько женщина сможет выносить оскорблений? Год? Два? Десять? Я еще говорил, что убийца будет наказан, независимо от того, обычная сельская баба убила своего мужа или баронесса... Я врал. Королева наказана не будет.

Леор встал со скамьи, бросил на стол несколько мелких монет.

— Поехали, до Колледжуума еще дней десять пути, ты все успеешь обдумать и принять решение,— сказал Леор.

Александр Щёголев – санкт-петербургский писатель, работающий на стыке приключенческой, психологической и философской прозы. По образованию инженер-системотехник, с 1992 г.– член Союза писателей СПб. Пишет приключения и фантастику, детективы, триллеры и мистику. Автор двух десятков книг: «Мания ничтожности», «Клетка для буйных», «Инъекция страха», «Любовь зверя», «Новая инквизиция» (в соавторстве с В. Точиновым), «Жесть», «Как закалялась жесть» и др. Считается одним из основоположников российского киберпанка. После выхода романа Щёголева «Свободный охотник. Кибер-фэнтези» (1997) в обиход вошло слово кибер-фэнтези (до 1997 года такого термина не существовало). Лауреат премий «Старт» (1992), «Бронзовая Улитка» (1995), премии журнала Бориса Стругацкого «Палдень, 21 век» (2007 и 2011), «Астрея» (2008).

Повесть, представленная в сборнике, является классическим образчиком кибер-фэнтези. Высокие технологии превращены в магию, а вся власть сосредоточена в руках технической знати. Новому средневековью противостоит виртуальное Метро, окутывающее невидимым облаком все пространство Солнечной системы. Мир застыл на пороге невиданной и страшной войны, и только Орден рыцарей-операторов способен хоть что-то противопоставить надвигающейся катастрофе.

Александр Щёголев

Код рыцаря

Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя...

A. C. Пушкин

01

Небо над Гетто было как глюк наркомана, глотнувшего видеотранс.

Платформы, вознесенные на сотню-другую метров, отражали Волхов. Казалось, река течет одновременно и здесь, внизу, и высоко над головами, разбитая на тысячи фрагментов. На платформах громоздились пенными пузырями жилые районы. Частные дома лежали как виноградные гроздья.

Это был реал. Вот такой вот реал, да. Чем-то похожий на Систему, по крайней мере строители осознанно копировали тамошнюю архитектуру. Взаимопроникновение двух миров, которого боялись одни и которое приветствовали другие, давно шагнуло из разговоров в практику.

— У нас завелся предатель,— сказал командор.— Теперь это очевидно.

Он надолго замолчал, поглаживая седеющую косичку, перекинутую через плечо на грудь. Командор был в «имидже» — якобы турист из Шанхая,— а откуда прибыл на самом деле, бог весть. Модификант класса «perfect»¹,

¹ Совершенный.

третий человек в Ордене, он мог позволить себе любой облик. Как и любое место жительства.

Я ждал.

Мы сидели на берегу, на мокрой от росы траве, метрах в ста от развалин Новгородского кремля. Силовая стена на той стороне Волхова, ограждающая Гетто, причудливо преломляла лучи восходящего солнца. Голоса звучали странно: модификант в придачу к маскирующему имиджу поставил защиту от прослушки.

— Предателя надо найти,— родил командор.— Я на тебя надеюсь.

— Почему я, наставник?

— Я уважал твою мать, Эндрю, незаурядная была женщина. Это долгая история, потом. Просто в данных обстоятельствах я доверяю только тебе.

Bay! Так у меня была мать? Это хорошие новости для приютского паренька. Но в каком смысле — «уважал»? Может, и папу уважал? А может, наставник и есть мой — как бы поприличнее сформулировать... Я чуть не рассмеялся.

— Не отвлекайся,— проворчал командор, словно мысли мои считал.— Дело сложное, срочное и опасное. Не хотел я тебя впутывать, но... Знаешь, кто наш заказчик? Побудуйся.— Он показал на запад. На далекую исполинскую платформу — с багрово-красным дворцом. Честно сказать, я напрягся.

— Управление Связи?

— Если бы! Лично Директриса. Ее Императорское Величество. Конечным пунктом маршрута был Глутон... хотя это неважно. Другое важно. Грузом, который перевозил наш курьер, была страница из Священного Ведения.

— С какой магией страница? — уточнил я, делая вид, что не удивлен.

— Магия «Фас».

Вот тут мне стало страшно.

02

Проехали задами Гетто. Машину взяли свободную, коммунальную. Командор отказался нанести визит ко мне в Бюро системных услуг, служившее хорошим прикрытием, не принял и приглашение зайти к своему по рученцу домой. Не хотел привлекать внимания.

Нападение на курьера было не первым, что одновременно и успокаивало, и тревожило. Разбой в недрах Системы – дело обычное, но в последнее время страдал именно Орден. Транспорты и одиночные капсулы, снаряжаемые гроссмайстером Орком, подвергались, такое впечатление, целенаправленным и совсем не случайным атакам. При том, что маршруты и время отбытия держались в строгом секрете, уж гроссмайстер-то был искушен в таких делах. Получается, то, что произошло, не было связано с артефактом из Дворца Связи. Иначе говоря, нападавшие не знали, что конкретно везет курьер, и отхватили куш, о котором не мечтали. Случайность – такой версии придерживался командор.

С другой стороны, последнее ЧП превратило подозрения в уверенность: в Ордене есть наводчик. Пропажа страницы из Священного Введения – бомба с отсроченным взрывом. Репутационные потери Ордена катастрофичны, это я отлично понимал. Информация обязательно просочится, информация обладает сверхтекущестью, так что не удивлюсь, если Управления и Офисы вскоре заморозят с нами, Вольными Операторами, любые отношения...

Магия «Фас». Неужели это не легенда?

По пути командор передал мне список с именами членов Ордена, которые имели возможность узнать о заказе из Дворца. На просьбу дать второй список – тех, кто был посвящен в тайну груза, – ответил, что из Ордена никто посвящен не был: ни курьер, ни даже он сам. О том, какую

магию содержал пропавший артефакт, Ее Величество сообщила командору только сегодня. И вообще, заниматься своими инженерами и чиновниками контрразведка Управления Связи намерена самостоятельно, а Ордену оставлено право трясти своих. Контакты с Управлением командор берет на себя.

— У них наследник при смерти, а тут еще и это,— почувствовал он. Вряд ли искренне.

К гостиничному комплексу «Вече» подъехали по проселку, со стороны стены. Лес здесь плавно превращался в парк.

— Все просматривается,— предупредил я еще в машине.— И в корпусах, и вокруг.

Командор усмехнулся и нажал пальцем себе на переносицу — словно на кнопку. Пижонский жест. Никакой кнопки там, конечно, не было: биомолекулярная электроника активизируется и управляется нервными импульсами. Перфекту достаточно отдать мысленную команду, что он и сделал. Мой блокнот на предплечье всполошился: дескать, сбой видеофиксации, перегруз цепей, аварийный останов. То же произошло со следящей аппаратурой в этом сегменте Гетто.

— Вылезаем,— разрешил командор.

Быстро прошли по парку к одной из беседок. Под беседкой была спрятана реверсивная лаборатория, это я знал и по должности, и еще потому, что отель «Вече» принадлежал Ювочке,— папин подарок на совершеннолетие. Папа у нее — гроссмайстер Орк, мог себе позволить.

Крыса-уборщик (из последних моделей человекозаменителей) сметала с дорожки листья, что-то ворчливо бормоча.

Командор открыл люк:

— Прошу, мастер.

Спустились. Я делал морду кирпичом. В этом просторном бункере, оазисе высоких технологий, мы с Ювой не раз устраивали романтические свидания, прячась от опеки строгого папы. Главной достопримечательностью был навороченный операционный стол с зажимами для головы и конечностей, на котором метахирург, доверенный сотрудник гроссмастера, освобождал нужных людей от биоэлектронных включений. Дико больно, но ради Системы можно потерпеть. Называется — реверсия. Техническим кодексом приравнена к абортам, потому и тайно. На этом столе мы с Ювой... Тьфу, о чём я думаю!

Командор отключил «имидж», вернув настоящий свой облик. Пожилой, ничем не примечательный мужчина. Перфекты выглядят обычными людьми, сильно отличаясь в этом смысле от других модов с их деформированными черепами и наростами на тела. Перфект — это всегда внутриутробник, то есть модификант, подвергшийся внутриутробному моделированию. Дорогущее удовольствие. Командор был из богатой семьи, сын кого-то из Главных инженеров при Управлении Прогресса.

Операционный стол вдруг отъехал, и на освободившемся месте открылся новый люк.

— Добро пожаловать,— сказал мне командор.

Вниз вела витая лестница. Вот это да! Тайник в тайнике, не лаборатория, а матрешка. У Ордена, конечно, много укромных местечек, но вот чтоб совсем уж под носом... Пока спускались, пока я осматривался, он говорил:

— Это моя личная нора, Эндрю. Дело так серьезно, что я готов отдать тебе все, лишь бы помогло. Имей в виду, об этой комнате не знает никто из гроссмастеров, так что пользуйся ею с оглядкой. Твой инфослепок я заслал в охранный узел, а ключом будет твой личный код...

Помещение напоминало то ли бытовку, то ли домашний музей. Странный гибрид. Спартанская лежанка и

плита соседствовали со стеллажами, в которых за силовыми дверцами покоились статуэтки, камни, свитки, а также предметы неясного назначения. По стенам разве-шано было холодное оружие, как обычное, с дискретными клинками, так и древнее, из стали.

А еще здесь был Вход.

— Формально твоим руководителем остается Орк,— наставлял меня командор,— но искать предателя ты будешь в одиночку. О наших контактах — никому. Текучку по Гетто сдашь Ивкину... У меня есть просьба, малыш. Найдешь предателя — не старайся доставить его живым, особенно если это кто-то с высоким разрядом.

— Почему? — глупо спросил я его.

— Кто знает, как решат патриархи. Их строгий суд, между нами, слишком зависит от родственных и иных невидимых связей. Ты меня понял?

Чего тут не понять? Живым гада не брать. Правда, такой исход подразумевает, что доказательства вины должны быть неоспоримы... Жестко он стелет.

— А сейчас — время бонусов,— сказал командор и положил пальцы себе на виски.

Блокнот мой ожил, принимая коды. Это были новые аккаунты. Раз — и получен доступ к архивам Ордена с допуском, равным гроссмастеру. Прыжок в правах, между прочим, сразу на несколько разрядов. Два — и даны полномочия Вскрытой печати, позволяющие допрашивать членов Ордена с высокой разрядностью, вплоть до самого командора.

Затем хозяин тайника взял со стеллажа один из свитков, развернул... Страница из Священного Ведения! Я качнулся вперед, поняв, что сейчас произойдет.

— Магия «Калейдоскоп». Подставляй перчатку.

Я отстегнул перчатку-интерфейс от пояса, надел на левую руку. Выбрал в меню кнопку «Впитать». Один миг — и

новый сакральный КОП занял свое место в моей табличке команд. КОП – это код операции, то, что древние маги (если они существовали) назвали бы заклинанием. Руку закололо: интерфейс запустил предварительную настройку. Командор бережно вернул артефакт на место и сказал:

– Уходи через Систему. Я – позже, через верх.

Мы стояли перед Входом. Я отражался в зеркальной поверхности, командор – нет. Я был сайбер-скаутом, с раннего детства вхожим в Систему, я был инициирован еще ребенком. Входом в просторечье называли конвертер АЦПЧ, аналого-цифровой преобразователь человека. Выглядело это устройство как темный плоский экран; как старинная плазменная панель, поставленная вертикально. В панели отражалась комната, стеллажи и витая лестница; отражалось все, кроме командора, которому не дано было пройти инсталляцию. Вход не пропускал в Систему модификантов, как бы они того ни хотели. А командор хотел, ох как хотел. Может, потому и пошел в свое время против высокой родни, что мечтал о несбыточном. Он проворчал с горечью:

– Спасибо вам, мама с папой, сделали из человека урода... Иди, мальчик, не теряй времени. Дверку с той стороны заблокируй.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – спросил я его, прежде чем шагнуть во Вход.

– Ты обязан подозревать всех.

– И Великого Кормчего?

– Не паясничай.

– Как насчет вас?

– Накопаешь на меня – докладывай патриарху, допуск у тебя теперь есть.

– Я поштуил, – дал я задний ход. – Поштуил я, наставник.

03

Пошутил ли? Поди теперь разбери. Из того, что показал и рассказал мне гроссмайстер Орк, с большой вероятностью следовало, что информацию нападавшим слили с самого верха. Не держал ли командор меня, своего любимчика, за болвана, желая знать, как близко расследование подберется к правде,— чтобы вовремя вмешаться?

Это паранойя...

— Опять двойники! — сказал гроссмайстер.— Водевиль какой-то.

Орк — всего лишь ник, на самом деле шефа звали Фродо Андерссон. Он отвечал за безопасность Ордена, был допущен до многих тайн. Высокий светловолосый красавец с голубыми глазами.

Работали в его загородном особняке. С высоты старый Петербург выглядел макетом, который давно не подновляли. Последний Круг Москвы, почти край мира. Управление Связи, властвовавшее над Кругами Москвы, не интересовалось этим захолустьем. Удобное место.

Записи, сделанные в Системе, дали полную картину преступления. Кapsулу Ордена проследили от самого начала маршрута — от охотниччьего домика гроссмайстера. Неприметный битбайк вовсе не случайно торчал в посадочной зоне одного из соседних пузырей. Хоть он и не двинулся с места, когда курьер отчалил, однако что мешало всаднику ровно в это мгновение доложить о начале движения? Похоже, они знали точно: кто и когда отправляется, вот и выставили соглядатая. Тот был в шлеме, лица не видно. Потом капсулу незаметно вели по Тоннелям, причем пуская слежку навстречу, а не в хвост. Так обычно делает контрразведка Управлений, но не в Системе и не в Метро, а в реале, где у властей хватает

ресурсов. Здесь вряд ли действовал кто-то из Дворцов, откуда у них столько скаутов? Короче, даже если б курьера сопровождала пара-тройка наших, очень трудно было бы обнаружить слежку, организованную столь профессионально. Кто-то в банде знал все тонкости такой работы. Кстати, сопровождения у курьера не было...

— Чей это домик, у которого стоял битбайк? — спрашиваю шефа.

— Родителей твоего старосты. Старосты из Гетто Скаутов.

— Ивкина? Это дом родителей Ивкина?

— Совершенно точно. Вы ведь с ним из одного приюта?

Любит гроссмайстер мимоходом пнуть своего подчиненного, викинг хренов.

А ловушку разбойники рассчитали с поразительной точностью, запись это подтверждала более чем наглядно. В системном Метро все записывается и в Тоннелях, и в других местах общего пользования. Напали во Фрагменте-523 — нагло, прямо на платформе, принадлежащей одному из рынков. Вот некто в перчатке програм-мага перегораживает Тоннель с помощью команды «Мембрана». Кто такой — не видно, лицо скрыто тряпочной маской. Тут же капсула Ордена втыкается на полном ходу в невидимую преграду. Две посторонние капсулы экстренно тормозят и разворачиваются. «Мембрана» превращается в сеть, мгновенно опутавшую летательный аппарат, а платформа заполняется людьми в таких же масках. Плененную капсулу подтаскивают палками с крюками и вскрывают. Курьер — Иван Жалле, опытнейший сайбер-скаут; вдобавок програм-маг, профессор Академии метапрограммирования. В иерархии Ордена — зодчий. Он пытается оказать сопротивление, применяет магические макросы, но в дело снова вступает тот, кто перегородил Тоннель. Это главарь. Магический поединок

краток, зодчий Жалле явно слабее. С обездвиженного курьера снимают перчатку, куртку скаута и даже золотую шпору — атрибут рыцаря-оператора. Ценный груз перевозился в куртке, в спецкармане под замком. Главарь вскрывает карман, перекладывает контейнер в собственную куртку...

— Твари,— простонал гроссмайстер Орк.— Бастарды. Ненавижу.

Ему было от чего переживать, учитывая, что профессор был его другом.

Один из разбойников снимает маску и оказывается... Иваном Жалле, зодчим! Вернее, точной его копией, цифровым двойником. Или «bastardom», как эти создания сами себя с гордостью называют. Бастард нацеливает на жертву призматический рассеиватель и включает оружие. Ноги настоящего Жалле разлетаются на проекции, впитываются в пол и в стены пузыря. Вместо ног появляется радужное сияние. Изуродованный человек кричит, а убийца отвратительно хохочет, наслаждаясь его ужасом. Это казнь. Призма фокусируется выше: на торсе, на груди. Все кончено. Палачи разбегаются по капсулям, стаей ныряют в Тоннель, и только на месте исчезнувшего курьера висит яркая радуга.

— Да, это бастарды.— Я соглашаюсь.— Нет ни одного человека.

То, что грабители — банда двойников, понятно не только по серому цвету их кожи. Главное — они лишены «сторожевых псов». На головах и на плечах у них нет привычного Стража, обеспечивающего неприкословенность личности, как у любого инсталлированного пользователя Системы.

В принципе, убить в Системе можно, но это чревато немедленной расплатой. Священная Восьмерка в лице Носителя Гнева реагирует автоматически, без жалости,

не принимая никаких объяснений вроде того, что на тебя напали, и ты защищался. Почему на платформу не явился Носитель Гнева и не покарал убийцу зодчего? Если б это преступление совершил человек, что бы тут началось! Но с двойниками все непросто. Отчего-то боги Системы не обращают внимания на расправы, ими творимые.

Другой вопрос, откуда вообще в Системе берутся двойники? Страж-псы для того и дарованы пользователям, чтобы сделать копирование людей невозможным! Каким образом можно обойти страж-пса? Загадка.

А вот еще вопросы: знал ли профессор Жалле о существовании дубликата? Если оставить за скобками проблему «как», то кто и зачем его скопировал? Наконец, зачем было его убивать, да еще с такой жестокостью?

Главарь у них — сильный маг. Буквально за секунду поставить «Мемброну» третьего уровня... впечатляет. Не каждый сможет.

— Мне их главарь кого-то напоминает, не могу вспомнить, кого,— говорю гроссмастеру.

— Мне тоже,— вздыхает он.

— А трансформация «Мембранны» в сеть? Это какой-то макрос. Хорошо бы выяснить последовательность команд и составить метапрограммный почерк на предмет совпадений.

— На предмет...— проворчал хозяин особняка.— Запись уже отправлена экспертам, почерк мы выясним. Ты мне другое скажи, мастер Кок, «на какой предмет» наш командор осчастливили тебя полномочиями Вскрытой печати?

Кок — это, собственно, я, Андрей Кокошечкин. Фамилия совершенно непроизносима, вот и сократили — еще в приюте. Двадцать восемь лет, молодой начальник службы безопасности Гетто Скаутов, в подчинении у гроссмейстера Орка.

— Командор поручил мне выяснить тайну моего рождения,— отвечаю ему на полном серьезе.— Он знал мою мать, но на вопросы отвечать отказался. Пришлось потребовать у него Печать.

— Ладно, это ваши дела,— хмыкнул гроссмастер.— На всякий случай напоминаю, что твой непосредственный начальник пока я.

В кабинет вошла Таисия, жена гроссмастера; а следом — у меня ухнуло в груди,— их дочь Юва. Мы с Ювой на секунду сплелись взглядами. Захотелось послать работу к черту.

— Опять распекаешь мастера Кока? — осведомилась Таисия с улыбкой.— Он такой милый, ранимый. А ты такой строгий, Андерсон, что даже страшно.

— Ничего, выдержит.

— Простите, шеф, меня тревожит одна вещь,— медленно произношу я.— Понимаю, вопрос неприятный, и трясти тут Вскрытой печатью мне совсем не хочется, но все же... Почему вы отправили зодчего Жалле без сопровождения? Ведь это не первый случай нападения на наших курьеров. Пустить бы следом хотя бы одну тяжелооруженную капсулу, и все могло закончиться не так катастрофично.

Гроссмастер помолчал, глядя в окно. Ответил сухо:

— Сопровождение было готово. Две тяжелых капсулы и три битбайка.

— И что?

— Командор запретил. Оставил отряд в ангарах. Без объяснений.

Вмешалась Таисия:

— Дорогие мужчины, могут ли ваши дела подождать полчаса? Стол накрыт. Вы пообедаете с нами, мастер Кок?

— С удовольствием,— соврал я.

Пока спускались в столовую, я думал о том, что по настояющему меня тревожит вовсе не отсутствие капсул

сопровождения при курьере. И вовсе не странный приказ командора. Гроссмайстер Орк упустил в записях некую деталь, а именно: соглядатай на битбайке, карауливший отправку груза, очень характерным жестом подбрасывал в левой руке банку с эликсиром «Vita». Нервничал. Потом он пил эликсир, держа банку в левой руке. Этот бастард был левшой. А еще, если присмотреться, можно было заметить, что правая рука у него чуть короче левой.

А на платформе среди бандитов-двойников, орудовавших баграми, некоторые были левшами, и руки у них были разной длины. Тварей явно копировали с одного образца — с того же, что и шпиона на битбайке.

Юра Ивкин, староста нашего Гетто, левша. И точно так же, когда нервничает, подбрасывает банки с напитками. И правая рука у него короче левой — результат реверсии, сделанной в подростковом возрасте. Совпадение? Битбайк стоял возле домика родителей Ивкина... Вот и думай теперь, кто послужил образцом для всех этих двойников.

04

Шаг во Вход, прямо в темное зеркало. Легкое сопротивление, и упругая поверхность словно лопается. Миг невесомости в абсолютной черноте — привычно, давно уже не пугает. Здравствуй, Система... Здесь нет неба, нет открытых пространств, здесь нечего делать людям, страдающим клаустрофобией. Сверху либо серые своды Тоннеля, либо цветной купол пузыря. Ирреальность, рожденная фантазией гениального Скаута,— так по легенде звали сумасшедшего миллиардера, запустившего этот саморазвивающийся мир.

Сзади, по ту сторону Входа, остается гроссмайстер. Если обернуться, его кабинет можно увидеть — как сквозь мутное стекло. Шеф включает блокировку, и картинка

меркнет. Меня там нет, я уже здесь, состоящий из нулей и единиц. «Дискретный человек» — так это называется. Продукт аналого-цифрового преобразования вещества, нечто похожее на файл... лучше на этом не циклиться, плохо для психики. Именно что «нечто похожее». Казалось бы, я должен чувствовать себя странно. Однако все, как и в реале,— сердце стучит, мысли копошатся, кишечник урчит после обеда.

Попадаю в жилое помещение, состоящее из одной комнаты и ячейки для капсулы. Все это — внутри пузыря, прилепленного к стене Тоннеля. Охотничий домик гроссмайстера Орка. «Охотничий» — лишь название, принятое для такого класса строений и пришедшее из романтических времен начала Системы.

В стене Тоннеля выстроена небольшая платформа, на которой стоит мой битбайк. Классный у меня битбайк, недавно делал апгрейд. Выхожу из домика. В отдалении видны другие такие же пузыри, вделанные в стены Тоннеля, один из которых принадлежит Ивкиным. Сажусь на своего любимца, включаю золотую рыцарскую шпору, позволявшую плевать в полете на ПБД, Программу безопасности движения (привилегия, дарованная Академией метапрограммирования), и — в путь...

Гроссмайстер поручил мне заняться рынком, на котором произошло нападение, сам же, как давний друг Ивана Жалле, взял на себя отработку контактов профессора. Ни на какой рынок я пока не собираюсь. Меня ждет куда более срочное дело.

05

— Кажется, за мной следили, пока я сюда летел,— говорю, делая вид, что это весело.— Не начинается ли у меня мания преследования?

— у меня с твоей работой уже фобия,— ответила Юва.— Страх потери любимого человека.

— Па-апрашу! — возражая, надувая грудь.— Голыми руками нашего героя не взять! Искусно владеет мечом оператора, обучен боевой програм-магии...

Мы дурачились, но спокойно на душе не было. Встретились в мотеле, тихонько сговорившись за обедом. Мотель расположен в Прямом Тоннеле: транспорт без конца мелькает за окном, и никому нет дела до двух скаутов, уединившихся в одной из ячеек. Сюда же должен прилететь мастер Ивкин, вызванный мной на разговор.

Сторожевые псы покрывали наши головы — этакие высокие призрачные шапки, исполненные в графике, линиями и штрихами. Они ничуть не мешали, наоборот, были настолько привычны, что без них, наверное, люди в Системе ощущали бы себя голыми. Как двойники живут без персональных Стражей? Не представить... Изображения псов псевдоживые: в данный момент они дремали, положив морды на лапы и приоткрывая один глаз, если кто-то проходил по пешеходной зоне мимо ячейки.

Сначала я развлекал девушку, показывая магию «Калейдоскоп» в действии. Функция этой команды состоит в шифрации и дешифрации таблиц визуальных данных, сформированных при инсталляции модуля «дискретный человек». А если попросту — появляется возможность менять свой внешний облик, придавая себе иную видимость,— примерно как в «имидже» у модов-перфектов. На первом, слабеньком уровне магии выбор внешности осуществляется только из числа стандартных типажей в меню обликов. Командор дал мне третий уровень, позволяющий принимать внешность любого из людей, встреченных в Системе или в реальности... Я стал блондином гроссмайстером, сильно увеличившись в росте. По-

том — мамой Ювы. Потом превратился уже в саму Юву, прошелся по ячейке, играя бедрами. Она хохотала...

Я — безродный сирота, ползущий с низов и добивающийся всего сам; она — из респектабельной семьи, дочь рыцаря-оператора в пятом поколении. Осознание этого рокового несоответствия частенько сжимало мне сердце. Чтобы получить ее, мне требовалось прыгнуть слишком высоко, слишком.

Я рассказал Юве все о нынешнем моем деле. И запись показал. Разве что про секретную комнату командора умолчал, это была совершенно не моя тайна, которая к нынешним событиям касательства не имела. Я всегда был с ней откровенен, как, уверен, и она со мной. Наверное, это непрофессионально. Но не люблю я романтических признаний да объяснений. По-моему, откровенность — вот тот клей, который скрепляет чувства лучше горячих слов, лишенных практического смысла. Если мы и вправду небезразличны друг другу, все остальное ниже приоритетом.

К тому же, хоть Юва и моложе меня на пять лет, голова у нее светлая, и советы ее дорогого стоят.

— Значит, двойникам — никаких санкций за убийства скаутов, — сказала она. — При том, что Носитель Гнева не прощает таких вещей. Да и страж-пес, если сорвется с поводка... Я читала, есть версия, что защитные алгоритмы воспринимают двойников как программные ошибки. Как результат неправильного применения команды COPY. Ну правда, каким образом наказать программную ошибку? Их должны устранивать не боги, а метапрограммисты.

— Похоже, — соглашаюсь с ней. — Если двойники — сбой в Системе, то гибель скаутов от их рук — несчастные случаи. Тем болееbastardов тоже можно растворять по спектру совершенно безнаказанно.

— Ты помнишь, чему нас учили в Школе скаутов на счет Стражей?

— Мне обидеться?

— Пес — это защитная программа, выполняющая криптографирование дискретного человека с целью избежать его копирования,— процитировала Юва.— А на самом деле функции Стражей гораздо шире, чем просто защита от копирования. Команда «Фас» — лучшее подтверждение.

— Я думал, магия «Фас» — это легенда.

— То, что она существует, означает, что Высшая магия, весь этот раздел — не легенда... если, конечно, командор тебя не разыграл... Я к чему веду, Андрюша? Команда «Фас» действует на Стражей. Чтобы сделать копию человека, тоже надо как-то подействовать на Стража, пусть и по-другому. Это не может не быть связано. Командор ошибается, если думает, что бастарды, или кто там их послал, не знали, за чем охотятся. Знали. Не случайность это.

— Умница,— смеюсь, подтаскивая ее к себе.— Ты права, ежик.

Наконец-то целуемся. И еще раз, увлекаясь. Быстро забываем, что ждем третьего. Куртки скаутов сброшены. Как же хорошо... Девок в моей странной жизни было много, но здесь — настолько по-другому... Впервые я не один, спаси нас Единый... Битбайк Ивкина медленно двигался вдоль ячеек, вовремя я его заметил, мерзавца. Мы отстранились, оделись.

Чтобы сразу прояснить кое-что, принимаю облик зодчего Жалле, воспользовавшись инфослепком, снятым с записи. Так и встречаю друга детства — в виде потомственного аристократа. Наблюдаю за реакцией.

Мастер Ивкин, застыв от неожиданности, тут же согнулся в поклоне, с должным респектом приветствуя высокорядного члена Ордена. Он был удивлен, это есте-

ственно. И удивление его — чистое, без примеси страха. Похоже, непричастен, по крайней мере напрямую. Был бы замешан — знал бы об убийстве Жалле. Испугался бы ожившего мертвеца хотя бы на мгновение. Какое облегчение понимать это...

— Дурак ты, Кок,— обиделся Ивкин, когда я стал собой.— Я решил, меня сейчас начнут вербовать. Знаю я эти ваши подходы.

— И на чем тебя можно вербануть? — спрашиваю как бы в шутку.

— Тебе видней, ты секьюрити. Каждого на чем-то можно. Ребята, я не понимаю, вы чего оба такие? — Он растерянно смотрел на нас.

— Да все путем, Юрик, успокойся.— Юва кинула ему банку «Виты».— Вот, эликсирчик глотни. Свеженькие видеотрансы уже поступили?

И впрямь, что за умница эта девчонка! Как ловко придумала!

— А при чем здесь видеотрансы? — занервничал он.

Именно староста Ивкин прикрывал в Гетто нелегальное производство видеоструктур глубокого воздействия на психику, о чем полиция Кругов Москвы, конечно, не знала, так что подобные вопросы его напрягали. Он принял машинально подбрасывать банку с эликсиром. Левой рукой. Которая была чуть длиннее... В отрочестве Юрик вколол себе сдуру конверсионную сыворотку с мышечным усилителем, за что чуть не вылетел из Школы скаутов. Биоэлектронное новообразование пришлось тогда удалять, и во время операции были укорочены локтевая и лучевая кости правой руки.

Мы с Ювой переглянулись. Я переключил блокнот в режим внешнего экрана.

— Хочу, чтоб ты кое-что посмотрел.

На неопознанного битбайкера, играющего банкой с эликсиром, я наложил запись, сделанную только что — с участием Ивкина. Попутно объяснил ситуацию, чтоб тот понял. Совпало идеально.

И Юрий понял.

— Это твой двойник? — спрашиваю.

— Мой.

— Остальные откуда?

— Наверное, с первой копии понаделали.

— Как ты это допустил, мастер?

Ивкин опустился на диван рядом с Ювой и закрыл лицо руками. Ему было смертельно стыдно. Оказывается, давно хотел признаться, но стыд мешал. Однажды ему намекнули, что группа лоцманов хочет обменять партию элитных видеотрансов на Нить маршрута до Кварцевого Сердца. Предложение было насколько выгодным (Кварцевое Сердце!), настолько же и невероятным. Почему бы не рискнуть? Встретились в Системе, в одном из медпунктов. Деловой разговор запивали не эликсиром, а настоящим системным ромом, вот только, увы, не лоцманы это были, а сущие отбросы, мусор. Подмешали в ром сноторвный вирус и в спящем виде продали Юрия бастардам. Очнулся он в том же медпункте. Состояние Стражка не оставляло сомнений: его скопировали. А информация о маршруте, которым его возили, была стерта из личного Призрака...

— Только не рассказывай никому из наших, — попросил Ивкин.

— В Гетто — само собой, но доложить командору я обязан. Извини.

— Похоже, двойники предпочитают копировать не просто скаутов, а рыцарей-операторов, — задумчиво произнесла Юва. — С нашей-то подготовкой...

— История имела продолжение? — продолжил я допрос.

Да, имела. Найти парня, направившего господина старосту к лжелоцманам, не удалось, зато очень скоро объявился двойник, чтобы Ивкина убить. Пытался несколько раз: подкарауливал и открывал стрельбу из призмы — то возле Входа в админку, то возле домашнего Входа, а то даже у родительского охотничьего домика. Сильно рисковал, между прочим. Зачем ему это было нужно, что за мания? Выполнял чей-то приказ? Все это странно, потому что прикончить жертву бастарды могли сразу, как скопировали. В перестрелку Ивкин обычно не вступал, возвращался в реальный мир, куда двойнику пути не было. Но, в конце концов, драться-таки пришлось. Поединок состоялся на энергозаправке. Дрались на мечах операторов. В итоге оригинал стер своего двойника, и нападения после этого как отрезало.

— Я думал, все кончилось,— сказал Ивкин с тоской.— Вижу, не кончилось. Двойники мои размножились. Но почему-то раздумали меня убивать.

— Хорошо бы разыскать Корягу,— сказала мне Юва.— Если кто и расскажет про страж-псов, так это он.

Корягу? Возможно, возможно. Только где ж его найти?

— А со мной как? — спросил Ивкин.

06

Разлетелись кто куда. Юва — домой. Юрика отправил в админку, в его рабочий кабинет: пусть будет под рукой. А сам — на тот рынок, где зодчий попал в ловушку. Включаю автопилот. В обе стороны Прямого Курьерского идет поток транспортных средств разного класса. Иногда проносятся почтовые дракончики, обгоняя всех и ловко лавируя между капсулами. Когда летишь по Метро, кажется, что стены Тоннелей вращаются — закручиваются спиралью, как воронка. Тоннель — как труба с под-

вижными ртутными стенами (стены переливаются всеми оттенками серого); он словно всасывает летательные аппараты. С непривычки это угнетает. И совсем уж мозги подвигаются, когда пытаешься представить эту сеть во всем ее масштабе.

История второго мира началась с открытия так называемых «дискретных взаимодействий» и аналого-цифрового преобразования вещества; эта часть принадлежит Скауту, основавшему метапрограммирование. Система изначально возникла как виртуальное Метро, как транспортная сеть. Как альтернатива космическим полетам, основанным на реактивной тяге. Проект был частный и оттого в конце концов утратил управляющую структуру. Отец-основатель канул в небытие, унеся знания с собой, оставив потомкам только технические инструкции, быстро ставшие сакральными. Между тем Метро развивалось стремительно и стихийно. Боги-программы Священной Восьмерки независимо от людей покрывали Землю ирреальными Тоннелями, свертывали и тянули их дальше, дальше. Людям оставалось только ставить порталы АЦПЧ-Входов. И выросло это сплетение в гигантскую паутину с развитой инфраструктурой – в Систему. «Солнечную систему» сократили до одного слова. В результате колossalный мета-компьютер невидимым облаком окутывает ныне все обжитое пространство. Рядом с реальным миром появился параллельный, и Входы в него так же реальны. Люди реально перемещаются между этими мирами...

Мимо проносятся Узлы ветвления и слияния с другими Тоннелями: кольцевыми, простыми, служебными. Слева и справа, снизу и сверху висят гроздьями системные объекты – нарочито яркие, форсированных цветов. На фоне серых стен это впечатляет. Энергозаправки, депо, ремонтные мастерские, вокзалы, медпункты, жи-

лые зоны. К тесноте, скученности, замкнутости быстро привыкаешь.

Автопилот уводит мой битбайк в Узел, в Кольцевой.

Корягу и вправду неплохо бы найти, размышляю я. Коряга – это антисистемный колдун. Академия метапрограммирования с их Школой програм-магов много бывали за его голову. Вечный изгой, он преподавал некоторое время в Школе скаутов. Мне повезло у него учиться, пока тот снова не удрал в Систему. Система автономна, никак не зависит от земных служб, это территория свободы, на которой правит Священная Восьмерка. Если умеешь здесь прятаться, ты неувидим... Зачем бастардам понадобилась магия «Фас», пересекающую я с мысли на мысль. Магия, позволяющая, по слухам, безнаказанно натравливать своего Стража на кого тебе угодно. У них же нет «сторожевых псов», в этом сила и слабость двойников. Какая связь магии «Фас» с возможностью копировать людей? Спросить бы Корягу...

Я размышляю, ни на миг не прекращая наблюдать за ситуацией вокруг битбайка. И очень скоро выясняется, что за мной действительно следят. Не показалось в прошлый раз. Одинокая капсула неотступно держится сзади, то появляясь в зоне контроля, то отставая. Повторила маневр, свернув из Прямого в Кольцевой. Топорная работа... Включать шпору и уходить от преследования, показывая чудеса пилотажа? Или не суетиться, ничем не выдавать беспокойства? Если хочешь выяснить, кто сел на хвост, тогда – второй вариант.

На связь вдруг выходит гроссмайстер Орк. Что-то случилось? Ничего особенного, просто шеф отправил в помощь мастеру Коку напарника, а-мастера Харриса. Рыцарское имя – Джинн. А-мастер – это автономный мастер, на разряд выше меня. Коллега. Отвечает за безопасность в Гетто Скаутов при петаполисе Нью-Йорк-2.0. Именно

этот скаут был командиром отряда, который сформировал гроссмайстер для охраны Жалле. Тут же в канале связи объявляется этот самый Джинн-Харрис. Улыбчивый чернокожий парень ненамного старше меня. Договорившись встретиться на рынке, в тамошнем медпункте.

Напарник так напарник. Чуть выше в иерархии – плавать; важно, перед кем ты отчитываешься. Мастер Кок отчитывается перед командором.

Из Кольцевого – в другой Прямой. Еще немного, и вокруг уже Фрагмент-523. Битбайк ныряет в сеть простых Тоннелей: несколько маневров и – вот он, конечный объект. Две большие платформы слева и справа по ходу движения, заключенные в пузыри с высокими эллипсоидными потолками. Между платформами устроен пешеходный переход – периодически возникающий и пропадающий мостик со светофором.

Рынок.

07

Я с ходу зарулил в депо и поставил байк на стоянку. У меня был маленький запас времени, которым следовало воспользоваться. Едва успел сменить облик, выбрав первый попавшийся в меню, и выйти из депо, как к платформе припарковалась капсула преследователя. Из капсулы вылез... нет, не бастард. Человек. Незнакомый. Без перчатки, значит, без магии... Я остановился у банкомата, делая вид, что занят своим делом. Мой «сторожевой пес» на секунду ожил и лизнул языком область проверки банкомата; появилось сообщение: КОНТАКТ УСТАНОВЛЕН. Кроме меня народу хватало: тут и ожидающие капсулный поезд, и мальчишки-гиды, и безногий попрошайка. Из общественных Входов, составляющих системные турникеты, появлялись гости. Кто-то, наобо-

рот, уходил с рынка в реал. Стартовали капсулы, улетая в Тоннель. Незнакомец скользнул по платформе взглядом, ни за что не зацепившись, заглянул в депо. Пользуясь секундой, я зафиксировал его инфослепок и быстренько слинял, направившись во внутреннюю зону рынка. Вовремя, потому что человек, что-то заподозрив, уже надевал перчатку програм-мага. Любую маскировочную магию можно пробить, если у тебя богатая таблица команд, и мой «Калейдоскоп» — не исключение.

Миновав молельню Священной Восьмерки, контору по найму лоцманов, ряды лавок, где продавали Нити маршрутов, карты Фрагментов, боевые призмы, снаряжение скаутов и даже предметы из реального мира, которые здесь не действовали, но имели ценность по ту сторону Входов, я вошел в медпункт. Напарника еще не было, и я занял свободную нишу со столиком. Медпункт куда больше напоминал бар, чем что-то, имеющее отношение к медицине. Санитар за стойкой продавал все возможные эликсиры. Поэты и впечатлительные люди называют эти напитки Эликсирами Жизни, с прописных букв. Здесь вам Система, здесь своя физиология. Эликсиры — это программы, запускающие выборочную перезагрузку исходных данных дискретного человека. Если повреждения у тебя серьезны, то процесс восстановления данных не выборочный, а тотальный. Такая цифровая регенерация. Исходники людей хранятся в личных Стэках, а Стэк — это область памяти внутри страж-пса, охраняемая им же. Если санитар тебе доверяет, он достанет из-под прилавка ром — имитатор алкоголя... Я взял пару кружек «Виты», простого тонизатора, снимающего усталость. Закрылся в нише и отключил магию «Калейдоскоп». Потом вызвал архивную службу Ордена.

Прежде всего — опознать преследователя. Допуск, дарованный командором, позволил идентифициро-

вать его слепок. Киллер из клана Трапперов! Клика — Джеб. Трапперы когда-то известны были своими наемниками и бойцами. Настоящую власть им давало умение безнаказанно убивать в Системе, в этом состоял их родовой секрет. Если в реальном мире выполнение заказа — дело опасное, наемникам противодействуют могущественные организации, то в Системе никаких организаций нет. Ни следствия нет, ни трибуналов. Делай, что хочешь, лишь бы Носителя Гнева не разбудить. А потом что-то в клане случилось, секрет был утрачен, и убийства в Системе прекратились. Мало того, в их легальном дворце была кем-то взорвана цифровая бомба. И Трапперы не выжили, быстро были раздавлены Управлениями и конкурентами. Фактически этот Джеб — последний из клана... Что ему нужно от простого мастера Ордена? С какой целью преследует и почему так непрофессионально? Если выполняет заказ, то чей? Посмеет ли нападать в Системе или будет ждать, когда цель, то бишь я, выйдет в реал?

Все это было тревожно.

Ответа на вопрос, в чем состоял утраченный секрет Трапперов, я не получил. То ли архивы не имели ответа, то ли допуска не хватало. Так или иначе, но выпавшее знамя киллеров-людей, похоже, подхватили киллеры-bastardы. Прослеживается тут явная взаимосвязь. Какая?

Я поискал информацию на Корягу и не нашел ничего, чего не знал бы сам. Место нынешнего пребывания колдуна (ха-ха) указано не было, как и канал связи. Что вы вообще знаете, в сердцах подумал я — и, повинувшись больше импульсу, чем осознанному подозрению, задал поиск на автономного мастера Харриса по прозвищу Джинн. Ага... начальником службы безопасности у скаутов Нью-Йорка-2.0 он стал всего месяц назад, вот почему мы не

знакомы. Должность занял по представлению гроссмейстера Орка, а предшественника его выгнали за слишком близкие отношения с Дворцом Прогресса. Что еще?.. И вдруг выяснилось, что навязанный мне напарник успел поучаствовать в нескольких эпизодах, когда были совершены нападения на курьеров. То он подбирал и снаряжал сопровождение, то лично был в сопровождении. И каждый раз выходил из стычек невредимым. Гроссмейстер что, не в курсе? Или... меня прошиб пот... гроссмейстер в курсе всего? Не из-за этого ли командор отменил посылку отряда? Ведь мог просто заменить Джинна вместе со всеми нанятыми сайбер-скаутами, если не доверял ему. Но если вспомнить про странную доверчивость гроссмейстера Орка...

Неужели командор опасается заговора?

Я вызвал командора.

— За мной следят,— сказал я.— Клан Трапперов.

— Клана Трапперов больше нет,— удивился он.— Их взорвали.

Я отправил ему изображение вместе с инфой из архива.

— Спокойно, я выясню,— пообещал командор.— Ты пока поосторожнее там.

— Почему зодчий Жалле полетел в одиночку? — спросил я напрямик.— Почему вы сняли отряд сопровождения?

— Чтобы гарантировать секретность,— ответил командор быстро, будто ждал.— Возможно, это страшная ошибка, но сохранить секретность мне казалось важнее всего...

Врет! Я изумился. Зачем? Докладывать, собственно, больше было не о чем, и разговор закончился.

А потом в медпункте появился а-мастер Джинн.

08

Напарник мне нравился. Молчаливый, крепкий, излучающий уверенность и надежность, Джинн вызывал невольную симпатию. Однако подозрения, как ни крути, отравляли совместную работу, и мне стоило труда не показывать их.

Разделились. Часть объектов Джинн взял на себя, часть досталась мне. Обходили рынок, опрашивая торговцев. Увы, мало кто мог сказать что-то внятное. Двойники ведь фактически захватили рынок, угрожая оружием, и единственная мысль у людей была: хоть бы поскорей все это закончилось. Нападавшие прятались в лавках, выглядели одинаково страшно, а, сделав дело, убрались восвояси. Вот и вся информация. Откуда прилетели и куда улетели, неизвестно. В общем, толку от расспросов было ноль.

Помня о киллере, я держался настороже: левая рука в перчатке, правая — на кобуре меча; кобура расстегнута. Честно говоря, я специально искал этого мутного Джеба, но тот исчез. То ли почувствовал, что расшифрован, то ли хорошо спрятался. Оба варианта напрягали. Я включил магию «Калейдоскоп», применяя ее не к себе, а ко всем встречным, — чтобы распознать чужую маскировку. Такое сканирование стопроцентно помогло бы, если б киллер тоже прикрывался «Калейдоскопом», но, если он использует другую маскировочную магию, оно не сработает.

Лишь на платформе поиски дали результат, причем совершенно неожиданный. Инвалид-попрошайка оказался бастардом. Страж-пес его был хорошо поставленной иллюзией, как и отсутствие ног. Шпион! Видимо, сидел тут часами, наблюдая, и кому-то что-то докладывал. Перчатки при нем не было, значит, не програм-маг. Кто-то наложил на шпиона образ нищего и сделал это квалифи-

цированно... Как с ним поступить? Поставить под наблюдение или брать сразу?

Единолично принимать решение было нельзя. Я зашел в депо, вызвал Джинна и попросил немедленно прийти.

На битбайке сидел дракончик...

Не на чьем-нибудь, а на моем битбайке! Драконья почта.

Экземпляр был классический, четырехкрылый. В задних лапах держал накопитель. Обнаружив меня, выпустил посылку и перелетел ко мне на плечо; это означало, что адресат опознан, миссия выполнена. Почтовые дракончики — существа серьезные, корреспонденцию в чужие руки не отдадут, а пасть у них — мощный огнемет. В случае захвата самоуничтожаются.

В накопителе была Нить маршрута и видеописьмо. На темном фоне проявился человек:

— Кок, дорогой! Давно мы с тобой не виделись, я даже скучать начал. Если хочешь навестить старого отшельника, милости прошу в гости. Ты знаешь, я живу уединенно и не хочу, чтоб кто-то прознал про мою нору, поэтому не даю тебе координат и каналов связи. Надеюсь, ты не сочешь за оскорбление, если я попрошу прилететь на Вокзал во Фрагменте-703? Там ты оставишь в камере хранения все атрибуты Ордена и скаутское снаряжение: меч, перчатку, маску, шпору, куртку, заплечник и, конечно, блокнот. За сохранность вещей не беспокойся, камера хранения надежна. Свой байк поставишь там же на стоянку и сядешь в такси, которое будет тебя ждать. Драйвер в такси — мой ученик, он доставит тебя ко мне. Нить маршрута до Вокзала прилагаю. До встречи, дорогой.

Это был Коряга.

Именно он, сомнений нет. Я запустил проверку на аутентичность, используя инфослепок, хранившийся у меня со времен учебы в Школе скаутов. Стопроцентное совпадение, не подделка.

В голове закрутился вихрь.

Унизительные условия, которыми колдун обставил встречу, понять легко. Все перечисленные им предметы имеют двойственную природу, то есть работоспособны и в аналоговом мире, и в цифровом, а значит, каждый из них можно пометить и отследить. Есть специальные программы... Но это ладно.

Не бывает таких совпадений! Едва возникла необходимость переговорить с человеком, и он тут же возникает собственной персоной. Кто и зачем ему донес про мой интерес к нему? Знали только двое: Юва да Ивкин... Но настоящую тревогу вызывает другой вопрос: каким образом Коряга вообще смог прислать дракона? Как он узнал координаты адресата? И вопрос этот требует немедленного ответа.

Я сбежал за ремонтником. Когда вернулись, Джинн Харрис уже пришел. Втроем и просканировали битбайк. Нашли три маяка...

Не один. Три!

Ну хорошо, первый маяк, вероятно, установил командор, подстраховался. Второй, предположим, подсунул Траппер, пока я торчал в медпункте. А третий?

У меня крепло ощущение, что не расследование я веду, а пошло выступаю в роли приманки. Тьфу!

Лететь надо было немедленно.

— Эк тебя прижали, Кок,— сказал хмурый напарник.— Отдай эти штучки экспертам.

— Потом, время не ждет. Я тебе их оставлю. Тут такое дело, Джинн...

Отправив ремонтника, рассказал про бастарда, засевшего на рынке под видом нищего.

— Это шанс найти их логово,— загорелся Джинн.— Проледим за ним? Может, арестуем и допросим?

— Решайте вы с гроссмастером. Или пусть гроссмастер решает сам. А мне пора. Извини, а-мастер, я полечу один.

Вокзал — небольшой стандартный объект, состоящий из платформы и пузыря-зала. С платформы отправляются капсульные поезда, но сейчас она была свободна. В депо стояло такси с шикарной надписью «Limu»; ждало меня. Сначала я проследовал в зал, где было все, что может понадобиться путнику: комната отдыха, автоматы по продаже еды и баночных Эликсиров Жизни, банкомат и тому подобное. Воспользовался камерой хранения, выполнив условие отшельника, и вернулся к депо. Без привычных вещей я чувствовал себя опустившимся бродягой. Из «Limu» вылез угрюмый мальчик-драйвер, который, не сказав ни слова, проверил меня сканером. Подозрительных кодов не нашлось. Уже в кабине мальчик потребовал:

— Отключи Призрак.

Призрак — это проводник по Метро, навигационно-штурманская программа, придаваемая пользователю при инсталляции в Системе и неотделимая от него (как и Страж). В активном режиме фиксирует все маршруты, которыми перемещается человек. Странно было бы оставить его включенным. Ивкину, вон, бастарды Призрак вообще обнулили, когда похитили. А то, что кто-то якобы может запоминать дорогу визуально,— сказки и легенды.

Поехали...

Через час плутаний по Метро сели на платформу перед термитником. Так называют в Системе жилые зоны. Под арку вел короткий проход, а по ту сторону арки — влево и вправо — тянулся круговой пешеходный Тоннель вокруг многоэтажного сооружения конусообразной формы, состоящего из множества комнат-сот, громоздящихся одна на другую. Внешне это и правда похоже на термитник.

Сооружение находилось внутри пузыря-куполя. С платформы видна только нижняя часть жилой зоны; впрочем, все они одинаковы, формируются программно — из комнат-модулей и переходов. А живут в них обычно люди Системы, не имеющие собственного домика.

Здесь обитали бастарды.

Серые, как стены Тоннеля, — цвета дискретного вещества. Без Стражей. Много их высыпало из-под арки. Все — с призмами, некоторые — с тяжелыми. Перед аркой был установлен станковый рассеиватель. Солидно, ничего не скажешь...

Ловушка захлопнулась. Письмо от Коряги, очевидно, записано под принуждением, значит, антисистемный бунтарь у них в плену.

Меня попросили вылезти из такси. Двойник, неотличимый от Ивкина, вежливо сказал:

— С тобой хотят поговорить. Давай обойдемся без геройства.

Мальчишка-драйвер тоже вылез и вдруг оказался... двойником! Маскировочная магия сползла с него, как кожа со змеи. Кто же их так здорово прикрывает? Несужели Коряга?

На платформе я заметил Вход, прятавшийся в глубокой нише. Куда он выводил, я не увидел: Вход был заблокирован.

По внешней ленточной галерее, винтом опоясывающей термитник, меня откносили на самый верх. Могли провести и внутри, но бастарды, видимо, не хотели, чтобы пленник что-то лишнее увидел. Это давало надежду.

Втолкнули в сравнительно большое помещение необычной для Системы прямоугольной формы и заперли. Зал был разгорожен на две части: во второй половине за прозрачной перегородкой находилась какая-то аппаратура. Дверь

туда была закрыта. Здесь же было пусто, голые стены. Лишь один из углов занимала странная куча, похожая на мясной фарш серого цвета, с воткнутой в нее лопатой. В центре комнаты выделялись на полу два ярких круга — один ближе к перегородке, второй — дальше... Я похолодел, сообразив, куда попал. Копировальная лавка. А куча в углу — это дискретное вещество... Но у меня же Страж! — напомнил я себе. Без паники. Они не смогут...

Легальных Копировальных лавок в Системе всего восемь, сакральное число, а эта, судя по всему, была девятая. Я подергал двери, ударил в перегородку кулаком, потом ногой. По ту сторону появился человек, вышедший из бокового прохода:

— Нервничаешь?

Гроссмастер Орк!

Нет, не гроссмастер. Двойник. В перчатке программага. И я вдруг понял, кого же мне напомнил в записи нападения тот маг-бастард, перегородивший тоннель «Мембраной». Гроссмастера, вот кого.

— Зачем тебе все это, Орк? — спрашиваю негодяя.

Тот был занят настройкой, но отвлекся на минуту:

— О, у меня большие планы. Но я,уважаемый, не Орк. И, тем более, не Андерссон. Разве что Андерссон-штрих... Нет-нет, ненавижу эти имена. Зови меня, если нетрудно, Гроссбастардом...

Все четыре стены, включая прозрачную перегородку, расслоились, от них отделились плоскости, которые начали сближаться. Плоскости загнали меня на дальний от перегородки круг и остановили свое движение. Я оказался жестко обездвижен в тесном квадратном колодце, сквозь стенки которого все прекрасно видно.

Гроссбастард открыл дверь и перешел на эту половину зала. Свет с той стороны погас, и перегородка превратилась в зеркало. В руках у лже-Орка развернутый свиток...

Страница из Священного Введения.

Враг произнес командные коды вслух. Это называется вербальным включением; только так и можно использовать Высшую магию — никаких перчаток или других интерфейсов. Я смотрю в зеркальное отражение: отлично видно, как страж-пес на моей голове засыпает, засыпает... заснул. Это ужасно. Как в кошмаре.

Теперь понятно, теперь все понятно...

Стало темно. На оба круга — и на тот, где пойман я, и на пустой — упали столбы света. Машинный голос произнес: «Томографирование запущено». Мое тело покрылось пульсирующей сеточкой. «Ментосканирование запущено». Голова моя окуталась сиянием. «Требуется загрузка дискретного вещества». Гроссбастард лопатой наложил «серого фарша» на пустой круг, беря его из кучи в углу. «Загрузка закончена». От стен опять отделились плоскости, которые, сближаясь, образовали еще один квадратный колодец — вокруг второго круга. «Процесс синтеза запущен». Из дискретного вещества возникла человеческая фигура. В отличие от меня — голая. Кожа у новорожденного меняла цвета, на мгновение стала даже привычно розовой и наконец остановилась на сером.

— Цвет пока не удается стабилизировать, — озабоченно прокомментировал Гроссбастард.

Колодец вокруг возникшего существа исчез.

— Мастер Кок-штрих, — говорю я и хохочу. Это истерика.

Мой двойник внимательно смотрит на меня:

— Я тебя ненавижу, — отвечает безо всяких чувств. Констатирует факт.

— Ты меня просто плохо знаешь.

— Я тебя убью.

— Понимаю, эта Вселенная слишком мала для нас двоих. Можно я буду звать тебя Штрих?

— Мы еще встретимся,— обещает двойник, прежде чем Гроссбастард утаскивает его за перегородку и выводит в проход, передав там кому-то. Потом Гроссбастард возвращается и объясняет, сокрушенno качая головой:

— Мы ненавидим свои эталоны, так уж устроены. Эту ненависть трудно контролировать. Жгучее желание убить часто становится навязчивым. Ты для него эталон, мастер. А он станет эталоном для второго поколения, которое мы напечатаем уже с него, и столкнется с той же ненавистью, что и ты.

В помещение входят бойцы с призмами. Сдерживающие меня плоскости исчезают, вспыхивает обычный свет.

— Ты спрашивал — зачем? — продолжает Гроссбастард.— Мы создаем армию. Ограничений на копирование двойников нет. В ваш реал мы выйти пока не можем, но Система будет наша. Таких термитников уже десяток. Говорю тебе это, потому что изменить ничего нельзя, вы опоздали. А потом мы выйдем в реал. Мы найдем способ совершить побег из крысиного лабиринта.

— Выйдете в реал? Мечтайте-мечтайте... Что это за магия? — спрашиваю, показав на своего поникшего Стража.

— А вот это секрет.

— Зачем вам магия «Фас»?

— Лучше я тебе все объясню,— произносит кто-то сзади.

Оборачиваюсь. В зал входит Коряга.

0A

— «Фас» — это внесение изменений в Слово Состояния программного модуля «Страж»,— говорит Коряга.— На пример, установка флага «Активная защита» в поле признаков. В результате произойдет принудительный пере-

ход от пассивной защиты пользователя, установленной по умолчанию, к активной. На практике пес срывается с твоей головы и нападает на кого тебе угодно.

— Это я помню, учитель.

Разговариваем в одной из комнат-модулей. Снаружи охраняют. Чтоб я чувствовал себя свободнее, Коряга закрыл всю комнату магией «Кокон», избавлявшей в том числе от подслушивания. В качестве интерфейса колдун, как и прежде, использовал не традиционную перчатку, а посох, хотя и перчатка, и кобура с мечом пристегнуты к поясу. Вообще, несмотря на прошедшие годы, он мало изменился, как будто Пульс Мира обтекал его. Пульс Мира, генерируемый Кварцевым Сердцем, пронзal информационное поле, имитируя время и синхронизируя все и вся в Системе. Не научился ли колдун обманывать еще и Кварцевое Сердце? Корягой его прозвали с детства — за нескладность, за длинные конечности. Ярлык «антисистемный» приклеили метапрограммеры. Он был когда-то деканом факультета Системной архитектуры в Академии, ярко выступая против ползучего превращения Земли (а следом и всего доступного пространства) в гигантский компьютер... но это дело далекого прошлого. Я заканчиваю мысль:

— Непонятно, зачем бастардам нужна магия «Фас», если у них нет Стражей.

— Не бастардам, а мне. Лично мне. У нас с Гроссбастардом разные цели, хоть в главном мы и сходимся: людей пора вытеснить из Системы. Для пользы тех же людей. Нечего нам с тобой тут делать.

Да, увы, именно так: учитель говорился с вождем двойников. Собственно, он этого вождя и создал. Раздобыл страницу из Священного Введения с командой из линейки Высших и, пользуясь этим редчайшим артефактом, сумел скопировать одного из членов Ордена

Вольных Операторов. Первым, так уж вышло, стал гроссмайстер Орк. Что за страница, где и как раздобыл,— в подробности Коряга не вдавался. Важнее, что похищение скаутов и их копирование было поставлено на поток. Гроссмастера нужна армия, а Коряге — единый разум и, в перспективе, бессмертие...

— Бессмертие,— повторяет он.— Я не преувеличиваю. Если не телесное, то хотя бы ментальное. Вот для чего нужен «Фас». Работа с атрибутами Слова Состояния превращает твоего Стража не столько в оружие, сколько в инструмент подчинения. Каким образом пес атакует цифрового субъекта, не рвет же на части, правда? Пес вторгается в чужие области памяти, меняя в них информацию. Если угодно, перенося твою волю. В случае с инсталлированным человеком, которого защищает свой Страж, воздействие кратковременное и оказывает, вероятно, лишь останавливающее действие... эта ситуация мне пока неясна, нужна спецификация на команду «Фас». Но в случае с двойником все очевидно. Если пожелаешь, то Страж, как насос, перекачает в него всего тебя, твои воспоминания, мечты, планы. Твой разум. Оболочка заполнится. Дубликат станет тобой по-настоящему, а не только на уровне простых рефлексов.

— Что дальше? — спрашиваю.— Твои дубликаты когда-нибудь умрут от старости.

— Я найду способ передавать личность от двойника к двойнику. А пока что я выгадываю дополнительное время.

— Как быть с душой? Душа тоже перекачивается?
— Ты по-прежнему веришь в Единого?
— Я рыцарь-оператор, как я могу не верить?
— В Системе Его нет, Кок,— сухо говорит Коряга.— Здесь нет Бога, не обольщайся. Значит, и души нет.

- Подожди, я не понял. Ты не читал спецификацию на «Фас»? У тебя же есть страница из Священного Введения!
- У меня нет этой страницы. Курьер вез фальшивку. Фальшивку?! Вот так выраж...
- Потому мы и предложили твоему командору обмен: мы возвращаем тебя, он нам — магию «Фас».

— И что он?

— Отказался.

Я смеюсь, испытывая противоестественную радость, почти счастье...

Отказ от обмена был мотивирован тем, что у командора нет и не может быть артефакта. И Коряга склонен поверить, что тот не врет. Во-первых, существовал более вероятный виновник обмана. Но главное: было бы у командора что отдать за своего любимчика — все бы отдал. Это почему, интересуюсь я. Да потому, говорит колдун с улыбкой, что мирское его имя — Луц Кокошечкин. Под этой фамилией командор два десятка лет назад и сдал ребенка в приют. Какого ребенка, отчего-то тупею я. Коряга мелко хихикает... а потом делает мне предложение. Все-таки есть вероятность, что магия «Фас» осталась у командора. Так что, если хочет доблестный мастер Кок длить и длить свою жизнь в новых телах, а заодно стать одним из маршалов в армии, которая через год-другой захватит Систему, — он поищет артефакт. И если найдет — отдаст своему любящему учителю. Договорились?

— Ты меня вербуешь?

— У человека должен быть выбор. Я тебе его даю.

— Договорились.

0В

На платформе, перед посадкой, веселый Гроссбастиард остановил меня:

— Учитель считает, тебя нужно отпустить. Он тебе почему-то верит. Я — нет. Поэтому сейчас мы перевезем тебя в другое место, и сиди там, пока я не решу, что с тобой делать. Не скучай! — добавил вожак двойников, когда меня пинками загнали в такси.

Маленькая стая нырнула в Тоннели. Такси с живым грузом — в центре; спереди и сзади — по капсуле охраны. Я сидел в клетке, безоружный, не имея возможности добраться до пульта. Драйвером у меня был двойник зодчего Ивана Жалле. Тот ли самый, который убил свой эталон, или из второго поколения? Мне было плевать.

Правда выяснилась, едва отчалили.

— Видел, мсье рыцарь, как я кончил вашего профессора? — заговорил драйвер. — Видел-видел, эта запись — хит новостей. А знаешь, почему я вызвался тебя конвоировать? Потому что я ненавижу не только скаутов с поганым именем Иван, но и всех вас, хомосов, самодовольных ничтожеств. Сидите под задницей своих псов и считаете себя королями Системы. Да вы еще живы только потому, что Гросс запрещает вас трогать! Но ты — ты попался. Твой братец Штрих, как ты его презрительно называешь, ждет нас в термитнике во Фрагменте-395. Он просил нас отвернуться, когда мы тебя поведем, и мы с радостью отвернемся...

Атаковали нас на границе текущего Фрагмента, в Кольцевом. Одна капсула выскочила навстречу из Узла слияния, другая догнала сзади. Неведомые драйверы действовали потрясающе слаженно. Первый выпустил истребитель — управляемый беспилотный снаряд — и передняя капсула бастардов, летевшая перед такси, разлетелась по стенам Тоннеля сверкающими радужными ошметками. В то же мгновение второй расстрелял заднюю капсулу конвоя из бортовых призм. Такси осталось без прикрытия. Иметь на вооружении истребители — это

серьезно, более чем серьезно! Двойник зодчего с воплями: «На нас напали, Гросс! Прошу помоши!» — погнал неповоротливый аппарат впритирку к стене, ошалело озираясь. Бастарды тоже отчаянно хотят жить. Нападавшие взяли удиравший транспорт в тиски: один подлетел сверху, второй снизу. Сдавили, выпустили захваты. И потащили на принудительную посадку.

Сели на платформу перед ремонтной мастерской. Не сели — упали боком. Ремонтники предусмотрительно спрятались. Из капсул выскочили вооруженные люди — в экипировке сайбер-скаутов... Люди! Какое счастье было видеть людей!

Всего двое. И первый — Джеб Траппер...

Из огня да в полымя.

— Не бойся, мастер! — крикнул наемник, словно почувствовал мое состояние.— Мы здесь, чтобы тебя освободить!

Драйвер заблокировал двери такси — их вскрыли диверсионной кодовой отмычкой. Снаряжены Трапперы были что надо. Бастарда вытащили за шкирку, швырнули на платформу. Я выбрался сам. Джеб протянул мне руку:

— Будем знакомы. Думаю, ты уже навел справки, кто я такой. А это мой друг из клана Гуркхов.

Скрепили встречу рукопожатиями. Потом я взял у Джеба призму (тот удивленно поднял бровь, но не возразил) и шагнул к двойнику зодчего. Так же молча сфокусировал оружие. Произнести хоть слово было противно.

— Ты трус, хомос,— всхлипнул бастард.

Тьфу! Делано зевая, оставляю от него только спектр. Поворачиваюсь к своим спасителям:

— Срочно во Фрагмент-703. На Вокзал. Пока двойники не опомнились.

0С

Я летел с Джебом. Гуркх остался в Тоннеле наблюдать за обстановкой — на случай, если будет погоня. Но прежде выпотрошили такси, надеясь получить навигационные данные, которыми пользовались бастарды: Нити маршрутов, карты, наведение на маяки. Все было обнулено; вероятно, автоматически, по сигналу тревоги.

На Вокзале я изъял из камеры хранения свои вещи. Вернув экипировку и снаряжение, снова почувствовал себя человеком. Этому чувству способствовало также то, что мой Страж полностью восстановился, действие магии давно кончилось. Говорить мы начали еще в капсуле, а продолжили в тихом мотеле, вдалеке от оживленных трасс.

Киллер, оказывается, хотел именно поговорить. Не следил он тогда, а просто летел за мной следом, выжидая подходящего момента. Думал — на Рынке удастся, но возможность представилась только сейчас. Если бы следил, говорит, вряд ли бы я его заметил. Ну-ну... Как удалось отбить меня у бастардов? Прежде всего надо было узнать, где пленника держат, чтобы подготовить засаду. Но, честно говоря, вот эта цель — выяснить координаты места, которое бастарды сделали своим штабом, — несколько лет была для Джеба совершенно недостижимой. Это была главная цель, ради которой он жил и сражался... да-да, сражался. Охотился на бастардов, отлавливал их, допрашивал. Вскрывал трофейные капсулы в поисках информации и раз за разом утыкался в умерщвленные по тревоге пульты управления. А допросы... что допросы? Попадались только рядовые бойцы, ни во что не посвященные, третье-четвертое поколение двойников. Рассказывали про какие-то термитники, но как их найдешь? Джеб в этом смысле очень рассчиты-

вал на меня — и не ошибся. «Тебя обязательно должны были похитить,— сказал он мне.— Ты — один из немногих членов вашего Ордена, которых пока не откопировали. А взявшись за расследование последнего нападения на вашего курьера, ты сделал похищение неизбежным». «Значит, я был наживкой?» «Ну, извини. Зато дельце наконец-то сладилось...»

Дельце сладилось, потому что последний из Трапперов придерживался правила: «Перестраховок не бывает». Вот и снабдил маячком не только мой байк, но и капсулу моего напарника, то бишь Джинна. Джеб незримо присутствовал на Рынке: загнал свою капсулу в депо, накрылся «Коконом» и наблюдал. Видел, как я получил дракона и сорвался в путь. Как следом сорвался и Джинн Харрис...

— Ошибки нет, мастер,— подтвердил Джеб.— Твой коллега никаким шпионом-инвалидом не занимался, точно говорю. Улетел с рынка сразу за тобой. Только не на Вокзал, твои маршруты его не интересовали...

Заnim-to, за Джинном, Траппер и проследил, благо маяк так и остался на капсule. Автономному мастеру, разъяве, не пришло в голову провериться. И привел он как раз в термитник, нафаршированный бастионами,— напрямую, без всяких промежуточных Вокзалов. В тот самый термитник, куда чуть позже привезли меня. («Вот и думай, мастер, кому он служит, этот ваш рыцарь-оператор...»)

А сам-то ты кому служишь, спрашиваю. Кто и зачем нанял бравого Траппера искать базу бастионов? Никто не нанял. «Я служу клану и памяти предков»,— был ответ. Другой вопрос — зачем. Издревле клану Трапперов принадлежала страница с магией «Замри/Воскресни», передаваясь из поколения в поколение. Именно с помощью этого артефакта бойцы из их рода настигали жертву даже в Системе; никакой сайбер-скаут не мог чувствовать себя спокойно, вставая на пути Трапперов. Но однажды к ним

во дворец явился некто — вышел из Системы. Через Вход, расположенный вблизи хранилища. Вход был заблокирован, однако это гостя не остановило. Его маскировку было не пробить, и он совершенно точно знал, куда идти и что брать. Путь его пролегал через спальный этаж. Разбуженные тревогой мужи и их жены пытались задержать пришельца и были убиты. Вся магия у него была — третьего уровня. Это произошло ночью и закончилось очень быстро. Вор изъял страницу из Священного Введения, а ушел через тот же Вход, оставив в хранилище мощную цифровую бомбу. Дворец рухнул, не выдержав взрывной дискретизации; под обломками погибли почти все... все, кого Джеб любил.

По щеке наемника ползла непрошена слеза. Он раздраженно смахнул ее.

Выжил только трехлетний малыш, внук тогдашнего старейшины клана. Неведомый маг, уходя, вытащил ребенка из кроватки и оставил возле Входа. Милосердным оказался, с детьми не воевал. Стандартный АЦПЧ автоматически достраивает разорванное информационное поле, создавая «пространственный мешок», — маг это знал. В таком «мешке» спасатели и нашли кроху. О дальнейшей судьбе мальчика Джебу не известно.

(«Сам-то ты как спасся?» — спросил я его. «Меня не было дома, я тогда учился в Школе програм-магов...»)

И вот до него доходят слухи, что кто-то копирует в Системе людей! А как это возможно, если не при помощи украденной у клана магии? Только так и возможно. Команда «Замри/Воскресни» позволяет усыплять Стражей, а при спящем псе срабатывает на его пробуждение. Механизм очень прост: в режиме «замри» происходит аварийная перезагрузка программного модуля «Страж» и запуск тестового пакета; в режиме «воскресни» — принудительный останов тестирования... Короче, вернуть

семейную реликвию — дело чести. А заодно расквитаться с убийцей.

— Предлагаю договор, — подытожил Джеб. — Какой твой интерес в этом деле, только честно?

— Узнать, кто из Ордена сливает информацию. За Джинном кто-то стоит, это ясно.

— И все? Я тебе скажу — кто. Это так просто, что даже неловко за вас, высокоразрядные.

— Ну, — подался я вперед.

— Э, нет! — Наемник засмеялся. — Имя узнаешь, когда я получу свою страницу с магией. Я собираюсь разорить муравейник и предлагаю тебе поучаствовать. Отряд у меня собран, все готово. Если кто-то из бастардов останется в живых, бери себе.

— Зачем я тебе нужен, Джеб?

— Пусть это будет операция Ордена. Твоя, мастер. Тебе почет, награды и что там у вас. А Трапперам не с руки светиться, нам хватит трофеев. Если согласен, обсудим конкретику...

0D

Он улетел из мотеля, я остался поработать.

Для начала воспользовался допуском и разворошил справочную службу Ордена. Выяснил кое-что неожиданное и кое-что ожидаемое. Из ожидаемого: экспертиза показала, что почерк мага-bastarda, использовавшего при захвате курьера макрос на основе «Мембранны», совпадает с почерком мэтра Шкурко, известного ныне как Коряга. Оно и понятно: колдун сделал Гроссбастарда своим учеником и передал ему часть своих наработок. Что касается неожиданного, то это — позже, это с командором...

Рассказ Джеба не оставлял сомнений: страницу с магией «Замри/Воскресни» из дворца Трапперов вынес Ко-

ряга. Кто же еще? Это у него в посохе все магии третьего уровня, в том числе боевые. Это он умеет снимать блокировку со Входов, я сам видел — еще в Школе скаутов. Кто ж тебя наводит, думал я, кто тебе доносит?

Я вызвал Юру Ивкина и спросил в лоб: чем тебя взял Коряга? Купил, запугал? Когда и как ты опустился до помощи фанатику? Староста обалдел от неожиданности, а потом заполнил эфир, если называть вещи своими именами, словесными фекалиями. Я зашел с другого фланга: кому Юрий говорил про интерес мастера Кока к колдуну? Ведь только Ивкин слышал, как Юва советовала найти Корягу! Тот опять звякнулся. Никому не говорил! Слова Ювы про Корягу вообще пропустил мимо ушей, не до того было, настолько искусно Кок запугал друга детства. А в чем, собственно, проблема? Дурака валяю, сказал я и разорвал соединение.

Предстояло говорить с Ювой, и оттого на душе было мутно.

Чтоб оттянуть этот момент, я вытащил из куртки предмет, подаренный Джебом в знак доброго партнерства — после того, как план атаки был обсужден и принят. Сброс-бомба. Отдельно — запал. Редкая и чрезвычайно полезная штучка: выводит на время из строя все магические интерфейсы, которые оказываются в зоне поражения, включая твой собственный, если не успел отбежать. Перчатки, посохи и тому подобное. Имеет двойственную природу, действуя и в Системе, и в реале. Когда идешь на сильного мага — без этого никак... Я полюбовался на диковинку (в прозрачном корпусе завораживающе клубилась зеленая флуоресцентная субстанция), ощущая, как прибавляется уверенности. И спрятал обратно.

Итак, разговор с Ювой...

Она трогательно обрадовалась.

— Ты почему не отзывался? — закричала. — Я уже думала, что-то случилось.

Что ж я делаю, урод деформированный? Зачем оскорбляю подозрениями единственного в моей жизни человека?

— Ворчишь, как жена. Ничего не случилось, просто был занят. Я сейчас спрошу, ежик, не удивляйся. С чего вдруг ты мне посоветовала связаться с Корягой?

— Да как-то всплыло в голове... Папа с мамой недавно о нем вспоминали. В Школе скаутов упал уровень подготовки по програм-магии, а лучшего учителя, чем Коряга, не найти.

Логично. Таисия, мать Ювы, была начальником Школы, озабоченность ее понятна.

— Ты кому-нибудь говорила, что я намерен разыскать Корягу?

— Только маме.

— Маме?! Ежик, ну я же просил... Что еще ты ей про мои дела рассказала?

Она обиделась.

— Вообще-то у меня от матери нет секретов, как и от тебя. Но до определенных пределов, не считай меня за дуру. Очень ей интересны твои дела, как же. Если тебя это не устраивает...

— А Коряга разве не мои дела?

— Иди к черту, — сказала она и отключилась.

Спокойно. Поссорились, помирились... Что же получается? Жена гроссмайстера Орка знала про Корягу. Исходим из худшего: Юва растрепала матери все, включая информацию от командора. А у Таисии, в свою очередь, нет секретов от мужа, учитывая их нежные отношения, не поблекшие за столько лет. О, история этой колоритной парочки достойна дамского романа! Фродо по прозвищу Орк, тогда еще мастер Ордена, нашел себе жену в Тайге. Тайга — это об-

ласть в Системе, пустынная и опасная, состоящая из сброшенных остатков Тоннелей. При скрутке Тоннелей числа в дробях после 64-го знака отбрасываются, в абсолютных значениях сумма остатков огромна. Так и возникла Тайга. И вот группа молодых сайбер-скуотов, возглавляемая мастером Орком, устроила в тех местах гонки. Не удовлетворяли их заезженные трассы в Школах драйверов. Наткнулись на девушку, бредущую по Тоннелям (в них сбоку есть узкая пешеходная зона). Как туда попала, не помнила, была под действием сомнительного видеотранса. Кapsулу разбила. А в Тайге можно идти бесконечно, никого не встретив. Но ей повезло. Мастер Орк в нее влюбился, она — в него. Так и стали жить вместе...

Короче, все упирается в гроссмайстера. Гроссбастард — его двойник. Предатель Джинн — его креатура. Командор им обоим не доверяет. И, наконец, совершенно очевидно, гроссмайстер знал про внезапный интерес мастера Кока к антисистемному колдуна. Так не пришло ли время сказать шефу: «Сдайте перчатку и меч»?

Надо аккуратно побеседовать с Таисией Андерсон, решая я. Причем живьем, через связь натужно выйдет. Где дамочка сейчас? Делаю запрос и тут же получаю ответ: в Школе скаутов. Хорошо, что не дома, очень кстати. Хотя... Что она там делает? Школа-то нынче пуста: и ученики, и учителя — на каникулах.

Теперь — командор. На сладкое.

Стучу в закрытый канал. Командор отвечает мгновенно:

— Давно жду.

— Маяк мне подвесили вы?

— Да. Я за тобой не шпионю, я о тебе забочусь. Долг наставника.

— Я просто уточнил. Есть вопрос посерьезнее. Почему вы мне не сказали, что я из Трапперов? (Командор по-

перхнулся.) Что мое настоящее имя – не Кокошечкин и даже не Андрей?

– Как ты узнал?

– Архив все помнит, наставник. Дата, когда в развалинах дворца Трапперов нашли ребенка, и дата, когда вы принесли меня в приют, совпадают. Учитывая, что вы тогда курировали от Управления Прогресса следственные действия по взрыву и добились, чтобы все материалы были засекречены, вывод напрашивается. Что касается даты моего появления в приюте, то вы подправили ее во всех открытых базах данных, отнеся на год назад. Таким образом, я вдруг повзрослел на год.

– Тебя могли искать, – сказал командор. – Надо было спрятать получше. Новое имя, новый год рождения, новая жизнь.

– Разбросали намеки, будто я ваш незаконный сын...

– Это тебе всегда помогало, согласись.

– То-то меня всю жизнь странные воспоминания преследовали и странные сны снились... С моим отцом понятно. Но кто мать?

– Все погибли, малыш. Забудь. Ты – мастер Эндрю Кок с большими карьерными перспективами, это и есть настоящее. Не тем занимаешься. Проваливай.

Отключился.

– Получил, старый перец? – говорю в пустоту.

ОЕ

Я вернулся в реал через турникеты, как простой человек. Восемь входов были установлены в ряд, защищены навесом и боковыми стенами. Примерно так, если верить мемуарам, выглядели раньше спуски в старинную подземку.

Ощущения после Системы не были комфортными. Ветерок заставлял непроизвольно сжиматься, а необозримые пространства вгоняли в тревогу. Ладно, не в панику (бывает и такое). Если долго не был в реале, всегда пробирает. Познабливает и потряхивает, настоящий «отходняк».

Направлялся я в Школу сайбер-скаутов, к Таисии. Над Гетто сгущались сумерки. Я пересек площадь с фонтаном (в брызгах воды парил аист, окруженный планетами Солнечной системы, — символ Метро), миновал ворота Школы и оказался в совершенно пустом парке. Уже подходил к главному корпусу, когда из здания показался гроссмайстер Орк. Шеф сбежал по ступенькам — навстречу мне. Держа в опущенной руке игломет.

— Стой, Кок. Дальше ты не пройдешь.

Он с трудом сдерживал ярость.

— В чем дело, гроссмайстер?

— Я знаю, зачем ты здесь. Я тебе не дам этого сделать. Предлагаю выйти за пределы Школы и обсудить ситуацию.

— Я вас не понимаю.

Гроссмайстер поднял оружие. Взгляд его был безумным. Игломет стреляет пучками дискретного вещества, похожими на веретено и теряющими в теле жертвы цифровую природу. Моментальная смерть. Я заорал: «Официальная запись!» — активируя свой блокнот и через него — ближайшую регистрирующую аппаратуру.

— Значит, договориться миром ты не хочешь. Ну что ж...

— Да что с вами, шеф?! — продолжал я орать. — Вам что, голову сорвало?

— Ваша Светлость, — сказал гроссмайстер словно бы вбок и убрал оружие. — Я вынужден просить вас поучаствовать.

С площади Меркурия, перемахнув через высокое ограждение, прискакал заяц-заменитель; пара секунд — и

вот они со всадником здесь. Спешился человек в роскошной псевдоспецовке «от кутюр». Я его знал: высокородный из Дворца Связи, родственник царствующей особы. Кажется, племянник Директрисы.

— Решается вопрос чести,— возвестил гроссмейстер.— Разногласия неразрешимы. Его Светлость, гостящий в Гетто, согласился быть свидетелем...

Bay!!! Поединок... из-за чего?! Орк спятил, натурально. Если он предатель, зачем так вычурно и сложно? Если чист, зачем драться? Шеф вколачивал в воздух тяжелые фразы:

— Мастер Кок забыл свой долг. Вот записи, доказывающие его падение. (Блокнот заработал в режиме внешнего экрана.) Вот он убивает двойника профессора Жалле, важнейшего пленника, вместо того чтобы доставить его ко мне для допроса. В расправе участвует киллер из клана Трапперов, враждебного Ордену. А вот Кок дружески общается с бастардами, прилетев к ним в гости на такси. Очевидно, что Кок в сговоре с врагами Ордена. При этом он состоит втайной интимной связи с моей дочерью, являясь ее женихом, что не позволяет мне по моральным соображениям его арестовать. Совокупность этих обстоятельств наносит непоправимый урон чести Андерссонов и вынуждает меня покарать негодяя собственноручно.

— Согласен, противоречие неразрешимо,— подтвердил свидетель. Какой дивный баритон!

— Орк Андерссон! — вступаю я.— Объявляю вашу печать вскрытой,— произношу ритуальную формулу.— Вот мои полномочия. Жду правдивых ответов. Первое: откуда у вас запись, сделанная в термитнике бастардов? Второе: при каких обстоятельствах вас копировали, и имеете ли вы сношения с вашим двойником? Третье: с какой целью вы передаете служебную информацию бывшему профессору Шкурко, известному как Коряга?

И четвертое: какую функцию в преступной схеме выполняет автономный мастер Джинн Харрис?

— Мальчик поразительно осведомлен,— усмехается гроссмастер.— Только это все пустое. Пора.

— Обращаю внимание, высокоразрядный нарушил клятву печати!

— Пустое...

Пора так пора.

Меч оператора — элитное оружие с искусственным интеллектом, сделанное вручную и использующее системные технологии. В комплекте с перчаткой програм-мага он обретает новое качество. Я вынимаю меч из кобуры.

Мой любимец исполнен в форме древнего пистолета Макарова, и держать его следует как пистолет — за рукоять. Очень удобно, если привыкнешь. Впрочем, не любимец, а любимица. Меч у меня женского пола. Во время инициации я дал оружию имя Мурка, что и определило его гендерную самоидентификацию.

«Макаров» — это муляж, конечно. Дискретный клинок высекивает из ствола, как только взвожу затвор. Клинок кажется нематериальным — призрачно-прозрачным, волнисто-водянистым, текучим, но этот обман зрения может кому-то дорого стоить: тверже материала на земле нет.

— Привет, девочка моя.

— Разомнемся, мой герой,— откликается Мурка. На клинке появляется продольный разрез, имитирующий рот.

Встаем в боевые стойки. У гроссмастера меч в форме автомата «Узи». Я почти не волнуюсь. Противник — хороший фехтовальщик, но с годами погрузнел и обленился, тогда как я каждый день нахожу время потренироваться. А маг он, между нами, средненький.

Начинает Орк традиционно — с выстрелов из меча. В магазине у него 25 патронов-расширителей, позволяющих клинку на мгновение удлиняться в несколько раз. Мой

«макаров» тоже снаряжен расширителями, но пользоваться ими сейчас – не тот случай, прибережем. Я готов: на очередь, выпущенную гроссмайстером, отвечаю связкой магий «Барьер», ставя замедляющую пленку. Пока летящие клинки растягивают преграду – легко уклоняюсь.

И сразу посылаю в противника «Волну» второго уровня. Тот шарахается от катящегося на него огненного вала, дав мне возможность приблизиться и ударить «Кулаком». Один раз, другой, третий... Первый же толчок усаживает гроссмайстера на пятую точку, в таком положении он и распарывает мечом летящие в него упругие сгустки. Делаю еще шаг вперед... И вдруг замечаю, что свидетель поединка, племянник Директрисы, на нас не смотрит, с кем-то напряженно переговаривается. Не нравится мне его лицо.

— Мурочка, усиль и запиши, что говорит свидетель, — быстро прошу меч.

Заминка приводит к тому, что гроссмайстер привстает на одно колено. И тут же атакует.

«Удар в кувырке по ногам» — прием из числа сокровенных. Супертрюк. Он подкатился стремительным кувырком и размашистым движением (меч понизу параллельно полу) отсек бы мне обе ноги на уровне икр, если б не Мурка.

Мой симбиоз с мечом был предвысшего, четвертого порядка: «Меч — мой хозяин». Это значит, что в бою — меч главный. Сканирует начало атаки и выбирает оптимальный защитный прием. Всегда ли это срабатывает — другой вопрос. Сейчас срабатывает. Отвечаю своим супертрюком — «уход с переворотом». Завершить движение могу выстрелом... жалею расширитель.

И мечи встречаются.

— Наконец-то, — говорит Мурка.

— Рано радуешься, сука, — грубит меч гроссмайстера.

— Какая ты милашка. Узенький, коротенький, тупенький...

С виду — комично. Однако результат обычно вовсе не комичен — расчлененные тела... Отношения гроссмайстера с мечом также четвертого порядка. А высший — пятый: «Я — Меч» — полное слияние интеллектов бойца и меча. Но об этом нам обоим еще мечтать и мечтать.

Когда клинки соприкасаются, по воздуху бегут искажения, как круги по воде.

Пора кончать. Провожу прием из сокровенных: «Прыжок за спину». Присев на колено и оттолкнувшись от земли мечом, высоко прыгаю — головой вперед в сторону противника. Свободной рукой опираюсь на плечо шефа, делаю пирамиду и, оказавшись у него за спиной, нахожу удар. Все супертриюки чрезвычайно быстры, трудно реагировать. Вдобавок меч гроссмайстера явно не имеет стандартной защиты против такого маневра. Миллисекундная задержка дорого им стоит.

Убивать не хочу. Распарываю предателю туловище — от горла до лобка, как в моргах. И, чтобы порадовать Мурку, отсекаю руку с мечом. Восстановливая руку, Орку придется стать модификантом и потерять доступ в Систему. Приятно это сознавать.

— Было достойно,— бархатно произносит Его Светлость, садится на своего зайца и упрыгивает.

Я вызываю медслужбу, а потом на правах победителя переписываю к себе все ценное, что есть в перчатке и в мече гроссмайстера: два новых магических макроса и один супертриюк.

0F

«Нет, пока занят... Нет, старое место не годится, там никаких гарантий... Что такое „Вече“?.. Понял, буду...»

Это я прокрутил запись, сделанную мечом. Получается, во время боя племянник Директрисы с кем-то дого-

варивался о встрече. Где? Видимо, где-то в районе отеля «Вече»... Вызываю Ивкина:

— Держи слепок. И срочно беги к «Вече». Да, да, на слепке человек из Дворца. Если увидишь его, проследи, с кем встретится. Докладывай сразу. Прослушивать рискованно, он, похоже, перфект.

С этим — ладно. Но почему Андерссон так странно себя вел? Любой ценой не хотел пускать подчиненного в Школу скаутов...

Медики еще погружали тело шефа в коллоидную ванну, а я уже спешил в главный корпус. Первым делом пошел туда, куда изначально направлялся: в кабинет его жены, начальницы Школы. Именно там, в туалете, за секретной дверью, которая была открыта и брошена, обнаружился Вход.

Не заблокирован. Гроссмастер то ли забыл, то ли не успел. И про потайную дверку забыл...

Вот, значит, из-за чего такие страсти.

Суюсь во Вход — и... На секунду оказываюсь в нише — на платформе перед термитником. Перед тем самым термитником, где меня копировали! Моего короткого появления не замечают, в нише темно. Несколько бастардов тащат какие-то ящики и грузят их в капсулы.

Торопливо вваливаюсь обратно.

Ни хрена себе! Из кабинета Таисии можно попасть на прием и к Гроссбастарду, и к Коряге? А Коряга может спокойно шастать туда-сюда. Чей это Вход, кто им пользуется? Если гроссмастер, то в курсе ли его супруга? А если не гроссмастер?.. Не хочется о плохом, но все указывает на семью Андерссонов. Вся ли семья причастна или кто-то один паршивый затесался?

Дурак я. Надо было допросить гроссмайстера и только потом калечить. Жди теперь, пока оклемается.

Юва, Ювочка... Ежик, что мне теперь про тебя думать...

Тут проявился Ивкин, возбужденно зашептал:

— Андрюха, твой царедворец пришел не один! С ним кто-то в маскировке. Только такое дело... Они зашли в беседку — это в парке за зданием, знаешь? И пропали. Перфект, правда, подавил аппаратуру, но я все равно не понял, куда они подевались...

— Юрик, ты молодец. Под беседкой — бункер. Иди прямо туда и жди, они снова появятся. Может, пробьешь маскировку.

Потом я вызвал Траппера:

— Джеб, план меняется. Атаковать надо сейчас, немедленно. Бастарды сворачивают лавочку, я их, похоже, спутнул. Все наши договоренности остаются в силе. Я присоединюсь к вам чуть позже, слово рыцаря-оператора.

10

Племянник Директрисы явно посредничает между Дворцом и... кем? Высокородному гостю нужна гарантия конфиденциальности, поэтому человек из Ордена привел его для переговоров в тайную лабораторию под беседкой, о которой знают считаные посвященные. Но даже этот хитрец не подозревал о схроне под лабораторией... Ох, командор, как же у тебя все складно, даже если ты это и не просчитывал...

В заповедную нору командора я попал через Систему. Разобрался со встроенным узлом связи. Как и надеялся, мой наставник предусмотрел возможность смотреть и слушать, что происходит наверху в лаборатории. Однако — не сегодня. Перфект из Дворца глушил и давил все. Даже с Ивкиным не было связи.

А если по старинке? Я поднялся по винтовой лесенке и заставил люк приподняться. Сервоприводы сработали бесшумно. Совсем на чуть-чуть...

— Уверяю вас, артефакт не получен,— стал слышен голос, искаженный защитным макросом.— Как вам это доказать? Вот подделка, которую мы получили, убедитесь.

— Артефакт был послан,— ответил знакомый баритон.— Наследник подготовлен, наши скауты только и ждут от вас Нить маршрута. Но я вам склонен верить. Если бы вы позволили пометить артефакт, мы бы сейчас не вошли в такой клинч.

— Свои звенья в цепочке мы проверяем. Ваше звено — командор Луц.

— Он из Управления Прогресса, чтобы потрясти его, нужна санкция их Дворца. Не сегодня завтра получим. Но ведь он ничего не знал. Да и зачем ему? Это если забыть про вопрос, каким образом он осуществил подмену...

— Но артефакт пропал.

— Точно так. Противоречие неразрешимо,— кривляясь, сказал аристократ.— Был я сегодня свидетелем на поединке двух идиотов... Слушайте, ваша маскировка очаровательна. Все-таки кто вы, уважаемый?

— Познакомимся, когда сделаем дело.

Люк наверху поднялся. Уходят! Я спрыгнул вниз и проверил аппаратуру. Связь восстановлена.

— Юра, что у тебя?

— Надо же,— отозвался Ивкин,— под беседкой и вправду бункер. Делаю вид, что погулять вышел... Да, маскировка у него хороша. Пробую «Калейдоскоп» — не пробивает. Так... А если в связке с «Коконом»?.. С «Печатью»... С «Зеркалом»... О! Андрюха, я пробил, у него макрос на основе «Зеркала»! Так это же... не может быть...

Послышался короткий всхлип-вскрик. И связь опять умерла.

Через несколько минут, когда заработали внешние камеры, я увидел возле беседки тело Ивкина, разваленное мечом натрое — ударом «угол». И никого больше.

11

Уйти отсюда не было ни сил, ни воли. Гибель друга опустошила меня, будто ко мне применили боевую магию «Отжим» и долго не отпускали. Я лежал вниз лицом на кушетке своего наставника, а мысли мои текли тягучей массой, цепляясь за камни воспоминаний. И вдруг...

Я сел. Вскочил.

Зачем все-таки командор показал мне свою тайную комнату? Да для того, чтобы я в нее вернулся! Самостоятельно. Один.

С чего начать поиски? Лежанка, шкафчик. Ничего интересного. Остаются стеллажи с артефактами, но они закрыты силовыми дверцами. Командор что-то говорил про мой личный код, который действует как ключ... Стеллажи открылись!

Чего там только не было! Нить маршрута с грифом три креста — до меркурианской базы «Последняя остановка». Ключ от Входа на объект «Кварцевое Сердце». Кольцо-усилитель для перчатки — с коэффициентом «100%». Запрещенное Кольцо-вампир. Диверсионное Кольцо-глушитель. Полная карта Фрагмента №1. Бумажная книга, озаглавленная «Кибер-фэнтези». И многое чего еще.

Я не посмел что-либо взять из этих сокровищ. Переключил внимание на свитки страниц из Священного Введения (которое, по слухам, было когда-то просто учебником: «Введением в метапрограммирование»).

Вот редчайшие магии: «Безусловный переход» и «Условный переход», — что-то вроде телепортации в Системе. Трогать их без спроса нельзя, даже не думай, положи на место... Магия «Зеркало». Ну, это попроще, командор не обидится, если я использую страницу для

повышения уровня. У меня уже есть «Зеркало» второго уровня, как у большинства серьезных магов. Станет — третьего. Уникальный апгрейд, между прочим, до сих пор такой защиты я ни у кого не встречал... А это? Это — что!!!

Страница с магией «Фас».

Вот так находочка...

Блокнот просигналил: кто-то просится поговорить. Командор. Словно почувствовал. Нет, рано еще, решаю я, сбрасывая вызов. Хоть подслушанный разговор и поставил кучу вопросов, хоть найденный артефакт и жжет руки, миссия в термитнике — мое, и только мое. После термитника — поговорим.

Артефакт я взял с собой.

Поднялся на поверхность через лабораторию. В реале была ночь. Доехал до Школы скаутов, прокрался в кабинет Таисии Андерссон. Вход по-прежнему был брошен и доступен, значит, надо идти.

Здравствуй, Система, любимая и ненавистная...

12

В Тоннеле шел бой. Кapsулы, ведомые Траппером, смяли дозоры бастардов, но высадить на платформу десант мешал станковый рассеиватель, установленный возле арки. Судя по кляксам на стенах Тоннеля, несколько капсул Джеб уже потерял. Проход под арку был перекрыт массивными воротами. Настоящая цитадель. Защитники термитника рассыпались по платформе, прикрываясь щитами из форс-пластика, и тоже палили из призм.

Нападения со стороны Входа они ждали, оставив возле ниши трех бойцов с нацеленным оружием. Хорошо, я подстраховался, не пожалел энергии перчатки на титуль-

ную магию HOLD. «Энергетическое закукивание программного модуля пользователя». Хоть и слабенького первого уровня, но от всех видов ручных призм защищает. Один залп я выдержал, а до второго не дошло: через секунду от троицы бастардов остались только быстро истаивающие куски. Им бы перед Входом мага поставить, но, как видно, магов у них всего двое.

— Прэ-элестно! — пропела Мурка.

Пока артиллерийский расчет разворачивал орудие в мою сторону, пока набегали другие бойцы, я, оттолкнувшись мечом от пола, двумя «высокими прыжками с упора» (сокровенный прием) достиг их чертовой пушки. Артиллеристов уничтожил, а рассеиватель вывел из строя. Тут и десант подоспал.

Почему при отталкивании меч не проходит сквозь пол? Потому что дискретный клинок обладает плавающей плотностью и упругостью: и то и другое управляет интеллектом самого меча.

Дальше — просто. Защитников арки спектрализовали: это были смертники. Бросили под ворота аналоговую бомбу, и ворот нет — вместе с частью арки.

Отряд наемников прорвался в термитник.

Казалось бы, начнется резня. Магия и мечи против призм — детская игра. Однако у некоторых защитников обнаружились и перчатки, и мечи с дискретным клинком. Пусть мечи без интеллекта, пусть бастарды владели рыцарскими атрибутами на троекշку, но ущерб наносили; а главное — их было много, пугающе много. Будто два термитника собрали в одном. Может, так оно и было? Ленточную галерею, опоясывающую строение, обрушили, приходилось биться внутри. Каждый подъем, каждый переход давался с потерями. Скауты гибли, разменявая одного за восьмерых. Гроссбастард из Копировальной лавки командовал своими.

Джеб неистово рвался наверх, как берсерк, не обращая внимания на повреждения. «Где колдун? — вопил он.— Струсили, сбежали?» Он опередил отряд, первым вломившись в верхний зал. Первым и единственным. Наёмники очистили термитник от человекоподобной швали, только от отряда мало что осталось. Я шел сзади, это была не моя война. Раненых бастардов добивал, лежавших скаутов поил эликсирами. Когда поднялся в Копировальную лавку, оказалось, все интересное уже кончено...

Изувеченный Джеб умирал на куче дискретного вещества. Что произошло, было яснее ясного: Траппер азартно вляпался в «Барьер» третьего уровня и завяз в простой ловушке, как муха в варенье. Гроссбастард спокойно сделал из человека огрызок. Глупо получилось.

- Убей их всех... — забулькал Джеб.— Найди колдуна...
- Найду. Ты обещал назвать имя.
- Да-да, имя... Опасайся ее, Эндрю, она опасна...

Замолчал навсегда. Испустил дух, которого, если верить Коряге, в Системе не существует. «Она», — повторил я мысленно. Она...

Гроссбастард напряженно ждал, не атакуя. Чего ждал? Или кого? То ли Корягу, то ли пособника из Ордена, то ли какую-то иную помощь. Неважно! Ничего еще не кончилось, самое интересное только начиналось.

— Выйдем во дворик или здесь? — буднично спросил я его.

Вышли по очереди, временно убрав мечи и наблюдая друг за другом. Коридор закончился открытой террасой. В центральной части огромного конуса была пустота, этакая труба, а внизу — некое подобие дворика: туда я и предполагал спрыгнуть, применив «Воздушную подушку». Когда я неосторожно скосил глаза вниз — в это неуловимое мгновение Гроссбастард и напал.

Двойник ударил антикварным кинжалом, выскочившим из рукава. Я среагировал на движение, поэтому стальное лезвие попало мне не в шею, а в плечо. Хорошо, что в левое. И на рефлексах же применил к себе магию «Вектор»: простейший способ исчезнуть из этой точки пространства. «Вектор» меняет для объекта приложения направление силы тяжести. Меня рывком утащило вверх, развернуло, и я прилип к куполу пузыря в положении «вниз головой». Уже там достал меч. Из раны капала кровь: для стороннего зрителя — имитация, для меня — жизнь. Как и боль — вовсе не имитация. Я включил и выключил команду самолечения «Феникс» — только чтоб остановить кровь.

Гроссбастард совершил «высокий прыжок с упора» — не допрыгнул, но в полете выстрелил из меча. Промахнулся. Меч у него, очевидно, был чужой: присвоил и приручил. Рукоять в виде револьвера, шесть мощных зарядов. Больше он тратиться не стал, попытался достать из призмы. Я тут же лишил себя материальности, использовав «Мыслеформу»: все импульсы ушли в потолок.

«Заряд перчатки — 25 процентов», — тревожно посигналила Мурка. Знаю. Я заменил браслет-батарею, застегнув на запястье новую. После чего, выбрав место посадки, повернул «Вектор» в обратную сторону.

Приземлился на ноги, громко застонав. Изобразил, как мог, что левая рука у меня висит и бездействует, даже перчатку приспустил. И сразу нырнул внутрь термитника, якобы спасаясь бегством. Гроссбастард купился: противник без магии, запаниковал! На супертрюки, возможно, не способен! Кинулся вдогонку, ставя на спуск связку боевых магий, а коридор тесный, с извилиами, толком не прицелиться... короче, «Горизонтальную пробежку» в моем исполнении он никак не ожидал.

Чем теснее пространство, тем эффективнее этот прием. Пробегаешь несколько шагов по стене в горизонтальной плоскости, вращая мечом, как вентилятором,— с бешеною скоростью. Хорош в массовом бою, но и в поединке опасен, если выполнен неожиданно.

Получилось неожиданно. Гроссбастард присел, закрываясь РУКАМИ! Это фехтовальщик-то... Руки он потерял обе — почти от шеи, с мясом. Спрятав на пол, я мог добить его сразу, но нет, нет — чтоб вот так просто, без мучений?! Джеб не простил бы мне этого. Я дал твари вскочить, позволил помчаться куда-то в шоке... Он выскочил обратно на террасу, побежал до ограждения, тут и я подоспел. Ненависть, как тугая пружина, наполняла меня силой.

— Повернись,— скомандовал я ему.

Гроссбастард услышал, повиновался. Тогда я бросил в него макрос «Hand2». Эта связка магий (состоящая из «Кулака», «Удавки» и «Голема») придумана, чтобы унижать. Моя удлинившаяся на миг рука в перчатке, скатая в кулак, ударила вождя двойников в лицо. Тот пошатнулся. Новый удар — не увернуться. И последний, во всю мощь. Недочеловек полетел вниз, во дворик. Короткий вопль, шлепок... Все.

— Мы лучшие! — крикнула Мурка в полном восторге.

13

Снимаю с Гроссбастарда блокнот. Впитываю из его перчатки магию, а из меча — приемы. Законные трофеи.

Свиток с магией «Замри/Воскресни» у него в куртке. Не доверял он никому и ничему, включая тайники. Перекладываю очередной уникальный артефакт к себе, не испытывая каких-то особенных чувств.

Работа.

Работой становится и возвращение в Копировальную лавку на самом верху – чтобы установить и активировать аналоговую бомбу. Термитник уже пуст. Группы впитались в пол и стены, ибо дискретное вещество – ценный ресурс. Наёмники, оставшиеся в живых, расползлись по капсулям и разлетелись.

Во мне рождается, прорастает побегами безумный план. Стать большим, чем ты есть... нет, не так. Стать большим, чем ты можешь быть, – разве я не заслужил? Стать властелином мира... ну почти властелином... Ювочки, ежик, я сделаю тебя королевой...

Бомба в термитнике рванула, когда я вышел на платформу.

Я поискал в припаркованных капсулах Эликсиры Жизни, нашел, выпил. Полегчало. Что дальше? Искать моего двойника? Или остановиться, успокоиться? В голове вакуум...

Из Входа появились двое.

Джинн! Плюс некто незнакомый. Этот второй одет в типовой офисный костюм, и лицо его настолько стандартно, что словно расплывается, не складываясь в устойчивые черты... Нет, не словно. Именно расплывается – буквально.

Маскировка.

– Приветствую, коллега! – издали помахал Джинн рукой.

Аналоговый мастер был без перчатки и без меча. Смельчак или дурак? Чтобы прийти этим путем, надо было знать и про Школу скаутов, и про кабинет начальницы, и про Вход. Эта парочка знала. А про то, что термитник атакован?

Я включил магию «Калейдоскоп» и просканировал второго гостя. Ноль эффекта. Покойный Ивкин, помнится, говорил, что уубийцы макрос на основе двух магий:

«Калейдоскоп» и «Зеркало». Что ж, попробуем. У меня теперь «Зеркало» третьего уровня, не спрячется, мрази.

Закипало темное возбуждение. И возвращалась ненависть, это было кстати.

Второй гость под магической оболочкой оказался... дамой. Таисией Андерссон. Почему-то я не удивился. Зато первый... Вот тебе и Джинн Харрис! Оказалось, тоже маскировка! Да такая, что ни в Нью-Йорке-2.0 не расшифровали, ни в Кругах Москвы. Оно и понятно, мало кто владеет «Зеркалом» третьего уровня, сие – печальный факт...

Коряга мгновенно понял, что раскрыт. Бутафория была сброшена. Короткое движение рукой, и меня швырнуло метра на три в высоту, прилепив к стене пузыря. Макрос «Фиксация» третьего уровня. Состоит из магий «Магнит» и «Вектор». Не двинешься, не соскочишь. Чтобы освободиться, нужна титульная магия UNDO – тоже третьего уровня, – но где ж ее получишь. Впрочем, есть и второй вариант...

Как же здорово, что я успел сунуть руку в карман куртки – в таком положении и был пришпилен.

– Почему никого нет? – Таисия растерянно озиралась. – Все эвакуировались? Мы с Басиком договаривались... – Она заметила развороченную арку и посерела лицом, как те бастарды.

Одета Таисия была как воительница, во все функциональное и удобное. Меч, перчатка, шпора, боевая маска, все дела. Что касается Коряги, то был он без посоха, зато в перчатке, и на каждом пальце – по Кольцу-интерфейсу. Одно из Колец, вероятно, глушитель, делающий перчатку невидимой для других магов, а главное – не позволяющий детекторам магии засекать ее использование. «Перчатка с глушителем» – на языке профи.

– Басик не отзывается, – сообщила фру Андерссон. – Пойду поищу... Убей его скорее, – показала она на меня, прежде чем скрыться под аркой.

— А ты подозревал беднягу гроссмастера, — с осуждением сказал мне Коряга. — Если бы ты только мог себе представить, насколько сильна ненависть копии к эталону, даже мысли не допустил бы о его виновности. Контакты Гроссбастарда и Орка? Нонсенс. Ты еще не встречался со своей копией в укромном уголке Системы?

— Нет.

— Встретишься — поймешь. Только женщина, которая любила их обоих, и могла посредничать. Только женщина и сгладила ненависть. Почему, думаешь, Гроссбастард не стремился убить гроссмастера? Женщина, дорогой. Подозреваю, копию мужа она любит даже больше, чем эталон. — Колдун развеселился. — А мужу и в страшном сне бы не приснилось, что жена ему изменяет с ним же под номером два... Если не ошибаюсь, магию «Фас» ты у командора изъял. Очень тебе благодарен за это. Давай-ка мы зайдемся артефактом...

На платформу выбежала Таисия, вид ее был страшен:

— Что с Басом, ты, червяк!

— С Гроссбастардом? — спросил я ее. — С ним великолепно, скормлен Системе.

Исказившись лицом, она подняла меч, готовясь выстрелить. Тянуть больше было нельзя. В кармане куртки, куда я сунулся перед атакой колдуна, лежала Сброс-бомба, подаренная Джебом. Собственно, за ней я и полез, да не успел. А запал уже вставил. Таймер по умолчанию стоял на нуле, осталось рычажок спустить... Взрыв Сброс-бомбы не виден и не слышен, просто вся магия в радиусе поражения вдруг умирает. Я освободился. Таисия выстрелила, когда я валился вниз. Острие меча вонзилось в то место, где я только что висел. Закусив губу, она снова прицелилась. Я отпрыгнул, встав между ней и Корягой («Эй, эй», — тревожно пискнул тот), однако это разъяренную женщину не остановило. Стрелять, когда твой

партнер на линии огня, чревато катастрофой. Я исполнил «уход с переворотом», и вместо ненавистного Кока Таисия пронзила грудь колдуна. Выходя из движения, я выстрелил сам. Метил женщине в руку с мечом — и попал. Вскрикнув, она выронила оружие; а я был уже рядом, нокаутировал ее прямым правым...

Мэтр корчился на полу. Я подошел, снял с него перчатку и переложил к себе в заплечник. Потом вытащил оба свитка с Высшей магией. Нашел «Замри/Воскресни».

— Принеси эликсир,— взмолился Коряга.

Вместо ответа я зачитал сакральный КОП. Сброс-бомба на текст не действует, только на интерфейсы. Вербальное включение сработало: страж-пес на голове Коряги покорно заснул. Я занес меч.

— Не надо,— жалко попросил колдун.

— Настоящий а-мастер Джинн убит?

— Жив, жив! Во Фрагменте-395, в термитнике! С ним порядок, он просто на привязи.

— Когда подменили?

— Месяц назад.

— Ивкина ты убил?

— Да нет же, Кок! Я не сторонник убийств! Это все та фурия...— Он кивнул на привстающую Таисию.— Наемницей когда-то была. Привычки неистребимы...

Я вернулся к женщине. Она встала, пошатываясь. Я усыпал ее Стража, потом развернул второй свиток и, помедлив, прочитал команду «Фас».

14

Что-то случается. Мир вокруг исчезает. Я — совсем еще молодая девушка, спортсменка и охотница, рожденная в коммуне дауншифтеров на Балхаше. Я прилетаю на соревнования лучников, где меня замечает эмиссар из

клана Трапперов, вытаскивает из коммуны и приводит в клан. Их дворец – в петаполисе Шестая Республика, бывшем Париже. Я учусь убивать, оставаясь при этом целой и невредимой, начинаю работать, становлюсь лучшей среди сверстниц, пока не появляется сын старейшины, пожелавший сделать меня своей...

Трапперы? Это что, мой бред? Мой – это чей? Я Андрей Кокошечкин. Она – не я. Я – НЕ ОНА. Просто мой страж-пес высасывает из злобной фурии информацию... Злобной ли? Скорее, несчастной. От сына старейшины у нее рождается ребенок. Мальчик. Никакой это не бред, а калейдоскоп чужих воспоминаний. Жена быстро надоедает молодому балбесу, он ее частенько бьет, обзаводится кокотками, но все это она бы выдержала и стерпела. Просто однажды муж отдает ее поразвлечься богатому приятелю, с которым учился в Сорbonne. Приятеля она убивает, возвращается за ребенком и убегает. Ее ловят. За такую провинность наказание одно – смерть. Своих в клане казнят так: вывозят в системную Тайгу и оставляют безо всего: без средства передвижения, без связи, даже без одежды. Еды – на сутки, питья – на неделю. Броди по Тоннелям, пока не подохнешь или не спятишь...

Не хочу этого видеть, решаю я. Развернуть поток! Запустить в Таисию мою волю. Теперь она подчиняется мне... Звучит диагностическое сообщение: «Принудительный сброс тестирования». Это значит, что ее Страж проснулся, действие команды «Замри» закончено. Никто мне не подчиняется...

И снова Тоннели, Тайга, безнадежность. Спасает приговоренную к смерти молодой Фродо, храни его Единый. Новый муж, новая жизнь. Как же она любит его и как боится за него! Ей все время снится, что Трапперы их находят. Из-за этого страха она не решается завести нового ребенка... А потом в Школе скаутов появляется Коряга,

и все переворачивается. Этот человек предлагает выход: дублировать мужа, получить любимого человека про запас. Но для этого нужна фамильная магия клана. Она помогает колдуну чем может, рассказывает все, что знает. Он добывает артефакт. Трапперы уничтожены. И она наконец может перестать бояться — так появляется на свет Юва, через четыре года после свадьбы... Потом она втайне ищет сына, которого спасли в руинах дворца, разрушенного Корягой. Мальчика то ли усыновили, то ли отдали в приют. Никакой информации, сколько ни бейся, даже возможностей Фродо недостаточно, и она сдается... Коряга между тем оборудует в Системе нелегальную Копировальную лавку. Однажды ночью они перевозят усыпанного Орка в термитник, вынеся его через Вход в рабочем кабинете. Делают копию и возвращают спящего в кровать...

Какой великолепный получается человек! Именно человек. Почти как муж, только ласковее, добрее, решительнее. Надежнее. Все сведения по Ордену, которые муж от нее и не думает скрывать, она передает своему Басику. Коряга ставит и подключает Вход в термитник прямо в Школе. Это страшно дорого, зато удобно. Эх, если б только Басик смог выйти из Системы! По словам Коряги, навязчивая мечта двойников попасть в реальный мир не так уж безумна. Ходят слухи, что в Управлении Прогресса разрабатывают универсальный Вход, и это не фантастика...

Для реализации великих планов Коряге нужна магия «Фас», которой, как он выясняет, владеет Директорат Управления Связи. Украсть что-то из хранилищ Техноимперии — это вам не из частного дома свиток вынести. Приходится договариваться. У них неизлечимо болен наследник. Реверсионный реактивный склероз в последней стадии. И если тело юноши спасти

нельзя, то можно сохранить сознание, пересаженное в двойника. Но для этого нужна магия «Фас». Что Коряга просит в оплату услуг? Страницу из Священного Введения. Директриса соглашается, она очень любит этого ребенка...

15

Картинки померкли, кино кончилось. Опять вокруг была платформа, Тоннель, место решающей схватки.

Что произошло? Стражи расцепились, вот что. Информационный канал разорван.

— Мальчик мой,— прошептала женщина, и стало ясно, что инфообмен был обоюдным. Пока я щупал ее прошлое, она тоже покопалась в моих мозгах.

— Вы — моя мать?

О, Единый... Как во сне. Как в пошлой мелодраме.

Сомнений нет, передо мной — моя мать. Но тогда Юва — моя сестра... Мне плохо.

— С девочкой тебе придется расстаться,— подтвердила Таисия.— Иначе... нехорошо иначе.

Она знает, понимаю я. Мое нутро перед ней нараспашку. Она знает то, что никак не должна знать. Не только про Юву. Совсем про другое.

Она знает все, что я задумал, весь мой план. А значит, может выдать... И вообще, она же предатель! Мало того, она убила Ивкина! Живым предателя не брать, просил командор. Просьба командора — это приказ. Я солдат, и у меня есть приказ... Но я и сын.

Солдат я или сын?

Солдат — хорошее оправдание.

Я огляделся. Коряги нигде не было: удрал, скотина, доплыл до ближайшей капсулы и улетел. Ладно, этот будет молчать. Но Таисия...

— Спасибо, что пощадил Фродо,— сказала она.— Я видела официальную запись поединка.

— Почему он сорвался? «Вопрос чести» придумал...

— То, что я причастна, он заподозрил сразу. Узнал себя на той записи, где убивают курьера. Вернее, узнал своего двойника. Как Фродо могли копировать? Да только во сне, а спит он дома, со мной. Проследил. Встретил меня, когда я выходила из Входа в Школе. Мы начали объясняться, и тут он перехватил твой запрос насчет меня. Решил, что ты все знаешь и готовишь арест. Приказал мне уходить и прятаться... Любит он меня, Кок, потому и пошел вразнос. Покажи мне, где Бас умер,— вдруг попросила она.

Я повел ее во дворик, пустив впереди.

— Внутри термитника нет регистраторов,— бросила она в воздух.— Не беспокойся.

Нет регистраторов, значит, не останется никаких следов. Она что, специально увела меня с платформы, содрогнулся я. Миновав остатки арки, женщина повернулась:

— Только не в спину. Смотри мне в лицо.

— Он упал сюда,— показал я, отведя взгляд.— Вон с той террасы.

— Это неважно, мальчик. Нейтрализуй моего Стража и кончай скорей. Ты же этого хочешь?

В ее глазах была тоска. Она видела меня насквозь. Можно ли доверять женщине, которая только что пыталась тебя убить, а ты сам чуть раньше убил ее любимого? В некоторых вещах нельзя доверять никому.

Командор говорил, все умерли. И папа, и мама. Это чистая правда. Я сирота, напоминаю я себе. У меня нет и не было матери, я голем.

Предателя живым не брать...

Магическое возмущение из разряда Высших по-действовало как надо: «сторожевой пес» Таисии положил морду на лапы и шумно засопел. Женщина тоже закрыла глаза.

— Береги сестру, — сказала она.

Ну, солдат, решайся...

16

— Вы же знали, что мы с Ювой... — кричал и стонал я.— Почему не сказали, кто ее мать?!

— Знал, — сознался командор.

— Она же моя сестра!

Я вспоминал наши с нею встречи, я вспоминал все, что было... Меня мучило. Меня трясло. А командор был смущен: редкое зрелище.

— Собирался сказать, но начались эти дела с артефактом, и я придержал информацию. Надо было работать, а новость выбила бы тебя из колеи.

— А до Ювы? Раньше?

— Незачем было вам всем это знать ни тебе, ни Андерссонам. Когда перекипишь, согласишься...

Я вызвал его на разговор сразу, как улетел из термитника. Сейчас сидел в каком-то медпункте, в отдельной нише, и заливал в себя системный ром.

— Как вы докопались, что Таисия моя мать?

— Не докапывался — выяснил случайно. Она начала тревожить архивы в поисках своего ребенка. Хоть и аккуратно, но есть уровни допуска, которые позволяют видеть все. Если возьмешься за ум, у тебя такой будет. Эндрю, ты добился феноменального успеха! Ну так собирай заслуженный урожай. Что за истерики?

— Истерики?! — вспыхнул я. — Луц Кокошечкин, объявляю вашу печать вскрытой! Жду правдивых ответов. Как

к вам попала страница из Священного Введения с магией «Фас», якобы украденная бастардами?

— Я подменил,— спокойно сказал командор.— Я б тебе и так объяснил, без этих пафосных жестов...

И он объяснил. Интрига хитроумностью не отличалась, действовать пришлось быстро и с изрядным риском. Когда поступил заказ от Директрисы на транспортировку ценного груза, у командора возникли подозрения, что дело нечисто. Во-первых, выбранный момент. Всем было известно о проблемах Ордена с бастардами, в том числе Дворцу Связи. Во-вторых, сам груз. Что в контейнере, командору не сказали, но ведь он мод-перфект, да еще родом из Дворца Прогресса. Есть девайсы, о которых пока не знают в Управлении Связи. Обойти защиту контейнера, прочитать текст на запечатанном свитке — технический вопрос, и только. У «прогрессоров» — законная монополия на конверсионные девайсы. Так командор узнал, что за груз ему поручили. Но такие ценности не дают в посторонние руки, будь ты хоть сам Великий Кормчий! В-третьих, конечный пункт: Плутон. Нелепое место. Не-зачем было посыпать туда магию «Фас», никакие версии, включая самые сумасшедшие, не проходят. Из всего этого родилось пугающее предположение, что груз посыпают специально, чтобы он попал в руки бастардов. Напрямую ведь отдать не могут, даже тайно. Отсутствие реликвии обязательно бы вскрылось, и в других Дворцах поднялся бы шум. Нужна хорошо организованная катастрофа. После нападения на курьера пошли бы слухи, а Дворец Связи — как бы ни при чем, они пострадавшие. Значит, у них существовала некая взаимовыгодная договоренность с бастардами, причем уровень услуг высочайший, раз уж Дворец отдавал такой артефакт. Но если расклад верен, если командор прав, то надо было эту комбинацию непременно расстроить. Просто потому, что таких

вещей допускать нельзя. Друзья в лабораториях Дворца Прогресса помогли изъять артефакт из контейнера и изготовить фальшивую страницу...

— Как я и рассчитывал, бастарды подумали, что Дворец хотел их обмануть, а Дворец подумал, что бастарды не держат слова,— закончил командор.— Ты удовлетворен?

— А зодчего Жалле вы, значит, отдали на заклание?

— Руководителю иногда приходится кем-то жертвовать ради высокой цели. Да и не думал я, что его убьют. О «синдроме копии» мы тогда не знали.

— Простите меня, наставник,— сказал я, подпустив в голосе вину.

Перекипел.

— Возвращайся в строй, малыш, ты нужен Ордену.

17

Со своим двойником я встретился у себя в охотничьем домике. Нашел его контакт в блокноте Гроссбастарда и позвал в гости, дав координаты «на маяк».

— Я тебя прикончу,— объявил мне счастливый двойник с порога.

— Конечно, уважаемый Штрих,— согласился я.— Мы с тобой подеремся, если захочешь. Но перед дракой я хочу поговорить. Вернее, хочу кое-что прочитать.

Развернул страницу с магией «Фас». И, пока он соображал, что это может быть опасно, сотворил вербальное включение. Пес с моей головы прыгнул, разом выросши в размерах и раззявив огромную пасть...

На сей раз прошло куда легче, чем с Таисией: у противника не было Стражи. Это с человеком итог непредсказуем. Стражи сцепляются, и ты отдаешь столько же информации, сколько получаешь, но главное, не можешь навязать свою волю. Здесь — другое. Объект, лишенный

защиты, превратился в пустой бурдюк, в мешок из кожи и костей, который следовало только наполнить.

Я наполнял двойника собой.

Когда перекачка личности закончилась, мы упали оба, обессиленные. Я подполз к Коку-2 и спросил:

— Ну, как ты?

— Как-то странно,— ответил он, ощупывая себя.— Вроде я... или нет?

— Сейчас проверим. Убить меня хочешь?

— Ты спятил? — возмутился двойник.— Еще спроси, хочу ли убить себя.

Получилось... Неужели получилось? Болезненная ненависть побеждена, «синдром копии» сломлен!

— Только не зови меня Штрихом,— проворчал Кок-2, вставая.

Я что, так же противно кривлю рожу, как и он? Ничего, поработаем перед зеркалом... Я хлопнул двойника по плечу:

— Какой «Штрих»? Ты мой брат, Андрюха. А я — твой. И вообще, ты теперь Гроссбастард. Так что бери власть, пока лежит.

— Можно просто Гросс.

— Ну привет, Гросс. Вот источник твоей власти, пользуйся.

Я передал ему страницу с магией «Замри/Воскресни». Мой дубликат шутовски поклонился, смазав торжественность момента. Я продолжал:

— В ваши термитники не суйся, могут нагрянуть наши, да и Коряга тоже. Подыщи новые площадки. Построй базу где-нибудь на окраине, там сделаем штаб. Деньги не жалей. Как тебе пользоваться банкоматом без моего участия, придумаем. Возьми перчатку: хочешь — Гроссбастарда, хочешь — Коряги. Меч я тебе добуду, закажу якобы себе. Но отныне — меняем стратегию. Никаких налетов на Орден, никаких грабежей вообще. Люди в Си-

стеме должны перестать вас бояться. Будем активно копировать детей и женщин, особенно — детей. Бастардам нужно будущее и нужны семьи, нужна нормальная жизнь. Будем не армию создавать, как те придурики, а расу. Там посмотрим, что с этим делать.

Кок-2 выслушал с противной улыбочкой, потом освежомился:

— Ты думаешь, я всего этого не помню... братик?

И я захотел. Правда же, у нас теперь одно сознание на двоих! Напряжение вдруг вылетело из меня, как пробка из шампанского, и стало легко. Пружина освободилась. Как же легко... Ярость и восторг. Восторг и ярость...

Я снова был не один!

— Мы им всем дадим прикурить,— сказал я брату.— Система, считай, наша.

18

Объясняемся с Ювой в больнице, где лежит Фродо Андерссон. Дела бывшего гроссмастера не очень хороши, в сознание пока не приходил, и дочь живет с ним в палате. Встречаемся внизу, в холле.

— Почему? — спрашивает она в отчаянии.

— Я так не смогу. Я виноват в трагической гибели твоей матери. Я сделал ужасную вещь с твоим отцом, а из-за моего расследования Орден обнулил все его разряды. Я кругом виноват, я разрушил твою семью, твою жизнь...

— Что за чушь! Отец сам тебя вызвал, а мама...— Она плачет.— Мама хотела бы, чтобы ты обо мне позаботился. И вообще... сначала мама, теперь ты...

Береги сестру — вот о чем просила мать перед смертью. Сестру, а не жену... Как же скверно, что она увидела не только мою страсть к ее дочери, но и истинную мою страсть — ту, которой взрывают мир... С другой стороны,

как удачно выбрано место, вильнула мысль. Регистраторов не было не только внутри термитника, но и на платформе, и даже в Тоннеле. Я все там обыскал: Коряга крепко позаботился о скрытности базы. Так что официальную версию событий ничто не пошатнет. Супруга гроссмайстера погибла при обрушении части термитника.

— Ты считаешь, будто что-то испортил? — горячится Юва. — Ну так почини, это же просто, я этого хочу! Зачем нам расставаться? Дай мне свою фамилию, если уж Андерссоны опозорены...

Сказать или не сказать ей, что мы брат и сестра? До сих пор решения нет. Она любит меня как мужчину. Если мы просто расстанемся, у нее сохранится надежда вернуть любимого. Если же она станет мне сестрой, любовь к мужчине никуда не денется, зато надежда умрет. Вот такие пироги... Ладно, отложим на потом. Скажу ей позже. Для ее же пользы, чтоб не выворачивать девчонке душу.

— Не смогу, — повторяю и отворачиваюсь. — Я чувствую такую вину, что... что ничего не осталось. Давай будем друзьями. Или... Не знаю... Как брат и сестра...

— Почему — сестра? — пугается она.

— Да не знаю! С языка сорвалось.

Она меня обнимает.

— Ты меня разлюбил?

Я отстраняюсь. Вот он, момент выбора.

— Да.

— А вообще когда-нибудь любил?

— Нет. Извини.

Она обегает лихорадочным взглядом мое лицо.

— Ты мне врешь. Как можно разлюбить, если не любил? Не хочешь говорить, что случилось, не говори, но только не ври. Уходи.

А уходит сама. Я смотрю ей вслед, такой ладной, такой желанной. Я тоже бы заплакал — и побежал бы следом,

поймал бы ее, повернул к себе... Пополз бы, хватая за ноги... Нельзя. Я улыбаюсь. Надеюсь, улыбка получается не слишком страшной. Почему я не сказал ей правду? Не потому ли, что сам еще на что-то надеюсь, оставляю путь для возврата?

Вот и хорошо, убеждаю я себя. Никто не встанет между мной в реале и мной в Системе. Никакая женщина. Ошибку Орка и Басика я не повторю.

19

Крыса-заменитель шла вдоль берега, собирая в большой пакет мусор, оставшийся от туристов. Полуразумное создание метрового роста, модифицированное с помощью вирусных векторов, несущих человеческие гены; была она в ярком переднике и помогала себе розовым хвостом. Проходя мимо нас с командором, сидящих на траве, проворчала:

— Называют себя людьми, а гадят как кошки...

Мы дружно хмыкнули. Настроение было прекрасным. Древний Волхов, как и тысячи лет назад, нес свои воды, не обращая внимания ни на время, ни на людей.

— Церемония ровно через неделю,— сказал командор.— Сам патриарх выразил желание повысить твой разряд.

А то. «Сам патриарх». Я был героем: нашел украденную реликвию и вернул ее во Дворец Связи, восстановив репутацию Ордена. Разоблачил предателя. Раскрыл заговор бастардов, уничтожил их организацию и собственоручно казнил их главаря. За все это мне и дарован такой скачок в статусе — из мастеров сразу в гроссмайстера! Плюс новая должность — на место Орка.

В рыцари меня когда-то принимал командор. Что ж, наставник мог гордиться мной.

По поводу магии «Замри/Воскресни» вопросов не возникло, страница погибла при взрыве А-бомбы, оставленной бастардами и стершей вместе с Копировальной лавкой всю верхушку термитника. Что я и отразил в отчете.

— «Гроссмастер Кок». Звучит,— произнес командор со странной интонацией.— Я больше не твой опекун, ты — не мой воспитуемый. Боюсь, зазнаешься.

Неужели о чем-то догадывается? Я не испытывал беспокойства. Пусть. Я был хорошим воспитуемым, податливым, как пластилин, а значит, что бы я ни сделал, наставник стоял рядом.

— Ярлык героя — это что-то вроде энергощита, прикрывает в сложных ситуациях,— продолжил командр.— Но ты помни, есть люди, которые знают, что никакой ты не герой. Уничтожать их — расточительство и глупость. Особенно когда возвысишься. Гораздо умнее держать таких людей в друзьях.

— Вы о чём? — спросил я.

— Да так, старческое бурчание. Я о правде, которую хоть кто-нибудь да знает. Понимаешь, малыш, обязательно кто-нибудь знает правду. Смирись с этим...

Закатное солнце, подсвечивая снизу громоздкие строения над головами, добавляло сюрреалистической картинке четкости и контрастности.

Небо над Гетто Скаутов было как лоскутное одеяло — потрепанное, застиранное, ветхое.

Владимир Аренев родился в 1978 г. в Киеве. Окончил Институт журналистики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, там же потом десять лет преподавал историю литературы. Писатель, публицист, редактор, иногда – переводчик и сценарист.

Автор семнадцати сольных книг. Произведения Аренева выходили на русском, украинском, английском, польском, литовском и эстонском языках. Лауреат ряда литературных премий, в том числе – международной премии им. Олеся Гончара и Александра Беляева, «Книгуру», «Фантастик» и др., дипломант Волошинского конкурса.

Представленный здесь рассказ принадлежит к циклу «Королевская библиотека».

Владимир Аренев

**Дело о жутком убийстве
известного сочинителя
Фикторра Премудрого**

(рапорт сыскаря)

Свидетельствую истинно (да буду в противном случае терзаем правдолюбцами ненасытными), что с великим тщанием расследовал дело о таинственном убийстве Фикторра Премудрого и пришел к выводам странным и удивительным. Надеюсь, однако, что оные будут рассмотрены Сыскною палатою без предвзятости, и меры будут приняты соответствующие.

Прежде кратко изложу факты, известные следствию.

Фикторр Премудрый — сочинитель, вот уже много лет славный во всем Королевстве своими опусами об иных мирах и выдуманных персонажах. Книги его пре восходят по популярности даже «Откровенные советы младым супругам». Многие Палаты и гильдии удостоили его почетными титулами, приняли в свои действительные члены, как то: Палата писцов («За обеспечение работы»), Палата Мамок-Нянек («За скрашиванье досуга и расцвечиванье серых будней в яркия краски настоящей жизни!») etc.

Поклонники Фикторрова таланта даже собрали средства и запатентовали у астрологов новый праздник, День Великого Книженья, в коий имеют обыкновение, переодевшись персонажами из опусов Премудрого, на-

рочито громко цитировать вирихи, швырять друг в друга блястерьами (оружье из сочинений Фикторра), напиваться вусмерть и чинить прочие непотребства; однако ж — в рамках, допустимых законом.

Разумеется, хватало у Фикторра и врагов. Но ни единственный случай серьезного покушенья на его жизнь нам не известен.

И вот на прошлой неделе домохозяйка Премудрого, возвратясь с рынка, обнаружила сочинителя мертвым. Над телом явно совершено было надругательство (подробности прилагаю на отдельных листах).

Рядом найдены страницы нового Фикторрова опуса, причем некоторые выглядят так, словно буквы с них скоблили или удалили иным способом.

Ниже я привожу сохранившийся фрагмент из неоконченной книги сочинителя.

«...Был он одноглазым, одноухим и одноногим. Только рук да ноздрей было у Ультора по паре. Нужно ли говорить, что покладистым характером наш герой не отличался — наоборот, срывался по пустякам, особливо чего-нибудь не рассышав как следует или не заметив. За то часто сам бывалбит.

В толпе он выделялся, и не только ущербностью своей, но и невероятной, будто рассчитанной на десятерых, да вот по ошибке доставшейся одному ему энергией. Когда он шагал — рыжеволосый, широкоплечий, с черной своей повязкой на лице — люди так и расступались перед ним. И смолкало все вокруг, только цокал по булыжнику раздвоенный на конце, как козлиное копыто, железный костыль...»

Помимо листов из новой книги также обнаруженными (при помощи нюхунца вертлявого) ежедневник Фикторра. Вот несколько записей оттуда:

«Удивительное дело: сегодня на улице будто повстречал собственного персонажа! А ведь День Великого Книженья наступит только через два месяца. Да и кто бы стал переодеваться в Ультора, нарочно отрубив себе ногу и ухо?! Опять же, книга-то покуда не дописана и не издана!»

Подозреваю в том происки моих завистников. Приплатили домохозяйке, влезли в дом, когда меня не было, прочили рукопись и нарочно ссыкали двойника для Ультора. Выйдет книга — тут-то и начнется! Обвинят в издевательстве над живым человеком, затеют повсеместное истребление копий нового опуса... лучше и не думать о таком!

Завтра постараюсь отыскать двойника и переговорить с ним. Ежели ему заплачено — переплачу, перекуплю его! И — чтоб и духу не было, пусть дает расписку и уезжает а куда подальше, да вон хоть бы и на Крабы Острова.

* * *

Сегодня ссыкал Ульторова двойника. Невероятно! Утверждает, что он и есть Ультор! Пересказывает все, о чем я написал! Грозится отомстить! (За что, спрашивается?!)

Благо разговор состоялся на базаре, так что Ультор (или все-таки двойник?..) ограничился угрозами.

* * *

От угроз моя ущербная и не в меру активная креатура перешла к прямым действиям. Сегодня, когда шел я в Книжную палату подать заявку на новый, почти дописанный роман (о нем, проклятом, об Ульторе!), на улице Одностороннего Движения К Истине в меня едва не врезался грузовой ковер-самолет. Откуда он взялся, ведь там полеты запрещены? Выяснить не удалось: ковролетчик оказался загипнотизирован, на вопросы сыскников внял-

Владимир Аренев

но отвечать не мог, только щурил глаз да норовил поджать под себя ногу.

На книгу я все же заявку подал, через три дня получу официальное разрешение. А к следующей неделе как раз допишу ее.

* * *

Едва увернулся от арбалетного шефшия. В доме напротив заметил Ультора.

* * *

Ночью в дом пытались залезть воры. К счастью, сторожевые гуси вовремя подняли тревогу. Убегая, воры бросили принесенную с очевидными целями василиску престрашную, новейшей модификации. При мысли, что меня могли превратить в камень, покрываюсь холодным потом. Однако ж сел и пишу дальше. Есть идеяка...

* * *

Сказывают, днем в городе, в районе Площади Всех Грешников, видели Ультора. Как я и надеялся, выглядит он неважно (точнее, еще хуже, чем прежде): волосья повыпали, кашляет, тело покрылось прыщами. Вот она, сила слова! В конце романа наверняка прикончу его, тварь неблагодарную.

* * *

Был у торговца бумагою – покупку чистых листов не доверяю никому! Торговец сказывал, что к нему вчера заходил „странный типус, одноглазый, одноглазый, с черной повязкой на лице. Лысый и безобразный, весь в прыщах. И костыль у него, знаете, в виде раздвоенного копыта“.

Спрашивается: зачем моей креатуре понадобились бумага, перо и чернила?

На всякий случай постараюсь закончить книгу как можно скорее. Дурные предчувствия мучают меня; гоню их прочь – и пишу, пишу!..»

На том ежедневник Фикторра обрывается.

Мы продолжили расследование. С помощью все того же нюхунца вертлявого было найдено укрытие т. наз. Ультора Неполноценного. Там обнаружены нами клочья рукописи, предположительно – авторства упом. Ультора. Вся рукопись восстановлению не подлежит, нам удалось реконструировать лишь отдельные фрагменты. Похоже, это было жизнеописание Фикторра, созданное его же персонажем. Насколько оно соответствует действительности, сказать сложно. Вместе с тем один из фрагментов вполне правдоподобно повествует о причинах гибели сочинителя:

«До глубокой ночи писал он роман. Фикторр уже не сомневался, что расправиться с Ультором можно бескровно, легко, буквально на следующей же странице, когда...

Но что это? Некий звук, странный, пугающий, раздался в комнате. Словно кто-то скребется в окно. Нехотя поднявшись, Фикторр хотел уже позвать домохозяйку, дабы та...

Но тут заскрипели ставни, и в комнату черным потоком хлынули жуки-книгожорки. Первым делом они набросились на рукопись Фикторра. С размеренным чириканьем жуки принялись буква за буквой изничтожать написанное, вновь возвращая бумаге первозданную чистоту.

Когда же Фикторр прихлопнул нескольких из них, насекомые оставили рукопись в покое и, неустанно чирикая, наброс...»

Здесь фрагмент обрывался. Равно обрывалась и ниточка, ведшая нас к предположительному убийце.

Однако три дня спустя, находясь в Книжной палате, я услышал о регистрации нового опуса некоего молодого сочинителя по имени Детергилий Элпидофор. Название опуса, «Месть одноглазого», насторожило меня. Запросивши дозволение в Сыскной палате и получивши оное, я прочел регистрационную заявку Элпидофора. В ней вкратце пересказана была история Ультора после того, как он убил своего создателя. Совершивши преступление, Неполноценный не собирался бежать из города. Найдя Элпидофора — автора юного, однако пользующегося определенным успехом у неразборчивых читателей,— он уговорил его написать книгу, в которой бы Ультор чудесным образом возвращал себе утраченные ногу, ухо и глаз, а после жестоко мстил всем, кого считал своими обидчиками.

Выходило так, что Элпидофор должен был вот-вот закончить роман,— и тогда, если Ультор не ошибся в расчетах, Неполноценный не только избавился бы от своей увечности, но и обрел сверхъестественные способности. Дабы предотвратить катастрофу, я вынужден был воспользоваться заклятьем развоения. Я-Первый отправился на квартиру к Элпидофору. Я-Второй — в таверну «Пианый павиан», где скрывался Ультор.

Я-Первый опоздал: как раз когда он вошел к Элпидофору, тот выводил словечко “ВСЕ”, прикусив от усердия кончик языка. В то же самое время Я-Второй уже проник в укрытие Неполноченного — и с изумлением созерцал, как тот, теряя объем, превращается в двухмерное свое подобие, а затем с отчаянным полукриком-полушелестом исчезает.

Сделавши соответствующие выводы, я вынужден был настоять на сертификации Элпидофорова опуса, хоть количество грамматических, синтаксических и пунктуационных ошибок в нем превышало установленную Книжной палатой норму.

Дело о жутком убийстве...

Впредь, во избежание подобных инцидентов, я бы рекомендовал обязать сочинителей нарочно вносить в свои тексты ошибки и непременно вставлять две-три логические нестыковки (напр., путать возраст гл. персонажа, цвет глаз и волос, позволять ему класть вещи в несуществующие карманы и т. п.). Прочих же, излишне усердных сочинителей, надлежит предавать поруганью, опусы их изымать и скармливать книжоркам, отныне и во веки веков.

*Сыскарь Первого ранга,
кавалер ордена Длинной руки правосудия,
Эрколмс Дотоинный*

Содержание

От составителей	3
Святослав Логинов. Кто убил Джоану Бекер?	5
Ольга Чигиринская. Контролер	73
Владимир Серебряков. С другой стороны	147
Сергей Легеза. Семя правды, меч справедливости	189
Владимир Покровский. Возрастные войны	255
Владислав Женевский. Запах	303
Леонид Кудрявцев. Стойкий оловянный солдатик	347
Александр Золотько. Выбор	399
Александр Щёголев. Код рыцаря	455
Владимир Аренев. Дело о жутком убийстве известного сочинителя Фиктора Премудрого	533

Литературно-художественное издание

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ 2014

Сборник рассказов

Ведущий редактор И. Епифанова
Художественный редактор Ю. Межова
Технический редактор В. Беляева
Компьютерная верстка Т. Алиевой
Корректор В. Леснова

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Настоящий детектив отвечает хотя бы на один из трех вопросов: «Кто? Как? Зачем?» И не важно, где и когда происходит действие: в паропанковской Британии, в современной России, которой правят вампиры, или во Франции XIX века. Будь ты хоть галактический полицейский, хоть германский ландскнехт — пока не отыщешь ответы на эти «вечные вопросы», преступника тебе не найти.

Десять увлекательных историй от лучших фантастов нескольких поколений. Десять головоломок, действие которых происходит в невообразимых мирах. Только новые рассказы, написанные специально для этого сборника.

Вперед, читатель! Игра начинается!..

ISBN 978-5-17-083628-4

9 785170 836284

AАСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru